

Ранее в рамках издания «Языки мира»
были опубликованы следующие тома:

- Уральские языки
- Тюркские языки
- Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык
- Палеоазиатские языки
- Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки
- Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки
- Иранские языки. III. Восточноиранские языки
- Дардские и нуристанские языки
- Кавказские языки
- Германские языки. Кельтские языки
- Романские языки
- Индоарийские языки древнего и среднего периодов
- Славянские языки

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Балтийские языки



Москва
Academia
2006

УДК 811.17
ББК 81.2
Б-20

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 98-04-06263а, 05-04-16050д)

и программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте»

Издание «Языки мира» основано В. Н. Ярцевой

Редакционная коллегия тома:

**В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик,
Н. В. Рогова, А. В. Андронов, Ю. Б. Коряков**

Группа «Языки мира»:

**А. А. Кибрик, Ю. Б. Коряков, Ю. В. Мазурова,
Н. В. Рогова, О. И. Романова**

Языки мира: Балтийские языки / РАН. Ин-т языкознания; Ред. колл.: В. Н. Топоров,
М. В. Завьялова, А. А. Кибрик и др. — М.: Academia, 2006. — 224 с.: ил.

Книга представляет собой очередной выпуск многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. В томе описаны все балтийские языки (как живые, так и мертвые), а также публикуется общая статья, в которой рассматривается эта ветвь индоевропейской семьи языков в целом. Материал о каждом языке дается в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех выпусках данного издания. Схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхроническую структурную характеристику языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. Настоящий труд — одновременно и фундаментальное исследование, и справочное издание, адресованное широкому кругу читателей, в частности лингвистам различной специализации, историкам, этнографам, социологам, юристам, политикам, учителям школ, студентам и аспирантам. Языковые карты, представленные в книге, отражают древнее и современное распространение балтийских языков.

ISBN 5-87444-225-1

Languages of the World: Baltic Languages / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics;
Edited by V. N. Toporov, M. V. Zav'jalova, A. A. Kibrik et al. — Moscow: Publishing House
“Academia” Ltd, 2006. — 224 pp.: il.

This book continues the multi-volume encyclopaedic publication “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. The present volume contains articles about all Baltic languages (both currently spoken and extinct), as well as a general article about this branch of Indo-European. All articles are written in accordance with a standard typologically-oriented template used throughout the publication. This template imposes sociolinguistic, diachronic and synchronic structural characterization upon individual languages, which ensures commensurability of the descriptions of different languages. The book is intended both as a fundamental study and as a reference source addressed to a broad audience, including linguists of various specializations, historians, anthropologists, sociologists, lawyers, politicians, teachers and students. The book contains a number of linguistic maps representing ancient and current spread of the Baltic languages.

ББК 81.2

© Институт языкознания РАН. 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	6
Предисловие	8
<i>В. Н. Топоров.</i> Балтийские языки	10
<i>В. Н. Топоров.</i> Прусский язык	50
<i>Т. В. Булыгина, О. В. Синёва.</i> Литовский язык	93
<i>В. Э. Сталтмане.</i> Латышский язык	155
<i>А. Б. Брейдак.</i> Латгальский язык	193
Принятые сокращения	214
Указатель названий балтийских языков и диалектов	215
П р и л о ж е н и е. Типовые схемы статей	218
Карты балтийских языков	220

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	6
Preface	8
<i>V. N. Toporov.</i> Baltic languages	10
<i>V. N. Toporov.</i> Prussian	50
<i>T. V. Bulygina, O. V. Sineva.</i> Lithuanian	93
<i>V. E. Staltmane.</i> Latvian	155
<i>A. B. Breidaks.</i> Latgalian	193
Abbreviations	214
Index of the Baltic languages and dialects	215
A p p e n d i x. Templates	218
Maps of Baltic languages	220

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой в Институте языкознания РАН в течение ряда лет. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генетической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует базу данных для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов.

В перспективе нескольких ближайших лет готовятся к публикации тома, посвященные, главным образом, языкам Евразии. Статьи группируются в тома по генетическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу. Ранее были опубликованы тома: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004), «Славянские языки» (М.: Academia, 2005).

Вслед за настоящим томом в первую очередь должны выйти следующие тома:

«Семитские языки»;

«Реликтовые языки Передней и Центральной Азии»;

«Современные индоарийские языки»;

«Дравидийские языки»;

«Языки манде»;

«Карты языков Евразии».

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы сле-

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Теоретические основы классификации языков. М.: Наука. Т. 1, 1980. Т. 2, 1982.

Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.

Жури́нская М. А., Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 1986.

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В. А. Виноградова, М. А. Жури́нской, В. П. Калыгина, И. Ш. Козинского, А. А. Королёва, В. Я. Порхо́мовского и Я. Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обработавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», подготовленный в Институте языкознания РАН, посвящен языкам балтийской ветви индоевропейской языковой семьи. Описание балтийских языков проводилось в соответствии с общими типологическими принципами, лежащими в основе издания «Языки мира». Большинство статей тома написано по основной схеме II, предназначенной для подробного описания отдельных языков (см. Приложение). Статья о латгальском языке написана по сокращенной схеме IV. Общая статья о балтийских языках написана по схеме I для групп языков.

Этот том следует за рядом томов о других индоевропейских языках — иранских, дардских, германских, кельтских, романских, древних индоарийских, славянских. Издание тома о балтийских языках очень важно для индоевропейского языкознания, так как архаичный балтийский материал необходим для специалистов по сравнительно-историческому языкознанию. Данное издание компенсирует недостаток сведений о балтийских языках, характерный для отечественной лингвистики — особенно в сравнении со славянскими языками. Авторы описаний балтийских языков в данном томе стремились охватить спектр основных гипотез и мнений по поводу спорных вопросов балтийского языкознания, которых до сих пор остается немало. В то же время большое внимание уделяется типологическому описанию, необходимому для сопоставления с другими языками, что является пока наименее разработанной областью балтистики. Не только в генетическом, но и в ареальном аспекте представлены балто-славянские языковые отношения, начиная с глубокой древности и вплоть до современных языковых контактов.

В авторский коллектив входят ученые из ряда научных центров России — Института славяноведения и балканистики РАН (В. Н. Топоров), Института языкознания РАН (Т. В. Булыгина, В. Э. Сталтмане), Института русского языка РАН (О. В. Синёва), а также из Латвии (А. Б. Брейдак). К нашему прискорбию, за годы, в течение которых готовились к публикации статьи тома, авторский коллектив понес утраты — ушли из жизни Т. В. Булыгина и А. Б. Брейдак. Их статьи были доработаны благодаря помощи других коллег.

Исходная концепция тома была сформирована под руководством В. Н. Топорова. Редактирование статей осуществляли балтисты М. В. Завьялова и (на более позднем этапе) А. В. Андронов. В подготовке статьи «Латгальский язык» большую помощь оказала Л. Лейкума. Типологическое редактирование материалов тома было выполнено А. А. Кибриком. Ряд важных редакторских решений был предложен Ю. Б. Коряковым. Основным техническим редактором тома является Н. В. Рогова. Большой объем редакторской работы был выполнен также Ю. В. Мазуровой.

Редколлегия тома выражает искреннюю признательность Л. Лейкуме, А. Блинкене, Д. Киселюнайте, Ю. Пакерису, А. Ф. Журавлеву, С. М. Толстой, а также другим коллегам, которые оказали помощь в подготовке книги.

Балтийские языки образуют небольшую группу, и данный том в целом сравнительно невелик. Тем не менее, объем отдельных статей значителен. Это объясняется изначальной установкой максимально полно отразить на русском языке современный уровень знаний о балтийских языках. Статьи В. Н. Топорова о бал-

тийских языках и о прусском языке содержат подробную библиографию, представляющую собой самостоятельную ценность.

Редколлегия стремилась к унификации терминологии и системы понятий, используемой в томе. Технические решения, такие как способы передачи долготы гласных в транскрипции, были унифицированы, отчасти вопреки национальным лингвистическим традициям. Однако унификация не всегда была возможна. Написанные разными авторами статьи носили значительные следы авторской индивидуальности, специфических исследовательских интересов и подходов, характерных для того или иного автора. Редколлегия приняла решение сохранить определенное варьирование, обусловленное индивидуальными авторскими предпочтениями. Например, в разных статьях тома взаимоотношение главных основ глагола иерархизируется по-разному: В. Н. Топоров противопоставляет основы прошедшего времени (претерита) и не прошедшего времени (инфинитив и презенс), а в статье «Литовский язык» различаются презентная и не презентная (инфинитив и претерит) основы. В статье «Латышский язык» излагается точка зрения на падежную систему, в соответствии с которой творительный падеж отсутствует как не имеющий самостоятельной формы, а в статье «Латгальский язык» творительный падеж сохранен; впрочем, это связано не только с особенностями теоретического подхода, но и со спецификой самого латгальского языка по сравнению с латышским.

Разные языковые уровни отражены в статьях тома с разной степенью подробности. Гораздо менее детально, нежели фонетика и морфология, описан синтаксис балтийских языков. Это объясняется недостаточной разработанностью синтаксической проблематики на балтийском материале, а отчасти также близостью синтаксиса балтийских языков к славянским.

При формировании тома перед редколлгией стоял ряд спорных вопросов, не имеющих общепризнанного решения. Так, было решено включить в состав тома отдельную статью «Латгальский язык», хотя статус этого идиoma рассматривается по-разному разными авторами; часто он рассматривается как диалект или группа говоров в рамках латышского языка. Тем не менее, в силу наличия латгальской литературной традиции, а также с учетом ряда важных особенностей латгальского языка, в данном томе латгальский выделен как объект самостоятельного научного описания. С другой стороны, жемайтский идиом, иногда рассматриваемый как отдельный язык, в рамках данного тома рассматривается как диалект литовского языка. Другой идиом, представляющий латышскую языковую систему, — наречие курсениеков — в силу традиции не рассматривается среди латышских диалектов, но ему посвящен небольшой раздел в статье В. Н. Топорова «Балтийские языки». Там же дана краткая характеристика балтийских языков (диалектов), исчезнувших в первой половине II-го тыс. н. э. и ныне представленных лишь гидронимией, топонимией, отдельными личными именами и рефlekсами в современных латышских и литовских говорах, — галиндского, ятвяжского, куршского, земгальского и селийского.

В книге содержатся лингвистические карты, являющиеся авторской научной работой Ю. Б. Корякова. Карты показывают территориальное распределение балтийских языков и диалектов — и в настоящее время, и в более ранние эпохи. Картам предпосланы необходимые пояснения и библиография.

В. Н. Топоров

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Балтийские языки (Б.я.), составляющие особую ветвь индоевропейской языковой семьи, свое современное название (литов. *baltų kalbos*, латыш. *baltu valodas*, рус. *балтийские языки*, нем. *baltische Sprachen*, фр. *langues baltiques*, англ. *Baltic languages*), ставшее в настоящее время основным и практически единственным обозначением этой группы языков, получили только в середине XIX в. (Ф. Нессельман, 1845); данное название имеет своим источником название соответствующего моря, впервые упомянутое в XI в. немецким хронистом Адамом Бременским (*mare Balticum*). Существует также мнение, что это название могло происходить от названия о-ва *Baltia*, упоминаемого Плинием Старшим в его «*Historia naturalis*». Несмотря на позднее, сугубо «ученое» и, следовательно, условное происхождение этого названия, своими корнями оно уходит в балтийскую и индоевропейскую эпоху и является важнейшим историко-лингвистическим индексом. Корнем **balt-* (литов. *báltas*, латыш. *balts*¹ 'белый' и прусские топонимы с элементом *balt-*, обозначавшим болото, стоячие воды; использование *balt-* в восточнобалтийских языках для цветообозначения вторично) первоначально обозначалась, видимо, отрезанная замкнутая часть моря, гафф (нем. *Haff*), которую равно можно соотнести с Куршским заливом или закрытой частью Гданьского залива. Если это так, то данный элемент **balt-* оказывается связан с другими «болотными» обозначениями, тянущимися полосой от южного побережья Балтийского моря до Средиземноморья (прус. **balt-*, слав. **bolto*, иллир. *balt-*, ср. укр. *балта*, *балда*, *балтина* 'жидкая грязь' и соответствующие гидронимы и топонимы, алб. *baltë*, н.-греч. *βάλτος*, сев.-итал. *palta*, *pauta* и т. д.).

До возникновения и утверждения названия «балтийские языки» (иногда и несколько позже) пользовались такими обозначениями этих языков, как «леттские» или «летто-литовские», нем. *lettische Sprachen*, лат. *linguae letticae* и т. п. В литературе Б.я. иногда обозначаются как «айстийские» (литов. *aisčių kalbos* у К. Буги и др.), по имени племени айстиев (эстиев), впервые упомянутых еще Тацитом (I в.), — лат. *Aesti*, *Aestiorum gentes* 'племена айстиев', который локализовал их на морском побережье (литов. *Áis(t)marės*, т. е. 'море айстиев'); айстии-эстии упоминаются и рядом более поздних источников, хотя далеко не всегда ясна их балтийская принадлежность.

2. В настоящее время в состав Б.я. входят л и т о в с к и й (с двумя основными диалектами — жемайтским и аукштайтским, включающим дзук(ий)ские го-

воры на юго-востоке Литвы), л а т ы ш с к и й (с ливонским, среднелатышским и верхнелатышским диалектами) и л а т г а л ь с к и й (на основе «глубоких» говоров Латгалии и восточной части Земгале) языки. О более точном соотношении латышских и латгальских говоров в Восточной Латвии, как и о языковой ситуации в этом ареале, см. в статьях «Латгальский язык» и «Латышский язык» в наст. издании. Во всяком случае есть веские основания — и чисто языковые, и социолингвистические, и культурно-исторические, чтобы считать латгальский особым языком — тем более в свете тех общих изменений, которые имели место на рубеже 80–90-х гг. XX в. Б.я. распространены сейчас на компактной и сплошной территории (метрополия). Литовский язык преобладает на всей территории Литвы, кроме некоторых районов на востоке и юго-востоке, непрерывный ареал литовского языка в пределах Литвы имеет свое продолжение в северо-восточной части Польши (Сувалякия). К северу от области распространения литовского языка локализуется латышский язык, преобладающий на значительной территории Латвии, исключая ее восточные окраины. Однако степень преобладания латышского языка на территории Латвии или даже его концентрированности очень разная в разных районах; в частности, в ряде крупных городов значителен процент русскоговорящих и билингвов. Остатки литовской, латышской и латгальской речи, входившей раньше в сплошной балтийский ареал, сохраняются в виде островных говоров северной Белоруссии и южной Латвии (литовский язык) и северо-восточной Белоруссии (латышский язык в отдельных местах Витебской области). На литовском и латышском языках говорят также литовцы и латыши, живущие в Северной и Южной Америке, Австралии, Швеции, Германии и некоторых других странах.

Общий состав Б.я. (диалектов), включая мертвые, может быть охарактеризован следующим образом. Периферийные балтийские диалекты (в I тыс. н. э., а для некоторых звеньев этого внешнего пояса и позже): прусский (см. статью «Прусский язык» в наст. издании), ятвяжский-(судавский, судинский), куршский (причленении на западно- и восточнобалтийскую группы куршский обычно относят к последней, хотя высказывается мнение о первоначальной принадлежности куршского языка к западнобалтийским языкам), галиндский (голядский). Диалекты центральной зоны: литовский, латышский (латгальский), земгальский, селийский (селонский). Все диалекты (языки), принадлежащие к балтийской периферии, а также селийский и земгальский принадлежат к числу вымерших, хотя ряд их особенностей более или менее очевидно сохраняется в суперстратных балтийских говорах (особенно в ятвяжском, куршском и селийском ареалах). Не только нельзя исключать существования в прошлом некоторых других неизвестных нам балтийских диалектов, но, напротив, есть все основания думать, что, во-первых, они действительно существовали и, во-вторых, что известные по названию диалекты (например галиндский) могли покрывать одним названием ряд диалектов. Сведения о Б.я. (диалектах), которым в данном издании не посвящены отдельные статьи, см. в разделе 4.

И с т о р и я и з у ч е н и я Б.я. берет свое начало в XVII в., когда появляются первые попытки описания грамматики и лексики Б.я., — труды Д. Клейна (1653, 1654); Т. Г. Шульца (1673, 1678) — по литовскому языку; Г. Манцеля (1638), И. Рехехузена (1644), Х. Адольфи (фактически — Х. Фюрекера) (1685), Г. Дрес-

¹ В данной статье и в статье «Прусский язык» латышские примеры даются в модифицированной записи, традиционно употребляемой в балтистике и индоевропеистике, — с обозначением слоговых интонаций и с обозначением дифтонга /uo/ диграфом *uo*, а также широких *e*, *ē*. Такая запись используется лишь в тех случаях, когда латышские примеры приводятся для сопоставления языкового материала. В прочих случаях используется обычная графика современного литературного латышского языка. (Прим. ред.)

селя (1685, 1688), Я. Лангия (1685), Г. Эльгера (1683) — по латышскому языку. В течение последующих 150–200 лет появился целый ряд пособий и руководств, создавших устойчивую традицию описания Б.я., ориентирующегося на практические цели. Среди этих трудов грамматики и словари Ф. В. Хаака (1730), анонимного автора (1737), П. Ф. Руига (1747), Г. Остермейера (1791), Х. Г. Мильке (1800), С. Т. Станевича (1829), К. Коссаковского (1832) и др. — литовский язык; Л. Депкина (1704, 1705), анонимного автора (1732), Г. Ф. Стендера (1761, 1783, 1789), Я. Ланге (1777), К. Хардера (1790, 1809), О. Б. Розенбергера (1808, 1830, 1843, 1848, 1852), М. Акелевича (1817), А. Веллига (1828), Г. Хессельберга (1841) и др. — латышский язык. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и его быстрое развитие привлекли внимание к Б.я. ряда видных индоевропейцев, усилия которых были сосредоточены на сравнительно-исторической интерпретации фактов Б.я. и на попытках более точного определения места Б.я. среди других индоевропейских. После первых в этой области опытов Р. К. Раска, Ф. Боппа, А. Ф. Потта и др. появляются сыгравшие значительную роль и лучшие для своего времени труды А. Шлейхера (1856) и А. Биленштейна (1863, 1864, 1866), в которых обстоятельное и достаточно точное описание литовского и латышского языков сочеталось с элементами сравнительно-исторического анализа. В последующие десятилетия это направление, связанное с исследованием Б.я. с точки зрения индоевропейского языкознания, стало господствующим (Й. Шмидт, Ф. Нессельман, А. Лескин, А. Беценбергер, Л. Гейтлер, Э. Бернекер, Ф. Фортунатов, Г. Ульянов, В. Поржезинский, О. Видеман, Н. ван Вейк, Й. Зубатый, Й. Ю. Миккола и др.), хотя время от времени появлялись ценные труды, в которых главной целью было описание языка (в частности, и его лексики) с синхронной точки зрения: Ф. Нессельман (1851), Ф. Куршат (1870–1874, 1876, 1883), А. Юшкевич (1904 и след.), К. Явнис (1916) — по литовскому; К. Х. Ульман (1872) и прежде всего замечательный словарь К. Мюленбаха, с дополнениями Я. Эндзелина (1923–1946) — по латышскому; Ф. Нессельман (1873), Р. Траутман (1910) и др. — по прусскому. С начала XX в. ведущей фигурой в балтийском языкознании стал Я. Эндзелин, внесший исключительный вклад в изучение Б.я. в самых различных аспектах (грамматики латышского и прусского языков, работы по истории и диалектологии, акцентологии, лексике и этимологии, куршскому языку, сравнительной грамматике Б.я., балто-славянским языковым отношениям, топонимике, балто-финским контактам и т. п.). Весьма велик вклад в балтийское языкознание рано скончавшегося К. Буги (изучение литовского языка и вымерших балтийских диалектов, лексикография, этимология, топонимика, праистория балтов и их языка и т. п.). Среди ученых, много потрудившихся над изучением Б.я. в XX в., следует назвать Р. Траутмана (описание прусского языка, его ономастики, опыт создания балто-славянского словаря), Г. Геруллуса (Ю. Герулуса) (пруская топонимия, литовская диалектология, вымершие Б.я.), Э. Френкеля (этимологический словарь литовского языка, синтаксис литовского языка, введение в изучение Б.я. и т. п.), Ф. Шпехта, Х. Педерсена, М. Фасмера, Т. Торбьёрнссона, Э. Хермана, Й. Ю. Микколы, Н. ван Вейка, Р. Экблома, М. Нидермана, Л. Ельмслева, Я. Розвадовского, Я. Сафаревича, В. Пизани, Хр. С. Станга (первая сравнительно-историческая грамматика Б.я., первая монография, посвященная первой печатной книге на литовском языке и др.), Э. В. К. Ниеминена,

Е. Куриловича, Я. Отрембского, П. Арумаа, А. Зенна, П. Скарджюса, А. Салиса, Й. Бальчикониса, П. Йоникаса, Й. Круопаса, А. Абеле, Ю. Плакиса, А. Аугсткалнса, Э. Блесе, П. Шмитса, Э. Хаузенберги-Штурмы, К. О. Фалька и др. В последние полвека балтистика становится дисциплиной широкого охвата. В ней работают многие десятки квалифицированных специалистов. Ее преподают во многих университетах разных стран Европы, Америки, Австралии; периодически устраиваются конгрессы и конференции. Выходит около десятка журналов и ежегодников по балтистике.

В этот период (с 60-х гг. XX в.) появляются этимологические словари Б.я.: литовского (Э. Френкель), латышского (К. Карулис), прусского (В. Мажюлис и, частично, В. Н. Топоров), закончилось уникальное для балтийской лексикографии многотомное издание «Словаря литовского языка», создаются диалектные атласы и диалектные словари, выходят грамматики Б.я. академического типа. Среди тех, чей вклад заслуживает внимания, — прежде всего З. Зинкявичюс, автор многотомной истории литовского языка, одновременно являющейся и лучшим введением в предысторию Б.я., фундаментального и оригинального по своим выводам труда по литовской диалектологии и многих других исследований основополагающего значения; В. Мажюлис, автор четырехтомного этимологического словаря прусского языка и ряда важных работ по сравнительно-историческому исследованию Б.я.; А. Ванагас, автор, так много сделавший для исследования балтийской гидронимии, литовской ономастики, финноязычных заимствований в литовском языке; Й. Казлаускас, автор первой истории литовского языка; Й. Палёнис, внесший большой вклад в изучение истории литовского литературного языка; В. Амбразас, проницательный исследователь литовского синтаксиса. Среди многих других лингвистов-балтистов, чьи имена определяли уровень балтистики во второй половине XX в. и в начале XXI в., — автор введения в балтийскую филологию Й. Кабялка, а также К. Ульвидас, В. Гринавецкис и Е. Гринавецкене, Э. Генюшене, В. Урбутис, С. Каралюнас, А. Сабалаяускас, К. Моркунас, А. Видугирис, Т. Бух, А. Росинас, В. Виткаускас, А. Йонайтите, В. Дротвинас, К. Кузавинис, А. Гирдянис, Б. Стунджа, Л. Палмайтис, Д. Урбас, В. Чекмонас, Ю. Пикчилингис, Й. Паулаускас, А. Паулаускене, Р. Венцкуте, Г. Субачюс, С. Амбразас, А. Хольфут и др. в Литве. Среди балтистов-леттонистов нужно отметить таких видных исследователей, как Б. Егерс, А. Гатерс, Р. Грабис, А. Озолс, К. Анцитис, Д. Земзаре, В. Дамбе, Э. Шмите, Р. Грисле, А. Рекена, М. Лепика, А. Лауа, М. Бренце, В. Зепс, В. Руке-Дравиня, К. Дравиньш, А. Бергмане, М. Сауле-Слейне, М. Рудзите, А. Блинкена, К. Карулис, Т. Порите, В. Сталтмане, Э. Кагайне, С. Раге, Б. Лаумане, А. Брейдак, О. Бушс, Д. Нитиня, Э. Сойда и др. Из балтистов России следует упомянуть В. М. Иллича-Свитыча, В. А. Дыбо, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. С. Степанова, О. Н. Трубачева, Т. В. Булыгину (Шмелеву), Ю. Лаучюте, Ю. В. Откупщикова, Т. М. Судник и др.; в Польше — Х. Гурновича, В. Смочиньского, М. Хасюка, В. Маньчака, Л. Беднарчука и др.; на Украине — А. П. Непокупного; в Германии — В. Фалькенхана, В. П. Шмида, Ф. Шольца, Э. Хофманна, Р. Экерта, Й. Ранге, А. Баммесбергера, Г. Бензе, В. Р. Брауэра, М. Букша, И. Плачинского и др.; в Чехии — В. Махека, П. Троста, А. Эрхарта, Л. Ржехачека; в Словении — Ф. Безлая; в Хорватии — Д. Брозовича; в Болгарии — И. Дуриданова; в Италии — П. У. Дини, Г. Микелини и др.; во

Франции — А. Вайяна и Р. Шмиттлейна; в Великобритании — У. Мэтьюза; в Швеции — В. Руке-Дравиню, К. Дравиньша; в Норвегии — Т. Матиасена; в Исландии — Ё. Хильмарссона; в Швейцарии — Я. П. Лохера; в Голландии — Ф. Кортландта, Р. Дерксена; в США — У. Р. Шмалыштага (Смолстига), С. Янга; в Японии — Икуо Мурата и Тошиказу Иноуэ.

Основная работа по Б.я. ведется в странах Балтии в академических университетах по изучению соответствующих языков, в университетах Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Шяуляя, Риги, Лиенаи, Даугавпилса и др., но также и в целом ряде университетов Западной Европы, Америки (Чикаго и др.), Австралии. В России относительно непрерывная традиция изучения Б.я. берет начало в 60–70-е гг. XIX в. Б.я. изучались в Московском и Ленинградском государственных университетах. С середины 50-х гг. XX в. центром научного изучения Б.я. стал Институт славяноведения Академии наук (с 1991 г. — Российской академии наук). В 1999 г. учреждено отделение Б.я. в Санкт-Петербургском университете.

3. Общее число говорящих на Б.я. в мире приближается к 5 млн. чел. Согласно данным последних переписей по-латышски говорит свыше 1,5 млн. чел. (из них в Латвии — 1381 тыс. чел., перепись 2000 г.); по-литовски — свыше 3,3 млн. чел. (из них в Литве — 2 856 тыс. чел., перепись 2000 г.). Латыши составляют в Латвии 57,7% населения, в качестве родного его назвали 58,1%. Литовцы в Литве составляют 83%; знают же литовский в качестве первого или второго языка 92% населения. Латышский язык и литовский язык имеют статус государственных языков в соответствующих странах. Данные о численности говорящих на латгальском языке в точности неизвестны и включены в данные о численности говорящих на латышском, поскольку латгальский не имеет статуса государственного языка.

4. В основе выделения Б.я. в особую группу лежит принцип генеалогической классификации. Все известные Б.я., с одной стороны, генетически выводятся из одной и той же группы говоров древнего индоевропейского диалектного континуума (что удостоверяется системой сравнительно-исторических соответствий, связывающих Б.я. с другими группами индоевропейских языков и с реконструируемым исходным индоевропейским состоянием), а с другой стороны, объединяются между собой в некое относительное единство, которое достаточно четко отличается от других групп индоевропейских языков, даже наиболее близких к балтийским (как славянская). Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков бросает свет на происхождение Б.я. и на степень близости их к исходному индоевропейскому состоянию. Сравнительно-историческая грамматика Б.я. позволяет понять многие особенности их исторического существования и определить степень их внутреннего единства. Это исторически сложившееся единство Б.я. обусловлено их общим происхождением и общими, или очень близкими, условиями существования — как правило, в пределах двуединого (хотя и со временем смещающегося) ареала, т. е. собственно балтийского локуса и отпадающего от него и славизирующегося пространства. Единство Б.я. проявляется также в весьма высокой степени структурного сходства между известными Б.я. (прежде всего литовским, латгальским и латышским) и наличии весьма значительного общего словарного фонда. Благодаря этим особенностям облегчается установление правил пересчета с одного языка на другой в случае языковых кон-

тактов (хотя бы частичных) носителей литовского и латышского языков. А сама возможность этих контактов, реализуемая нередко и практически, порождает сознание близости Б.я., присущее литовцам и латышам. Подобное сознание языковой близости может рассматриваться как психологическое и практическое подтверждение единства балтийского языкового типа с точки зрения их современного (синхронного) состояния.

Индоевропейский характер Б.я. не вызывает сомнения, и эта черта отличается особой наглядностью. Не случайно уже в период с конца XVII до начала XIX в., т. е. до первых работ, положивших надежное основание сравнительно-историческому языкознанию, довольно обычны сравнения балтийских фактов с соответствующими фактами греческого, латинского, немецкого, славянского и т. п. Эта наглядность связей (в сочетании с тем обстоятельством, что Б.я. известны по памятникам с очень позднего времени) может свидетельствовать или об особой архаичности Б.я., или об их преимущественной близости к исходному индоевропейскому состоянию, или о том и другом одновременно. Б.я. существенно превосходят все другие индоевропейские языки на их современной стадии развития своим архаичным обликом и верностью исходному индоевропейскому типу в ряде важных особенностей (слоговая структура слова, просодические и морфологические особенности, структура именных и глагольных категорий, флексия, синтаксические структуры, словарь). Б.я. развили значительное число инноваций, но при этом многие из этих инноваций представляют собой органическое и естественное продолжение старого состояния, избегающее резких разрывов и радикальных перестроек, и, кроме того, в значительной степени сохраняются очертания старого каркаса индоевропейского типа. «Старое» в Б.я. не просто «сохраняется» как реликт, доживая свой затянувшийся век, но искусно включается в новые схемы, предназначенные для решения новых задач. Это заново осуществляемое «оживление» языковой архаики является тайным нервом Б.я. и придает им черты особого гармонического равновесия. Вместе с тем в настоящее время есть серьезные основания говорить не только об архаичности Б.я., но и о возможной их особой близости (по крайней мере в существенных фрагментах) к реконструируемому индоевропейскому состоянию. Если раньше этот второй аспект не привлекал к себе внимания исследователей, то причиной этому был преимущественный интерес к наиболее древним и богатым письменными памятниками языкам (древнеиндийский, древнеиранский, древнегреческий, латинский, готский и т. п.), на основе которых и складывалось представление об индоевропейском источнике их («праязыке»). Новые открытия и сопровождавшая их ревизия взглядов создали новую ситуацию, оказавшуюся благоприятной для уяснения возможностей нового понимания роли Б.я. в их отношении к индоевропейскому исходному состоянию. В результате в настоящее время складывается новая гипотеза о балтийском языковом типе как некоем «последнем» остатке индоевропейского целого, не столько «отпочковавшемся» от него (подобно другим группам языков), сколько именно «оставшемся» и лишь переосмысленном (после ряда изменений) как балтийский тип. Гипотеза о преимущественной близости Б.я. в наиболее глубокой реконструкции к определенному срезу в развитии индоевропейского языка в некоем локусе в более или менее надежно определяемый период, видимо, имеет под собой ряд важных оснований. Среди этих оснований:

1) высокая степень близости многих фрагментов балтийского языкового типа к соответствующим блокам «индоевропейского» состояния, как оно восстанавливается в последнее время с учетом ряда новых материалов (анатолийские языки и др.) и идей (в частности, связанных с типологией диахронических процессов); 2) особенности балтийской гидронимии, которая наиболее точно и полно воспроизводит архаичную «центральноевропейскую» гидронимию (около II — начало I тыс. до н. э.); 3) огромность пространства, на котором отмечается присутствие гидронимии балтийского типа, как по отношению к пространству, занимаемому балтами в историческое время, так и по отношению к ареалам других индоевропейских групп (ареалы на востоке и юго-востоке вплоть до Верхней Волги и Поочья, до впадения Москвы, а частично и до нижнего течения Оки, до бассейна Сейма; на юге — до Волыни и Киевщины; на западе — «балтоидный» пояс вплоть до Шлезвига и Гольштейна и т. п.); эта обширность пространства находится в противоречии с малочисленностью балтов в историческое время; 4) обилие парадоксов, связанных с пространственно-временными рамками существования Б.я., с их промежуточным статусом, с отношениями родства и преемства (предки — потомки); такая сгущенность парадоксов указывает, как правило, на необычность ситуации и чаще всего объясняется выдвижением кардинально новых гипотез.

С самых первых исследований происхождения Б.я. и до настоящего времени существует (за редкими исключениями) единая точка зрения о преимущественной близости Б.я. к славянским, далее — к германским. Иногда она оформлялась как особая концепция — ср. давнее понимание Б.я. как результата смешения славянских, германских и финских (И. Тунман) или идею германо-балто-славянского промежуточного праязыка (А. Шлейхер). Но в целом такие случаи относятся к числу исключений. После исследования А. Лескина (1876) вопрос о германо-балто-славянском утратил актуальность, и внимание было сосредоточено на схождениях балтийских и славянских языков. Как бы ни толковались они в дальнейшем, практически все признавали не только преимущественную близость балтийских и славянских языков, но и очень высокую степень их конгруэнтности (правда, иногда ослабляемую тем, что ряд совпадений не носил эксклюзивного балто-славянского характера). В XX в. (начиная с Н. Йокля) была отмечена значительная близость Б.я. с древними (неклассическими) языками северных Балкан — фракийским и иллирийским (отметим, что уже в начале XIX в. Р. Раск говорил о том, что Б.я. ближе других к «фракийскому», под которым, однако, он понимал нечто иное по сравнению с тем, что связывают с фракийским сейчас) и единственным их продолжателем в настоящее время — албанским языком. Следы носителей фракийской и иллирийской речи засвидетельствованы также существенно далее к северу и северо-востоку (ср. признаки их пребывания на Карпатах и в областях к востоку от них — Правобережная Украина — и даже в Польше, по Висле). Преимущественные связи Б.я. со славянскими, германскими и языками фракийско-иллирийского типа обладают значительной объективной ценностью. Они не только вскрывают состав «совпадающих» языковых элементов, но и позволяют с относительной точностью определить «балтийский» ареал в эпоху этих связей (II—I тыс. до н. э.) и отчасти позже, вплоть до начала исторического времени в этой части Европы. Правоммерно заключение, согласно кото-

рому соседями балтов с юга были племена фракийско-иллирийского типа, а с запада — германцы; также очень вероятно, что к юго-востоку от балтов сидели иранские племена. Тем самым балты занимали промежуточное место между «восточными» индоевропейскими племенами (иранцы) и «западноевропейскими» индоевропейцами (германцы). Эта промежуточность проявляется и в Б.я., ср., с одной стороны, круг явлений, так или иначе связывающих Б.я. с языками типа сатем (хотя и не вполне последовательно), а с другой стороны, вхождение балтийской гидронимии в круг «центральноевропейской».

Непосредственные контакты балтов с иранцами имели место в Посемье, где среди довольно многочисленных балтийских гидронимов отмечено десятка полтора иранских названий, причем в ряде случаев иранские гидронимы калькируются с помощью балтийского (а иногда и славянского) материала, ср. комплекс *Poniua* — *Лопанка* — *Лисичка*, где каждое из названий скрывает в себе название лисы, соответственно на иранском, балтийском и славянском. Возможно, именно таким контактным зонам обязаны своим происхождением балто-иранские лексические параллели, относящиеся к обозначению злаков (литов. *miėžis*, латыш. *miezis* 'ячмень' при иран. *maiz-*; литов. *dūona* 'хлеб' при иран. *dānā-*; литов. *javai* 'хлеб в зерне' при авест. *yava-* и т. п.), продуктов молочного хозяйства (литов. *sviestas* 'масло' при авест. *xšvid-* 'молоко' и др.) и некоторых других сфер (ср., например, голубиную терминологию).

Отношения балтов с южными соседями — фракийцами и иллирийцами — носили, видимо, несколько иной характер. Свидетельство их можно видеть в большом количестве (несколько сотен) топонимических соответствий между балтийским и балканским и даже западномалоазиатским ареалами, причем несколько десятков параллелей претендуют на практически абсолютную точность исходных форм. Значительно число лексических совпадений, относящихся к обозначению ландшафта, хозяйства архаичного типа, правовой, ритуально-мифологической терминологии и номенклатуры (включая, видимо, и важные теофорные элементы). Характер языковых и этнокультурных сходств между этими ареалами позволяет заключить как о наличии некоей двуединой территории, отличающейся рядом общих признаков, так и о постоянных связях в меридиональном отношении от Балтики до Балкан и — шире — Средиземноморья (ср. ставший известным позже «Великий Янтарный путь»).

Контакты балтов с германцами обладают рядом специфических черт, проявляющихся и на языковом уровне. Гидронимические параллели оказываются не вполне показательными, поскольку они относятся к «центральноевропейскому» слою. Однако убедительны некоторые совпадения в морфологии имени (отдельные падежные формы, сложные «местоименные» прилагательные и т. п.), отчасти в глаголе. Существенно, что прагерманских заимствований (надежных) в Б.я. немного, во всяком случае их несравненно меньше, чем в праславянском, что само по себе весьма диагностично. Исторически засвидетельствованные контакты балтов с готами и другими восточногерманскими племенами относятся к рубежу старой и новой эры. Вместе с тем некоторый луч света на западные границы старого балтийского ареала бросают два круга фактов — балтийская (реально — прусская) гидронимическая и топонимическая номенклатура, встречающаяся на территории непосредственно к западу от Вислы, в Поморье (ср. *Persante*, *Saulin*,

Labuhn, Powalken, Straduhn, Rutzau, Karwen, Saalau, Mottlau и т. п.), и гидронимия «балтоидного» типа в полосе, тянувшейся вдоль южного побережья Балтийского моря на запад (ср. *Dargowe, Kremon, Lynow, Plawe, Rune, Spandin, Sude, Trutenow, Wangern, Wobele* и др.). Северная граница балтийского гидронимического ареала отделяет его от территории, на которой преобладает финноязычная гидронимия. Последняя весьма широко представлена и внутри самого балтийского ареала, особенно на территории Латвии, где она, видимо, предшествует балтийской гидронимии. Около 30 гидронимических «финнизмов» обнаружено в Литве, как правило, к северу от линии Шилале (Шилале) — Тракай (литов. *Ilmėdas, Ūmasta, Kīrėgas, Kivė, Kōrbis, Kvistė, Lāmbis, Pernavā, Piladis, Soujā, Šiladis, Tėrvetė, Vokša* и др.). В той или иной степени подобные элементы фиксируются и на широких пространствах к востоку от Прибалтики как вкрапления среди гидронимии балтийского типа (особенно в северных и восточных частях этого ареала).

Учитывая информацию о периферийных зонах древнего балтийского гидронимического ареала и результаты анализа отдельных частей этого ареала (бассейн Верхнего Днепра, Подесенье — Посемье, Поочье и специально бассейн Москвы, территория в верховьях Западной Двины и Волги, полоса к югу от Припяти, бассейны Западного Буга и Нарева, нижнее течение Вислы и т. п.), максимальные границы балтийского гидронимического ареала определяются с большой степенью вероятия линиями: граница Эстонии и Латвии — Псков — южное Приильмье — Торопец — Тверь — Москва — Коломна — верховья Дона — Тула — Орел — Курск — Чернигов — Киев — Житомир — Ровно — Варшава — Быдгощ — Колобжег. О распространении балтийских говоров в Пруссии и к западу от нее см. в статье «Прусский язык» в наст. издании.

Отдельные балтизмы встречаются в виде островков и за пределами этой линии. В периферийных частях этого максимального гидронимического ареала число балтизмов относительно невелико, причем происхождение некоторых из них вызывает сомнения. Количество гидронимических балтизмов в этом ареале исчисляется несколькими сотнями. При некоторой дифференцированности (лексической, словообразовательной и фонетической) они в целом свидетельствуют о высокой степени единства этого ареала как по инвентарю, так и по хронологическим (насколько о них можно судить) характеристикам. Эта «изохронность» балтийской гидронимии предполагает или древнее языковое единство данной обширной территории, или некий этнодемографический «взрыв», приведший к распространению гидронимии единого типа на больших пространствах, видимо, в довольно сжатые сроки. Обе эти возможности имеют непосредственное отношение к генезису балтов и архаичного балтийского языкового типа.

Но если проблема соотношения балтийской речи (и балтов) со смежными ближайше родственными языками (фракийским, иллирийским, германским и т. д.) при всей ее важности носит все-таки внешний по отношению к самому балтийскому языковому типу характер, то проблема отношения балтийского и славянского языкового элемента должна, видимо, трактоваться как внутренняя для обеих этих групп. В пользу такого подхода свидетельствует большинство исследований, посвященных балто-славянской проблеме, и весь контекст этой проблемы, каким он рисуется в свете тех коренных открытий и ревизий, которые относятся к изучению Б.я. и племен. Практически все ученые, занимавшиеся балто-

славянской проблемой, исходя из такой степени близости этих языков, которая принципиально превосходит тесноту связей балтийских (соответственно славянских) языков с любой другой языковой группой. Различия начинаются при обсуждении формы, в которой следует представлять эту балто-славянскую языковую близость, и причин, объясняющих ее. Традиционно выделяют две позиции по вопросу о характере древнейших отношений балтийских и славянских языков, рассматриваемые как противоположные. Сторонники первой позиции говорят о существовании особого балто-славянского «праязыка», который только и может объяснить близость обеих языковых групп (А. Шлейхер, А. Лескин, Я. Гануш, К. Бругман, В. К. Поржезинский, Х. Педерсен, И. Ю. Миккола, В. Вондрак, О. Гуер, А. И. Соболевский, Р. Траутман, Ф. Шпехт, Е. Курилович, Я. Отрембский, Т. Лер-Сплавинский и др.). Сторонники второй позиции предпочитают говорить о балто-славянском единстве (общности, особой эпохе и т. п.), подчеркивая при этом, что с самого начала балтийский и славянский отличались друг от друга некоторым количеством языковых особенностей (А. Мейе, Я. Розвадовский, Я. Эндзелин, К. Буга, Э. Френкель, Хр. Станг, Я. Сафаревич, З. Зинкявичюс, С. Каралюнас и др.). Едва ли верно было бы абсолютизировать различие позиций. Необходимо считаться с изменением понятия «праязык» в истории науки: от практически полной монолитности (А. Шлейхер) до такого единства, которое не исключает различий, но выделяет данные языковые группы среди других и приписывает им общность языковых процессов на протяжении более или менее значительного периода. В этом смысле позиция А. Мейе, выступавшего как последовательный противник теории балто-славянского праязыка, лишается приписываемой ей обычно радикальности. Постулируемое им балто-славянское единство (*communauté*), предполагающее, что: 1) балтийский и славянский представляют собой индоевропейские диалекты в значительной степени идентичные (ни одна из существенных изоглосс не разделяла их); 2) балтийский и славянский на всем протяжении своего развития не испытали резкой ломки грамматической системы; 3) жизнь в соседних районах в одинаковых условиях цивилизации определила развитие параллельных образований и заимствование целого ряда слов, — по сути дела, приписывает истории обеих групп период общего развития как несомненную лингвистическую реальность. И эта реальность остается неотменяемой (и даже не изменяемой по существу) даже при двух предположениях, имеющих целью «понизить» ранг балто-славянского языкового единства и, главное, едва ли доказуемых: общность балтийского и славянского объясняется исключительно сохранением индоевропейских архаизмов на периферии индоевропейского ареала, в особых («спокойных») условиях существования; вторичное сближение (конвергенция) некогда различных между собой балтийского и славянского.

В последние десятилетия выкристаллизовывается новая позиция в вопросе о характере древнейших связей между балтийским и славянским. Эта позиция не ставит в центр внимания определение степени близости этих двух языков, их единства и в известном отношении переформулирует всю проблему. Суть этой позиции (Т. Лер-Сплавинский, В. Пизани, Л. Оссовский, В. Мажюлис, В. В. Мартынов, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров и др.) в объяснении особой близости балтийского и славянского языков тем, что славянские языки представляют собой

более позднее развитие периферийных балтийских диалектов, находившихся в южной части первоначального балтийского (или западнобалтийского) ареала. Согласно В. Мажюлису, протославянский с XX по V в. до н. э. представлял собой определенную периферийную часть прибалтийских диалектов. Видимо, именно этот временной срез и должен быть соотнесен, в строгом смысле слова, с тем, что называют балто-славянским «праязыком», единством, эпохой и т. п. Возобладание центробежных тенденций, изменение исторических условий и соответственно связей (в частности, ориентация на более южные центры), ускорение темпов языкового развития привело к тому, что протославянский (прабалтийский периферийный диалект) развивается в праславянский (приблизительно с V в. до н. э.), который еще в течение довольно долгого времени сохраняет «балтоидный» облик, хотя уже и живет особой самостоятельной жизнью. Эта схема развития объясняет внутренний характер древнейших связей балтийского и славянского и позволяет аранжировать известные факты схождения и расхождения как во времени, так и в пространстве. В результате отношение балтийского и славянского языкового типа древнейшей эпохи и следующей за нею эпохи оказывается иерархически упорядоченным и наполняется новым историческим содержанием, обладающим и объяснительной силой. Наконец, излагаемая схема объясняет как многие парадоксы теоретического характера (структура «балтийского» языкового времени, природа заимствований в пределах балто-славянского ареала, характер отношений языкового преемства и т. д.), так и целый ряд конкретных проблем (преимущественная близость славянского к прусскому; наличие «балтизм» в южнославянских языках; распространение заимствований балтийских лексем даже на тех территориях, где балтов как таковых, видимо, не было; отсутствие или принципиальная невыявляемость балтийских заимствований в праславянском и праславянских в балтийском; разное отношение финно-угорских языков к заимствованиям из балтийского и праславянского; неизвестность праславянского гидронимического ареала, изохронного балтийскому, и т. п.). Именно поэтому балтийское языкознание при учете подлежащего его компетенции языкового материала должно рассматривать и славянский (точнее — праславянский) в известной степени как свой отдаленный (хронологически поздний) резерв, представляющий собой трансформацию некогда отпочковавшейся от балтийской метрополии языковой ветви. Существенно, что сравнительно-историческая реконструкция дает возможность восстановить некоторые фрагменты общих («балто-славянских») текстов, позволяющих обнаружить единые или весьма сходные черты архаичной культуры (мифы, ритуал, право, социальные структуры, поэтика, сюжеты и т. п.). Однако ни о каком обязательном параллелизме языковых и культурно-исторических схем не может быть речи. Некоторые особенности архаичной стадии отпочкования славянского типа от исходного балтийского и специфика процесса трансформации могут быть поняты при изучении происходящих и в настоящее время контактов балтийского и славянского элементов в польско-литовско-латышско-белорусском (и русском) пограничье (ср. формирование стройной и сильно автоматизированной системы пересчета с балтийского на славянский и обратно, формирование единых текстов *à deux termes*, т. е. таких текстов, каждая единица которых может быть передана средствами балтийской и славянской речи, и т. п.). Таким образом, проблема отношения балтийского и

славянского языковых типов имеет самое непосредственное отношение как к балтийским (и славянским) языкам, так и к теории языкового родства и типам развития языка в диахронии.

Традиционно Б.я. делят на восточнобалтийские и западнобалтийские. К первым принадлежат литовский, латышский и латгальский языки. Ко вторым — вымерший прусский язык. В древности состав Б.я. (или диалектов) был многочисленнее и структура самого балтийского ареала была иной. В прабалтийское время, т. е. приблизительно с рубежа III и II тыс. до н. э., этот ареал, видимо, членился на два субареала — внутренний (или центральный), где формировались диалекты, давшие позже начало литовскому и латышскому языкам, и внешний (периферийный), где складывался языковой комплекс, развитие которого привело в дальнейшем к становлению прусского, ятвяжского и др. языков. Членение балтийского языкового комплекса на языки внутреннего ядра и внешнего пояса выглядит более фундаментальным и отвечающим этнолингвистическим и культурно-историческим данностям (по крайней мере, до середины I тыс. н. э.), чем деление на западно- и восточнобалтийскую группы. Балтийские диалекты внешнего пояса (периферийный балтийский) были теснее связаны с древними «центрально-европейскими» диалектами и, возможно, характеризовались тенденцией к более динамическим формам развития. Культура населения этого внешнего пояса находилась в соседстве с развитыми культурами германского круга и с лужицкой культурой и в той или иной степени подвергалась их влияниям. Есть, в частности, основание думать, что между 1000 и 800 гг. до н. э. германские племена оттеснили балтов к востоку вплоть до Пассарге. Балтийские диалекты внутреннего ядра до поры оставались в стороне от оживленных языковых и культурных контактов и, видимо, отличались большей стабильностью и лучше сохраняли архаичные языковые элементы. Неслучайно первые упоминания балтийских племен, по которым в известной мере можно судить и о соответствующих языках или диалектах, относятся к населению внешнего пояса (ср. Γαλίνδαι καὶ Σουδῖνοι 'галинды и судины' у Птолемея или *Aestiorum gentes* 'племена айстиев' у Тацита и позже у Иордана, Кассиодора, Вульфстана и др. Есть серьезные основания считать, что геродотовские невры — Νεῦροι, ср. Νεῦρις 'страна невров' — были балтийским племенем периферийной зоны; такое же предположение было высказано относительно геродотовских Βουδῖνοι 'будины', что, однако, менее вероятно), тогда как ранние источники, упоминающие предков литовцев и латышей, относятся к существенно более позднему времени.

Краткая характеристика мертвых Б.я. (диалектов).

Галиндский (голядский) — язык балтийского племени галиндов (Γαλίνδαι — у Птолемея, Пв.; *голадь* — в русских летописях XI–XII вв.; *Galindite* — в «Хронике» Петра Дусбурга 1326 г. и др.). Первое (наряду с судинами) по времени из упоминаемых балтийских племен. Название связано, видимо, или с обозначением окраины, края, конца, пограничья (литов. *gālas* 'конец', латыш. *gāls* и т. п.), или с гидронимами типа *Galinde* — приток Нарева, *Galanten* (*Galland* и пр.) — озеро. Название «галинды», по-видимому, охватывало ряд этнолингвистических групп в пределах внешнего балтийского пояса. Обращает на себя внимание разница в локализации галиндов в разных источниках: Птолемей

помещает их вместе с судинами к востоку от венетов, гитонов и финнов, между венетами и аланами (иранским племенем); русские летописи говорят о голяди, сидящей по р. Протве, к юго-западу от Москвы; Дусбург говорит о Галиндии как о десятой части среди других частей, на которые делится земля Пруссии; она локализуется в южной части Пруссии, к югу от Барты и западу от Судовии (области ятвягов), на границе с мазурами. Территория, на которой базируется этнонимический элемент **Gal-* (непосредственно или в топонимастике), огромна, что объясняется ранней экспансией галиндов к югу, юго-западу и далее к западу, сделавшей их имя известным в Европе начиная с римского времени (ср. один из титулов императора Волусиана, середина III в., на монетах — *Γαλίνδης* 'галиндский'). Отражение имени галиндов видят в названии области *Golanda*, через которую проходили лангобарды в своем движении на юг («История лангобардов» Павла Диакона) и которую ищут в районе польско-чешского пограничья. Там же находят довольно многочисленные названия типа чешского *Holedec* (< **Golīd-ьсь*), подкрепляемые старым свидетельством Баварского Географа (около 870 г.) о племени *Golensizi* (ср. пять городов этого племени — *Golensizi civitates*, упоминаемые и во Вроцлавской булле 1155 г.: *gradice Golensiczese*). В старопольской ономастике нередки имена типа *Golandin* (1065?) < **Golīdzin*, *Golanda* (1458) и т. п., а в топонимике — названия от этого же корня (*Golendzin*, *Golądkowo* и т. п.). Галинды, связавшие свою судьбу с вестготами и двинувшиеся далее на запад, оставили свои следы во Франции, Испании и Португалии. Ср. топонимы с корнем **Galind* — леонское *Galende* (927), арагонское *Galindonis campus de* (1093), кастильское *Galindo* (1110), порт. *Gainde v(illa) Gaindanes* (1258), баск. *Garindein* и др. и особенно многочисленные имена, напоминающие о «западноевропейских» галиндах и относящиеся в основном к IX–XII вв.: *Galindus*, *Galinda*, *Galind*, *Galindez*, *Galindones*, *Galindi* и т. п., вплоть до имени сподвижника Сиды *Galīn(d) Garčiaz*. Следы имени галиндов тянутся и к востоку. Они отмечены к югу от Припяти, непосредственно перед северной границей Волынской возвышенности (*Голядин*, *Голяда*), и далее по дуге, уходящей в северо-восточном направлении — Брянщина, Орловская и Тульская губернии и особенно Подмосковье (*Голяди*, *Голяцкие земли*, *Голядины отвершки*, *Голядь*, *Голединыя*, *Голядянка*, *Голядинка*, *Голяжье* и др.). В этих же местах были известны предания о богатыре Голяде (или двух братьях *Голядах*, живших на горе), ср. соотношение *Galindus*, сын Видевута, и *Góra Galindzka* в северной Польше, на бывших прусских землях. Значительное сгущение «голядских» следов в Подмосковье позволяет предполагать галиндское происхождение «москворецких» (шире — окских) балтов, оставивших после себя многочисленные гидронимы балтийского типа. Галиндско-голядский языковой и культурно-исторический элемент необходимо учитывать при исследовании предыстории древнейших городов Подмосковья (включая Москву), колонизации этого края вятичами и при изучении некоторых особенностей русских говоров этих мест (в частности, лексических и, возможно, фонетических). Наряду с элементом **Galind-*, несомненно, принадлежащим галиндскому диалекту, с достаточным основанием можно думать о таком же происхождении и ряда других названий, локализирующихся в бассейне Протвы и на смежных территориях (ср. *Уна*, *Отра*, *Дугна*, *Чичера*, *Салинка*, *Нара*, *Серпея*, *Таруса*, *Колочь*, *Карженка*, *Картынка*, *Вормишка* и т. д.). Показательно совпаде-

ние ряда окско-днепровских названий с гидронимами «исторической» Галиндии (ср. *Кубрь* — *Kubra*; *Вызынка*, *Визенка* — *Wuyse*; *Скородинка* — *Skarde*; *Мемелка* — *Metē*; *Нидалька* — *Nida*; *Малишка* — *Malso(wangus)*; *Нара* — группа гидронимов с корнем *Nar-*; *Лама* — *Lama(sila)*; *Иночка* — *Inacus*; *Рус(c)a* — *Russe*; *Радуча* — *Raducken* и др.). Хотя языковой материал, связываемый с галиндским, очень невелик, значение соответствующего языкового типа не подлежит сомнению. Гигантский разброс языковых данных о галиндах во времени и пространстве и подчеркнутая периферийность этих свидетельств приоткрывают завесу и позволяют лучше понять важные особенности балтийского языкового комплекса в древности и некоторые существенные условия его развития. Ни о фонетике, ни тем более о морфологии языка галиндов-голяди сказать практически ничего нельзя.

Я т в я ж с к и й (судавский, судинский) — язык балтийского племени ятвягов, или судавов (судин), упоминаемых впервые Птолемеем (II в. н. э.) — *Σουδινοί*. Это племя (и соответствующее обозначение его) тесно связано с названием галиндов: у Птолемея они упоминаются вместе. В описании состава прусских земель у Дусбурга названия соответствующих частей (и их населения) даются подряд: *Nona (pars) Sudowia, in qua Sudowite. Decima Galindia, in qua Galindite* 'Девятая (часть) Судовия, в которой судовы. Десятая Галиндия, в которой галинды'. Подобное соседство повторяется в Южной Прибалтике (*Sudowe, Sudaw, Sudow, Sudowiten, Sudithen, Sudeniten* и т. п. при *Galindo, Galindite* и т. п.) и за ее пределами, ср. элементы **Sud-* : **Galind-* в чешско-моравско-словацком ареале, соответственно Суд- (*Судость*, правый приток Десны) : *Голяд-* в брянско-орловской зоне. Наряду с обозначением соответствующего народа и его языка с помощью элемента **Sud-* (видимо, по названию реки **Sūda*, ср. *Sūduonia* < *Sūdaunia*), известно и другое его название — ятвяги, являющееся более распространенным. Отнесение этих двух обозначений к одному имени не вызывает сомнения. Ср. в орденских источниках — *per terram vocatam Suderland alias Jettuen* 'по земле именуемой Судерландия или Ятва' (1420) или *terra Sudorum et Jatuitarum, quod idem est* 'земля судавов и ятвягов, что одно и то же' (1422). Ср. ранние случаи, фиксирующие это название в русских летописях (в основном): *ЯТВѢГѢ*, *ЯВТАГ*, *ЯТВѢГѢ* (945), *ЯВТАГИ*, *ЯТВАГЫ* (983), *ЯТВАГЫ* (1038), *ЯТВѢЗИ* («Слово о полку Игореве»), *ЯТВАГЫ* (1197), *ЯТВѢЗѢ*, *ЯТВАЖЬСКАГО* (1205), *ЯТВАЖИ*, *ЯТВЕЗЕМЬ* (1227), *ЯТ(В)ЯЗЬ* (1229) и др.; в источниках на латинском и польском языке: *Jaczwingi* (1043, 1048), *Jathwingi* (1112), *Getae* (1192), *Jaczwangi* (около 1239), *Yaczwagy*, *Yaczuyagy*, *Jadzwagy*, *Jaczuingi*, *Jaczwalgowe*, *Jaczwyagowe*, *Jadzwiagowi*, *Jaczuinguie* (около 1241), *Jattwingi*, *Jaczwingi* (1243) и т. п. Тот же элемент отмечен в ряде топонимов: *Ятвязь*, *Ятвяги*, *Ятвиж* и т. п., иногда в достаточном отдалении от ятвяжской земли (например в юго-западной части Львовской обл. или в Новозыбковском р-не Брянской обл.), и антропонимов, самый ранний из которых *ЯТВѢГѢ Г҃НАРЕВѢ* (Ипатьевская летопись, 945 г.), один из послов, направленных из Киева в Византию; ср. *ЯВТАГѢ Г҃НАРОВѢ* (Лаврентьевская летопись), ср. также более поздние антропонимы того же корня: *Iathwyeszín* (1440), *Iacobus de Iathwyagy* (1465), *Iathvyenski*, *Iathwinski* (1483) и др. Балтийское **jatv-ing-* (**jotv-ing-*) скорее всего связано с названием реки **Jātā*, **Jātvā* (в судавском — **Jōtvō*), отраженным в «Литовской метрике» под 1516 г. в виде: *на речце на Ятфи*. Менее вероятно предположение о связи этого этнонима

с названием реки *Hańcza* (< **Antja*), также по-разному этимологизируемым. В исторических источниках встречаются и иные обозначения ятвягов и их земли (*Pollexiani* 'полексiane', *Pollexia* 'Полексия', *terra Deynowe* 'земля Дейнове' и др.). Ятвяжский язык был распространен на довольно значительной территории — к востоку от Галиндии, Надровии и Скаловии, к югу от Немана, к северу от Нарева (или даже Западного Буга). О границах ятвяжского ареала спорят до сих пор, но во всяком случае в историческое время ядро ятвяжской территории находилось между Мазурскими озерами, средним течением Немана и линией Пуньск — Вильнюс. В ряде орденских документов Судавия отождествляется с Ятвой/Ятвингией. Изредка эта земля называется Дайнавой (ср. в документах Ордена (1259 г.): *Denowe tota quam eciam — quidam Jetwesen vocant* 'вся Деновия, которую также называют некоей Етвези', при названии южной части Литвы *Dainava*). Вероятно, некогда эти названия закреплялись за несколько разными частями ятвяжской территории. Кроме того, в разные периоды очертания этого ареала заметно менялись. Роковым для ятвягов был их разгром, учиненный в 1283 г. Тевтонским орденом, когда значительная часть ятвяжской земли была превращена в пустыню; многие ятвяги бежали в чужие края, часть их была переселена даже в Самбию («Судавский угол»). Лишь с начала XV в. ятвяги (как и литовцы, мазуры и белорусы) стали снова заселять «пустыню». Еще в 1860 г. при переписи населения в южной части Гродненской губ. 30929 чел. назвались ятвягами: они говорили по-русски (т. е. по-белорусски) и были православного вероисповедания, но в известной степени сохраняли особый этнографический тип, выделявший их среди местного населения; в их речи отмечались особенности литовского произношения. Эти данные говорят скорее об исторической памяти населения этих мест, нежели о реальной этнографической ситуации. Однако нельзя исключать, что в действительности предками этих людей были ятвяги. В XVII в. ятвяжская речь (по крайней мере, кое-где), вероятно, еще сохранялась; в виде отдельных исключений она, вероятно, дожила и до начала XVIII в. Ятвяжский язык был бесписьменным, и до самого недавнего времени о нем можно было судить по небольшому количеству разрозненных и более или менее случайных фактов. К их числу нужно отнести несколько десятков топонимов, гидронимов и личных имен, зафиксированных в связи с несомненно ятвяжской территорией. В последние десятилетия к этим примерам прибавились некоторые дополнительные данные, касающиеся «ятвингизмов» на территории Литвы, Белоруссии, Польши, возможно, даже Украины вне непосредственного ятвяжского ареала. В качестве источника сведений о некоторых особенностях ятвяжского языка — прежде всего его фонетики и словаря — может рассматриваться определенная часть лексики тех современных литовских и славянских говоров, которые выступают в качестве суперстрата по отношению к вымершей ятвяжской речи. Среди фонетических особенностей ятвяжского языка надо отметить переход $t' > k'$, $d' > g'$, депалатализация \check{s} , \check{z} , \check{c} , $\check{ž}$, s' , z' , r' , l' и частично p' , b' , v' , m' , переход $\check{s} > s$, $\check{z} > z$, как в прусском, куршском, латышском, земгальском и селонском и в отличие от литовского; сохранение дифтонга ei в случаях, где в литовском и латышском выступает ie , не говоря о некоторых словообразовательных, морфологических и лексических особенностях.

Счастливым исключением следует считать запись шести фраз на ятвяжском языке (говор «Судавского угла»), сделанную в середине XVI в. и включенную

Иеронимом Малетиусом (Малэцким) в его «Описание судавов». Эти фразы короткие и иногда содержат повторы: *trencke trencke* 'стукни! стукни!', *Kellewefze perioth Kellewefze perioth* 'возчик приехал, возчик приехал'. Это единственные тексты на ятвяжском языке; из них извлекается некоторая грамматическая информация, увеличивается число известных лексем, становятся известными отдельные выражения типа формул, относящиеся к сфере ритуала или этикета. Ср.: *Ocho moy myle schwante panicke* 'О мой милый святой огонек!'; две здравицы: *Kailefs noussen gingis* 'Будь здоров, наш товарищ!' и *Kayles poskayles enis perandros* 'Здравствуй, по-здравствуй, один через другого!'; «отсылка» чертей — *Geygey begeyte pockolle* 'Бегите, бегите, черти!'.

Наиболее значительный и ценный памятник ятвяжской речи — рукописный польско-ятвяжский словарь «*Poganske gwary z Narewu*» (т. е. 'Языческие говоры по Нареву'), обнаруженный в 1978 г. в северной части Беловежской пуши, переписанный в тетрадь и, к сожалению, утерянный, но опубликованный по переписанному варианту в 1984 г. З. Зинкявичюсом. Словарик содержит немногим более 200 слов. Есть все основания думать, что балтийская часть словаря является, действительно, ятвяжской (или во всяком случае в основном ятвяжской). В словарики содержится значительное количество диагностически важных лексем, некоторые из них открывают важные черты быта и культуры ятвягов: *guti* 'крестonosцы', *drygi* 'москальи', *Naura* 'Нарев', *Pjarkuf* 'Перкунас', *laume*, женское божество, *tuoli* 'черт', *aucima* 'деревня', *pesi* 'скот', *taud* 'народ', *waltida* 'здоровье', *ward* 'слово', *weda* 'дорога', *wulks* 'волк' и т. п. В словарики значительное число 1) глаголов: *ajgd* 'кончить', *augd* 'возрастать', *dainid* 'петь', *dodi* 'давать', *degt* 'жечь', *emt* 'брат', *gemd* 'рождать', *gindi* 'знать', *giwatti* 'жить', *guld* 'лежать', *hirdet* 'слушать', *laud* 'ждать', *laudt* 'плавать', *mact* 'смотреть', *mildat* 'любить', *mort* 'умирать', *narfad* 'бросать', *piaud* 'резать', *pramind* 'помнить', *pratāt* 'думать', *radid* 'работать', *fibd* 'искать', *fid* 'сидеть', *skraid* 'бегать', *flaubd* 'спать', *flibd* 'прятать', *taurit* 'говорить', *terd* 'пить', *tibt* 'доверить', *turd* 'иметь', *wajrid* 'плакать', *wikruoti* 'жить', *wuld* 'хотеть', *zurdit* 'видеть' и др.; 2) местоимений: *af* 'я', *tu* 'ты', *ef* 'он', *man* 'мне', *mano* 'мое', *m. tar* 'наш', *patf*, *pati* 'сам', 'сама', *taf* 'этот', *kit* 'кто', *wifa* 'все'; 3) числительных: *duo* 'два', *trif* 'три', *teter* 'четыре', *pank* 'пять', *sziasz* 'шесть', *geptif* 'семь', *aktif* 'восемь', *cit* 'второй', ср. *andar* 'другой' (из нем. *ander*) и др. Материал словарика позволяет говорить о ряде фонетических особенностей: сохранение балт. * \check{a} ; отсутствие смещения балт. * \check{a} и * \check{o} ; непоследовательные рефлексы балт. * ei ; переход $i > e$; s в м. \check{s} ; z в м. \check{z} ; палатализация $k > c$ и др.; а также о некоторых чертах морфологии: так, кроме инфинитивов засвидетельствовано несколько других глагольных форм, среди которых особенно интересна форма 1-го лица единственного числа настоящего времени *irm* 'есмь' < * $\check{i}r$ + * $-mi$ (литов. *yrà*, латыш. *ir(a)* 3 л. глагола 'быть'); важны некоторые данные, относящиеся к существительным, например имена на -*o* в соответствии со славянскими примерами среднего рода и т. п. Анализ балтийской части словарика дает возможность определить положение соответствующего говора между прусским и литовским языками (целый ряд лексем ориентирован на восточнобалтийские параллели) и связи с другими (не-балтийскими) языками (ср. довольно значительное количество германизмов, иногда весьма нетривиальных, и несколько полонизмов). На

основании ряда германизмов высказано мнение, что язык словарика скорее литовский с сильными следами идиша (W. P. Schmid, 1986), однако большинство исследователей видят в словаре в основном собрание ятвяжских слов (З. Зинквичюс, Е. А. Хелимский, В. Э. Орел, В. Н. Топоров). С открытием польско-ятвяжского словарика начинается новый этап в изучении ятвяжского языка, а сам язык перестает быть практически «топонимическим», каким он был до недавнего времени. Тем не менее, можно ожидать значительного увеличения и традиционного для ятвяжского языка топонимического материала. При всех лакунах в изучении ятвяжского языка можно с уверенностью говорить о его преимущественной близости к прусскому, о его диалектной дифференцированности и о его глубоко вкладе в суперстратные говоры бывшей ятвяжской территории. Славянские говоры старой ятвяжской земли и смежных территорий сохраняют ряд особенностей ятвяжской речи или разделяют их с ятвяжским языком.

К у р ш с к и й — язык балтийского племени куршей, чье имя (*Cori*) впервые зафиксировано в 853 г. («*Vita s. Anskarii*» Римберта). Старые источники называют племя и страну *Cori*; *Curones*, *Curonia*, *Curland* (1073); *Curones*, *Curonia*, *Curlandia* (1227); *Curi*, *Curetes* (XIII в.); *Kûren*, *Kûrlant* (около 1290); *Corres*, *Correlant* (1413) и т. п.; ср. др.-рус. *Кърсь*, *Корсь* и др. При всем различии имеющихся двух этимологических объяснений этого имени они отсылают в конце концов к элементу **kurs-*, обозначающему нечто искривленное, изогнутое, низкорослое, дефектное. К началу XIII в. (т. е. до начала активной экспансии крестоносцев в Прибалтику) курши занимали пространство от Немана на юге до низовьев Венты на севере на побережье Балтийского моря. Эта полоса была довольно узкой, особенно в ее южной части. Курши тяготели к морю и морским промыслам, и курско-скандинавские контакты известны с очень раннего времени (ср. особую роль скандинавских источников о куршах). С середины VII в. по начало IX в. часть куршских земель была занята викингами. Отношения куршей и викингов были немирными, особенно на море. Адам Бременский называл куршей «gens crudelissima» 'племя наихудшее', имея в виду их сопротивление христианизации, о чем позже писал и Генрих Латвийский в своей «Хронике» («*Curonum ferocitatem contra nomen Christianorum*» 'куршское зверство против народа христиан'). О воинственности куршей свидетельствуют и «*Gesta Danorum*» (1202–1216) в связи с нападением куршей и эстонцев на о-в Эланд у берегов Швеции. С начала XIII в. у куршей появляется новый противник — Орден меченосцев.

Ближайшими соседями куршей с севера и отчасти с востока были ливы, позднее оттесняемые наступавшими с юго-востока восточнобалтийскими племенами (ср. также значительный пласт финноязычных элементов в куршском языке). Сначала немецкая экспансия, а позже распространение к западу восточнобалтийского (литовского и латышского) элемента привели к тому, что территория, на которой еще звучала куршская речь, все время сокращалась, а сам куршский язык в значительной степени ассимилировался латышскими и литовскими говорами, занимавшими западную (в основном приморскую) часть Прибалтики. В документах, относящихся к жемайтским землям, курши в последний раз были упомянуты в 1455 г., на основании чего некоторые исследователи полагают, что в этих местах куршский язык исчез уже в XV в. На территории современной Латвии, где в основном и сосредоточивались курши, их язык удерживался дольше.

Ряд авторов XV–XVI вв. (в их числе и путешественники) говорят о куршском не только как о самостоятельном языке, но иногда и недоступном пониманию соседей куршей. Писатели XVII в., упоминая куршей, подчеркивают, что они говорят по-латышски. Допуская, что куршская речь в XVII в. могла еще кое-где сохраняться, приходится все-таки считать, что к этому веку самостоятельная жизнь куршского языка прекращалась.

Специфика ситуации состояла в том, что куршский не просто был сменен латышским (и литовским), а «врос» в него, сохранив статус диалекта, но уже латышского языка. Так же правы те, кто считает, что современный жемайтский диалект можно квалифицировать как «литовский язык в устах потомков древних куршей». Куршская речь употреблялась кое-где и вне митрополии. Лихолетья, часто повторявшиеся в жизни куршей, приводили к тому, что им или приходилось мигрировать с родины (так, некоторые исследователи предполагают, что в XIV в. часть куршей переселилась на юго-запад, достигнув будто бы Гданьской бухты), или в качестве пленных оказываться в чужезычном окружении (имеется пять топонимов с корнем *Kurš-* на территории Аукштайтии, свидетельствующих о существовании куршских анклавов). До сих пор составляет загадку название русского населения по р. Курша (Касимовский р-н Рязанской обл.) — куршаки, куршаны (запись от 1629–1630 гг.: в волости *Куриб*); более поздние материалы говорят о том, что окрестное население называет своих соседей «Куршей-головатой и Литвой-некрещеной», что, по-видимому, могло бы быть подкреплено наличием балтизмов в местном говоре.

Куршский язык принадлежит практически к числу «топонимических». Топонимы, гидронимы и личные имена людей составляют основной и почти исчерпываемый ими запас куршских языковых элементов (однако не всегда достаточно надежна идентификация этих элементов как именно куршских). Исключением являются две очень различных совокупности фактов: с одной стороны, речь идет о нескольких случаях, когда в старых чужезычных текстах появляются квалифицируемые как «куршские» слова или даже фразы, ср. «*der Preusse sagt mes kirdime (nos audimus), der Cur mes sirdime, der Littaw mes girdime*» — здесь во всех случаях речь идет о произношении выражения 'мы слышим', при том что все эти варианты этимологически тождественны: 'прусс говорит *mes kirdime*, курш — *mes sirdime*, литовец — *mes girdime*' (Prätorius. *Deliciae Prussicae*, 124, около 1690); или «*der curische Preuss sagt szwintinna...*» 'куршский прусс говорит *szwintinna*' (около 1690) и «*der alte Preusz sagt wirdas, der Cur werdass, der Littau wardas*» (около 1690) и т. п.) 'старый прусс говорит *wirdas*, курш *werdas*, литовец *wardas*' (речь идет о слове 'имя'); с другой стороны, в «Прусской Хронике» (1526) Симона Грунау есть текст «Отче наш», считавшийся прусским, хотя В. Шмид (1962) называет этот текст старолатышским или даже куршским (ср. «Отче наш» в «*Deliciae Prussicae*» Преториуса). Наконец, источником сведений о куршской лексике и (прежде всего) фонетике оказываются латышские и литовские «куро-низмы» (в меньшей степени они известны в ливском языке и тем более в балтийском немецком). В этой области перспективы реконструкции фрагментов куршского словаря по данным диалектной лексики современных восточнобалтийских языков довольно значительны. Возможно, особую роль призваны сыграть данные латгизированных куршских говоров, долгое время находившихся в изоляции.

На основании топонимического материала (примеры здесь и ниже — топонимы из старых источников и из современных говоров) и реконструированной части куршской лексики можно судить о некоторых важных фонетических особенностях куршского языка: переход *k'* в *c* и *g'* в *z*: *Rutzowe*, латыш. *Rucava*, но литов. *Rukiava*; *Zelende* при литов. *Gelindėnai*; *Sintere* (где *S-* = [ʒ]-), латыш. *Dziņtare*, но литов. *Gintarà* и др.; переход *tj* в *t'* и *dj* в *d'*: *Apretien* (где *tt* = [t']) при латыш. *Apriķi*; *Aliseiden* при литов. *Alsėdžiai* и др.; *s, z* в соответствии с литов. *š, ž*: *Talsen*, *Telse*, но литов. *Telšiai*; *Sarde* (где *S-* = [z]-), но литов. *Žardė* и др.; сохранение тавтосиллабических сочетаний *an, en, in, un*: *Ballanden*, *Palange*, *Blendene*, *Grynde*, *Papundiken* и т. п. (при том, что в латышском *n* в этих сочетаниях исчезает); переход *u* в *o* и *i* в *e* в части куршских (куронских) говоров латышского языка: латыш. *bubināt* > *bobināt* 'бормотать'; латыш. *dvālekts*, но и *dvālikts*, обозначение меры и др.; сохранение в части говоров *ei*: *Gaweysen* при латыш. *Gaviēze*; латыш. *Preikuri*, но и *Priekulī*; удлинение кратких гласных перед тавтосиллабическим *r*: латыш. *darbs*, в куршских говорах *dārbs* при литов. *dārbas* 'работа' и т. п. Большая часть этих особенностей, как и совпадения в области словообразования и словаря, дают основание утверждать, что, несмотря на сильнейшее влияние латышского (и литовского) языка, в ряде случаев перекрывающее старые генетические связи, куршский обнаруживает преимущественную связь с прусским языком, прежде всего в тех явлениях, которые оказываются диагностическими при определении родственных отношений. Родственная близость куршей и пруссов подкреплялась (для известного периода) их территориальной смежностью, связью по морю и своего рода открытостью этой территории для распространения ряда общих прусско-куршских изоглоссов. Сознание преимущественной близости куршей и пруссов сохранялось, видимо, довольно долго. Во всяком случае, курши, как и пруссы, в Прибалтике выступали как балтийские племена иной генерации, нежели позже пришедшие сюда литовско-латышские племена. В этом контексте становится правдоподобным предположение, что прусская и куршская речь были представителями того внешнего языкового балтийского пояса, о котором говорилось выше, и, следовательно, куршский язык должен классифицироваться как западнобалтийский.

Особый интерес вызывает наречие «курс(е)ниеков» на Куршской косе, привлекавшее во второй половине XX в. внимание ряда специалистов (отдельные опыты его изучения были и раньше)². Носители этого наречия начали переселяться на Куршскую косу, которую они называют *kurse kape* (латыш. *Kuršu kāpas*, литов. *Kuršių Nerija*, нем. *die Kurische Nehrung*), в XV в. из западных областей Куронии (современный запад Латвии, Курземе). К этому времени в Куронии уже распространился латышский язык, но курсениеки сохранили многие архаизмы и рефлексы куршского языка, а также были изолированы от последующих инноваций в латышском языке. В дальнейшем их язык подвергся заметному влиянию литовского и немецкого языков (сначала нижненемецкого языка колонистов, затем литературного немецкого, которому их обучали в школе). В южной части косы курсениекское наречие было рано вытеснено немецким, в северной же (позднее

² Фрагмент про наречие курсениеков написан при помощи Дали Киселюняйте (Клайпедский университет, Литва).

отошедшей к Литве) сохранялось дольше. Все курсениеки были гражданами Германии (территория Восточной Пруссии), считали себя немцами и в 1945 г. были эвакуированы в Германию. Единицы после репатриации случайно оказались в Литве. Себя они называют *kurši* (ед. ч. *kursis*), по-немецки их название *Kuhren*, по-литовски — *kuršiai* (ед. ч. *kuršis*) (в научной литературе: латыш. *kursenieki*, литов. *kuršininkai*); свое наречие курсениеки называют *kursisk(a) valuod(a)* (латыш. *kursenieku valoda*, литов. *kuršininkų kalba*, нем. *Nehrungskurisch*). Несмотря на то, что структурно это наречие в целом входит в латышскую систему, сами носители не считают свой язык латышским, поскольку плохо помнят, как их предки оказались на Косе, да и когда они покидали Куронию, понятия «Латвии» и «латышского языка» еще не было, каждая группа называла свой язык по этно-территориальным признакам. По набору черт считается, что данное наречие наиболее близко к курземским говорам среднелатышского диалекта, но возможно и влияние ливонского диалекта. Среди особенностей, не совпадающих с общелатышскими, можно отметить сравнительную конструкцию с *juo* + положительная степень (*juo labe* 'лучше'), глагольные приставки *āz-* (латыш. *aiz-*), *uoz-* (латыш. *uz-*), предлог *iz* 'в', частый сдвоенный рефлексив глагол *dziēvuot* 'жить', 'работать'. Некоторые черты появились под влиянием литовского (спряжение составительных форм глагола 'быть': курс. *es būcau*, литов. *būčiau*, но латыш. *es būtu*, курс. *tu būtum*, литов. *būtum*, но латыш. *tu būtu*; наличие приставки *nibi-* 'уже не, больше не', аналогичной литов. *nebe-*, см. статью «Литовский язык» в наст. издании, и отсутствующей в латышском) или немецкого (особенно в синтаксисе: более частое употребление местоимений *tas* 'тот', *tā* 'та' в роли артикля; построение косвенного предложения с обязательным сказуемым в конце). Отклонения от латышского, совпадающие с жемайтским наречием литовского, надо рассматривать осторожно, часть из них могут оказаться реликтами общего куршского субстрата. Больше всего языковые контакты проявляются в лексике, так что без знания литовского и немецкого современному латышу трудно понять речь курсениеков, см. например: *Viņš bij nu pirmuo krīge, viņš bij labs par dolmečer, viņš mācīj juo labe runati mackāle* 'Он был с первой войны, он был хорошим переводчиком, он умел лучше говорить по-русски' (полужирным выделены слова, отличающиеся от латышского; ср. латыш. вариант: *Viņš bija no pirmā kara, viņš bija labs par tulkotāju, viņš mācēja labāk runāt krieviski*). Так что в целом это скорее смешанный язык (fusion language) с латышской грамматической основой и смешанной лексикой.

В настоящее время незначительное число пожилых носителей доживает свой век в Германии (несколько десятков), Швеции (пара семей) и Литве (не больше семи полуносителей), но язык не передается следующим поколениям и в ближайшее время исчезнет. Исследования этого наречия активно ведутся в Клайпедском университете, где проводятся экспедиции и уже накоплен большой материал.

Земгалский — язык балтийского племени земгалов. В ранних источниках этот этноним выступает обычно в вариантах по существу одной и той же формы, ср. лат. *Semigalli*, *Semigallia*, нем. *Semegallen*, *Semgallen*. Считают, что именно от немецкой модели произведены латышские «ученые» формы *Zemgale*, *zēmgali* (ср. латыш. *zēmgaliēši* 'жители Земгале'). Проблема исконной формы на-

звания возникает при вариантах, засвидетельствованных в литовских обозначениях этой земли и ее жителей. Отмечаются два варианта: литов. *žiemgāliai* — *Žiēmgala*, с одной стороны, и *žemgāliai* — *Žemgala*, с другой. Каждый из этих вариантов может быть осмыслен с достаточным правдоподобием и, более того, с определенными сравнительно-историческими аргументами, касающимися фонетической формы этих слов. Если исходить из первого письменного свидетельства этого слова (*Semigalia*, в датской латиноязычной хронике XIII в. «*Annales Ryenses*» о событиях около 870 г.), то для первой части слова реконструируется корень *žem-* (*zem-*), отсылающий к обозначению земли, ср. литов. *žemė*, латыш. *zeme* 'земля', и/или низкого, низменного места (каковым действительно является территория земгалов), ср. однокоренное литовское *žemas*, латыш. *zēms* 'низкий'. Если же исходить из форм *žiemgāliai*, *Žiēmgala*, известных по свидетельствам не только литовских говоров, но и др.-рус. **зимигола**, **зимѣгола** и швед. *Sæimgala*, *Sæimgalum* (надписи рунами на двух памятных камнях в южной Швеции, сделанные в XI в.), *Seimgaler* («Сага об Ингваре», XIV в.), то оправданной оказывается и реконструкция корня в виде **žiem-* (**ziem-*) (ср. швед. *Siem-galer*). Тогда название *Žiem-gala* (*Ziem-gala*) может пониматься как северный («зимний») край, ср. литов. *žiemà*, латыш. *ziema* 'зима', в отличие от варианта *Žem-gala* (*Zem-gala*), интерпретируемого как край земли, крайняя земля или как низменный край.

Признавая допустимость каждой из этих интерпретаций, два крупнейших балтиста своего времени (К. Буга в 1924 г. и Я. Эндзелин в 1925 г.) отдавали предпочтение варианту с корнем *žiem-* (*ziem-*) из, соответственно, **žeim-* (**zeim-*) (в таком случае этноним может указывать на локус своего возникновения — область, для жителей которой Земгала находилась к северу, т. е. литовские земли). О. Бушс в 1990 г. предположил, что эти названия связаны с названиями рек типа литов. *Žeimikė* (рядом с Тельшяем) или литов. *Žeimenà* (рядом с Швенчёнисом). Понимание названия как «нижний край (конец, область)», индуцируемое латышскими формами *Zēmgale*, *zēmgali*, представляет собой переосмысление в духе народной этимологии. К тому же указанные формы книжного происхождения и не отражают достаточно точно исходной реальности.

К началу XIII в. земгалы занимали территорию вокруг Лиелупе; на западе она граничила с куршами, сидевшими к северу от Венты, на севере — с ливами и нижним течением Даугавы, на востоке — с селами, на юге — с литовцами. Неоднократные попытки борьбы с Ливонским орденом привели к тяжелым для земгалов последствиям: многие из них погибли, значительная часть была переселена в другие области (в частности, в Литву), земля земгалов заселялась пришельцами из других мест. Все это нанесло сильный удар по земгальскому языку. Хотя источник, относящийся к 1413–1414 гг. (Жильбер де Лануа), упоминает о земгальском языке как о живом, обычно считают, что уже во второй половине XV в. он исчез. Едва ли эта дата подвергнется существенной корректировке.

Конкретные сведения о земгальском языке извлекаются прежде всего из топонимических данных и (реже) личных имен, относящихся к территории Земгалы, а также из лексики современных говоров этих мест, обнаруживающей фонетические отклонения от диалектной нормы. В этом отношении земгальский напоминает куршский язык, хотя данных о последнем несравненно больше. Отчасти поэтому не все черты земгальской фонетики определяются бесспорно; в отношении

ряда явлений имеющиеся языковые данные иногда оказываются противоречивыми. Так, при бесспорных примерах перехода *k'* в *s* и *g'* в *ž* (*z*) (*Autzis*, латыш. *Aūce* при литов. *Āukė*; *Zervinas* (*Z* = [ž]), ср. латыш. *dzērve* 'журавль', но литов. *Gėrvė* и т. п.) есть немало случаев сохранения *k'*, *g'* как в старых памятниках (написания типа *Augegoge*, *Sigemoa* и т. п.), так и в современных латышских говорах, например вокруг Блидиене (*Dauķis*, *Ķipsnas līcis*, название залива, *Giñterenes pļava*, название луга, *Regīnas* и др.). Подобная двойственность наблюдается и в отношении тавтосиллабического *n*, которое в одних случаях исчезает (*Blidenen*, латыш. *Blidiene* при литов. *blindis* 'ракита'; *Slok*, латыш. *Slūoka*, ср. литов. *slankà* 'оползень' и т. п.), в других сохраняется (*Bleñdiena*, *Jiñtars*, *Kleñces*, *Pluñci*, *Rinkas*, *Skrūndu leja*, название низины, дола и др.). В отношении рефлексов *dj* отмечается двойственность несколько иного рода: *dj* > *ž*: *Mezoten*, латыш. *Mežuōtne* (ср. *mežs* 'лес') при литов. диал. *mēdžias*, но и *dj* > *ž*: *Medzothen*; *sirdžu* при латыш. *siřžu* и литов. *širdžiū* род п. мн. ч. от 'сердце'; ср. также *tj* > *č*: *biču* при латыш. *bišu*, литов. *bičiū* род п. мн. ч. от 'пчела' и др. Земгальский язык сохраняет *s*, *z* в соответствии с литов. *š*, *ž*: *Silene*, латыш. *sils* при литов. *šilas* 'бор'; *Sagare*, *Sagera* при литов. *Žagārė* и др. Характерная земгальская черта — сохранение краткости перед тавтосиллабическим *r* и вставка гласного между *r* и последующим согласным (анаплексис): *Terevethene* наряду с *Thervethene*; *zirags* 'конь' в лит. латыш. *ziřgs*; *varana*, *varina* 'ворона' в лит. латыш. *vārna*; *berizs* 'береза' в лит. латыш. *bērzs*; иногда то же происходит и после *l*: *galads* 'стол' в лит. латыш. *gālds*; *ilagi* 'долгий' в лит. латыш. *ilgi* и т. п.; сходные явления характеризуют и литовские говоры на земгальских землях: *sārēgs* 'сторож' в лит. литов. *sārgas*; *dārābs* 'работа' в лит. литов. *dārbas* и т. п. Можно говорить и о некоторых особенностях словаря и словообразования в земгальском, а иногда и морфологии, ср. несклоняемую форму возвратного местоимения в топониме *Sāuzeŗi*, а также в старых записях — *Sawasirgu mahjās* (в современной записи *sava zirgu mājās*), букв. 'своих лошадей в домах'.

Северная часть земгальского ареала расположена на территории Латвии, южная — на территории Литвы. Есть точка зрения, согласно которой земгальский был ближе к литовскому, чем к латышскому и куршскому. Объяснение этому склонны видеть в принадлежности и земгальского, и литовского к восточнобалтийской группе (в отличие от куршского). Тем не менее, исследование земгальского до сих пор ведется недостаточно интенсивно и последовательно, и многие важные вопросы — лингвистические и культурно-исторические — остаются нерешенными. Важность земгальского в решении этих проблем объясняется, в частности, тем, что именно он был, видимо, в составе той первой волны восточных балтов, которая появилась на территории современных Литвы и Латвии, и земгалы были в северной части этого движущегося к северу клина (именно они, вероятно, первыми из восточных балтов достигли Даугавы; есть мнение, согласно которому земгальский элемент проникал и к северу от этой реки). Более того, в названии старого финского племени *ямь* (др.-рус. **ѣмь**, **ямь**), засвидетельствованном и в русских летописях, иногда видят отражение племенного названия земгалов. Наконец, ряд загадок связан с ролью земгальского субстрата в истории формирования общелатышского языка. В последние десятилетия немало сделано в плане поиска «земгализмов» в латышских говорах.

С е л и й с к и й (селонский) — язык балтийского племени селов (селонов), имя которого упоминается в источниках с XIII в.: *Selones, castrum Selonum*, обозначение укрепления («Хроника» Генриха Латвийского), *Selen, Selenland* («Рифмованная хроника Ливонии») и др.; в русских источниках это имя не зафиксировано. Судя по источникам, имя селов стало известно позже, чем названия других племен. Однако в копии XIII в. «*Tabula itineraria Peutingeriana*» (III–IV вв.) упоминается *Caput fl(uvii) Selliani* — устье реки селов. Аутентичность этой записи применительно к оригиналу остается под вопросом, хотя археологические данные свидетельствуют о присутствии селов в пределах этого исторического ареала. Имя селов, скорее всего, гидронимического происхождения (ср.: литов. *Sėliupis*, -*ỹs*, т. е. река *Sėl-*, откуда реконструируется **Sėlia*, **Sėlė*, к литов. *selėti* 'течь', 'бежать' и т. п.). В начале XIII в. территория селов и их языка с севера ограничивалась Даугавой (здесь находился центр селов Селпилис), с запада — областью распространения земгалов, с востока (как и с севера) — землями латгалов и кривичей. Более всего споров вызывает южная граница селов. Один из ее вариантов — линия, соединяющая Салакас, Таурагнай, Утену, Сведасай, Субачюс, Палевене, Пасвалис, Салочай (северо-восток Литвы). По другому варианту, селы достигали на юге только верховьев Швянтойи и Вешинты. Не вызывает сомнения, что ядро племенной территории селов находилось на северо-востоке современной Литвы и в прилегающей к ней части Латвии. Предполагают, что к середине XIV в. язык селов исчез: в северной части он подвергся леттизации и сменился соответствующими говорами латышского языка, а в южной части растворился в литовском языке. О языке древних селов можно судить по субстратным топонимам и гидронимам на бывшей их территории, по топонимическим свидетельствам старых источников, отчасти по диалектной лексике с «селонской» фонетикой (следует, например, упомянуть об архаичной восходящей интонации в селонских говорах латышского языка). Яркая черта звуковой стороны языка селов — наличие *s* и *z* в соответствии с *š* и *ž* в литовском. Эта черта рельефно выделяет «селонизмы» среди литовского окружения: *Maleysine* при литов. *Maleišiai*; *Swenteuppe*, *Swentoppe* при литов. *Šventoji*; *Zārasas* — название озера (из **ezerasas*) при литов. *ėžeras*; *Zālvē* при литов. *Žālvē* и т. п., а также лексику соответствующих говоров: *zelmūō* 'росток' при *želmūō*; *zliaūktie* 'хлестать' при *žliaūgti* и т. п. Другая примечательная черта — переход *k'* в *s* и *g'* в *z*: *Alce* при литов. *Alkā*, *Nertze* из **Nerke* и др. Иногда эта картина затемнена последующими изменениями; так, считают, что *s* и *z* указанного происхождения были мягкими и при усвоении литовским языком давали соответственно *š* и *ž*: *Čēdasas* из селийского **Čedasas* при литов. *Kėdiškė*, *Čičirys* при латыш. *Ciēcere* и потенциальном литов. **Kikirys*. В отличие от латышского язык селов сохраняет тавтосиллабическое *n*: *Lensen*, *Gandennen*, *Swentuppe* в старых документах или *Grendze*, *Svente*, *Zinteli* в современных латышских говорах на землях селов. Есть некоторые отступления, позволяющие думать о членении языка селов на говоры; подобная дифференциация наблюдается и в связи с другим фонетическим явлением: одни латышские говоры на территории селов сохраняют *ie*, *uo*, другие имеют вместо них соответственно *ī*, *ū*. Сохраняется в языке селов и старое *ā*: *Nalexe* (1298) при совр. литов. *Nėliškis*, *Ravemunde* (1416) при совр. литов. *Rovėja* и др. Видимо, сохранялось и свободное ударение (в отличие от латышского). Характерной чертой фонетики говоров на территории селов

является очень широкое *ǣ*, склонное к переходу в *ā*. Судьба некоторых явлений (например, рефлексy *tj* и *dj*) остается не вполне ясной, и между исследователями в этом отношении нет единогласия. В литовско-латышской перспективе язык селов обладает чертами переходности между этими двумя языками. Вместе с тем он разделяет ряд особенностей с земгальским. Высказывается также мнение о высокой степени близости языка селов с куршским; известен ряд параллелей и с прусским. При том, что проблема ближайшего родства языка селов среди балтийской группы остается нерешенной, его связи с западнобалтийскими идиомами могут оказаться диагностически важными (в примерной схеме расположения балтийских диалектов около 500 г. К. Буга помещал селов к западу от земгалов в непосредственном соседстве с куршами и пруссами).

Нет оснований сомневаться, что существовали и другие языки и диалекты древних балтов, этнические названия которых нам неизвестны и определяются в основном по месту их распространения (сам же гидронимический, реже — топонимический материал за редкими исключениями недостаточен для языковой идентификации балтизмов этой категории, хотя, например, в направлении к северо-западу от Москвы отмечен ряд гидронимов, тяготеющих к соответствующей латышской номенклатуре). Поэтому здесь целесообразно назвать несколько локусов на территории Восточной Европы, в которых балтийское присутствие не вызывает сомнения. Крупнейших из них два. Первый, самый обширный, более того, членимый на отдельные относительно самостоятельные гидронимические ареалы (Березинский, Сожский, Припятский, Десненский бассейны) — днепровский, охватывающий северную половину бассейна Днепра от его истоков до Киева (и даже южнее, ср. *Вилия*, *Шандра* и др.) и насчитывающий (считая варианты названий и то, что часто одно и то же название может относиться к нескольким, иногда многим водным объектам) до пяти-шести сотен надежных гидронимических балтизмов. Хотя их распространение по всему днепровскому бассейну неравномерно и сильные сгущения чередуются с существенно разреженными в отношении балтизмов пространствами, в целом есть основания говорить о непрерывности балтийского гидронимического элемента в бассейне Днепра. Иная картина наблюдается во втором локусе гидронимических балтизмов, каковым является бассейн Оки, хотя и здесь их счет идет на несколько сотен. Однако по течению Оки прореженность балтизмов в верховьях, тем более практическое отсутствие их в пределах Рязанской и Нижегородской областей, сочетается с густотой балтийского гидронимического слоя в пределах Калужской и Московской областей и, что удивительно, со сгущением балтизмов в самом нижнем течении Оки, тем более что они из числа весьма надежных. Появление в Среднем Поволжье очевидных гидронимических балтизмов тем более существенно, что в свете последних данных ранние контакты волжских финнов с балтами, с одной стороны, и предками индо-иранских племен, с другой, как предполагается, пространственно относятся к Среднему Поволжью, а по времени — к общефинской эпохе между началом I-го тыс. до н. э. и VI–VIII вв. н. э. (согласно П. Хайду). Об этих контактах свидетельствуют обильные балтизмы в прибалтийско-финских, а отчасти и в поволжско-финских языках и, более того, отдельные заимствования в Б.я., которые могли быть усвоены еще из поволжско-финских языков, как, например, литов. *sóra* 'просо', 'пшено', латыш. *sāre* (в словаре Г. Эльгера), источ-

ником которых было исходное **psārā*, объясняющее, видимо, и рус. *просо*, ср. морд. *šora* (эрзя), *suro* (мокша) 'хлеб', 'зерно'.

Особо нужно отметить недавно открытое сгущение гидронимических балтизмов в верхнем течении Дона (*Дриска, Смолка, Деготенка, Скороденка, Сосна, Кастора, Верейка, Ведуга, Лопайка, Скобенка, Плавица* и др.), в соседстве с поволжско-финским (мордовским) ареалом. Также в основном в последнее время была несколько расширена область присутствия гидронимических балтизмов между верхним течением Западной Двины на юге и оз. Ильмень на севере, на стыке восточной части Псковской обл., юго-западной части Новгородской обл. и северо-западного угла Тверской обл. (ср. *Березай, Болдырька, Верготь, Волкота, Волма, Добшинское оз., Жаберка, Ильзна, Кемка, Крупка, Кудь, Кудель, Лусня, Морозжа, Обша, Окча, Орлинка, Пелено, Песно оз., Плюс(с)а, Рдейское оз., Русса, Снежа, Торопа, Уда, Шлино оз., Явонь* и др.). В известном смысле этот локус является продолжением в северо-западном направлении верхневолжского сгущения гидронимических балтизмов. Вероятно, балтийского происхождения и само название *Волга*, распространившееся с верховьев на всю реку, хотя другие народы продолжают иметь свои обозначения этой реки. К балтизмам относятся также названия *Персянка, Меслинка, Кудь, Б. и М. Исня, Жукопа, Бутень, Воржинка, Митенка, Меленка, Спировка, Ворча, Вазуза, Дрогоча, Держа, Орша, Кревка, Б. и М. Ула, Стерж, Пено, Волго, Б. и М. Верхит* и др. В последнее время, на основании работ Ю. В. Откупщикова и В. Н. Топорова, стало известно о более широкой, нежели предполагалось ранее, области распространения балтийских гидронимов в Поочье.

5. Б.я. (или диалекты) (см. 4.) в принципе исчерпывают известные исторические разновидности балтийской речи (чьи этнические названия известны или хотя бы предполагаемы), с одной стороны, и демонстрируют максимальный по числу языков вариант балтийской группы, с другой стороны. Такова была ситуация в первые века II тыс., и она подтверждается документальными данными. Ей предшествовала длительная история развития балтийского языкового типа, известная лишь в общих чертах и допускающая существенное различие в точках зрения. Важнейшими событиями этой предыстории были: формирование центрального и периферийного ареалов (соответственно внутреннего и внешнего); дифференциация периферийного ареала, приведшая к выделению раннего праславянского (иногда в качестве условной вехи называют V в. до н. э.); дальнейшие расхождения двух основных групп прабалтийского; начало дифференциации центральной группы, приведшей в V–VII вв. к становлению ранних форм литовского и латышского; постепенное сокращение ареала балтийской речи на юге, юго-востоке и востоке от Прибалтики в связи с освоением славянами этой территории; движение группы языков (земгальский, селийский, литовский, латышский) к северо-западу и освоение в течение I тыс. значительной территории в Прибалтике, приведшее к новым контактам с более ранним балтийским населением этих мест; усиление контактов западнобалтийских языков со славянскими (I тыс.). Первые века II тыс. характеризуются весьма важными изменениями в балтийском мире. С одной стороны, балтийская речь постепенно начинает исчезать на широких пространствах бассейнов Днепра, Оки, верховьев Волги (после XII–XIII вв. могли сохраняться только отдельные небольшие островки), в Белоруссии граница балтийской речи существенно отодвигается на запад и северо-

запад, граница прусского языка отодвигается к северу (экспансия польского языка) и к востоку (распространение немецкого языка); «малые» Б.я. (ятвяжский, куршский, земгальский, селийский) терпят значительный урон и в течение XIV–XVII вв. практически исчезают. С другой стороны, укрепляются позиции литовского и латышского языков, расширяющих свои ареалы (в частности, за счет исчезающих «малых» языков); более четко формируются их диалектные структуры; складывается потребность в письменной фиксации литовского, латышского и прусского языков и в переводе основных религиозных текстов на эти языки.

Подводя итог длинному списку вымерших Б.я. (как известных по имени, так и безвестных), нужно признать, что эти утраты привели к существенному сокращению балтоязычных территорий и уменьшению многообразия речи, сведенного в настоящее время к трем языкам. Лингвисты делают всё, что возможно, чтобы реконструировать хотя бы малейшие детали этих вымерших языков, память о которых жива и сейчас. Недаром в Вильнюсском университете находится камень, свидетельствующий о благодарной памяти теперешних балтов о своих далеких предках и родственниках.

6. Начало письменности у балтийских народов относится к середине XVI в. До этого речь шла лишь о некоторых попытках, носивших характер исключения: немецко-прусский Эльбингский словарь (около 1300); литовский текст «Отче наш» и кое-какие другие литовские фрагменты, вписанные в «*Tractatus sacerdotalis*» (1503), вероятно, в начале XVI в.; два латышских текста «Отче наш», относящихся к первой половине XVI в., — так называемый «Упсальский Отче наш» и «Отче наш» из «Хроники» Симона Грунау; попытки перевода на латышский духовных песен, опубликованных лишь в XVII в.; краткие записи рижских гильдий (1522, 1532–1533) и др. Возникновение письменности связано с эпохой Реформации и Контрреформации. Плоды этой эпохи — три опыта перевода на прусский язык Катехизиса (дважды в 1545 и в 1561 — «Энхиридион»), первый перевод Катехизиса на литовский язык М. Мажвидасом в 1547 г. (все эти тексты лютеранские), перевод на латышский католического Катехизиса Петром Канизием (1585) и лютеранского Катехизиса (1586); есть мнение, что этим двум переводам предшествовали два других опыта, относящиеся к 1530 г. и к периоду между 1535 и 1550 гг., но не дошедшие до нас. Центрами, с которыми было связано начало книгопечатания на Б.я. (и первые шаги письменности), выступали Кенигсберг, далее Вильнюс, позднее Рига и др. К началу XVII в. количество и разнообразие религиозных текстов на литовском и латышском языках значительно возрастает; появляются первые опыты оригинального творчества на этих языках, но проходит немало времени, прежде чем появляются выдающиеся произведения, обладающие бесспорными художественными достоинствами (ср. поэтические опыты Х. Фюрекера в Латвии, XVII в., и особенно замечательные «Времена года» К. Донелайтиса в Литве, XVIII в.). Тем самым создаются реальные предпосылки для использования литовского и латышского в новом статусе — литературных языков, представленных высокими образцами поэзии. С 1730 г., несмотря на долгие периоды запретов — 1865–1904 гг., 1934–1940 гг., 1961–1987 гг. — издавалась литература и на латгальском языке, возобновленная в начале 90-х гг. XX в. Однако создание соответствующих литературных языков в целом нужно отнести уже к началу XX в.

Выделение Б.я. в особую группу внутри индоевропейской семьи определяется критериями сравнительно-исторического характера. Эти последние позволяют уяснить степень целостности, единства и самодостаточности Б.я. и их выделенности среди других, даже наиболее близких им, причем не столько в статике, сколько в развитии. В сравнительно-историческом плане для Б.я. характерно:

— в ф о н е т и к е: противопоставление гласных по долготе/краткости; свободное место ударения (позже в латышском оно стабилизировалось на начальном слоге); система интонационных различий; сохранение в достаточно полном виде и.-е. гласных **e*, **i*, **u* и **ē*, **ī*, **ū*; совпадение и.-е. **a* и **o* в балт. *a* (при асимметричном развитии и.-е. **ā* и **ō*, так или иначе различающихся и на уровне балтийских рефлексов); единство рефлексов и.-е. слоговых (*ir/ur*, *il/ul* и т. п.); относительная простота консонантизма (например, отсутствие следов придыхательных); противопоставление глухих и звонких щелевых (*s/z* или *š/ž*); сатемные рефлексy и.-е. **k*′, **g*′ (впрочем, известно немало случаев, где сатемизация не была осуществлена); особая роль *j*, исчезавшего в определенной позиции и вызывавшего палатализацию (появление аффрикат и мягких согласных); относительная сохранность конца слова (ср. сохранение *-s*), слоговой структуры слова, схем сочетания фонем (ср. сохранение *m* перед зубными), типов чередования гласных, используемых в морфологии и словообразовании; отдельные тенденции в области сандхи и т. п.;

— в м о р ф о л о г и и: сохранение различных типов склонения в зависимости от исхода основы (в частности, на согласный); наличие склонения основ на *-e* (из **-iġā*, ср. литов. *žėmė* 'земля', латыш. *zeme*, прус. *semmē*); «расширенный» вариант падежной системы; некоторые особенности падежной флексии (ср. элемент *-m-* в творительном падеже как и.-е. «регионализм», флексия местного падежа, восходящая к послелогy и т. п.); наличие двух типов прилагательных — простых и сложных (местоименных); система дейктических местоимений; относительная простота системы времен в глаголе; претерит на *-ā*, *-ē*; отсутствие таких и.-е. форм, как корневой аорист, аорист на *-s*, перфект и имперфект; существенность видовых (и относящихся к характеру протекания действия) различий; неразличение чисел в глагольных формах 3-го лица; сохранение ряда архаизмов (атематическое спряжение, форма и.-е. опатива, отдельные глагольные флексии) при развитии некоторых новообразований (дебитив в латышском, пермиссив в литовском и т. п.);

— в с л о в о о б р а з о в а н и и: широкий инвентарь общих суффиксов для образования имен: **-sġan-*, **-sġen*, **-sen-* (литов., прус. *-sena*, латыш. *-šana* и т. п.); *-ūnas*, *-ēlija-*, *-ut-*, *-ul-*, *-už-*, *-uk-*, *-ait-*; *-ing-*, *-išk-/isk-* (суффиксы прилагательных) и т. д.; префиксальные типы в имени и в глаголе; глагольное словообразование (*-ina-*, *-sta-* и т. п.); некоторые особенности словосложения, особенно тип двучленных собственных имен архаичного типа и др.;

— в с и н т а к с и с е: наличие абсолютных конструкций; препозитивное употребление генитива (следует отметить исключительно широкий спектр синтаксических функций этого падежа); важная роль частиц (местоименных, предложно-последовательных и иных) во фразе, в частности, в связи с глаголом, и т. п.;

— в л е к с и к е: исключительное единство словаря, проявляющееся в наличии большого количества слов, которые во всех известных Б.я. кодируются общим

корнем (или основой), при том, что соответствующие слова в других индоевропейских языках передаются всегда иначе (длинные списки лексем, общих всем Б.я., часто предельно облегчают реконструкцию соответствующих фрагментов «прабалтийского» словаря); сохранение многих архаических лексем и т. п.;

— во ф р а з е о л о г и и: наличие целого ряда архаичных «поэтических» формул и сочетаний слов, восходящих к индоевропейской древности и сохраняющихся в некоторых современных балтийских текстах (в частности, фольклорных, религиозных, правовых и т. п.).

Б.я. обнаруживают значительное единство и вне сравнительно-исторической перспективы. Поэтому они могут рассматриваться как нечто целое (особая группа) и в синхронном плане. Эта целостность современного балтийского языкового типа (литовский, латышский, латгальский) подчеркивается с особой рельефностью при его сравнении с другими группами языков в типологическом плане и при сопоставлении балтийского языкового ареала со смежными ареалами других языков.

Ф о н о л о г и я. Фонологическая структура современных литературных языков (литовского, латышского и латгальского) характеризуется рядом общих близких черт. В частности, фонемы этих двух языков могут описываться одним и тем же набором дифференциальных признаков. Среди этих признаков особенно специфичны твердость/мягкость у согласных, напряженность/ненапряженность у гласных (с помощью последнего признака различаются *e*, *i*, *u* и *æ*, *iē*, *o*). Единство и целостность фонемного инвентаря Б.я. возрастает при учете того, что фонемы *f*, *x*, литовские *c*′, *z*′, *γ*, латышская *ž* и др. встречаются редко, притом обычно в заимствованиях или в ономатопеической лексике. Общими для Б.я. являются основные просодические категории (элементы) — количество, интонация и ударение. Противопоставление по долготе/краткости актуально для различения гласных (литов. *būtas* 'квартира', но *būtas* 'бывший', латыш. *virs* 'над', но *vīrs* 'муж'). Интонационные противопоставления существенны и для литовского, и для латышского, но их конкретная реализация различна: литов. *āušti* 'остывать' (нисходящая/резкая интонация) — *aiūsti* 'светать' (восходящая/длительная интонация); латыш. *plāns* 'глиняный пол' (длительная интонация) — *plāns* 'тонкий' (прерывистая интонация); латыш. *lauks* 'поле' (длительная интонация) — *lauks* 'белолобый' (нисходящая интонация). Функция места ударения важна для литовского (*galvā* 'голова', но *gálva* 'головой', *kalnė* 'на горе', но *kálnė* 'о гора!') и лишь в очень малой степени — для латышского языка с постоянным ударением на первом слоге (ср. *viē'nādi* 'всегда', но *'viēnādi* 'одинаковые').

Минимальным пространством, на котором наглядней всего выявляются особенности дистрибуции фонем в Б.я., служит фонологический слог. Максимальная модель слога (сочетание двух предельно длинных последовательностей согласных фонем, из которых одна предшествует гласной фонеме, образующей вокалический центр слога, а другая следует за ней) имеет следующий вид: $C_s + C_t + C_t + V + C + C + C$ (где *V* — гласная, *C* — согласная, *C_s* — щелевая согласная, *C_t* — смычная согласная, *C_r* — сонорная согласная). Слово в Б.я. не может начинаться более чем тремя согласными фонемами, принадлежащими к разным классам и аранжированными в указанной выше последовательности (*/skl/*, */skr/*, */spl/*, */spl'/*, */spr/*, */str/* и т. п.). Редуцированные варианты начала слова (и слога) строятся более или менее автоматически: $C_t + C_r$ (*/bl/*, */bl'/*, */br/*, */br'/*, */cv/*, */dr/*, */dr'/*, */dv/*,

/dv'/, /gl/, /gl'/, /gn/, /gn'/, /gr/, /gr'/, /gv/, /kl/, /kl'/, /kn/, /kn'/, /kr/, /kr'/, /kv/, /pl/, /pl'/, /pr/, /tr/, /tr'/, /tv/); C_s + C_r (/fl/, /fr/, /sl/, /sl'/, /sm/, /sn/, /sn'/, /sv/, /šl/, /šl'/, /šm/, /šn/, /šn'/, /šv/, /zl/, /zm/, /zn/, /zv/, /žl/, /žl'/, /žm/, /žn/, /žn'/, /žv/); C_s + C_t (/sk/, /sk'/, /sp/, /st/, /šk/, /šk'/, /šp/, /št/). Возможна и дальнейшая редукция, при которой в начале слова и слога выступает одиночная фонема одного из трех классов — C_s, C_t, C_r. Согласная вообще может отсутствовать, и в таком случае на первом месте в слове оказывается гласная фонема. Из этих правил распределения фонем в начале слова следуют некоторые другие (так, если C_r начинает слово (слог), то за ней автоматически следует V, и т. п.). Любая гласная и согласная могут начинать слово (слог). Структура последовательности фонем в конце слова (слога) сложнее, и заключения о ней обычно носят лишь вероятностный характер. Конечная группа согласных фонем, как правило, не превышает трех элементов. В качестве последнего элемента выступают чаще всего (из согласных) C_r и C_s, гораздо реже C_t (обычно лишь в ониматопеических словах и при редукции конечного гласного элемента, не говоря об отдельных «регулярных» формах типа литов. *būk* 'будь' или латышского инфинитива (*balināt* 'белить') и пересказывательного наклонения (*balinuôt* 'белит, дескать') и т. п.). При исходе слова (слога) в виде двух согласных наблюдается тенденция к размещению согласных фонем по принципу зеркального отражения начала слова (слога), начинающегося двумя согласными: /sn-/ и /-ns/, /sm-/ и /-ms/, /sr-/ и /-rs/, /sk-/ и /-ks/ и т. п. Фонемная структура конца слова в латышском значительно сложнее, чем в литовском, из-за исчезновения некоторых гласных фонем, завершавших слово или предшествовавших конечному согласному. Слово (слог) в Б.я. может оканчиваться любой гласной фонемой. Вокалический центр слога может состоять из любой гласной фонемы, сочетания гласных фонем, из которых вторая выступает в неслоговой функции (дифтонги *ai*, *au*, *ei*, *ui*) или обе вместе образуют один слог (монофонемы-дифтонгоиды *ie*, *uo*), или сочетания гласной фонемы с сонорными, которое несет на себе интонацию.

М о р ф о л о г и я. Максимальный морфологический состав слова в Б.я. описывается моделью: отрицание + префикс + ... + корень + ... + суффикс + ... + флексия + постфикс. Слово может содержать более чем один префикс. В таких случаях первое место занимает обычно видовой префикс *pa-* или же на втором месте находится префикс, обладающий малой степенью самостоятельности. В литовском, латгальском и латышских говорах Курземе между префиксом и корнем может находиться возвратный элемент (*-si-*), а в старолитовском языке и флексия (ср. *pa-io-prasta* в м. совр. *pa-prasto-jo* (род. п. ед. ч. м. р.) 'простого'). Слово может иметь более чем один корень (обычно в таком случае их число не превышает двух). Известны разные сочетания корней с точки зрения соотношения их с грамматическими классами слов: прилагательное + прилагательное или существительное; существительное + существительное или глагол; местоимение + существительное или прилагательное; числительное + существительное или числительное; глагол + существительное или глагол; наречие + существительное или прилагательное или наречие. Количество суффиксов не ограничено. Их обычный порядок: суффикс объективной оценки + суффикс субъективной оценки (уменьшительные, увеличительные, ласкательные, уничижительные). Суффиксы последнего типа получили в Б.я. широкое распространение. Флексия в слове, как правило, одна; исключения составляют сложные прилагательные (литов.

balt-aj-ai (дат. п. ед. ч. ж. р.) 'белой'), некоторые глагольные формы, особенно с возвратным постфиксом.

Морфологическое пространство Б.я. характеризуется следующим набором категорий: род (мужской/женский, в одном из прусских диалектов сохранялся и средний род, кое-где в прилагательном усматриваются остатки ср. рода), число (единственное и множественное, в старых текстах и кое-где в говорах сохраняются следы двойственного числа), падеж (именительный, винительный, родительный, дательный, инструментальный, местный — в старых текстах и говорах несколько вариантов этого падежа, — все вместе противопоставленные звательной форме), краткость/полнота (или «сложность», или категория определенности), градуальность (положительная, сравнительная, превосходная степени), лицо (1-е, 2-е, 3-е), время (настоящее, будущее, прошедшее), наклонение (изъявительное, условное, желательное, повелительное, пересказывательное, или косвенное, или «эвиденциальное»), залог (действительный, возвратный, страдательный). Различие по виду, включая разные оттенки протекания действия (начинательность, итеративность, терминативность и т. п.), по каузативности/некаузативности и т. п. целесообразно рассматривать как факты глагольного словообразования. Некоторые «индивидуальные» граммы противопоставляют один балтийский язык другому (ср. прошедшее многократное время в литовском или долженствовательное наклонение в латышском). Общим для Б.я. является и состав грамматических классов слов, определяемых сочетанием перечисленных категорий и степенью их независимости: существительное и указательное местоимение (род, число, падеж), прилагательное (род, число, падеж, зависящие от соответствующих категорий существительного, краткость/полнота, градуальность), личное местоимение (число, падеж, лицо), личные формы глагола (число, лицо, время, наклонение, залог), причастные формы (род, число, падеж, зависящие от соответствующих категорий имени, краткость/полнота, время, залог), полупричастные и деепричастные формы (род, число, время, залог), инфинитив (залог).

Морфологическое содержание Б.я. реализуется с помощью различий во флексиях, в типе основ и в звуковом виде корня (аблаутные отношения).

В имени существительном различаются пять основ, условно обозначаемых: *-o-*, *-a-* (в твердом и мягком вариантах, ср. основы на *-ē*), *-i-*, *-u-*, *-C-* (согласный), и не более трех десятков (в латышском меньше) флексий, присоединяющихся к основе. Нередко одна и та же флексия выражает данное сочетание грамем от разных основ; так, именительный падеж единственного числа всех родов в литовском и латышском может быть образован с помощью двух флексий: *-s* и *-Ø*; родительный падеж множественного числа — с помощью одной флексии *-ų/-u*; местный падеж единственного числа всех родов — с помощью *-e* и его алломорфов в литовском и с помощью алломорфа, выражаемого просодическим элементом долготы, — в латышском и т. д. Большее число флексий в склонении имени в литовском объясняет меньшее количество омонимичных флексий в этом языке, отражающих нейтрализацию грамем имени. Ср. литовский им. п. ед. ч. — твор. п. ед. ч. — зват. форма (*kaina* 'цена'); им. п. ед. ч. — вин. п. мн. ч. (*dalis* 'часть', *vagis* 'вор', *sūnūs* 'сын'); род. п. ед. ч. — им. п. мн. ч. (*kainos* 'цена', *žemės* 'земля'); твор. п. ед. ч. — род. п. мн. ч. (*vyrų* — *vyrų* 'мужчина'); вин. п. ед. ч. — род. п. мн. ч. (*sūnų* — *sūnų* 'сын'; здесь, как и в предыдущем

примере, различие достигается с помощью просодических элементов) и т. д. вплоть до квазиомографов — в сравнении с латышским: им. п. ед. ч. — род. п. ед. ч. — зват. форма (*sirds* 'сердце', *debess* 'небо', *ūdens* 'вода'); им. п. ед. ч. — род. п. ед. ч. — вин. п. мн. ч. (*tīrgus* 'рынок'); род. п. ед. ч. — им. п. мн. ч. — вин. п. мн. ч. (*sievās* 'жена'); вин. п. ед. ч. — зват. форма (*brālī* 'брат'), вин. п. ед. ч. — зват. форма — род. п. мн. ч. (*tīrgu*), вин. п. ед. ч. — род. п. мн. ч. (*tīvu* 'отец'), им. п. мн. ч. — вин. п. мн. ч. (*sirdis*, *debesis*). В латышском языке наблюдается постоянная омонимия флексий инструментального и дательного падежей во множественном числе (в единственном числе инструментальный падеж обычно снабжен предлогом). В Б.я. известно некоторое число непарадигматических локативных форм (особенно в литовском).

Склонение прилагательных устроено проще. У кратких прилагательных различается меньшее число основ на *-o-*, *-a-*, *-e-* (в латышском языке, в отличие от латгальского, нет прилагательных с этой основой), в литовском еще на *-i/-io-*, *-u-*, которые сочетаются почти с одним и тем же набором окончаний в пределах данного рода: литов. род. п. ед. ч. м. р. *gēr-o* 'хорошего', *didž-iojo* 'большого, великого', *paskutin-io* 'последнего', но *sunk-aūs* 'тяжелого'. Этот набор совпадает в главных чертах с тем, который характеризует имя существительное, и включает еще несколько местоименных флексий. У полных прилагательных различаются практически две основы — мужского и женского рода, снабженные двумя (отчасти перекрещивающимися во множественном числе) сериями флексий; при этом каждая из флексий состоит из флексий краткого прилагательного и образующей особую парадигму местоименной флексии.

Личные местоимения также характеризуются особым набором флексий и супплетивизмом основ (основа единственного числа — основа множественного числа, основа именительного падежа — основа косвенных падежей).

Глагол в Б.я. образует довольно простую систему. Это, в частности, связано с нейтрализацией противопоставления по числам в формах 3-го лица (в некоторых говорах, например в тамском говоре латышского языка, нейтрализуются и различия по лицам) и особенно с возможностью описания всех личных форм глагола в изъявительном наклонении с помощью одного набора флексий, выступающих в чистом виде (1 л. ед. ч. *-u*, мн. ч. *-m/-me*, 2 л. ед. ч. *-i*, мн. ч. *-t/-te*, 3 л. *-Ø*) или осложненных возвратным элементом *-s*. При этом различаются две основы — непрошедшего времени (часто в двух вариантах: наст. вр. — литов. *dirb-* 'работать', латыш. *velk-* 'тянуть', 'волочить', 'влечь'; буд. вр. — литов. *dirb-s-*, латыш. *vilks-s-*) и прошедшего времени (литов. *dirbo-*, латыш. *vilka-*); ср. иную трактовку противопоставления глагольных основ в статье «Литовский язык» в настоящем издании. Набор флексий для форм других наклонений обычно дефектен, ср. флексии повелительного наклонения — 2 л. ед. ч., 1 л. мн. ч., 2 л. мн. ч., причем флексии двух последних форм совпадают с флексиями изъявительного наклонения, хотя предшествующие им форманты (литов. *-k-* и латыш. *-ie-*) различны. В ряде форм косвенных наклонений существенна не флексия, а сочетание грамматического {префикса} с основой (для форм, не знающих противопоставления по лицам), ср.: литов. *te-dirbie* 'пусть работает' (желательное наклонение) и латыш. *jā-velk* 'надо тянуть' (долженствовательное наклонение; существует также мнение, согласно которому дебитив не является наклонением и представ-

ляет собой особую категорию). Особым набором флексий характеризуются причастные, полупричастные и деепричастные формы, а также инфинитив и супин. Для первых двух классов этот набор совпадает с флексиями прилагательных. Разное сочетание личных форм с причастными образует сложные формы времен и наклонений, грамматическое значение которых определяется смыслом их составных частей.

Синтаксические связи между элементами предложения выражаются в Б.я. тремя способами: формами словоизменения, несамостоятельными словами, примыканием. Элементарную схему предложения образует соединение группы имени в именительном падеже с группой глагола. Группа имени может либо отсутствовать вовсе, либо разворачиваться в существительное, прилагательное или местоимение в именительном падеже. Группа глагола также может отсутствовать (именные предложения) или же разворачиваться в смысловой глагол в личной форме или в группу глагола-связки; смысловой глагол в личной форме может разворачиваться в смысловой глагол в личной форме и имя не в именительном падеже, а группа глагола-связки — в личный глагол-связку и либо в имя, либо в неличную форму глагола. Группа имени может разворачиваться в: 1) прилагательное и существительное; 2) имя и имя; 3) предлог и имя (местоимение); 4) личное местоимение. Группа прилагательного может разворачиваться в наречие и прилагательное. Группа глагола — в глагол и наречие, а сам глагол — в личную и неличную формы. Некоторые из указанных элементов предложения могут замещаться самостоятельными или полусамостоятельными оборотами, трактуемыми в таких случаях как один член. Эти правила могут применяться неоднократно, и предложение может неограниченно увеличивать свою длину. Однако на практике существуют количественные ограничения. Особенности синтагматической реализации этих правил связаны прежде всего с порядком слов в предложении, о чем в данной статье могут быть высказаны достаточно общие соображения, относящиеся к статистически частым типам явлений. Так, группа глагола обычно следует за группой имени в именительном падеже; в группе смыслового глагола в личной форме группа имени не именительного падежа чаще или даже обычно следует за смысловым глаголом в личной форме; в группе имени все падежные формы следуют за именем в родительном падеже, если эти остальные формы связаны с родительным падежом (последнее правило обладает высокой степенью вероятности и существенно в связи с тем, что родительный падеж в Б.я. способен выражать самые различные синтаксические отношения; отсюда — исключительная роль этого падежа в синтаксических трансформациях). Предложение описанной структуры может циклически повторяться, образуя сложносочиненное (союзное или бессоюзное) или сложноподчиненное (с помощью союзов и других вспомогательных средств) предложения. Отрицательная трансформация предложения обычно не вызывает существенных изменений его структуры (ср., однако, употребление родительного падежа при отрицании и двойное отрицание). Вопросительная трансформация, напротив, чаще всего приводит к инверсии слов или к введению особых вопросительных частиц.

Словарь Б.я. отличается значительной общностью по своему составу и по степени единообразия в передаче одних и тех же элементов содержания общими формальными комплексами. Высокая степень монолитности балтийского слова-

ря коренится в принадлежности Б.я. к одной и той же группе индоевропейских диалектов архаичного типа и сходными условиями исторического развития и современной жизни. Подавляющее большинство семантических сфер в литовском и латышском языках обеспечивается исконной лексикой индоевропейского происхождения. Особенно полное соответствие наблюдается в составе словообразовательных элементов, служебных слов (союзы, частицы, предлоги, некоторые разряды наречий) и т. п. В этой сфере сходство является правилом, а различия — исключениями (хотя и нередкими). Однако даже в устойчивых и традиционных сферах нередко обнаруживаются существенные лексические различия (ср. в именах родства: литов. *sūnūs* 'сын', латыш. *dēls*; литов. *duktė* 'дочь', латыш. *meīta*; литов. *sesuo* 'сестра', латыш. *māsa*; литов. *žmona* 'жена', латыш. *siēva*; также в ряде других сфер: литов. *duona* 'хлеб', латыш. *māize*; литов. *jūodas* 'черный', латыш. *mēlns*; литов. *nosis* 'нос', латыш. *degūns*; литов. *dantis* 'зуб', латыш. *zūobs* и т. п.). В известной степени сходство в словарном составе Б.я. увеличивается за счет многочисленных общих славянских заимствований, а иногда и за счет германизмов. Однако по количеству и характеру последних Б.я. довольно заметно отличаются друг от друга. В еще большей степени это относится к финноязычным заимствованиям, многочисленным в латышском языке и несравненно более редким в литовском. В начале XX в. оба языка пополнились значительным количеством слов (и целых фразеологизмов), заимствованных из западных языков или же построенных по образцу соответствующих слов и выражений этих языков. Особое место занимают лексические заимствования из русского языка, а в последнее время — и из английского (имеет место также калькирование). Наряду с внешними источниками словарь пополняется также за счет внутренних ресурсов, и целый ряд новых семантических сфер в большой степени обслуживаются собственными средствами (например политика, спорт, современная культура, наука, техника, бизнес и т. п.). Высокая способность к использованию исконных лексических элементов применительно к новым семантическим заданиям, как и удивительная сохранность старой индоевропейской лексики, составляют важную особенность словаря Б.я.

ЛИТЕРАТУРА

Основные периодические издания по балтистике Закончившиеся:

Archivum Philologicum. Kaunas, 1930–1939.
Balticoslavica. Vilnius, 1933–1938.
Filologu biedrības raksti. Rīgā, 1921–1940.
Studi baltici. Roma, 1931–1969.
Tauta ir žodis. Kaunas, 1923–1931.

Продолжающиеся:

Балто-славянские исследования. М., 1972– (первые три выпуска носят название «Балто-славянский сборник 1972», «Балто-славянские исследования 1974», «Балто-славянские

этноязыковые контакты 1980», с 1981 г. учреждена серия «Балто-славянские исследования»).

Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964–1970; Warszawa, 1971–.
Baltistica. Vilnius, 1965–.
Baltu filologija. Rīgā, 1991–.
Gimtoji kalba. Kaunas, 1933–1941; Chicago, 1958–1968; Vilnius, 1990–.
Journal of Baltic Studies. USA, 1970–.
Kalbos kultūra. Vilnius, 1961–.
Kalbotyra. Vilnius, 1958–.
Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius (с 1957 г., с 41-го тома название изменено на Acta Linguistica Lithuanica).

Linguistica Baltica. Warszawa, 1992–1993; Kraków, 1994–.
Linguistica Lettica. Rīga, 1997–.
Lituanistica. Vilnius, 1990–.
Lituanistikos darbai. Chicago, 1966–.
Ponto-Baltica. Firenze; Milano, 1981–.
Res Balticae. Pisa, 1995–.
Schriften des Instituts für Baltistik. Greifswald, 2000–.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря. Новосибирск, 1998, вып. 1 (*а — *go-).

Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. М., 2004 [Gimbutas M. The Balts. London, 1963].

Дини П. У. Балтийские языки / Пер. с итал. М., 2002.

Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // IV Международный съезд славистов: Доклады. М., 1958.

Лаучюте Ю. Балто-славянские лингвистические контакты в ареальном освещении // Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика, источники исследования. Л., 1980.

Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Непокупный А. П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.

Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Непокупный А. П. Общая лексика германских и балто-славянских языков. Киев, 1989.

Орел В. Э. Из албано-балтийских соответствий в области глагола // Baltistica, 1985, XXI₂.

Орел В. Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.

Откупщиков Ю. В. Балтийские и славянские языки // Ю. В. Откупщиков. Opera philologica minora. СПб., 2001.

Откупщиков Ю. В. Славянские, балто-славянские и балтийские этимологии // Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб., 2001.

Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования XVI. М., 2004.

Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков /

А. П. Непокупный, Н. Н. Быковец, В. А. Пономаренко и др. Киев, 2005.

Седов В. В. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.

Седов В. В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987.

Топоров В. Н. Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Уч. зап. Ин-та славяноведения. М., 1959, т. 17.

Топоров В. Н. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Уч. зап. Ин-та славяноведения. М., 1962, т. 18.

Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений // Вопросы славянского языкознания, вып. 3, 1958.

Топоров В. Н. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1962, № 5.

Топоров В. Н. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимии // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Топоров В. Н. Балтийские языки: Введение // Языки народов СССР. М., 1966, т. 1 (Индоевропейские языки).

Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. I // Балканские чтения. М., 1973.

Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Топоров В. Н. Категория времени и пространства и балтийское языкознание // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.

Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Топоров В. Н. Еще раз о древних западно-балканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание. М., 1984.

Топоров В. Н. Balto-Albanica // Acta Baltico-Slavica, 1987, t. 17.

Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Топоров В. Н. Еще раз о названии Волга // *Studia Slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История науки* / К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991.

Топоров В. Н. Еще раз о балтизмах в чешских землях // *Slavia*, 1993, т. 62.

Топоров В. Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (Из цикла «По окраинам древней Балтии») // *Res Balticae*, 1995.

Топоров В. Н. Балтийские следы на Верхнем Дону // *Балто-славянские исследования 1988–1996*. М., 1997.

Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // *Балто-славянские исследования 1988–1996*. М., 1997.

Топоров В. Н. О балтийском слое русской истории // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.

Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1974, II sēj.].

Antoniewicz J. Tribal territories of the Baltic peoples in the Hallstatt-La Tène and Roman periods in the light of archaeology and toponymy // *Acta Baltico-Slavica*, 1966, 4.

Arntz K. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slavisch. Heidelberg, 1933.

Baltic Linguistics / Ed. by Th. F. Magner and W. R. Schmalstieg. University Park; London, 1970.

Balto-Słowiańskie związki językowe. Wrocław, 1990.

Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1996–2003, I–III.

Bednarczuk L. Onomastyka bałtycka w źródłach antycznych // *Acta Baltico-Slavica*, 1982, t. 14.

Blése E. Latviešu personu vārdi un uzvārdi studijas. Rīga, 1929, I.

Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958, t. I; 1959, t. II; 1962, t. III.

Dini P. U. Le lingue baltiche fra il II e III millennio // *La formazione dell'Europa linguistica*. Firenze, 1993.

Dini P. U. Le lingue baltiche. Firenze, 1997 [литов. пер.: Pietro Umberto Dini. Baltų kalbos. Lyginamoji istorija. Vilnius, 2000; латыш. пер.: Pietro Umberto Dini. Baltu valodas. Rīga, 2000].

Dundulis B. Normanai ir baltų kraštai (IX–XI). Vilnius, 1982.

Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. Erster Teil: die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.

Duridanov I. Die Beziehungen des Baltischen zu den alten Balkansprachen // *Indo-Germanisch-Slavisch und Baltisch* / Hrsg. B. Barschel, M. Kozińska, K. Weber. München, 1992.

Eckert R. Baltische Studien. Berlin, 1971.

Eckert R. Untersuchungen zur historischen Phraseologie und Lexikologie der Slavischen und Baltischen. Berlin, 1981.

Eckert R., Buķevičūtė E. J., Hinze F. Die baltischen Sprachen. Eine Einführung. Leipzig; Berlin; München, 1994.

Endzelīns J. Latvijas vietu vārdi. 2 sējumi. Rīga, 1922–1925 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1981, IV sēj., 1. daļa].

Endzelīns J. Die lettlandischen Gewässernamen // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1934, Bd. 2 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1980, III sēj., 2. daļa].

Endzelīns J. Ievads baltu filoloģijā. Rīga, 1945 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa].

Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas. Rīga, 1948 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa; англ. пер.: J. Endzelīns. Comparative Phonology and Morphology of the Baltic Languages. The Hague; Paris, 1971].

Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi. Rīga, 1956, I₍₁₎ (A–J); 1961, I₍₂₎ (K–O) [издание не окончено].

Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1971, I; 1974, II; 1979, III₍₁₎; 1980, III₍₂₎; 1981, IV₍₁₎; 1982, IV₍₂₎.

Erhart A. Baltské jazyky. Praha, 1984.

Falk K. O. Wody węgierskie i huciańskie. Studium toponomastyczne. Uppsala; Lund, 1941, t. 1–2.

Fraenkel E. Die baltischen Sprachen. Ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1950.

Fraenkel E. Zum baltischen und slavischen Verbum // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1950, Bd. 20.

Gerullis G. De Prussicis Samiensium locorum nominibus. Tilsit, 1912.

Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.

Górniewicz H. Nazwy wodne dorzecza dolnej Wisły. Hydronymia Europaea. I. Wiesbaden, 1985.

Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.

Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiujų santykių klausimai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1968, t. 10.

Karaliūnas S. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987.

Kilian L. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.

Kilian L. Zur Herkunft und Sprache der Preußen. Bonn, 1980.

Krahe H. Baltischen Ortsnamen westlich der Weichsel // *Alt-Preussen*, 1943, Bd. 8, № 3. (Königsberg).

Labuda G. Die Prussen in der tschechischen und slowakischen Ländern des frühen Mittelalters // *Otázky dějin střední a východní Evropy*. Brno, 1971.

Labuda G. Zagadnienie osadnictwa ludności bałtyckiej na lewym brzegu dolnej Wisły we wczesnym średniowieczu // *Konferencja Pomorska. Prace Slawistyczne*, 12. Wrocław, 1979.

Leumann M. Baltisch und Slavisch // *Corolla linguistica*. Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955.

Mannhardt W. Lettopreußische Götterlehre. Rīga, 1936.

Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai: Deklinacija. Vilnius, 1970.

Plāķis J. Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi. I daļa: Kurzemes vārdi. Rīga, 1936; II daļa: Zemgales vārdi. Rīga, 1939.

Poljakow O. Das Problem der balto-slavischen Sprachgemeinschaft. Frankfurt an Main, 1995.

Pospiszyłowa A. Toponimia południowej Warmii. Nazwy miejscowe. Olsztyn; Pojezierze, 1987.

Powierski J. Kształtowanie się granicy pomorsko-pruskiej w okresie od XII do początku XIV w. // *Zapiski historyczne*, 1965, t. XXX_(2, 3).

Rădulescu M. Daco-Romanian-Baltic Common Lexical Elements // *Ponto-Baltica*, 1981, vol. 1.

Rudzīte M. Ievads baltu valodniecībā. Rīga, 1993.

Sabaliauskas A. Baltų ir Pabaltijo suomių kalbų santykiai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1963, t. 6.

Safarewicz J. Języki bałtyckie // *Safarewicz J. Studia językoznawcze*. Warszawa, 1967.

Savukynas B. Ežerų vardai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1960, t. 3; 1961, t. 4; 1962, t. 5; 1966, t. 8.

Schall H. Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel // *Atti e memorie del VII Congresso internazionale de scienze onomastiche*. Firenze, 1963.

Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // *Zeitschrift für vergleichende Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1964–1965, Bd. 79.

Schmalstieg W. R. Le lingue baltiche // *Le lingue indoeuropee*. Bologna, 1993.

Schmid W. P. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Wiesbaden, 1963.

Schmid W. P. Baltische Gewässernamen und das vorgeschichtliche Europa // *Indogermanische Forschungen*, 1972, Bd. 77.

Schmid W. P. Galinder // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; N.Y., 1998, Bd. 10.

Smoczyński W. Indoeuropejskie podstawy słownictwa bałtyckiego // *Acta Balto-Slavica*, 1982, t. 14.

Smoczyński W. Języki bałtyckie // *Języki indoeuropejskie*. Warszawa, 1988, t. II.

Smoczyński W. Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich. Kraków, 2002.

Smoczyński W. Studia bałto-słowiańskie. Wrocław, 1989, cz. I; Kraków, 2003, cz. II.

Stang Chr. S. Das slavische und baltische Verbum. Oslo; Bergen; Tromsø, 1942.

Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.

Stang Chr. S. Opuscula linguistica: Ausgewählte Aufsätze und Abhandlungen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1970.

Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.

Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Ergänzungsband. Register, Addenda und Corrigenda. Oslo, 1975.

Szemerényi O. L'unité linguistique balto-slave // *Études Slaves et Roumaine*. Budapest, 1948.

Szemerényi O. The Problem of Balto-Slav Unity: A Critical Survey // *Kratylos*, 1957, № 2.

Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.

Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.

Vanagas A. Baltų arealas toponimijos duomenimis // *Lietuvių etnogenezė*. Vilnius, 1987.

Vanagas A. Lietuvos miestų vardai. Vilnius, 1996.

Zeps V. Latvian and Finnic Linguistic Convergences // Uralic and Altaic series. 9. Bloomington; The Hague, 1962.

Zeps V. The Placenames of Latgola: A Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison, 1984.

Zeps V. Is Slavic a West Baltic Language // General Linguistics, 1984, vol. 24.

Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius, 1977.

Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. Vilnius, 1984, t. I (Lietuvių kalbos kilmė); 1987, t. II (Iki pirmųjų raštų); 1988, t. III (Senujų raštų kalba); 1990, t. IV (Lietuvių kalba XVIII–XIX a.); 1992, t. V (Bendrinės kalbos iškilimas); 1994, t. VI (Lietuvių kalba naujaisiais laikais); 1995 (Rodyklės ir bibliografija).

С л о в а р и

Latvijas PSR ūdensteču nosaukumi. Rīgā, 1986, sēj. 1 (A–I); sēj. 2 (J–M); sēj. 3 (N–R); sēj. 4 (S–Ž).

Lietuvių pavardžių žodynas / Ats. red. A. Vanagas. Vilnius, 1985, daļa I; 1989, daļa II.

Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas / Sud. B. Savukynas, A. Vanagas, V. Vitkauskas. Vilnius, 1963.

Savukynas B., Vanagas A., Vitkauskas V. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.

Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Галинды и галиндский язык:

Вилинбахов В. Б., Энговатов Н. В. Предварительные замечания о западной Галиндии и восточной голяди // *Slavia Occidentalis*, 1963, t. 23 (Poznań).

Седов В. В. Гидронимия голяди // *Пітання гідроніміки*. Київ, 1971.

Топоров В. Н. О балтийском элементе в Подмоскowie // *Baltistica*, 1972, I priedas.

Топоров В. Н. Из истории балто-славянских языковых связей: *анчутка* // *Baltistika*, 1973, IX₍₁₎ priedas.

Топоров В. Н. Балт. **Galind-* в этнолингвистической и ареальной перспективе // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977.

Топоров В. Н. Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа **Galind-*

как знак балтийской периферии // *Slavia Occidentalis*, 1980, t. 29 (Poznań).

Топоров В. Н. Γαλινδαί — *Galindite* — голядь (балт. **Galind*) // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтийских народов. Рига, 1980.

Топоров В. Н. Голядский фон ранней Москвы. О балтийском элементе в Подмоскowie // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981.

Топоров В. Н. Балтский горизонт древней Москвы // *Acta Baltico-Slavica*, 1982, t. 14.

Топоров В. Н. Галинды в западной Европе // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Łowmiański H. Zagadnienie słowiańskich i bałtyjskich nazw plemennych w Sarmacji europejskiej Ptolemeusza // *Acta Baltico-Slavica*, 1964, t. 1.

Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, t. II.

Nalepa J. Próba nowej etymologii nazwy Galindia czyli Gołędz // *Acta Baltico-Slavica*, 1976, t. 9.

Savukynas B. Dėl M. Rudnickio Galindos, Priegliaus ir Sūduvos etimologinių aiškinimų // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1963, № 6.

Schmid W. P. Galinder // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York, 1998, Bd. 10.

Ятвяги и ятвяжский язык:

Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарь? // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.

Непокупный А. П. 3 мовної спадщини ятвягів // *Мовознавство*, 1971, № 6.

Непокупный А. П. К исследованию ареала ятвяжских реликтов // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977.

Непокупный А. П. К поискам языковых следов ятвягов к востоку от Немана // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.

Непокупный А. П. *Sudawskie, Sudowlany* и еще одно старобелорусское название ятвягов // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.

Орел В. Э., Хелимский Е. А. Наблюдения над балтийским языком польско-«ятвяжского» словарика // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.

Отрембский Я. С. Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания, 1961, т. 5.

Отрембский Я. С. Dainavà — название одного из ятвяжских племен // Вопросы славянского языкознания, 1963, т. 7.

Судник Т. М. Замечания к «польско-ятвяжскому словарю» // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.

Топоров В. Н. Две заметки из области балтийской топонимии. 1. О южной границе ятвягов // *Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*. Rīgā, 1959.

Топоров В. Н. О балтийском элементе в гидронимии Верхнего Напева // *Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olafa Falk*. Lundae, 1968.

Хелимский Е. А. Fenno-Ugrica в ятвяжском словаре? // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1985.

Antoniewicz J. Wyniki dotychczasowych badań starożytnego osadnictwa jaćwieskiego w dorz. Czarnej Hańczy // *Wiadomości Archeologiczne*, 1958, t. 25.

Antoniewicz J. Neue Forschungen über Sudauenproblem in Polen // *Archaeologia Polona*, 1961, t. 4.

Antoniewicz J. The Sudovians. Białystok, 1962.

Būga K. Jotvingų žemės upių vardų galūnė -da // *Tauta ir Zodis*. I. Kaunas, 1923 [то же: *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961, t. III].

Būga K. Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai. Kaunas, 1924 [то же: *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961, t. III].

Būga K. Die Vorgesichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung // *Streitberg Festgabe*. Leipzig, 1924.

Česnys G. Jotvingių antropologija // *Iš lietuvių etnogenezės*. Vilnius, 1981.

Dini P. U. Stato della ricerca sulla lingua degli Jatvingi // *Europa Orientalis*, 1985, vol. 4.

Engel C. Das jungste heidnische Zeitalter in Masuren // *Prussia*, 1939, Bd. 33, № 1–2.

Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937.

Gerullis G. Zur Sprache der Sudauer-Jatwinger // *Festschrift A. Bezzenberger zum 14 April 1921*. Göttingen, 1921.

Grinaveckis V. Die südhochlitauische Mundart und die Sprache der Jatvinger // *Indogermanische Forschungen*, 1991, Bd. 96.

Hasiuk M. Die Erforschung der Sprache der Jatvinger // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1985.

Hasiuk M. Jotvingių kalbos rekonstrucijos klausimai // *Baltistica*, 1989, III₍₁₎ priedas.

Hasiuk M. Depalatalizacja spółgłosek w języku jaćwieskim // *Balto-słowiańskie związki językowe*. Wrocław, 1990.

Kamiński A. Jaćwiesz, terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953.

Kamiński A. Materiały do bibliografii archeologicznej Jaćwieszy // *Materiały starożytne*, 1956, t. 1.

Kamiński A. Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny // *Wiadomości Archeologiczne*, 1956, t. 23, zesz. 2.

Kamiński A. Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego // *Rocznik Białostocki*, 1961, t. 1.

Kondratiuk M. Nazwy miejscowe południowo-wschodniej Białostoczczyzny. Wrocław, 1974.

Kondratiuk M. Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego // *Prace Slawistyczne*. Wrocław, 1985, t. 41.

Kuraszkiewicz W. Domniemany ślad Jaćwingów na Podlasiu // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 1955, t. 1 (Warszawa) [то же: *Ruthenica. Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej*. Warszawa, 1985].

Kuzavinis K. Gařbus — jotvingiškas žodis // *Baltistica*, 1968, IV₍₁₎.

Latvijas PSR ūdensteču nosaukumi. Rīgā, 1986, sēj. I–IV.

Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931–1932, t. 1–2.

Łowmiański H. Pogranicze słowiańsko-jaćwieskie // *Acta Baltico-Slavica*, 1966, t. 3.

Mažiulis V. Jotvingiai // *Mokslas ir gyvenimas*, 1966, № 11.

Mäntylä K. Der Kurenname // *Orbis*, 1974, Bd. 23, № 1.

Nalepa J. Jaćwingowie. Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964.

Ochmański J. Nazwa Jaćwingów // *Europa — Słowiańszczyzna — Polska / Studia ku uczczeniu Prof. K. Tymienieckiego*. Poznań, 1970.

Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemennej do XVI wieku. Poznań, 1981.

Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1982.

Ochmański J. Nieznany autor «Opisu krajów» z drugiej połowy XIII wieku i jego wiadomości o Bałtach // *Lituanos-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. Poznań, 1985, t. 1.

Orël V. Marginalia to the Polish-«Jatvingian» Glossary // Indogermanische Forschungen, 1986, Bd. 91.

Otrębski J. Das Jatwingerproblem // Die Sprache, 1963, Bd. IX.

Otrębski J. Udział Jaćwingów w ukształtowaniu języka polskiego // Acta Baltico-Slavica, 1964, t. 1.

Powierski J. Sudawowie // Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław, 1975.

Schmid W. P. Die «Germanismen» im sog. Polnisch-Jatwingschen Glossar // Indogermanische Forschungen, 1986, Bd. 91.

Sjögren A. Über die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen. SPb., 1858.

Tautavičius A. Lietuvių ir jotvingių genčių gyventų plotų ribų klausimu // Lietuvos Mokslo Akademijos Darbai. A serija, 1966, t. 2.

Vanagas A. Kalbos reliktai. Jotvingiai // Mokslas ir gyvenimas, 1974, № 2 (Vilnius).

Vanagas A. К вопросу о ятвяжских языковых реликтах в Литве // Acta Baltico-Slavica, 1976, t. 9.

Wiśniewski J. W sprawie badań nad pograniczem Jaćwieży // Przegląd historyczny, 1957, t. 48, zes. 2.

Wiśniewski J. Domniemany ślady osad jaćwieskich w puszczech pojaćwieskich // Rocznik Białostocki, 1961, t. 1.

Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa w powiecie sejneńskim od XV do XIX wieku // Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej. Białystok, 1963.

Wiśniewski J. Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny, geneza, rozwój oraz zróżnicowanie i przemiany etniczne // Acta Baltico-Slavica, 1977, t. 11.

Witczak K. T. Traces of dual forms in Old Prussian and Jatvingian // Colloquium Pruthenicum Primum: Papers from the 1st International Conference on Old Prussian held in Warsaw, September 30th — October 1st, 1991. Warszawa, 1992.

Włodarski B. Problem jaćwieski w stosunkach polsko-ruskich // Zapiski Towarzystwa Naukowego. Toruń, 1958–1959, t. 24.

Zajaczkowski S. Kaip jotvingiai buvo vadinami viduriniais amžiais // Lietuvos Praeitis, 1940, t. 1, d. 1 (Kaunas).

Zajaczkowski S. Jotvingių problema istoriografijoje // Lietuvos Praeitis, 1941, t. 1, d. 2 (Kaunas).

Zajaczkowski S. O nazwach ludu Jadźwingów // Zapiski Towarzystwa Naukowego. Toruń, 1952, t. 18.

Zajaczkowski S. Problem Jaćwieży w historiografii // Zapiski Towarzystwa Naukowego. Toruń, 1953, t. XIX, zes. 1.

Zinkevičius Z. Dėl baltų substrato Balstogės vaivadijoje (Lenkijoje) // Baltistica, 1975, XI₍₂₎.

Zinkevičius Z. Jotvingių kalbos žodynėlis // Mokslas ir gyvenimas, 1984, № 5.

Zinkevičius Z. Lenkų-jotvingų žodynėlis? // Baltistica, 1985, XXI₍₁₎.

Курши и куршский язык. Курсениеки:

Becker J. Kurische Sprache in Perwelk // Bezenberger Beiträge, zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1904, Bd. 28.

Bezenberger A. Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart; Engelhorn, 1889.

Blese E. Die Kuren und ihre sprachliche Stellung im Kreise der baltischen Volksstämme // Congressus secundus archeologorum balticorum Rigae, 19–23.VIII.1930. Rīgā, 1930.

Būga K. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922 (93. Vokia, mikasai ir Kuršas) [то же: Būga K. Rinktiniai Raštai. Vilnius, 1959, t. II].

Bušs O. Literārās valodas kursismi un kvazikursismi // Valodas aktualitātes 1987. Rīgā, 1988.

Bušs O. Daži eventuāli kursismi toponīmijā // Valodas aktualitātes 1988. Rīgā, 1989.

Bušs O. Kuršu valodas izpētes uzdevumi un perspektīvas // Baltistica, 1989, III₍₁₎ priedas.

Bušs O. Par etnonīmu kurši un zemgaļi cilmi // Onomastica Lettica. Rīgā, 1990.

Endzelīns J. Par seno kursu (jeb kuršu) tautību un valodu // Druva. Rīgā, 1912, № 5 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974].

Endzelīns J. Über die Nationalität und Sprache der Kuren // Finnisch-Ugrische Forschungen, 1912, Bd. 12 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974].

Endzelīns J. Zu den kurischen Bestandteilen des Lettischen // Indogermanische Forschungen, 1913, Bd. 33 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974].

Endzelīns J. Kuršu pēdas rietumu Vidzemē // Filologu biedrības raksti, 1923, III [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīgā, 1979, III sēj., 1 daļa].

Endzelīns J. Par kurseniekiem un viņu valodu // Burtnieks, 1931, 12 [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīgā, 1979, III sēj., 1 daļa].

Endzelīns J. Die Kurenfrage von V. Kiparsky // Filologu biedrības raksti, 1940, XX [то же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīgā, 1980, III sēj., 2. daļa].

Girdenis A. Kuršių substrato problema šiaurės žemaičių teritorijoje (Fonologijos dalykai) // Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981.

Kazlauskas J. Dėl kuršių vardo etimologijos // Baltistica, 1969, IV₍₁₎.

Kiparsky V. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.

Kwauka P., Pietsch R. Kurisches Wörterbuch. Berlin, 1977.

Mäntylä K. Der Kurenname // Orbis, 1974, Bd. 23, № 1.

Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltus bei jų santykius su slavais, ilirais ir germanais // Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981.

Mickevičius A. Lyginamieji skandinavų vikinų ir kuršių visuomenės bruožai IX–XII a. // Ilikrikščioniškosios Lietuvos kultūra. Vilnius, 1992.

Nehrungskurisch II. Sprachhistorische und instrumentalphonetische Studien zu einem aussterbenden Dialekt / Red. W. P. Schmid (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Heidelberg. 4.). Heidelberg, 1995.

Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

Perlbach M., Philippi R., Wagner P. Simon's Grunau's Preussische Chronik. Leipzig, 1875–1889, Bd. 1–2.

Plāķis J. Kursenieku valoda. Rīgā, 1927 [то же: // Latvijas Universitātes Raksti. Filoloģijas un filosofijas fakultātes sērija. XVI sēj.].

Schmid W. P. Zum baltischen Dialekt auf der Kurischen Nehrung // Indogermanische Forschungen, 1983, Bd. 88.

Schmid W. P. Das Nehrungskurische, ein sprachhistorischer Überblick // Nehrungskurisch. Sprachhistorische und instrumentalphonetische Studien zu einem aussterbenden Dialekt (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Heidelberg. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. 2.). Heidelberg, 1989.

Schmid W. P. Der Name der Kuren // Prace Językoznawcze, 1992, t. 16 (Kraków).

Spekke A. Vichinghi e Lettoni (secoli IX–XI) // Studi baltici, 1941–1942, vol. 8.

Zinkevičius Z. A few observations on the origin of the Samogitian dialect // Lingua Poznaniensis, 1980, t. 23.

Земгалы и земгальский язык:

Birzniece Z. Zemgalisko izloksņu teksti. Džūkste. Rīgā, 1983.

Būga K. Kalba ir senovė, Kaunas, 1920–1922 (№ 34) [= Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1959, t. II].

Bušs O. Par etnonīmu kurši un zemgaļi cilmi // Onomastica Lettica. Rīgā, 1990.

Butkus A. Žiemgalos vardas skandinavų runomis // Baltistica, 1994, XXIX₍₁₎.

Dambe V. Blīdienes vietvārdi kā pagātnes liecinieki // Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīgā, 1959.

Endzelīns J. Piezīmes par zemgaļu vārdu un dialektu // Filologu biedrības raksti, 1925, V sēj. [to же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīgā, 1979, III sēj., 1. daļa].

Šļavass J. Ziemgališki etiudai // Kraštotyra. Vilnius, 1971.

Šmits P. Par zemgaliešu un sēļu tautību // Filologu biedrības raksti, 1921, I sēj.

Селы и селонский (сельский) язык:

Брейдак А. Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.

Топоров В. Н. Еще раз о селлах в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. *neur-: *nour- и *sel- // Onomastica Lettica. Rīga, 2004, 2. laidiens.

Breidaks A. Latgaļu, sēļu un žemaišu cilšu valodu senie sakari // Latvijas Zinatņu Akademijas Vēstis, A daļa, 1992, № 8.

Būga K. Kalba ir senovė, Kaunas, 1922 (№ 34) [= Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1959, t. II].

Endzelīns J. [rec.:] K. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. I sąsiuvinis. Kaunas 1924 // Filologu biedrības raksti, 1924, IV [= Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1979, III sēj., 1. daļa].

Endzelīns J. [rec.:] K. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. Išleido švietimo ministerija. Kaunas. I sąsiuvinis 1924 m., II sąsiuvinis 1925 m. // Izglītības ministrijas mēnešraksts, 1925, VII sēj. [= Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1979, III sēj., 1. daļa].

Endzelīns J. Piezīmes par „Latvijas vietu vārdiem“ // Filologu biedrības raksti, 1926, VI [= Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1979, III sēj., 1. daļa].

Karaliūnas S. Sēliu kalba // Mokslas ir gyvenimas, 1972, № 1.

Laučiūtė J. Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // Baltistica, 1988, XXIV⁽¹⁾.

Mažiulis V. Selonica // Baltistica, 1981, XVII⁽¹⁾.

Poiša M. Vidzemes sēliskās izloksnes. Rīgā, 1985, t. I.

Poiša M. Vidzemes sēliskās izloksnes. Rīgā, 1999, t. II.

В. Н. Топоров

ПРУССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Варианты названия: прусский язык (П.я.); самоназвание языка пруссов, как и самих пруссов, неизвестно. Наиболее вероятны два предположения: 1) разные территориальные группы пруссов и их балтоязычных соседей могли называть себя и свой язык по названию «земли» (области), где они проживали (ср. галинды, галиндский язык — Галиндия и т. п.) или некоего отмеченного физико-географического объекта; 2) в последние века своего существования пруссы обозначали свой язык с помощью корня **prūs-*: **prūsiska* (слово практически не засвидетельствовано в П.я.) или *prūsan* 'пруссов (язык)'. В самом пространном из известных прусских текстов («Энхиридион») трижды выступают слова этого корня: дважды — в соответствии со сходным названием в немецком тексте: *Mixkai bhe Prūsiskai — Deutsch vnd Preussisch* 'по-немецки и по-прусски' (речь идет о переводе лютеровского «Малого Катехизиса»), *en Prūsiskan tautan — im Land zu Preussen* 'в прусской стране' и однажды — независимо: *Sta Enteikūsna kai Prūsiskai turri Crixtitwi* 'порядок (форма), как по-прусски должно крестить'. Обозначение носителей П.я. корнем **prūs-* отмечено впервые в IX в. — *Bruzi* (Баварский Географ), т. е. в том же веке, когда в последний раз население этих мест названо «айствиями» (Вульфстан), ср. впервые *Aestii* у Тацита. В дальнейшем подобные названия постоянно употребляются в арабских, латинских, немецких, польских, русских и др. источниках: *Bruzi* (у Баварского Географа, IX в.), *B^urūs* (в арабском сочинении Ибрагима ибн Якуба, около 965 г.), *Pruz(z)e*, *Pruz(z)i*, *Pruzzun*, *Pruci*, *Pruzorum*, *Prucorum*, *пруси* (Лавр. 4); **высть побонице** <...> **с нѣмци с прусы въ нх земли въ прускон** (Новг. перв. летоп., 401, 1410 г.); **пруси** (Ипат. 3 об., 140 об., 141, 237 об., 273, 290 об., 291 об., 294 об.) применительно к народу и стране проживания; ср. также *Прусскую улицу* в Новгороде и личное имя-прозвище **Прұсъ: со Прұсомо** (твор. п.) (в новгородской берестяной грамоте №439; эта форма с корнем **prūs-* не может относиться ранее чем к IX–X вв., так как иначе в польском и русском языках название пруссов звучало бы соответственно *prysy* и *прысы*) и т. п. В новое время утвердились названия: литов. *prūsų kalba*, латыш. *prūšu valoda*, польск. *język pruski*, рус. *прусский язык* (пруссы, строго говоря, следовало бы писать *пруссы* с одним *с*; то же относится к немецкому, английскому, французскому и ряду других языков), нем. *Preussisch* и т. п. Нередко к названию языка добавляется древне- или старо-, причем в некоторых традициях названия последнего типа выступают как основные или наиболее распространенные: латыш. *senprūšu valoda*, англ. *Old Prussian*, нем. *Altpreussisch*, фр. *le*

vieux prussien и др. В немецкой лингвистической традиции в последние годы чаще обозначают П.я. как *Prussisch*, чтобы отличить его от немецкого диалекта Пруссии — *Preussisch*.

Ранние источники помещают на территории будущей земли Пруссии айстиев (эстиев), племя, чье название было известно с античных времен в вариантах *Aestii*, *Aesti*, *Aisti*, *Estum*, *Hesti* и обозначало, как предполагают, особое балтоязычное племя, обитавшее на пространстве, примыкавшем к Балтийскому морю с юга. Велика вероятность того, что некогда пруссы не были единственными балтоязычными обитателями этой территории, на которой, вероятно, жили и славянские племена. Скорее всего пруссы занимали (по крайней мере сначала) лишь какую-то сравнительно небольшую западную часть позднейшей Пруссии, и только позже название Пруссии распространилось на всю эту территорию в силу особой исторической роли прусского этноязыкового элемента.

В XII–XIII вв. уже, видимо, сложилось представление о границе Пруссии и о ее многосоставности, наиболее полно отраженное в конце первой трети XIV в. немецким хронистом Петром из Дусбурга в его «Хронике земли Прусской» («*Chronicon terrae Prussicae*») (эта латинская хроника вскоре после написания была переложена на немецкий язык Николаем фон Ерошином). Ниже приводится перевод двух главок из начала третьей части «Хроники».

Гл. 2. «Описание земли Прусской»: Земля Пруская границами своими, внутри которых она расположена, имеет Вислу, Солёное море (т. е. Балтийское море, в оригинале — *mare salsum*), Мемель, землю Руссии, княжество Мазовии и княжество Добжинское. Висла — это река, текущая из Краковии в землю Померанскую, впадающая в море у крепости Данциг, отделяя Польшу и Померанию от Пруссии. Мемель — тоже река, вытекающая из королевства Руссии, впадающая в море рядом с замком и городом Мемельбургом, самую Руссию, Литву и Куронию также отделяющая от Пруссии.

Гл. 3. «О разнообразии и силе пруссов»: Пруская земля делилась на 11 частей. Первая была Кульмская земля (*terra Colmensis*, у Николая фон Ерошина, автора немецкого переложения «Хроники», — *Colmer*) и Любовия (*Lubovia*, у Николая фон Ерошина — *Lubaw*), которая до прихода братьев дома Тевтонского была почти необитаемой. Вторая — Помезания (*Pomesania*, у Николая фон Ерошина — *Pomezenen*), в которой жили помезаны (*Pomesani*). Третья — Погезания (*Pogesania*, у Николая фон Ерошина — *Pogezenen*), в которой жили погезаны (*Pogesani*). Четвертая — Вармия (*Warmia*, у Николая фон Ерошина — *Ermin*), в которой жили вармийцы (*Warmienses*). Пятая — Наттангия (*Nattangia*, у Николая фон Ерошина — *Nattangin*), в которой жили наттанги (*Nattangi*). Шестая — Самбия (*Sambia*, у Николая фон Ерошина — *Samin*), в которой жили самбы (*Sambite*). Седьмая — Надровия (*Nadrowia*, у Николая фон Ерошина — *Nadrowen*), в которой жили надровы (*Nadrowite*). Восьмая — Скаловия (*Scalovia*, у Николая фон Ерошина — *Schalowen*), в которой жили скаловы (*Scalowite*). Девятая — Судовия (*Sudowia*, у Николая фон Ерошина — *Sudowen*), в которой жили судовы (*Sudowite*). Десятая — Галиндия (*Galindia*, у Николая фон Ерошина — *Galindin*), в которой жили галинды (*Galindite*). Одиннадцатая — Барта и Плика Барта (*Bartha*, у Николая фон Ерошина — *Bartin*), в которой жили барты, или бартенсы (*Barthi vel Barthenses*) <...>.

Почти все эти названия земель Пруссии и соответствующие этнонимы надежно определяются как элементы балтийской речи, более того, именно как прусские (или весьма близкие к ним) слова с довольно прозрачной этимологией.

В отличие от более или менее прозрачных этимологий названий прусских земель и их обитателей, этимология слова, обозначающего Пруссию, пруссов и П.я., объединенных общим корнем **prūs-*, менее ясна, о чем свидетельствует наличие пяти-шести разных точек зрения относительно этимологии слова-этнонима *prūs-* (важно, что поздние и «ученого» происхождения обозначения пруссов как *Borussi*, *Prutheni* и др., оказываются тупиковыми). Несомненно, что при любом этимологизировании можно исходить только из корня **prūs-*. Формально наиболее точное соответствие корню **prūs-* в П.я. было указано в 1965 г. О. Н. Трубачевым, привлечшим к объяснению протогерманского **Frūsa/*Frūsja*, из которого объясняется обозначение Фризии в Нидерландах и, естественно, фризов и фризского языка, но и Пруссии. Таким образом, название пруссов (**prūs-*) рассматривается как заимствование из протогерманского, совершившееся при предполагаемом продвижении пруссов с востока на запад. Несколько раньше Я. Отрембским было предложено иное объяснение слова, обозначавшего пруссов и Пруссию, через сравнение с др.-инд. *pūruṣa/pūruṣa* 'человек'. Кроме того, к сравнению могло бы быть привлечено др.-инд. *pūr-* 'стена из камней, скрепленных глиной', 'укрепление', 'траншея', 'крепость', позже и 'город' как поселение, огражденное защитными средствами. В обоих этих словах выступает идея целокупности, самодостаточности и надежности. При допущении расподобления гласных в обозначении человека (условно — **p^uruṣa*) возникает форма, фонетически весьма близкая к **prūs-* и подкрепляемая типологически весьма частым семантическим переходом от обозначения человека к обозначению-самоназванию племени, народа как совокупности людей (ср. др.-инд. *pūrṇa-* 'полный', 'заполненный', но и 'совершенный') при др.-инд. *par-*, *piparti* 'заполнять' и т. п. — из и.-е. **pelh₁-/*pleh₁-*, ср. *plh₁-no-* 'полный', а также др.-инд. *pūru-*, обозначение племени (праслав. **plemę* предполагает скорее корень **pel-/ *plē-* в значении 'заполнять', в частности, и в вариантах рождения-производства потомства, пополнения того, что и образует племя, менее очевиден источник в виде **pled-/men-* : **plod-* : **plod-iti*). Идея воплощения объясняет и связь корня **prūs-* с прус. *prusnas* 'вид', 'наружность', 'внешность', т. е. в конечном счете я в л е н н о с т ь-заполнение. Менее очевидна выдвинутая М. Рудницким идея связи корня **prūs-* с глаголом литов. *praūsti* 'мыть', польск. *pruchać* 'брызгать' и водной сферой (при латыш. *praūstiēš* 'полнеть', 'утучняться', 'увеличиваться', 'усиливаться'), отсылающими к ключевому смыслу корня **prūs-*. Эта идея получила распространение среди ряда лингвистов, предполагающих гидронимическое происхождение корня **prūs-*, **praus-*, хотя число соответствующих примеров минимально. В этом контексте реконструируется **prūsa-* со значением 'прохладное место', а нем. *Frisches Haff* 'Вислинский (Калининградский) залив' (ср. *frisch* 'прохладный') может рассматриваться как расширенная калька с **Prūsa*. С. Каралюнас с корнем **prūs-* связывает литовский глагол *prūsti* 'толстеть', 'усиливаться' и предполагает, что **prūsis/*prūsas* было некогда апеллятивом, обозначавшим некую совокупность — людей, народ и др. В. П. Шмид предполагает, что **prūsas* могло иметь раньше значение 'хорошо выросший', 'превосходный', что также отсылает к идее полноты, плотности, крепости.

1.1.2. П.я. принадлежит к балтийской ветви индоевропейских языков. Внутри балтийской ветви П.я. принадлежит к западнобалтийской группе, или к «периферийно-балтийским» диалектам, ранними представителями которых, видимо, бы-

ли упоминаемые Птолемеем галинды и судины, айстии (эстии, *Aestiorum gentes* Тацита), геродотовские невры и, предположительно, носители раннепраславянской речи. П.я. обладает рядом существенных общих элементов с куршским языком (см. статью «Балтийские языки» в наст. издании). Внутри западнобалтийской («периферийно-балтийской») ветви П.я. теснее всего был связан с ятвяжским языком. В отнесении к существенно более ранней эпохе П.я. (или его «айстийский» предшественник) внутри той же ветви мог иметь теснейшие отношения с языками судинов и галиндов, еще ранее — с протославянской филиацией «периферийно-балтийского» диалектного состояния и, как предполагают, с финно-язычным этносом, позже здесь исчезнувшим.

П.я. обладает целым рядом диагностически важных особенностей, благодаря которым он трактуется как представитель особого западнобалтийского типа, например: 1) в фонетике — сохранение дифтонга *ei* при изменении его в ряде случаев в *ie* в вост.-балт. (*deiwas/deiws* 'бог' — литов. *diēvas*, латыш. *dievs*); сохранение *dj*, *tj* (*median* 'лес' — литов. диал. *mėdžias*, латыш. *mežs*); сохранение *g*, *k* (в отличие от латыш.); *sj* > *š* (в отличие от литов., ср. прус. *schutuan* [šutan] 'крученая нить' — литов. *siūti*) и др.; 2) в морфологии — сохранение (в помезанском диалекте) среднего рода; родительный падеж единственного числа на *-as* у *a*-основ; номинатив множественного числа на *-ai* у *ā*-основ; датив множественного числа на *-mans* (имя), *-mas* (местоимение); сравнительная степень прилагательных на *-ais*; местоименные основы *sta-*, *tana-*, *tena-*, *di-*, *su-*, *kawīda-*, *stawīda-*; возвратное местоимение *-sin*; притяжательные местоимения *mais* 'мой', *twais* 'твой', *swais* 'свой' (литов. *māno*, *tāvo*, *sāvo* и латыш. *māns*, *tāvs*, *sāvs*); датив единственного числа личных местоимений *mennei*, *tebbeī*, *sebbei*; родительный падеж множественного числа личных местоимений *noūson*; инфинитивы на *-t*, *-twei*, *-ton*; императив с элементом *-ai-* (*-ei-*, *-i-*); ряд глагольных флексий и категорий; имеется также ряд лексических особенностей (*aglo* 'дождь' — литов. *lietus*, латыш. *lietus*; *ayculo* 'игла' — литов. *adata*, латыш. *adata* и т. д.). В ряде случаев П.я. избирательно совпадает с одним из восточнобалтийских языков, отличаясь от другого (см. 2.6.0.).

В генетической перспективе П.я. особого внимания заслуживают те многочисленные примеры, когда он, отличаясь от восточнобалтийских языков, совпадает со славянскими. Наиболее показательны в этом отношении общие структурные черты в области морфологии (в частности, именного склонения). Несмотря на существенную ограниченность сведений о П.я. по сравнению с восточнобалтийскими языками, есть мнение, опирающееся и на конкретно засвидетельствованные языковые данные, и на результаты реконструкций, и на исторически засвидетельствованную смежность прусского и славянского (праславянского) ареалов на широком пространстве от Балтики до Дуная и особенно до Судет, о древних балто-чешских лексических связях. Есть основания полагать, что праславянский язык является одной из филиаций древней балтийской речи «прусского» типа.

1.1.3. Проблема пространственно-временной характеристики П.я. не является простой ввиду сложности исторических судеб пруссов и П.я. и недостаточности источников. Наиболее достоверные данные о распространении пруссов относятся к XII–XVI вв., поскольку они отражены в целом ряде источников и прежде всего в обстоятельной «Хронике Прусской земли» («Chronica Terrae Prussiae») Петра из Дусбурга, в которой описание событий доведено до 1326 г. Согласно «Хронике»

Прусская земля находилась в юго-восточной Прибалтике между Вислой на западе и Неманом на востоке, Балтийским морем на севере и Мазовшем (Мазовией) на юге (примерно по линии Торунь — Белосток, 53° сев. широты), и членилась на 11 отдельных частей («земель»), см. 1.1.1. Прусская земля в XII — первой четверти XIV в. охватывала территорию современной северо-восточной Польши, Калининградской области РФ и небольшого юго-западного уголка Литвы (в Занеманье). В пределах этого ареала в указанный период жили носители П.я.

Ареал П.я. или его непосредственного предшественника, фиксировавшего раннюю стадию в развитии П.я., с течением времени довольно сильно менялся, то сужаясь, то расширяясь. Земли между Вислой и Неманом древние пруссы населяли задолго до того, как впервые был засвидетельствован этот этноним. Судя по готским заимствованиям в П.я., археологическим и некоторым иным данным, прусское население уже в самом начале нашей эры занимало эту территорию («эстии» древних авторов). Балтийский элемент присутствовал здесь и ранее и, возможно, может быть прослежен до рубежа III–II тыс. до н. э., если его связывать с особой «поморско-береговой» археологической культурой (*Haffküstenkultur*), или даже до несколько более раннего рубежа, когда на южном побережье Балтики появляются первые индоевропейские поселения. «Поморская» культура, как полагают, и была тем ядром, из которого развилась культура западных балтов.

Анализ топонимических данных свидетельствует, что в определенный период или периоды, вопреки мнению отдельных ученых, прусское население распространялось и к западу от Вислы, в Поморье, где отмечено несколько десятков балтизмов прусского типа: *Gdańsk, Gdynia, Mottlau, Saalau-Żuławy, Schonau, Trutenau, Persante, Saulin, Labuhn, Labehn, Powalken, Straduhn, Rutzau, Karwen, Pirsna, Patulli, Arniki, Kawle, Prangenu* и т. п. Сложнее интерпретировать этноязыковую принадлежность древнего населения, занимавшего еще более продвинутый к западу ареал — вплоть до Шлезвига и Гольштейна, где также отмечены довольно многочисленные «балтообразные» топонимические элементы.

Начало заключительного этапа существования П.я. и независимости пруссов датируется с 30-х гг. XIII в., когда началась экспансия Тевтонского ордена на прусские земли. Уже в XIV в. в ряде областей, составлявших, по описанию Петра из Дусбурга, Прусскую землю, П.я. был сильно потеснен как за счет проникновения с запада и отчасти с юга польского этноязыкового элемента (этот процесс начался еще в конце I тыс. н. э.), так и за счет немецкой речи: замки и околзамковые поселения, основанные Тевтонским орденом на прусских землях, стали очагами укоренения немецкого языка в Пруссии и центрами его распространения в прусском ареале. Ряд областей (особенно Галиндия, подвергшаяся разорению и запустению) обезлюдели, и П.я. переставал в них употребляться за отсутствием носителей. Несколько иная ситуация наблюдалась в ряде других частей Прусской земли, где еще раньше преобладала речь, близкая к П.я. и представлявшая, возможно, его диалектную разновидность, которая могла уже трактоваться и как самостоятельный язык (ср. Судовию и населявших ее ятвягов-судавов/судовов, носителей ятвяжского языка).

Именно ятвяжские земли потерпели особый урон в результате многочисленных войн между ятвягами и соседними народами — русскими и поляками. После разгрома ятвягов Тевтонским орденом в 1283 г. часть населения была уничтоже-

на, другая покинула свои земли, спасаясь от крестоносцев или будучи переселенной ими в другие места (в частности, 1600 судавов было переселено в Самбию — в район, который с тех пор стал называться «Судавским углом»). В целом же область ятвягов была превращена в пустыню (*desertum, solitudo* латинских источников, *Wildnis* — немецких), которая снова стала заселяться только после Торуньского договора 1411 г., когда она вошла в состав Великого княжества Литовского, литовцами, мазурами, западнорусами, остатками ятвяжского населения.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Сколько-нибудь полная картина диалектов П.я. неизвестна. Прусский языковой материал позволяет говорить о принадлежности его к двум разным диалектам. Один из них — самбийский (самландский), распространенный на Самбийском п-ве, в северной части ареала П.я., между Куршским и Гданьским заливами, представлен тремя Катехизисами. Другой, так называемый помезанский, был распространен на западе прусского ареала, в Повисленье; он представлен Эльбингским словариком. Различие в характере источников сведений о диалектах П.я. объясняет, почему расхождения между диалектами фиксируются главным образом на фонетическом и лексическом уровнях; морфологические различия фиксируются лишь в пределах «словарной» формы, т. е. именительного падежа (так как словарь является «именным»). См. далее 2.7.0.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. П.я. был языком устного общения пруссов, языком административных установлений (также устных), культа, устного народного творчества (наличие в котором ряда жанров можно считать несомненным). Существенная степень автономности ряда прусских земель заметно препятствовала сложению государственности, хотя можно предполагать, что перед экспансией Тевтонского ордена и в ее начале определенные тенденции к объединению прусских племен существовали и должны были вызвать стремление к выработке более унифицированного языка администрации, но отсутствие письменности, наряду с другими причинами, сделало это невозможным.

Описанные в 1.1.3. исторические процессы свидетельствуют о дестабилизации ранее, видимо, достаточно устойчивой этнической ситуации в прусских землях, что отразилось на положении П.я. Единый прусскоязычный ареал был разорван на ряд островков, значительная часть которых быстро исчезала: население других подобных островков становилось двуязычным, а со временем — немецкоязычным, сохраняя, однако, в немецкой речи большое количество «прутенизмов» (то же соответственно наблюдается в тех областях, где пруссы усвоили польский язык). С северо-востока и востока ареал П.я. сокращался за счет распространения литовского языка в так называемой Малой Литве. Дольше и прочнее П.я. сохранялся в глухих внутренних районах и на периферии, например, в Самбии, ставшей своего рода заповедником П.я. и аккумулировавшей носителей прусской речи из других частей Прусской земли, но и здесь шел довольно интенсивный процесс деградации. Ряд свидетельств XVI и XVII вв. подтверждают быстро развивающийся процесс деградации П.я. даже там, где он держался наиболее стойко. В 80-е гг. XVII в. Хр. Харткнох писал, что не осталось ни одной деревни, где все люди понимали бы П.я.; лишь кое-где еще сохранялись старые люди, понимающие его. Так, в приписке, сделанной после 1700 г. на экземпляре второго прусского Кате-

хизиса, сообщается: «...этот старый прусский язык теперь окончательно вымер» и «...в 1677 году единственный знавший его старик, живший на Куршской косе, умер». В то же время, существуют сведения (обычно не достаточно ясные и непроверенные), согласно которым прусская речь держалась кое-где в глухих уголках Вармии и Мазур вплоть до конца XVIII в. Избегая риска, можно все-таки полагать, что в первые десятилетия XVIII в. сохранялись еще люди, хотя бы ограниченно знавшие П.я. и пользовавшиеся им (в семейном кругу и втайне от остальных). В течение всего XVIII в. и первой половины XIX в. потомки пруссов, ставшие немецким крестьянским населением Восточной Пруссии, сохраняли в своей речи многочисленные прусские элементы (особенно в лексике).

Отчасти сходную ситуацию можно предполагать и применительно к остаткам ятвягов, долее всего удерживавшихся на Гродненщине, где по данным переписи 1860 г. 30929 жителей называли себя ятвягами. В своей речи эти ятвяги обнаруживали следы «литовского» (осторожнее, балтоязычного) произношения.

1.3.2. Надежных сведений о литературной норме практически нет. Однако «лингвистическая» полемика второго прусского Катехизиса по отношению к первому Катехизису, как и отличия от них обоих в лексике «Энхиридиона», позволяет думать, что между 1545 и 1561 г. (по меньшей мере) проблема стандартизации языка и первые шаги по выработке письменного языка на его предлитературном этапе могли быть актуальными. Описания прусских религиозных обрядов, принадлежащие немецким писателям того же времени, дают основания для реконструкции ряда эпических форм, образов и даже микротекстов прусской словесности.

1.3.3. Сведений об учебно-педагогическом статусе П.я. нет. Однако, учитывая гуманистические и просветительские веяния в эпоху Реформации, создание Кенигсбергского университета (1544 г.), в котором учились и пруссы, необходимость создания собственной письменности и первые опыты в ней, наконец, сам «ренессансный» дух эпохи герцога Альбрехта (1490–1568), можно предполагать, что проблемы преподавания П.я. могли занимать прусских «студизусов» из Кенигсберга.

1.4.0. Памятники П.я. немногочисленны и за одним исключением невелики по объему: два словарика, три Катехизиса и несколько совсем коротких фрагментов. Старейшим памятником прусской письменности считается так называемый «Эльбингский словарь» (название дано по месту хранения до Второй мировой войны). Это немецко-прусский словарь (802 слова на П.я.), построенный по семантическому принципу (основные в смысловом отношении группы лексики). Рукопись была написана готическим, так называемым «монашеским» шрифтом (Mönchschrift) около 1400 г., и представляла собой копию с утраченного оригинала, восходящего к началу XIV в. или даже к концу XIII в. и составленного немцем, принадлежавшим к Ордену. Второй памятник этого типа — словарь Симона Грунау, составленный между 1517 и 1526 г. доминиканским монахом из Толкемита и помещенный им в его же «Прусскую хронику». Это прусско-немецкий словарь, где около 100 слов также расположены по семантическим группам (в конце есть несколько фрагментов фраз). Сохранились несколько частично отличающихся друг от друга копий словарика, из которых особого внимания заслуживает копия, написанная рукописным готическим шрифтом (Kurrentschrift).

Большее значение имеют переводы Катехизиса на П.я. Все они напечатаны типографским способом с применением обычного для Германии в то время латинского готизированного шрифта. Первый Катехизис («Catechismus jn preüssnischer sprach vnd dagegen das deüdsche») издан Гансом Вейнрейхом в Кенигсберге в 1545 г. После вступления на немецком языке следуют параллельно немецкий и прусский тексты в кратком варианте (десять заповедей, Символ веры, Отче наш, О крещении, О таинстве вечери). В том же 1545 г. Г. Вейнрейх издает второй, исправленный Катехизис («Catechismus jn preüssnischer sprach gecorrigiret vnd dagegen das deüdsche»). Этот Катехизис в языковом отношении существенно отличается от первого; в его основе лежит не говор какого-то одного места, но некая усредненная «общесамбийская» норма. Второй Катехизис имеет тот же состав, что и первый, и так же, как и первый, анонимен. Третий Катехизис, или «Энхиридион» («Enchiridion. Der Kleine Catechismus Doctor Martin Luthers Teutsch vnd Preussisch»), представляющий собой перевод лютеровского «Малого Катехизиса», был напечатан Иоганном Даубманом в Кенигсберге в 1561 г. Переводчиком на П.я. был настоятель церкви в Побетене (Самбия) Абель Вилль, знания которого в области П.я. были недостаточны; поэтому в своей работе он вынужден был прибегать к помощи прусса Пауля Меготта. Несмотря на ряд отклонений прусского текста от немецкого оригинала и на ошибки в самом П.я., «Энхиридион», безусловно, самый значительный источник знаний о П.я. По объему он во много раз превышает каждый из первых двух Катехизисов, несравненно богаче их содержательно, отражает значительное количество языковых явлений (в том числе уникальных, например обозначение долгот в ударных слогах), которые ни разу не отмечены в других текстах на П.я. Все три Катехизиса при отдельных языковых различиях между ними написаны на самбийском диалекте, в то время как Эльбингский словарь — на так называемом «помезанском» диалекте.

Остальные образцы П.я. представлены несколькими фрагментарными, обычно очень короткими, длиной в одно предложение, текстами. В ряде отношений исключение составляет так называемая «Базельская надпись» (найдена в 1974 г. в одном из фолиантов, хранящихся в библиотеке Базельского университета). Из текстов на П.я., дошедших в оригинале, эта надпись является самой ранней — середина XIV в.; она представляет собой оригинальный, законченный и единственный достоверно стихотворный прусский текст (дистих с элементами каламбурно-юмористического стиля). Автором скорее всего был прусский студент, обучавшийся в Пражском университете. Существует также ряд коротких фрагментов XV–XVI вв. — отдельные слова, короткие фразы, пословица (включена в книгу «Maelišāh kai Hermeneia Dasist ein Onomasticum cum Interpretatio oder aussführliche Erklerung Leonharten Thurneyssers zum Thurn...», 1583; опубликована отдельно в 1969 г.), начало «Отче наш» (первые 6 или 7 слов, перевод с латинского, рукописный отрывок начала XV в.), короткая фраза (пять слов, принадлежащих к трем лексемам) из рукописного словарика Симона Грунау (копия, опубликованная в 1970 г.), некоторые прусские глоссы топонимического характера типа прус. *Ilgenpelke* — нем. *der lange Bruch* 'длинное болото', *Gailgarben* — нем. *Weissenberg* 'белая гора', *Kuke oder Chucumbrast* — нем. *Teufels durchfahrt* 'чертов брод' и т. п. Значительное количество лексем (иногда и их сочетаний), не

встречающихся в текстах на П.я., может быть восстановлено на основании прусского топонимического материала, прусских заимствований в соседних немецких, польских, литовских, белорусских диалектах, отдельных прутенизмов в старых письменных источниках (например, в конце XVI в. у Й. Бреткунаса). О польско-являжском словарице см. в статье «Балтийские языки» в наст. издании. Возможно расширение прусского материала за счет записей, сделанных миссионерами, посылавшимися папской курией и подолгу жившими среди пруссов. До настоящего времени соответствующие материалы, хранящиеся в архивах Ватикана, не опубликованы.

Возможна определенная историческая реконструкция процесса перевода катехизисов с немецкого языка на П.я. Несомненно, что в переводе участвовали обе стороны, но ведущей стороной была немецкая, и именно ей мы обязаны становлением прусской письменности. Случилось так, что пруссам легче было «депутенизироваться», чем развивать свою письменность. Слишком сильным, последовательным и императивным оказалось немецкое влияние. Не стоит упускать из виду, что онемечивавшиеся пруссы осознавали престижность «немецкости» и ее усвоения. Прусы упустили свой шанс и в исторически короткий период потеряли свою прусскость.

Особый случай представляют собой недавние попытки рекреации П.я., связанные с опытами Л. Палмайтиса (М. Клусиса), путем составления на своего рода «новопрусском» языке некоторых относительно простых текстов, контролируемых в своей основной части известными подлинными фактами П.я. Подход Л. Палмайтиса предполагает и разумный учет некоторых немецких слов как своего рода «вторичного» источника, который в некоторых случаях мог совпадать с неизвестными нам прусскими реальностями. Довольно существенная часть таких «рекреативных» реконструкций, вероятно, должна попадать в цель или близко приближаться к ней. Другие попытки подобной рекреации более спорны. Что касается «новопруских» текстов, восстановленных Л. Палмайтисом применительно к реальным задачам нынешнего дня, их надо признать не только эвристически ценными и серьезно обоснованными, но и дающими возможность (при продолжении этих опытов), предполагать, что в будущем «новопруский» может стать языком письменного и даже устного общения, хотя и в существенно ограниченных рамках.

1.5.0. Периодизация истории П.я. отсутствует. Возможно наметить самую общую схему периодизации, помня, что большая часть периодов пока остается очень бедной по своему лингвистическому содержанию: 1) «западнобалтийский» период: а) инновации в прабалтийских диалектах, отделившие «западнобалтийский» от «восточнобалтийского» и б) процессы, пережитые всеми западнобалтийскими диалектами в их общем развитии как единого целого; возможно, начиная с середины I тыс. до н. э.; 2) «общепруский» период, предшествующий появлению исторически засвидетельствованных диалектов П.я. и предполагающий реконструкцию «единого» языка в заведомо идеализированной форме; большая часть I тыс. н. э.; 3) период диалектного дробления, представленный реально существующими памятниками с конца XIV — начала XV в. по середину XV в., но начавшийся, несомненно, раньше (возможно, с конца I тыс. н. э.); 4) период интенсивной деградации П.я. вплоть до его исчезновения (активная перестройка

грамматической системы по образцу немецкой, рост калек, возрастание лексических и синтаксических германизмов, случаи ошибок против «правильного» прусского и т. п., о чем можно судить по текстам предыдущего периода в их «худших» местах; до конца XVII — начала XVIII в.; 5) период «латентного» существования отдельных (прежде всего лексических, семантических и связанных с особенностями произношения и некоторыми фонетическими явлениями) элементов П.я. в составе немецких, польских, литовских и белорусских диалектов вплоть до настоящего времени. Большая часть хронологических рубежей, упоминаемых в этой периодизации, условна.

Наибольший вклад в изучение П.я. внесли Ф. Бопп, Г. Х. Ф. Нессельман, А. Беценбергер, Э. Бернекер, Р. Траутманн, Г. Герулис, Я. Эндзелин, В. Мажюлис, У. Р. Смолстиг, В. Смочинский и др.

1.6.0. Некоторые внутривидовые особенности объясняются грамматическим калькированием «германизмов» — см., например, описание аналитических форм на основе причастий в 2.3.7. Подобные германизмы объясняются не только и не столько фактом соседства пруссов и германцев, а позже и соприсутствия обоих этносов и языков на общем пространстве, исходно прусском, а позднее все более «германизирующемся» в результате немецкой экспансии. Проблема германизации дошедших до нас прусских текстов может быть понята только при учете самого процесса перевода немецкоязычных катехизических текстов на П.я. — см. 1.4.0.

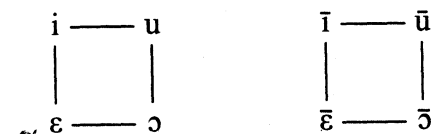
2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В настоящее время нет возможности говорить о едином окончательном варианте описания звуковой системы П.я., поэтому приходится довольствоваться заведомо неполной и неокончательной картиной, нуждающейся в существенном расширении и уточнении.

Более последовательно описана фонологическая система помезанского диалекта, представленного Эльбингским словариком. Состав гласных фонем (в скобках указываются основные типы их графического выражения и соответствующие позиции; C — символ согласной буквы): /i/ — iC(C), eC(C); /ī/ — iC, yC; /u/ — uC(C), oC(C); /ū/ — uC; /ε/ — eC(C), aC(C); /ē/ — eC; /ɔ/ — aC(C), oaC(C), eC(C); /ɔ̄/ — oC, oaC. С исторической точки зрения и для ориентации в других вариантах описания существенно указать, что /ɔ/ восходит к и.-е. *a, *o, *ā, а /ɔ̄/ — к и.-е. *ā, ḡ.

Приведенные выше гласные фонемы образуют симметрично построенные два квадрата, характеризующие «эльбингское» состояние:



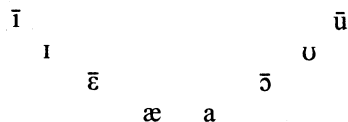
Наиболее существенными оказываются противопоставления по краткости: долготы (/i/ : /ī/, /u/ : /ū/, /ε/ : /ē/, /ɔ/ : /ɔ̄/); по подъему — верхние : нижние (/ī/ : /ē/, /ū/ : /ɔ̄/); по ряду — передние : задние (/ī/ : /ū/, /ē/ : /ɔ̄/). Предыдущее состояние («предэльбингское») восстанавливается в следующем виде:



Последующее состояние («послеэльбингское») рисуется в виде двух подсистем с уже нарушенной симметрией:



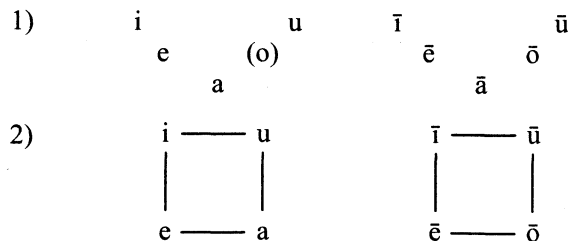
Гласные «краткой» подсистемы по сравнению с гласными «долгой» подсистемы претерпевают «понижение» степени подъема, что видно из передачи «идеализированных» фонем /i/, /u/, /e/, /o/ соответственно через *i* и *e* ([i]); *u* и *o* ([u]); *e* и *a* ([æ]); *a*, *o*, *oa* ([a]). Результаты этого процесса наглядно выступают в объединенной схеме:



Предпринимались попытки определения состава гласных фонем и для самбийского диалекта. Заслуживает внимания одна из таких попыток, ориентированная на язык «Энхиридиона»:



Но наибольший интерес представляют попытки восстановить «наддиалектную» систему гласных П.я. Основные расхождения между исследователями связаны с трактовкой рефлексов и.-е. *ā и *ō в П.я. Целесообразно упомянуть два варианта общепрусской вокалической системы, отражающих различие позиций по данному вопросу:



В ряде отношений эти различия объясняются не разной трактовкой графики, а расхождением в представлениях о характере «протопрусского» вокализма. Поэтому при суждении о вокализме П.я. следует учитывать и предшествующую ему

стадию развития. В соответствии с одной из последних и авторитетных версий она могла выглядеть следующим образом:



Однако ни одна из этих версий пока не может быть признана вполне достоверной. Эта неясность в известной мере отражается и на составе дифтонгов П.я. Бесспорно наличие /ai/, /ei/, /au/ (или /oi/, /ei/, /ou/). Сомнительно существование /eu/ (/eu/), о котором иногда говорят, имея в виду несколько примеров из «Эльбингского словарика» (*keuto* 'кожа', *peuse* 'сосна', *keutaris* 'дикий голубь', *gleuptene* 'отвал плуга', *bleusky* 'камыш', 'тростник', *skewre* 'свинья'), но которое допускает и иные более правдоподобные объяснения. Дифтонг /ui/ отмечен лишь в отдельных заимствованиях: *cuylis* 'хряк', *wiysis* 'дворовая собака', 'сторожевой пёс' и в слове *muisiesen* 'больше', в словарях вин. п. ед. ч. м. р. *muisieson*. Дифтонги П.я. трактуются как бифонемные сочетания. Особого рода дифтонгообразные последовательности образуются сочетанием одной из гласных фонем /i/, /u/, /a/ (/o/), /e/ (/ε/) с /r/, /l/, /m/ или /n/, когда эти последовательности образуют один слог.

Состав согласных фонем П.я. вызывает меньше разногласий. Однако одно из них — о фонологическом признаке мягкости (палатальности) и сфере его распространения — весьма серьезно. Максимальный состав согласных фонем, как он восстанавливается некоторыми специалистами, может быть представлен следующей таблицей:

По способу образования			По месту образования										
			Губные				Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные	
			Губногубные		Губнозубные		Зубные		Альвеолярные				
			Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.			
Шумные	Взрывные	Гл.	p	p'			t	t'				k	k'
		Зв.	b	b'			d	d'				g	g'
	Аффрикаты	Гл.					(c)						
		Зв.											
	Щелевые	Гл.			(f)		s	s'	š	(š')			
		Зв.					z	(z')	(ž)			(h)	
Сонорные	Носовые		m	m'			n	n'					
	Боковые						l	l'					
	Дрожащие								ɾ	ɾ'			
	Щелевые				v	v'					j		

Примечание: В скобках заключены периферийные фонемы, встречающиеся только в заимствованиях, обычно средних и явно недостаточно усвоенных (*falsch* 'ложный', *höffmannin* 'капитан', ср. *haese* 'есть', где *h* — графема с нулевым звуковым значением) или же звуки, фонемный статус которых весьма сомнителен и/или встречаемость которых крайне низка ([c], [z'], [ž], [š']).

Палатализованные звуки четче всего выделяются на основании написаний типа *garian* 'дерево', *iuriay* 'море', *kelian* 'копье', *saligan* 'зеленый', *sweriapis* 'конь для турниров', *brunyo* 'броня', 'панцирь', *pannean* 'моховое болото', или *wargien* 'медь', *noseilien* 'дух', *bousennien* 'суть', 'состояние', *pykullien* 'пéкло', *etwiērpī* 'отпускать (грехи)', 'прощать', *gieidi* 'ждать' и т. п. Поэтому наиболее достоверно предположение о наличии /r/, /l/, /n/. Примеры с написанием плавного и g перед i (типа *angurgis* 'угорь', *kargis* 'войско', *ansalgis* 'рант') также предполагают /r/, /l/. То же можно сказать о категории случаев, когда смычный оказывается перед графемой i, за которой следует a или o (*dragios* 'дрожжи', *kiosi* 'кубок', 'чаша', *maldian* 'жеребенок', *median* 'лес', *medione* 'охота', *sutristio* 'сыворотка'), или когда согласный оказывается перед сочетанием графем eu (*keuto* 'кожа', *keutaris* 'дикий голубь', *bleusky* 'камыш', 'тростник', *skewre* 'свинья'). Недостаток материала не дает возможностей для надежного выделения минимальных фонологических пар, но случаи типа C'a (< *Cja): Ca нередки; именно они дают основания для допущения мягких фонем в П.я. Однако имеются объяснения «палатализации», исключаящие предположение об особых палатализованных согласных.

2.1.2. Из просодических признаков для П.я. существенны количество гласного, интонация и ударение. Ударение свободное и подвижное: *lāiku*, *lāikumai*, но *laikūt* (разные формы глагола со значением 'исполнять', 'держать') или *āntran*, но *antrā* (разные формы от слова 'другой', 'второй') (где макрон — соответственно обозначает ударение на первом и на втором слоге). Место ударения в конкретных словах и словоформах определимо лишь при особо благоприятных обстоятельствах, например при употреблении макрона (только в тексте «Энхиридиона»). Не исключено, что в конечный период существования П.я. проявлялись частичные тенденции к стабилизации ударения.

Количество гласного (долгота/краткость) в П.я. также может считаться фонологически существенным просодическим признаком, хотя более оправдано толкование долгих вокалических элементов как особых долгих гласных (см. 2.1.1.). Краткие трактуются как одноморные, долгие — как двухморные. Две моры содержат и дифтонги. Из обозначений долготы графическими средствами (кроме частных приемов типа *ij* = /ī/ и т. п.) наиболее регулярно используется макрон, но только в ударном слоге (и недостаточно последовательно). Это правило, однако, не имеет абсолютного значения: в ряде случаев макрон, фиксируя место ударения, не обозначает долготу гласного, например формы типа *perweddā* 'привел', 'ввел' или *weddē* 'вёл' ударны, но их конечные фонемы, видимо, не являются долгими. В ряде примеров макрон над гласным выступает как знак графической аббревиатуры, указывающий на наличие в следующем сегменте носового согласного: *ispresnā* 'разум' = *ispresnan*, *sausā* 'сухой' = *sausan*, *potaukīsnan* 'обещание' = *potaukinsnan*.

Интонация в П.я. также является фонологически существенным просодическим признаком, но о ней можно судить или по данным внешнего сравнения, или в некоторых благоприятных ситуациях, когда графические приемы (в соотношении с данными родственных языков) позволяют говорить о двух интонациях — акутовой и циркумфлексной. «Сильной» позицией для различения двух типов интонации служат дифтонги со вторым элементом /i/ или /u/. В этих

случаях макрон может появляться как над первым, так и над вторым элементом дифтонга. Как правило, наличие макрона: 1) над первым элементом дифтонга соответствует циркумфлексу в соответствующих словоформах в литовском языке; 2) над вторым элементом дифтонга — акутовой интонации в литовском. Примеры: 1) *ēit* — литов. *ēiti* 'идти'; *gēide* — литов. *geĩdžia* 'желает'; *lāiku* — литов. *laĩko* 'держит'; *āusins* — литов. *aĩsĩ* 'ухо' (вин. п.); 2) *aīnan* — литов. *vieną* 'один' (вин. п.); *pogaūt* — литов. *pagauti* 'получить'; *pertraūki* — литов. *tráuķė* 'тянул'. Положение макрона над первым или вторым элементом дифтонга указывает, что в П.я. акутовая интонация была восходящей, а циркумфлексная — нисходящей (в этом отношении П.я. совпадает с латышским и славянскими и расходится с литовским). В дифтонгах вторичного (и относительно позднего) происхождения, возникших из долгих гласных *ī > /ei/ и *ū > /ou/, макрон оказывается над вторым элементом, что соответствует акутовой интонации в литовском: *geīwan* — литов. *gyvas* 'живой'; *boūt* — литов. *būti* 'быть'; *soūnan* — литов. *sūnų* 'сына' (вин. п.); *ioūson* — литов. *jūsu* 'вас' (род. п.). Макрон никогда не ставится над сонантами в дифтонгических сочетаниях, из чего не следует, что в этих случаях не различались эти две интонации. Когда макрон появляется над первым элементом «смешанных» дифтонгов (сочетание гласного с /m/, /n/, /l/, /r/), прусским примерам соответствует в литовском циркумфлекс: *rānkan* — литов. *raĩkų* 'пуку'; *piēnkts* — литов. *peĩntas* 'пятый'; *senrīnka* — литов. *reĩnka* 'собирает'; *īmt* — литов. *imti* 'брать'; *dessīmts* — литов. *dešimtas* 'десятый'; *mārtin* — литов. *maĩčiai* 'сноху'; *ālgas* — литов. *alga* 'жалование' (вин. п.); *etkūmps* — литов. *kūmpas* 'изогнутый'. Когда макрон появляется над долгими ударными гласными (не дифтонгами), о характере интонации в прусском можно судить лишь по данным внешнего сравнения: *dāt* — литов. *duoti* 'дать', но *īdis* — литов. *ėdis* 'еда', 'едение'. Иногда для П.я. допускают наличие третьей фонологически существенной интонации — средней («Mittelton»).

2.1.3. Поскольку П.я. принадлежит к числу мертвых языков, возможно лишь в самых общих чертах перечислить наиболее характерные явления внутрисловесной фонетики:

1) мена глухих и звонких: *siraplis* 'серебро' — *sirablan* (вин. п.); *poklusmai* 'послушная' — *boklusmans* (вин. п. мн. ч. м. р.); *ackis* 'глаз' — *agins* (вин. п. мн. ч.); *girmis* 'червь' — *Kirmithen*, топоним; в ряде случаев эти колебания объясняются особенностями восприятия слов П.я. немцами; нередки примеры мены глухих и звонких в соседстве /n/: *knapios* 'конопля' — *gnabsem* (вин. п.); *iagno* 'печень' — литов. *jėknos*; *sagnis* 'корень' — литов. *šāknis/saknis*, латыш. *sakne*;

2) разного рода ассимиляции: *subban*, *subs* 'тот же самый' > *sup*; *emmen* 'имя' вм. **enmens* (ср. ирл. *ainm*); *ginnis* 'друг' при *pergimnis* 'природа', 'натура' и *preigimnis*; *serripimai* 'испытывать' вм. **sen-ripimai*; *sal(l)uban* 'о супругах' вм. **san-luban*;

3) диссимиляции: *scrutele* 'портной' из нем. диал. *scrūtere*; возможно, *wirbe* 'веревка' при литов. *virvė*, латыш. *virve*;

4) выпадение согласных: *sepmas* 'седьмой' наряду с *septmas*; *malnīks* 'ребенок' (ср. *mal dai* 'молодые'); *gallū* и *galvo* 'голова';

5) эпентеза согласных: *dessympts* и *dessimts* 'десятый'; *lembtwey* и *limtwey* 'ломать'; *str-* вм. *sr-*: *Strōwange*, *Strewe*, гидроним;

6) выпадение гласных: *deiwa deiwūtskai* 'наиболее набожно' — *deiwūtskan* 'набожного' (вин. п.), *prābutskas* 'вечный' вм. **prābutiskas*; *melne* 'синий', 'синяк' — *milinan* (вин. п.); *camstian* 'овца' вм. **camistian*, ср. *eristian* 'ягненок', *geristian* 'цыпленок' и др.; *wesliskan* 'веселость' — *wessals* 'веселый'; *kalbian* и *kalabian* 'меч';

7) вставка гласных типа сварабхакти: *tickars, tickers* 'правильный', 'истинный' при *tickra* (им. п. ед. ч. ж. р.), *tickran* (вин. п. ед. ч.); *antars, anters* 'другой', 'второй' при *antran* (вин. п. ед. ч.), *antra* (им. п. ед. ч. ж. р.); *stessemi* и *stesmu* 'тот', 'этот'; *auschaudisinan* и *auschaudisnan* 'доверие', 'верность', 'надежда'; *prābutuskan* 'вечный' (вин. п. ед. ч.) при *prābutskas* (им. п. ед. ч. м. р.);

8) некоторые особые процессы, связанные с концом слова; из них основной *-as > -s*: *awins* 'баран' < **awinas*; *deiws* 'Бог' < **deiwas*;

9) особенности передачи чужезычных звуков: *tapali* 'доска' из нем. *tafel*, но *valx* [falks] 'сокол' из нем. *falk*; *grīkas* 'грех' из слав. *grěxъ*; *kirki* 'церковь' из нем. *kirche*; *czisix* (cz = [c]) 'чирик' из польск. *czyżyk*; *medinice* 'миска; блюдо' из польск. *miednica* 'таз'; *ilmis* 'хозяйственная постройка' из гот. *hilms*, но *kelmis* 'шапка' из герм. **xelmaz*; *cuylis* 'хряк' из слав. **kylъ* и т. п.

О некоторых других явлениях см. 2.7.0.

В П.Я. существовала тенденция к лабиализации, ср. появление после губных и заднеязычных *u* из **ā*: *mūti* 'мать' (но и *mothe*) — литов. *môtė*, латыш. *māte*; *mukint* 'учить' — литов. *mokinti*; *mergu* 'девушка' (но и *mergo*) — литов. *mergà*; *skudan* 'вред', 'ущерб', 'убыток' — литов. *škadà, iškadà*, польск. *szkoda*, а также случаи типа *kawijds* 'который' — *kuwijds*; *mergan* 'девушка' — *mergwan*; *grikan* 'грех' (вин. п.) — *grecon, grekun, griquan*; к смешению шипящих со свистящими; к дифтонгизации долгих гласных верхнего подъема; к удлинению и сокращению гласных; к разного рода упрощениям и т. п., но графика во многих случаях или очень приблизительно фиксирует эти явления, или вовсе их не отражает.

2.1.4. Максимальная схема слога в П.Я.: $C_s + C_t + C_r + V + C + C + C (\dots)$ (V — гласная, C — согласная, C_s — щелевая согласная, C_t — смычная, C_r — сонорная). Минимальная схема слога: V (одна гласная); особо следует выделить случай, когда слог состоит из дифтонга. Простейшие виды слога представлены элементами $/ā/, /ē/, /ī/, /ū/$, а также дифтонгами $/ai/, /au/, /ei/$; эти реализации отчетливее всего представлены в начале слова (до первого согласного): *a-ketes* 'борона', *e-sse* 'от', 'о', 'из', *u-lint* 'бороться', 'сражаться'; *au-culo* 'игла', *ai-nat* 'всегда', *ei-sennien* 'хождение', *au-sins* 'уши' и т. п.

Вокалическому центру V (восходящая часть слога) могут предшествовать одиночные фонемы $/b/, /d/, /g/, /j/, /k/, /l/, /m/, /n/, /p/, /r/, /s/, /š/, /t/, /v/$ (редко $/c/, /z/, /f/, /h/$); сочетания двух фонем (чаще всего на втором месте находятся $/l/, /r/, /v/$, реже — $/m/, /n/$): $/bl/, /br/, /dr/, /dv/, /gl/, /gn/, /gr/, /kl/, /kn/, /kr/, /kv/, /pl/, /pr/, /sk/, /sl/, /sm/, /sn/, /sp/, /st/, /sv/, /šk/, /šl/, /šv/, /tl/, /tr/, /tv/, /zb/$ (*blewsky* 'камыш', *drawine* 'улей', *dwai* 'два', *skallīsnan* 'обязанность', *snaygis* 'смер', *sbeclis* [= *zbeklis*] 'пружина замка'); сочетания трех фонем: $/skl/, /skr/, /str/, /stv/, /škl/$ (*sclait* 'но', 'однако', *strambo* 'жнивье', *stwi* 'здесь'); а также сочетания с соответствующими мягкими согласными.

Часто слово (и, следовательно, слог) оканчивается гласным или дифтонгом. Нисходящая часть слога (слова) может состоять из одного, двух и трех согласных. Из

одиночных согласных слог чаще всего замыкают $/s/, /n/, /t/$; реже — $/r/, /m/, /c/$; остальные случаи очень редки и весьма ненадежны, большая их часть относится к «чужим» элементам или объясняется дефектами записи: $/g/, /l/, /k/, /h/$ и др. Из сочетаний двух фонем в конце слога, совпадающем с концом слова, отмечены: $/bs/, /ps/, /ds/, /gs/, /ks/, /ls/, /ms/, /ns/, /ps/, /rs/, /vs/, /kt/, /mt/, /nt/, /pt/, /st/$ и др. Из сочетаний трех фонем в конце слога (слова): $/nds/, /rds/, /šts/, /lts/, /mts/, /nts/, /pts/, /rts/, /sts/, /tzt/, /ntz/, /rtz/, /mps/, /rps/, /rbt/, /rpt/, /nst/, /rst/, /lks/, /nks/, /rks/$. Есть случаи, когда конечный слог слова замыкается цепочками из четырех фонем: $/nkts/, /rkts/, /nxts/, /ptzt/$. Таким образом, в двучленных конечных цепочках представлены слоговые схемы: $-(V)C_sC_t$, $-(V)C_tC_s$, $-(V)C_rC_s$; в дву-, трех- и четырехчленных нисходящих последовательностях на последнем месте оказываются $/s/, /t/$.

О долготных противопоставлениях см. 2.1.2.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Как следует из материала, приведенного в 2.1.4., в значительном числе случаев начало и конец слова находятся в отношении зеркального отражения ($/sn-/$ и $/-ns/, /sl-/$ и $/-ls/, /sm-/$ и $/-ms/, /sp-/$ и $/-ps/, /sr-/$ и $/-rs/, /sv-/$ и $/-vs/$). В трех- и четырехчленных цепочках, кроме занимающего последнее место $/s/$ или $/t/$, участвуют: C_t ($/g/, /k/, /p/, /b/$) — на предпоследнем месте (когда последним выступает $/s/$, на предпоследнем месте может быть $/t/$ и наоборот) и C_r ($/r/, /l/, /m/, /n/$) — на третьем и/или четвертом месте от конца.

Структура начальных и конечных слогов слова в высокой степени предопределяет и модель внутрисловного слога, в частности, позиций слогораздела в ситуациях, допускающих выбор. Подавляющее большинство слов не превышает четырех-пяти слогов, хотя в редких случаях известны и более длинные слова — до семи слогов.

2.2.2. Сколько-нибудь полная картина морфонологии П.Я. не может быть дана из-за ограниченности языкового материала и существенных трудностей в фонологической интерпретации гласных в ряде случаев. Тем не менее в П.Я. можно обнаружить следы архаичного принципа категориального противопоставления ($/e/$ в корне первичных глаголов при $/a/$ из и.-е. **o* в отглагольных именах), унаследованного из индоевропейского, а также, видимо, позиционные чередования гласных, используемые как в формообразовании, так и в словообразовании. См. также 2.2.3.

2.2.3. Чередование в П.Я. выступает как продуктивный фактор, выполняющий важную морфонологическую роль. Однако (несмотря на возможности внешней и внутренней реконструкции) объем надежных конкретных примеров чередования очень ограничен. Практически все они относятся к гласным. П.Я. в целом сохранил индоевропейскую по своим истокам прабалтийскую систему чередований гласных, исходящую из двух типов альтернатив — количественных и качественных. Ядром первого из них является противопоставление $/e/ : /ē/, /a/ : /ō/, /o/ : /ō/$; ядром второго типа — противопоставление $/e/ : /a/ (/ē/ : /ō/)$: $∅$. Схема приведенного здесь качественного чередования гласных (аблаут) отражена и в других апофонических рядах, в которых участвуют дифтонги с $/i/$ и $/u/$ или дифтонгические сочетания с сонорными $/r/, /l/, /m/, /n/$. Следовательно, помимо $/e/ : /a/ : ∅$, существуют чередования $/ei/ : /ai/ : /i/$; $(/eu/)$: $/au/ : /u/$; $/er/ : /ar/ : /ir/ (/ur/)$; $/el/ : /al/ : /il/ (/ul/)$ и т. п. Наиболее полно в языковом материале отражено чередование

/e/ : /a/ (отчасти /ē/, /ī/ : /ō/, /ā/), примеры: *ertreppa* 'переступить' — *trapt* 'шагать', 'ступать'; *denkenennis* 'небесный' — *dangus* 'небо'; *skellantis* 'связанный долгом, виной' — *skallīsnan* 'обязанность'; *auskiēndlai* 'потонуть' — *auskandints* 'утопленный'; *auskandinsnan* 'потоп'; *wīngriskan* 'хитрость' — *wangan* 'конец'; *senrīnka* 'собирать' — *rānkan* 'рука', (*rānctwei* 'воровать'); *sīdans*, *sindats* 'сидящий' — *saddinna* 'ставит' (букв. 'сидит'); ср. также другие типы чередования: *maiggun* 'сон' (ср. *meicte* 'спать') — *ismigē* 'заснуть'; *waidinnā* 'показывать' — *ainawīdai* 'подобно'; *paikemmai* 'обмануть' — *pickuls* 'преисподняя'; *ebimmai* 'обхватывать', 'обнимать' — *immimai* 'брат'. Пример чередования полной степени гласного с нулем (формы глагола 'быть'): наст. вр. 3 л. ед. ч. *ast*, 1 л. ед. ч. *asmai* — оптатив 2 л. мн. ч. *seīti*, 3 л. ед. ч. *seisei*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

П.я. принадлежит к флективным языкам синтетического типа. Отмечены элементы агглютинации. Существенны черты аналитизма, проявляющиеся и в имени, и в глаголе. В значительной степени они складывались под влиянием немецкого языка; их роль возрастала по мере эволюции П.я. Для позднейшего этапа в развитии П.я. (заключительный период деградации, о котором можно судить по текстам середины XVI в.), допустимо говорить о двух вариантах П.я. — более полном и синтетическом и редуцированном (базовом) с далеко зашедшей перестройкой на основе аналитизма.

2.3.1. Грамматические классы слов в П.я. определяются в значительной степени на основании морфологических (также синтаксических и семантических) критериев. Каждый из этих классов характеризуется собственным набором грамматических категорий, граммем, составляющих каждую из этих категорий, и формальных средств выражения этих граммем. На этом основании в П.я. целесообразно различать знаменательные классы слов: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, причастие, наречие; к служебным словам относятся предлоги, союзы, частицы.

2.3.2. Категория рода в самбийском диалекте (Катехизисы) состоит из двух граммем: мужского и женского. Как следы среднего рода иногда трактуют формы именительного падежа единственного числа *testamentan*, *testamenten* 'Завет' в первом и втором Катехизисах при *testaments* в «Энхиридионе», а также *buttan* 'дом' в *buttantaws* наряду с *buttastaws* букв. 'отец дома'. В помезанском диалекте наряду с мужским и женским родом отмечены многочисленные примеры среднего рода на *-an*: *assaran* 'озеро', *dalptan* 'долото', *instran* 'жир', 'сало', *kelan* 'колесо', *creslan* 'кресло', *lunkan* 'лыко' и др. Род выражается в именах существительных, прилагательных, причастиях, указательных, относительных и части вопросительных местоимений, вероятно, и в ряде числительных, хотя из-за ограниченности текстов утверждать это с уверенностью нельзя.

Об остатках (следах) среднего рода у прилагательных см. 2.3.7.

2.3.3. Категория числ состоит из двух граммем — единственного и множественного (предположение об остатке двойственного числа в форме *austo* 'рот (уста)', *nozu* 'нос (ноздри)' из Эльбингского словарика спорно). В П.я., как и в других балтийских языках, противопоставление по числу в 3-м лице не выражается. Категория числа обнаруживает себя в именах существительных, прилагательных, причастиях, указательных, относительных, части вопроси-

тельных местоимений и, вероятно, в некоторых числительных, хотя имеющиеся тексты позволяют говорить лишь о двух-трех случаях множественного числа, ср. *abbai* 'оба' (им. п.), *abbans* (вин. п.), может быть *dwai* 'два' (им. п. м. р.), а также в 1-м и 2-м лице глагола. Нехватка материала не позволяет надежно судить о составе имен *singularia tantum* и *pluralia tantum*, хотя, несомненно, они есть.

2.3.4. Категория падежа представлена граммемами именительного, родительного, дательного и винительного падежей. Им противопоставлена звательная форма, однако известны случаи, когда в этой функции выступает форма именительного падежа единственного числа: *mes dīnkaumai tebbe, rikijs Deiws Taws* 'мы благодарим тебя, Господи, Боже', объект благодарения — в именительном падеже единственного числа.

Иногда без должных оснований говорят о творительном (инструментальном) падеже, а также о местном падеже (локативе) в П.я., вернее, о его остатках, на основании, во-первых, дважды отмеченного адвербиального *bītai* 'вечером' и единичного примера *en schisman ackewijstin Krixstiāniskan astin* 'в этом публичном христианском деле', где указательное местоимение *schisman*, трактуемое как локатив, сочетается с существительным в винительном падеже *astin* 'дело', и, во-вторых, — случаев, когда предлоги *en* или *na* сочетаются с дательным падежом: *en mayiey krāuwiey* 'в моей крови', *en stesmu wirdai* 'в этом слове', *na semmey* 'на земле' (ср. также форму локатива или иллатива во множественном числе *dangonsun* 'на небесах' в тексте «Отче наш»).

Четырехпадежная система в известной степени является идеализированной: следует иметь в виду отраженную в текстах (особенно в «Энхиридионе») далеко зашедшую тенденцию к выработке «общекосвенного» падежа или даже общего падежа на основе винительного. Примеры, когда «аккузатив» вытесняет формы других косвенных падежей, многочисленны. Они особенно часты, когда соответствующая форма существительного сочетается с предлогом или прилагательным, или же в конце ряда существительных, однородных в отношении падежной принадлежности.

2.3.5. Залоговые различия проявляются чаще всего в причастиях, где противопоставляются действительный (актив) и страдательный (пассив) залог. Для выражения идеи возвратности предназначено местоимение *sien*, *sin* 'себя', соединяемое с глаголом. Немецкому пассиву соответствуют в прусских текстах перифрастические конструкции с пассивным причастием: *sta ast mais kērmens kas pērwanš dāts wīrst* 'это мое тело, которое для вас дано' — нем. *das ist sein leyb der für euch gegeben wirdt*.

Существенно меньше данных о категории вида в П.я. Однако нет оснований сомневаться в ее наличии хотя бы потому, что существуют пары глаголов, в которых бесприставочной форме противопоставлена приставочная с лексически «пустым» префиксом *po-*: *dāton* — *po-dāton* 'дано', *peisāton* — *po-peisāton* 'написано' и т. п. Слабая выраженность видовых значений в прусских текстах легко объясняется ориентацией на немецкий текст, в котором категория вида отсутствует. То же наблюдается при выражении различий, связанных с разными способами протекания действия и с отношениями переходности/непереходности (диатеза).

Категория **наклоны** представлена индикативом, императивом, оптативом и кондиционалисом. Кондиционалис, как правило, выступает в придаточных предложениях, тогда как оптатив — в главных.

2.3.6. Категория **лица** состоит из трех граммем: 1-го, 2-го и 3-го; см. 2.3.7., 2.4.0.

Категория **времени** в глаголе различает настоящее (презенс), прошедшее (претерит) и будущее. Примеры первых двух многочисленны; они образуются с помощью особых флексий соответственно от презентных и претеритальных основ. Не вполне ясна степень самостоятельности так называемых «перфектных» аналитических конструкций, состоящих из личной формы вспомогательного глагола «быть» и причастной формы основного глагола. Эти описательные конструкции выступают обычно в соответствии с немецким перфектом, и в них обоснованно видят результат немецкого влияния, хотя только этим влиянием данные формы не могут быть объяснены полностью: *tu assai billiuns* 'ты сказал' — нем. *du gesagt hast*; *Deiws teikūuns ast* 'Бог создал' — нем. *Gott geschaffen hatt*. Будущее время обычно также образуется аналитически — из личной формы вспомогательного глагола *wirst* 'стать' и претеритного причастия действительного залога: *wirst pogaiuns* 'он получит' — нем. *wird empfahen*. Вместе с тем зафиксирован и архаический синтетический футурум на *-s*, но только в виде остатка: *postāsei* 'будешь' (нем. *wirst*) из **po-sta-sei*.

2.3.7. **Существительные** в П.Я. различаются по родам, имеют словоизменительные категории числа и падежа.

Прилагательные характеризуются категориями рода, числа и падежа, которые являются синтаксическими (определяются соответствующими категориями существительного), а также категорией градации (степени сравнения). В П.Я. существенно противопоставление двух типов прилагательных по признаку определенности/неопределенности. Большинство засвидетельствованных прилагательных фиксируют неопределенную (краткую) форму; определенные (полные, или местоименные) прилагательные известны лишь в небольшом количестве (*dengnennissis* 'небесный' при неопр. *dengnennis*; ср. также прилагательные с исходом на *-ien* в формах винительного падежа единственного числа — *pirmonnien* 'первого', *wolnennien* 'лучшего', *pansdaumannien* 'последнего' и др.; возможно, полная форма скрывается в *ripintinton* 'следующего' (из **ripintin-ion*) и т. п.).

Категория градации различает положительную, сравнительную и превосходную степени. Прилагательные в положительной степени обозначают этот признак нулевым образом. Сравнительная степень характеризуется элементом *-ais-*: *maldaisin* 'младшую' (при м. р. *mal dai* 'молодые'), *uraisin* 'старший' (при *urs* 'старый'), *kuslaisin* 'более слабый'. Превосходная степень образуется присоединением элемента *ucka-* 'наи-', 'самый' к форме сравнительной степени (*ucka kuslaisin* 'наислабейший'); судя по типу превосходной степени в наречиях, где *ucka-* присоединяется к форме положительной, подобный тип образования мог характеризовать в П.Я. и прилагательные. Следует отметить употребление форм сравнительной степени в суперлативном значении: *en maldaisin deinan*, 'в день Страшного суда', букв. 'в (наи)более молодой день' — нем. *am jüngsten Tage* или *tawischan* 'ближайшего' — нем. *den Nächsten*.

Остатки прилагательных среднего рода или следы, по которым восстанавливаются формы среднего рода у этого класса слов, можно видеть в субстантивированных прилагательных, в наречиях адъективного происхождения и в некоторых других случаях. Восстанавливаются почти исключительно формы именительного и винительного падежа единственного числа. Примеры из Эльбингского словарика: *aswinan* 'кобылье молоко', букв. 'кобылье', (ср. *dadān* 'молоко' ср. р.), *poadamynan* 'сладкое молоко'; названия цветов: *kirsnan* 'черное', *sywan* 'серое', *golimban* 'синее', *wormyan* 'красное', *geltaynan* 'желтое', *cuncan* 'коричневое', *roaban* 'пестрое', *saligan* 'зеленое' и др. В самбийском диалекте: *labban* 'хорошее', 'добро', *wargu* (им. п. ед. ч.), *wargan* (вин. п. ед. ч.) 'злое', 'зло', *neuwenen* 'новое'. Среди основ на *-i-*, *-ja-* отмечается винительный падеж единственного числа *walnennien* 'лучшее', среди основ на *-u-* — *poligu* и *poligun* 'сходным образом'. О склонении прилагательных см. 2.4.0.

Среди **числительных**, особенно количественных, в памятниках обнаруживаются значительные лакуны. Зафиксированы слова для 'один' — *ains*, 'два' — *dwai* (*abbai* 'оба', 'двое'), 'десять' — *dessimpts*, *dessempts* и 'тысяча', — *tūsimtons* (вин. п. мн. ч. м. р.). Полнее всего представлены формы склонения *ains*, поскольку это числительное выступает прежде всего в соответствии с немецким неопределенным артиклем *ein*. *Ains* склоняется по типу основ на *-a-* (и.-е. **-o-*): м. р. ед. ч.: им. п. *ains*, род. п. *ainassei*, дат. п. *ainesmu*, вин. п. *ainan*; ж. р. ед. ч.: им. п. *aina*, род. п. *einassei*, вин. п. *ainan*; также дат. п. ед. ч. *ainesmu* (среднего рода?) — по местоименному склонению. *Dwai* отмечено дважды (оба раза в отнесении к словам мужского рода и в значении винительного падежа), но эта форма не вполне ясна. *Abbai* засвидетельствовано в именительном и винительном падеже множественного числа мужского рода — *abbans* и в именительном падеже единственного числа среднего рода — *abbaien*. Числительное *dessimpts* представляет собой именительный падеж единственного числа женского рода и по происхождению относилось к склонению основ на *-i-*. Тот же тип склонения некогда характеризовал и *tūsimtons*. Известны все порядковые числительные первого десятка: *pirmas* 'первый', *ānters*, *antars* 'второй', *tirts* 'третий', *kettwirts* 'четвертый', *piēncts*, *penckts* 'пятый', *uschts*, *wuschts*, *usts* 'шестой', *septmas*, *sepmas* 'седьмой', *asmus* 'восьмой', *newints*, *newyntz* 'девятый', *dessimts* 'десятый'. Подробнее других представлены формы склонения для первых четырех; примеры для 'первый' ед. ч.: им. п. м. р. *pirmas* (определенная форма *pirmois*), вин. п. м. р. *pirmannien*; им. п. ж. р. *pirmoi*, вин. п. ж. р. *pirmonnien*; вин. п. ср. р. *pirmannin*.

Местоимения представлены в текстах разными классами, которые существенно различаются между собой в морфологическом, синтаксическом и семантическом отношении. Одно из кардинальных различий, образующих две группы местоимений, связано с наличием/отсутствием рода. «Неродовые» местоимения представлены личными местоимениями, для которых существенны категории лица, числа и падежа; для них характерны двойной супплетивизм основ (основа единственного числа — основа множественного числа и основа именительного падежа — основа косвенных падежей), а также особая серия флексий. Местоимение 3-го лица, сопоставимое по формальным особенностям с ме-

стоимениями 1-го и 2-го лица, отсутствует. Вместо него употребляется указательное местоимение *tans* 'он (оный)', склоняющееся по образцу других указательных местоимений (см. 2.4.0.). «Родовые» местоимения в П.я. представлены указательными, притяжательными, вопросительно-относительными, определенными, неопределенными и обобщающими местоимениями, для которых существенны категории рода, числа и падежа.

Грамматически наиболее богатый и разветвленный класс слов в П.я. образует глагол. Наиболее существенные категории глагола: лицо, время и наклонение. Более экстенсивную роль играет категория числа. Залог представлен очень неполно, а вид и способ протекания действия принадлежат к явлениям, о которых можно лишь догадываться по частным фактам.

Неличные формы глагола состоят из: инфинитива, характеризующегося показателями *-t*, *-twei*, *-twi*, *-twe*, *-ton*, *-tun* (*boūt*, *būton* 'быть', *dāt*, *dātwei*, *daton* 'дать', *cixtitwi* 'крестить', *madlit*, *madlitwei*, *madlition* 'молить' и др.), супина (*-tun*, *-ton*), иногда рассматриваемого как инфинитив, и причастий.

Причастия образуют особый грамматический класс слов в П.я., по традиции, однако, рассматриваемый в пределах глагола. Они характеризуются категориями времени, залога, рода, числа, падежа. Различают причастия: 1) настоящего времени действительного залога с суффиксом *-nt-* (*skellānts* 'долженствующий', *sindats* < **sindants* 'сидящий'); 2) настоящего времени страдательного залога с суффиксом *-man-* (*poklausīmanas* 'слышимый'); 3) прошедшего времени действительного залога с суффиксом *-uns* (*aulauuns* 'умерший', *seggīuns* 'сделавший', *dāuns* 'давший'); 4) прошедшего времени страдательного залога с суффиксом *-t-* (*dāts* 'данный', *ebsignāts* 'благословленный', *cixtiits* 'крещенный').

Причастия участвуют в образовании перифрастических времен и других аналитических конструкций, обычно ориентированных на соответствующий тип в немецком языке: *dāts wīrst* 'дается' (нем. *gegeben wird*), *posinnāts wīrst* букв. '(он) признаётся' (в значении сослагательного наклонения среднего рода 'призналось бы') (нем. *bekant werde*) — акциональный презенс пассива; *ast... etbaudints* 'пробужден (воскрешен)' (нем. *ist... auferwecket*), *ast... perpists* 'принесен' (нем. *ist... fuergetragen*) — статальный презенс пассива; *etbaudinns wīrst* 'пробудит (воскресит)' (нем. *aufferwecken wirdt*) — для передачи в П.я. будущего времени; *asmai klantīuns* 'ругался (злословил)' (нем. *habe geflucht*) — для передачи «перфекта», ср. также сочетание причастия с глаголом *boūt* 'быть' в претерите: *wissan kan tans bei teikūuns* 'все, что он сделал (создал)' — нем. *alles was Er gemacht hatte*.

Особый грамматический класс слов образуют наречия. Их показателями выступают обычно *-ai*, *-an*, *-a*, *-i*: *deiwickai* 'божественно', *mixkai* 'по-немецки', *prūsiskai* 'по-прусски', *semmai* 'низко', *deineniskai* и *deininiskan* 'ежедневно', *ginneiwingiskan* 'дружески', *labban* и *labbai* 'хорошо', *skijstan* 'чисто', *ilga* 'долго', *wesselingi* 'радостно', *arwi* 'действительно', 'истинно', *reddi* 'ложно' и др. Отмечаются наречия местоименного типа: *schai* 'здесь', *stwen* 'там', *schan*, *stwi*, *quei* 'где?' и т. п. Из форм словоизменения можно говорить только о сравнительной степени (примеры единичны), которая образуется у наречий так же, как

у прилагательных: *massais* 'меньше'. Зафиксированы и иные типы образования — *muisieson* 'больше', *tālis*, *tāls*, *tals* 'дальше', *toūls* 'больше', трактуемые по-разному: *-is-* или *-es-*; подобные показатели могли, видимо, характеризовать и некоторые прилагательные (*tawischas* или *tawischis* (род. п.) 'ближайший'). Формы превосходной степени образуются присоединением элемента *ucka-* к положительной форме (*ucka isarwiskai* 'вернее всего').

Среди незнаменательных слов выделяются предлоги, союзы и частицы. Основные предлоги: *en* (*an*) 'в', *er* (*er prei*, *er en*), *ergi* 'до', *be* 'без', *esse* (*assa*) 'от', 'о', *is* 'из', *kirscha(n)* 'через', 'сквозь', *na* (*no*) 'на', 'после', 'согласно', *po* 'под', 'после', *pagār* 'около', *paggan* 'из-за', *per* 'для', *pirsdau* 'перед', *pra* 'через', *prēi* 'к', 'у', *prīki(n)* 'против', *sēn* 'с', *sirsdau* 'среди', *surgi* 'о'. Эти предлоги употребляются почти исключительно с винительным (*en*, *esse*, *is*, *kirscha(n)*, *na*, *pagār*, *per*, *pirsdau*, *po*, *pra*, *prei*, *prīki(n)*, *surgi*) и дательным падежом (*en*, *esse*, *is*, *na*, *pirsdau*, *prei*, *prīki(n)*, *sen*, *sirsdau*). Во многих случаях один и тот же предлог сочетается с обоими падежами; при этом иногда употребление разных падежей имеет синтаксическую и/или семантическую мотивировку, но нередко оно объясняется смешением их, свидетельствующим о забвении этих мотивировок: *esse stesmu garrin* 'из этого (дат. п.) дерева (вин. п.)', *en kawijdsmu* (дат. п.) *Christiāniskan* (вин. п.) 'в котором Христианстве', *sen stesmu* (дат. п.) *wargan* (вин. п.) 'с этим злом'; в таких случаях формы винительного и дательного падежа начинают употребляться при некоторых предлогах безразлично. О тенденции к распространению в П.я. «общего» или «обшечосвенного» падежа в положении после предлогов свидетельствует то, что с родительным падежом сочетается лишь один предлог вторичного происхождения (*pagār*), а сочетания предлога *sen* с творительным падежом (*sēnku* 'с кем', *sen maim* 'со мной') далеки от падежности.

Основные союзы: *ad(d)er* 'но', *anga* 'или... или', *ba* 'и', *beggi* 'так как', 'потому что', 'ибо', *ikai* 'если', *ir* 'и', 'а также', *kad(d)en* (*kadan*) 'когда', *kāi* 'что', 'чтобы', *kāigi* 'как', 'подобно', *nikai* 'чем', *kan* 'когда', *sclait* (*schlait/schlāits*) 'но'.

Данные о частцах скудны (*an*, *gi*, *ir*, *ikai* и др.), если не считать морфологизированной приглагольной частицы *lai*, присоединяемой к инфинитивной основе и иногда сопровождаемой личными глагольными окончаниями (кондиционалис).

2.4.0. Образцы парадигм.

Склонение имен существительных представлено несколькими парадигмами, зависящими от принадлежности слова к определенному типу основ, а иногда и от грамматического рода. Обычно в П.я. выделяют семь типов основ в склонении существительного: на *-a* (и.-е. *-o-), *-(i)ja-* (и.-е. *-jo-), *-ā-* (*-jā-*) (и.-е. *-(i)ā-), *-ē-* (и.-е. *-ē-), *-i-* (и.-е. *-i-), *-u-* (и.-е. *-u-), а также на согласный.

Конкретные парадигмы склонения имени изобилуют лакунами и неясностями. Поэтому восстанавливаемые исследователями для П.я. парадигмы носят обычно несколько идеализированный, иногда даже условный характер. Относительно полны и надежны сведения о флексиях парадигм склонения только в наиболее продуктивных типах.

Существительные

Флексии основ склонения

Типы основ									
	-a-		-(i)jā-		-ā- (-jā-)		-ē-	-i-	-u-
	М. р.	Ср. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Ж. р.	М. р., ж. р.	М. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число								
Им.	-(a)s	-an	-is	-in, -jan	-ā, -jā	-ē	-is	-us	-u, -un
Род.	-ās		-(j)as		-ās, -jās	-ēs	-eis	-aus	
Дат.	-ai, -u				-ai, -jai	-ei	-ei		-u (?)
Вин.	-an		-in, -jan		-an, -jan	-en	-in	-un	-un (?)
	Мн. число								
Им.	-ai				-ās, -ai, -jās, -jai	-ēs	-īs		
Род.	-an				-an, -jan				
Дат.	-ama(n)s				-āmans, -jāmans				
Вин.	-ans		-ins, -jans		-ans, -jans	-ens	-ins		

Парадигмы склонения

Основы на -a-: м. р.: *deiws* 'Бог', *wijrs* 'муж', *tāws* 'отец', *wīrds* 'слово', *grikas* 'грех', *malnijks* 'ребенок'; ср. р.: *buttan* 'дом', *īstai* (дат. п.) 'еда'.

Падеж	Ед. число							
Им.	<i>deiws</i>	<i>wijrs</i>	<i>tāws</i>	<i>wīrds</i>	<i>grikas</i>	<i>malnijks</i>	<i>buttan</i>	
Род.	<i>deiwas</i>		<i>tāwas</i>			<i>malnijkas</i>	<i>buttas</i>	
Дат.				<i>wirdai</i>	<i>griku</i>	<i>malniku</i>		<i>īstai</i> (?)
Вин.	<i>deiwan</i>	<i>wijran</i>	<i>tāwan</i>	<i>wirdan</i>	<i>grikan</i>	<i>malnijkan</i>		
Зват.	<i>deiwe</i>		<i>tawe</i>					
	Мн. число							
Им.		<i>wijrai</i>		<i>wirdai</i>	<i>grikai</i>	<i>malnijikai</i>		
Род.				<i>wirdan</i>	<i>grikan</i>			
Дат.		<i>wijrimans</i>		<i>wirdemmans</i>				
Вин.	<i>deiwan</i>	<i>wīrans</i>	<i>tāwan</i>	<i>wirdans</i>	<i>grikans</i>	<i>malnijkans</i>		
Зват.		<i>wijrai</i>	<i>tawai</i>					

Основы на -(i)jā-: м. р.: *rikijs* 'господин', *bousennis* 'состояние', *druwis* 'вера', *geits* 'хлеб', *īdis* 'еда', *tawischas* (род. п.) 'ближайший сосед'; ср. р.: *garrin* (вин. п.) 'дерево'.

Падеж	Ед. число						
Им.	<i>rikijs</i>	<i>bousennis</i>	<i>druwis</i>	<i>geits</i>	<i>īdis</i>		
Род.	<i>rikijas</i>					<i>tawischas</i>	
Вин.	<i>rikijan</i>	<i>bousennien</i>	<i>druwin</i>	<i>geitin</i>	<i>īdin</i>	<i>tawischen</i>	<i>garrin</i>
Зват.	<i>rikijis</i>						

Падеж	Мн. число					
Им.	<i>*rikijai</i>					
Вин.	<i>rikijans</i>	<i>bousenniens</i>				
Зват.	<i>rikijai</i>					

Основы на -ā- (-jā-): ж. р.: *genna* 'женщина', *mensa* 'мясо', *merga* 'девочка', *perdāsai* (дат. п.) 'продажа', 'торговля', *maddla* 'молитва', *dāiai* (дат. п.) 'дар', *krawia* 'кровь'.

Падеж	Ед. число						
Им.	<i>genno</i>	<i>mensā</i>	<i>mergu</i>		<i>maddla</i>		<i>krawia</i>
Род.	<i>gennas</i>	<i>mensas</i>	<i>mērgan</i>				
Дат.				<i>perdāsai</i>		<i>dāiai</i>	<i>kræuwiey</i>
Вин.	<i>gennan</i>	<i>mensan</i>		<i>perdāisan</i>	<i>madlan</i>	<i>dāian</i>	<i>krawian</i>
	Мн. число						
Им.	<i>gennai</i>	<i>mensas</i>			<i>madlas</i>		
Род.		<i>menschon</i>					
Дат.	<i>gennāmans</i>		<i>mergūmans</i>				
Вин.	<i>gennans</i>					<i>dāians</i>	

Основы на -ē-: ж. р.: *giwei* 'жизнь', *kīrki* 'церковь', *pērgimnis* (род. п.) 'природа', *kurpe*, род обуви, *teisi* 'право', *semmei* (дат. п.) 'земля', *raples* 'шипцы'.

Падеж	Ед. число						
Им.	<i>giwei</i>	<i>kīrki</i>		<i>kurpe</i>	<i>teisi</i>		<i>druwi</i>
Род.	<i>gīwas</i>	<i>kīrkis</i>	<i>pērgimnis</i>		<i>teisis</i>		
Дат.	<i>gijwis</i>		<i>pērgimie</i>			<i>semmei</i>	
Вин.	<i>gijwan</i>	<i>kīrkin</i>			<i>teisin</i>	<i>semmin</i>	<i>druwin</i>
	Мн. число						
Им.							<i>raples</i>
Вин.		<i>kīrkis</i>		<i>kurpins</i>			

Основы на -i-: ж. р.: *ackis* (мн. ч.) 'глаза', *nautei* (дат. п.) 'нужда', *nierties* (род. п.) 'страх', *assis* 'ось'; м. р.: *nosēilis* 'дух', *seilin* (вин. п.) 'прилежность', *cixtiānimans* (дат. п. мн. ч.) 'христиане', *amsis* (род. п.) 'народ'.

Падеж	Ед. число						
Им.				<i>assis</i>	<i>nosēilis</i>		
Род.			<i>nierties</i>		<i>noseilīs</i>		<i>amsis</i>
Дат.		<i>nautei</i>					
Вин.		<i>nautin</i>	<i>nertien</i>		<i>noseilin</i>	<i>seilin</i>	<i>amsin</i>
	Мн. число						
Им.	<i>ackis</i>						
Дат.						<i>cixtiānimans</i> (?)	
Вин.	<i>ackins</i>	<i>nautins</i>				<i>seilins</i>	

Основы на -и-: м. р.: *dangus* 'небо', *soīns* 'сын'; ср. р.: *pecku* (вин. п.) 'скот'.

Падеж	Ед. число		
Им.	<i>dangus</i>	<i>soīns</i>	
Род.		<i>*sounous, soīnas, sunos</i>	
Дат.			<i>peku (?)</i>
Вин.	<i>dangon</i>	<i>soīnan, sunun</i>	<i>pecku, peckan (?)</i>

Основы на согласный: ср. р.: *seyr* 'сердце' (корневая основа, другие падежи как у а-основ); м. р.: *brote* 'брат', ж. р.: *mūti* 'мать', *duckti* 'дочь' (r-основы), м. р.: *emmens* 'имя', *kermens* 'тело', *smoy* 'человек'; ср. р.: *semen* 'семя' (n-основы); м. р.: *smunents* 'человек', *giwāntei* (герундий из дат. п.) от глагола 'жить' (nt-основы).

Падеж	Ед. число									
Им.	<i>seyr</i>	<i>brote</i>	<i>mūti</i>	<i>duckti</i>	<i>emmens</i>	<i>kermens</i>	<i>smoy</i>	<i>semen</i>	<i>smunents</i>	
Род.					<i>emnes</i>	<i>kermenēs</i>				
Дат.										<i>giwāntei (?)</i>
Вин.			<i>mūtin</i>		<i>emnen</i>	<i>kermenen</i>			<i>smunentin</i>	
Зват.		<i>brāti</i>								
	Мн. число									
Вин.									<i>smunentins</i>	

Прилагательные

В зависимости от типа основ обычно различают три склонения, хотя каждое из этих склонений «сложное», поскольку оно предусматривает формы мужского и женского рода (о формах среднего рода см. 2.3.7.) Прилагательные склоняются по одному из следующих типов: I. -а/-ā- (и.-е. *-о-, *-ā-); II. -и- или -ја-/-jā- (и.-е. *-i-, *-jo-, *-jā-); III. -у/-ū- (и.-е. *-u-, *-ū-). Наиболее распространен первый тип, второй встречается реже, примеры третьего единичны. В склонении прилагательных многочисленны случаи смешения основ, аналогий, исключений. Известны случаи взаимодействия склонения существительных и прилагательных.

I тип, основы на -а/-ā-: *swints* 'святой', *mijls* 'дорогой', *ainonts* 'некий', 'некто', *tickars* 'правый', *wargs* 'злой', *gāntsas* 'целого', 'всего' (род. п.), *urs* 'старый', *labs* 'хороший'.

Падеж	Ед. число								
Им.	м. р.	<i>swints</i>	<i>mijls</i>	<i>ainonts</i>	<i>tickars</i>	<i>wargs</i>		<i>urs</i>	<i>labs</i>
	ж. р.	<i>swintai</i>			<i>tickra</i>				
Род.	м. р.	<i>swyntas</i>	<i>mijlas</i>	<i>ainontsi</i>				<i>gāntsas</i>	<i>labas</i>
	ж. р.								
Дат.	м. р.			<i>ainontsmu</i>		<i>wargasmu</i>			
	ж. р.				<i>tickray</i>				
Вин.	м. р.	<i>swintan</i>	<i>mijlan</i>	<i>ainontin</i>	<i>tickran</i>	<i>wargan</i>			<i>labban</i>
	ж. р.	<i>swintan</i>			<i>wargan</i>		<i>gāntsan</i>		<i>labban</i>

	Мн. число							
Им.	м. р.	<i>swintai</i>	<i>mijlai</i>		<i>tickrai</i>			
	ж. р.		<i>mijlas</i>					
Род.	м. р.	<i>swintan</i>						
	ж. р.							
Дат.	м. р.						<i>uremmans</i>	
	ж. р.							
Вин.	м. р.					<i>wargans</i>	<i>urans</i>	<i>labbans</i>
	ж. р.	<i>swintans</i>				<i>wargans</i>		

II тип, основы на -и-, -ја-/-jā-: *arwis* 'истинный', 'настоящий', *denkenennis* 'небесный', *mukinewis* 'поучающий', *wyssenmukis* 'всемогущий', *druwīgin* 'верующего' (вин. п.), *nidruwīgi* 'неверующие', *ainaseilingi* 'одинокая', *warewingin* 'могущественный'.

Падеж	Ед. число							
Им.	м. р.	<i>arwis</i>	<i>denkenennis</i>	<i>mukinewis</i>				
	ж. р.						<i>ainaseilingi</i>	
Род.	м. р.				<i>wyssenmukis</i>			
	ж. р.							
Дат.	м. р.							
	ж. р.							
Вин.	м. р.				<i>wissemokin</i>	<i>druwīgin</i>		
	ж. р.							
	Мн. число							
Им.	м. р.						<i>nidruwīgi</i>	
	ж. р.							
Род.	м. р.						<i>nidruwīgin</i>	
	ж. р.							
Дат.	м. р.					<i>druwīgimans</i>		
	ж. р.							
Вин.	м. р.			<i>mukinewins</i>		<i>druwīgins</i>		<i>warewingin</i>
	ж. р.							

III тип, основы на -у/-ū-. В мужском роде засвидетельствованы формы им. п. ед. ч. *āūgus* 'скупой', *preitlāngus* 'нежный', вин. п. ед. ч. *polligun* 'подобный' (?); в женском роде, возможно, вин. п. ед. ч. *gillin* 'глубокий'.

Местоимения

Личные

	1-е лицо		2-е лицо	
Падеж	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>as, es</i> 'я'	<i>mes</i> 'мы'	<i>tū, tōi</i> 'ты'	<i>ioūs</i> 'вы'
Род.	<i>maisei</i>	<i>nuson, nouson, nusun</i>	<i>twaise</i>	<i>ioūsan, iouson</i>
Дат.	<i>mennei</i>	<i>nūmans, nūmas, noumas</i>	<i>tebbei</i>	<i>ioūmans, ioūmas, iūmans</i>
Вин.	<i>mien</i>	<i>mans</i>	<i>tien</i>	<i>wans</i>
Твор.	<i>māim</i>			

Примечание: Формы род. п. ед. ч. *maisei*, *twaise* построены на основе соответствующих притяжательных местоимений; иногда так же понимают и трижды отмеченную форму

твор. п. *māim*, хотя существуют и иные ее объяснения. Для формы вин. п. мн. ч. *mans* иногда предполагают диссимиляцию из **nans*; форму *ioūs* в ряде случаев трактуют как [jus].

Притяжательные

mais 'мой', *twais* 'твой', *noūs-* (**nūs-*) 'наш', *ioūs-* (**jūs-*) 'ваш'

1-е лицо						
	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число					
Им.	<i>mais</i>	<i>maia</i>			<i>nousā</i>	
Род.	<i>maisei</i>					
Дат.	<i>maiāsmu</i>	<i>mayiey</i>		<i>nousesmu</i>		<i>noūsesmu</i>
Вин.	<i>maian</i>	<i>maian</i>	<i>maian</i>			
	Мн. число					
Вин.	<i>maians</i>			<i>nousons</i>		<i>noūsons</i>

2-е лицо				
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Падеж	Ед. число			
Им.	<i>twais</i>	<i>twaiā</i>	<i>ioūs</i>	<i>iousā</i>
Род.	<i>twaise, twaisei</i>	<i>twaiasei</i>	<i>iousai</i>	
Дат.	<i>twaiāsmu</i>		<i>ioūsmu</i>	
Вин.	<i>twaiān</i>	<i>twaiān</i>		
	Мн. число			
Вин.	<i>twaiāns</i>	<i>twaiāns</i>	<i>ioūsans, ioūsons</i>	<i>ioūsans</i>

Возвратные местоимения: *swais* 'свой', *sebbei* 'себе', *sien* 'себя' (энклитически *-si* и *-sin*) и отчасти *subs, sups*, 'свой'. Довольно полно представлена парадигма наиболее регулярного возвратного местоимения *swais*:

	М. р.	Ж. р.
Падеж	Ед. число	
Им.	<i>swais</i>	<i>swaia</i>
Род.	<i>swaise, swaisei</i>	<i>swaias</i>
Дат.	<i>swaiāsmu</i>	<i>swaiiai</i>
Вин.	<i>swaiān</i>	<i>swaiān</i>
	Мн. число	
Дат.	<i>swaimans</i>	
Вин.	<i>swaiāns</i>	<i>swaiāns</i>
Твор.	<i>swaieis</i>	

Указательные

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число		
Им.	<i>stas</i> 'этот' и в функции определенного артикля <i>schis</i> 'этот, сей' <i>tāns</i> 'он (оный)'	<i>stā</i> <i>tannā, tennā</i>	<i>sta, stae</i>
Род.	<i>stēisei, stēisi, stēise, stesse</i> <i>schēise</i> <i>tennessei</i>	<i>steises, stesses, stessias</i> <i>schisses</i>	<i>stēisei, stesse</i>
Дат.	<i>stēismu, stēsmu</i> <i>schismu</i> <i>tennēismu, tenesmu</i>	<i>stēisei, stessei</i> <i>schissai</i> <i>tennēi</i>	<i>steismu, stesmu, stasma</i>
Вин.	<i>stan</i> <i>schan, schian, schien</i> <i>tennan</i>	<i>stan</i> <i>schan, schin, schien, schian</i> <i>tennan</i>	<i>sta, stan</i>
	Мн. число		
Им.	<i>stāi, stai, staey</i> <i>schai</i> <i>tennei</i>	<i>stai</i>	
Род.	<i>stēison, stēisan</i> <i>schēison</i> <i>tennēison, tanassen</i>	<i>stēison, stēisan</i> <i>tennēison</i>	<i>stēison</i>
Дат.	<i>stēimans, steimans, steimans</i> <i>tennēimans</i>	<i>stēimans, steimans, steimans</i>	
Вин.	<i>stans</i> <i>schans, schins</i> <i>tennans, tannans</i>	<i>stans</i> <i>schiens</i> <i>tennans</i>	

Энклитическое местоимение **dis* может употребляться как анафорическое, но часто также употребляется в неопределенно-личном значении, соответственно неопределенно-личному местоимению *man* в немецком тексте. Местоимение **dis* обладает дефектной парадигмой. Представлены формы только именительного и винительного падежа: им. п. ед. ч. м. р. *-ts*; на основании *-ts* в исходе таких глагольных форм, как *immats* 'он взял' и т. п., реконструируется **dis*; им. п., вин. п. ед. ч. ср. р. *-di* (?), в таких формах глагола, как *turedi* 'должно' (соответственно нем. *soll man*) или *wirsti* < **wirst-di* 'станут' (в неопределенно-личном значении, соответственно нем. *wird man*), а также в *kāidi* 'что люди', сочетании союза с *-di* (соответственно нем. *dass man*); вин. п. ед. ч. м. р., ж. р. *din* (ж. р. также *dien*), им. п. мн. ч. м. р. *dei, di*; вин. п. мн. ч. м. р., ж. р. *dins*.

Местоимение-прилагательное *stawīds* 'такой' представлено формами:

м. р. — ед. ч.: им. п. *stawīds*, дат. п. *stawīdsmu*, вин. п. *stawīdan*; мн. ч.: вин. п. *stawīdans*;

ж. р. — ед. ч.: вин. п. *stawijdan*; мн. ч.: им. п. *stawīdas*;

ср. р. — ед. ч.: дат. п. *stawīdsmu*, вин. п. *stawīdan, staweidan*.

Обобщающие местоимения: представлены словом *wissa* (ж. р.) 'весь', парадигма которого засвидетельствована не полностью:

м. р. — ед. ч.: дат. п. *wismu*, вин. п. *wissan*; мн. ч.: им. п. *wissay*, дат. п. *wissamans*, вин. п. *wissans*;

ж. р. — ед. ч.: им. п. *wissa*, дат. п. *wissai*, вин. п. *wissan*; мн. ч.: им. п. *wissas*, вин. п. *wissans*;

ср. р. — ед. ч.: им. п. *wissa*, *wissan*, род. п. (неопределенного рода) *wissas*.

К разряду неопределенных относятся как собственно неопределенные местоимения (*ains* 'один', 'некий', употребляемое и в качестве неопределенного артикля, см. 2.3.7.), так и отличительное 'другой', 'иной', представленное формами: вин. п. ед. ч. (м. р. или ж. р.) *kittan* и вин. п. мн. ч. м. р. *kittans*.

Определительные местоимения представлены словом *subs* 'сам' (вместе с *stas* — 'тот самый'); в ряде случаев оно соответствует немецкому возвратному местоимению. Отмечены формы:

м. р. — ед. ч.: им. п. *subs*, *sup*s, род. п. *subsai*, *supsei* и *supsas*, дат. п. *subbsmu*, *supsmu*, вин. п. *subban*; мн. ч.: вин. п. *subbans*;

ж. р. — ед. ч.: им. п. *subbai*, дат. п. *supsai*, вин. п. *subban*;

ср. р. — ед. ч.: вин. п. *subban*.

Вопросительно-относительные местоимения представлены словом *kas* 'кто', 'что', 'который' и местоимением-прилагательным *kawīds* 'какой', 'каковой'. Их парадигмы представлены сравнительно полно:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число					
Им.	<i>kas</i>	<i>quai, quoi</i>	<i>ka</i>	<i>kawīds</i>	<i>kawida</i>	<i>kawijdan</i>
Род.					<i>kawijdsa</i> , в.м. <i>*kawijdas?</i>	
Дат.	<i>kasmu</i>		<i>kasmu</i>	<i>kawīdsmu</i>	<i>kawijdsei</i>	<i>kawīdsmu</i>
Вин.			<i>ka, kai, kan</i>	<i>kawīdan</i>	<i>kawīdan</i>	<i>kawīdan</i>
Твор.			<i>ku</i>			
	Мн. число					
Им.	<i>quai, quoi</i>			<i>kawīdai</i>		
Вин.	<i>kans</i>			<i>kawīdans</i>	<i>kawīdans</i>	

Глагол

В глаголе различаются три типа основ: презентные, претеритальные и инфинитивные. На их базе образуются конкретные формы глагольной парадигмы. Наибольшим разнообразием обладают презентные основы. Они делятся на два класса: атематические и тематические. К атематическому классу относится несколько глаголов, засвидетельствованных в ограниченном объеме:

'быть' — 1 л. ед. ч. *asmai*, *asmu*, 2 л. ед. ч. *assei*, *essei*; 1 л. мн. ч. *asmai*, 2 л. мн. ч. *astai*, *estei*, *asti*; 3 л. *ast*, *est*;

'идти' — 1 л. мн. ч. (*per*)*ēimai*; 2 л. ед. ч. *ēisei*; 3 л. *ēit*;

'дать' — 2 л. ед. ч. *dāse*; 3 л. *dāst*;

'знать' — 1 л. мн. ч. *waidimai*; 2 л. ед. ч. *waisei*; 2 л. мн. ч. *waiditi* (инфинитив *waist*).

К тематическому классу относятся глаголы с основами на *-ā-*: *bia* 1 л. ед. ч. наст. вр. от *biātwei* 'бояться', *lāiku* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'держать' и др., на

-i-: *turūt(wei)* 'иметь', *kirdīmai* 1 л. мн. ч. наст. вр. от 'слышать' и др.; на *-o-*: *imma* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'брать', *giwassi* 2 л. ед. ч. наст. вр. от 'жить' и т. п. с разными подтипами: *-uo-*, *-sto-*, с инфиксом, *-no-*, *-jo-*; на *-oujo-*: **dinkauia* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'благодарить', *pogerdawie* 3 л. наст. вр. от 'проповедовать' и др.; на *-tjo-*: *cixtia* 1 л. мн. ч. наст. вр. от 'крестить', *madliti* 'молить' и др.; на *-ējo-*: *druwē* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'верить', *seggē* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'делать' и др.; на *-ājo-*: *maitā* 3 л. наст. вр. от 'кормить', *peisāi* 3 л. наст. вр. от 'писать' и др.; на *-inā-* (*-ja-*): *posinna* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'узнавать', *spartina* 3 л. наст. вр. от 'усиливать' и др.

Данные о претеритальных основах далеки от полноты. Прежде всего выделяются основы на *-ā-* (*kūra* 'строил', *prowela* 'предал') и на *-ē-* (*weddē* 'привел', *ismigē* 'заснул'). Имеются основы на *-āi*, *ā-* и *-ū-*, восходящие к и.-е. *āje*-основам (последний гласный этого комплекса исчез, как и *-i-* в положении после *-ū-*; после *-a-* это *-i-* в одних случаях исчезло, в других сохранилось): *signai* и *ebsignā* 'благословил', *billai* 'сказал', *widdai* 'увидел', *postāi* 'стал', *dai* 'дал', *endeirā* 'взирал', *teikū* 'создал'. Зафиксирована изолированная претеритальная основа, восходящая к **bē-*: *bēi*, *bei*, *be* 'был'.

Выделяется особый тип инфинитивных основ (часть слова по отделении инфинитивных флексий): *boū-t* (*bū-ton*) 'быть', *lim-twei* 'ломать', *gērb-t* 'говорить', *cixti-twi* 'крестить', *attrā-twei* 'отвечать', *druwī-t* 'верить', *kirdī-t* 'слышать', *gir-twei* 'хвалить', *gallin-twei* 'убивать' и т. п.

Разные типы сочетаний этих трех основ образуют типы спряжения глагола. Согласно одной из последних классификаций, выделяются типы спряжения:

I. Первое спряжение: старые глагольные основы на *-e-/o-*:

1a) корневая основа инфинитива и такая же основа презенса: *imt* 'брать', 3 л. наст. вр. *imma*;

1b) основа инфинитива на старое *-ē-*, в презентной основе тематический гласный *-a-*: *giwīt* 'жить', 3 л. наст. вр. *giwa*;

1c) корневая основа инфинитива, основа презенса на *-n-*: *pogaut* 'получить', 3 л. наст. вр. *pogaunai*;

1d) корневая основа инфинитива, основа презенса с назальным инфиксом: *polinka* 3 л. наст. вр. от 'оставлять';

1e) корневая основа инфинитива, основа презенса на *j*: *poūt*, *poutwei* 'пить', 2 л. мн. ч. императива *poieiti*;

1f) корневая основа инфинитива, основа презенса с исходом на палатализованный согласный (из сочетания с *j*): *girtwei* 'хвалить', 1 л. мн. ч. кондиционалиса *girrimai*;

1g) вторичный глагол с элементом на *-in-*: *kumpint* 'нарушить', 3 л. наст. вр. *kūmpinna*;

1h) вторичный глагол с элементом *-ī-*: *cixtitwi* 'крестить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *cixtia*;

1i) вторичный глагол с элементом *-au-*: *dīnkaut* 'благодарить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *dīnkama*.

II. Второе спряжение: основа презенса на *-ī-*, основа инфинитива на *-ē-*: *druwīt* 'верить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *druwē*.

III. Третье спряжение: основа презенса на *-ā-*:

3a) основа инфинитива на *-ī-*: *perklantīt* 'проклинать';

3b) основа инфинитива на *-ā-*: *biātwei* 'бояться'.

IV. Четвертое спряжение: старые атематические глаголы: *dāt(wei)* 'дать', 3 л. наст. вр. *dāst*.

Различные аномальные спряжения: *waist* 'знать', 2 л. ед. ч. наст. вр. *waisei*; *madlīt* 'молить', 1 л. мн. ч. наст. вр. *madlimai*; *polāikt* 'оставаться' и др.

В общем виде набор флексий в спряжении глагола можно представить следующим образом:

	Атематическое спряжение	Тематическое спряжение
1 л. ед. ч.	<i>-mai</i>	?
2 л. ед. ч.	<i>-sei, -sai, -se</i>	<i>-si</i>
1 л. мн. ч.	<i>-mai</i>	<i>-mai</i>
2 л. мн. ч.	<i>-ti, -tei, -tai</i>	<i>-ti, -tei, -tai</i>
3 л.	<i>-t(i), -tits</i>	<i>-θ, -ts</i> (только в ед. ч.)

Приметами императива являются: *-ais/-aiti* (*immais/immaiti* 'бери', *dais/dāiti* 'дай'), *-eis/-eiti* (*jeis/jeiti* 'иди', *wedeys* 'веди', *crixteiti* 'крестите'), *-īs/-īt(e)i* (*endirīs* 'смотри', *billītei* 'говорите'); единичные случаи императива: *-aus/-auti* (*gerdaus* 'говори', *dīnkauti* 'благодарите'), *-s/-tei* (*teiks* 'поставь', *powiērptei* 'оставьте').

Признаком кондиционалиса служит глагольная частица *-lai*, присоединяемая к основе инфинитива (*boūlai* от глагола 'быть', *eīlai* от 'идти', *imlai* от 'брать', *quoitīlai*, *quoitīlaisi*, *quoitīlaiti* от 'хотеть').

Признаки оптатива: *-sei, -se, -sai, -si* (*boūsei* от 'быть', *dārsai* от 'дать', *tussīse* от 'молчать', *ebsignāsi* от 'благословить').

Примеры парадигм спряжения глагола

	<i>boūt(on)</i> 'быть'	<i>ēit (perēit)</i> 'идти' (приходить)	<i>dātwei</i> 'дать'	<i>īmt</i> 'взять'	<i>druwīt</i> 'верить'	<i>seggīt</i> 'делать'	<i>turīt</i> 'иметь'	<i>postāt(wei)</i> 'стать'	<i>quoit-</i> 'хотеть'
	Настоящее время								
1 л. ед. ч.	<i>asmai</i> <i>asmu</i> <i>asmau</i>			<i>imma</i>	<i>druwē (?)</i>	<i>segge (?)</i>			
2 л. ед. ч.	<i>assai</i> <i>essei</i>	<i>ēisei</i>	<i>dāse</i>		<i>druwēse</i>	<i>seggēsei</i>			
1 л. мн. ч.	<i>asmai</i>	<i>perēimai</i>		<i>immimai</i>	<i>druwēmai</i>	<i>seggēmai</i>	<i>turrimai</i>	<i>postanimai</i>	<i>quoitāmai</i>
2 л. мн. ч.	<i>astai</i> <i>estei</i>			<i>immati</i>	<i>druwētei</i>	<i>seggētei</i>	<i>turriti</i>		
3 л.	<i>ast</i> <i>est</i> <i>astits</i>	<i>ēit</i>	<i>dāst</i>		<i>druwē</i>	<i>segē</i>	<i>turri</i>	<i>postānai</i>	
	Прошедшее время								
3 л.	<i>bē</i> <i>bēi</i>		<i>dai</i> <i>daits</i>	<i>immats</i> <i>imma</i>				<i>postāi</i>	

	Будущее время								
2 л. ед. ч.								<i>postāsei</i>	
3 л.	<i>boūsei (?)</i> <i>bousai (?)</i>		<i>dāσαι (?)</i>						
	Императив								
2 л. ед. ч.	<i>seisei</i>	<i>jeis</i>	<i>dais</i>	<i>imais</i>		<i>segētei</i>			
2 л. мн. ч.	<i>seīti</i>	<i>jeiti</i>	<i>dāiti</i>	<i>ymaity</i>					
	Кондиционалис								
2 л. ед. ч.									<i>quoitīlaisi</i>
1 л. мн. ч.							<i>turrīlimai</i>		
2 л. мн. ч.									<i>quoitīlaiti</i>
3 л.	<i>boūlai</i>	<i>perēilas</i>		<i>imlai</i>			<i>turrīlai</i>		<i>quoitījlai</i>
	Оптатив								
3 л.	<i>boūsei</i> <i>bousai</i>	<i>pereis</i> <i>pareysey</i>							
	Инфинитив								
	<i>boūt(on)</i> <i>būton</i>	<i>perēt</i>	<i>dāt</i> <i>dātwei</i> <i>daton</i>	<i>īmt</i>	<i>druwīt</i>	<i>seggīt</i>	<i>turīt</i> <i>turrītwei</i>	<i>postāt</i> <i>postāt-</i> <i>wei</i>	
	Супин								
	<i>boūton (?)</i> <i>būton (?)</i>		<i>daton (?)</i>						

Некоторые формы склонения причастий

Настоящее время действительного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *skellānts* 'виновный', род. п. *niaubillintis* 'несовершенно-летнего', дат. п. *emprikisentismu* 'присутствующему', 'настоящему'; мн. ч.: им. п. *skellāntei/skellāntai* 'виновные', вин. п. *waitīaintins* 'говорящих';

ж. р. — ед. ч.: дат. п. *niaubilintai* 'несовершеннолетней', вин. п. *nidruwīntin* 'неверующую'.

Прошедшее время действительного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *dāuns* 'давший', вин. п. *ainangimmusin* 'единорожденного'; мн. ч.: им. п. *aupallusis* 'нашедшие', вин. п. *aulausins* 'умерших', 'покойных';

ж. р. — ед. ч.: им. п. *aulausē* 'умершая', 'покойная'; мн. ч. им. п. *postāuns* 'становившиеся';

ср. р. — ед. ч.: им. п. *engemmons* 'врожденное', 'прирожденное'.

Прошедшее время страдательного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *dāts* 'данный', вин. п. *perklantīton* 'проклятого'; мн. ч. им. п. *ankaītītai* 'соблазненные', 'потревоженные', *pogautei* 'полученные';

ж. р. — ед. ч.: им. п. *imtā* 'взятая';

ср. р. — ед. ч.: им. п. *dāton* 'данное'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Наиболее распространенной моделью слова в П.я. нужно считать биномную структуру, образуемую основой слова и флексией, хотя существует и ряд неизменяемых слов, актуально вообще не членимых на части или даже членимых, но сохраняющихся как устойчивое целое. К таковым относятся обычно частицы, союзы, предлоги, наречия. В основном речь идет о словечках-монолитах, обретающих свой смысл в сочетаемости со словами, по отношению к которым они исполняют свою служебную функцию. Среди них предлоги (см. 2.3.7.); некоторые из них могут выступать и как префиксы, ср. *en-*, *em-*, *is-*, *na-*, *nā-*, *po-*, *pa-*, *pagār-* 'рядом', 'наряду с', *per-*, *pēr-*, *par-*, *pra-*, *prā-*, *pro-*; *prei-*, *prēi-*, *sen-*, *san-*. Только в виде префиксов выступают *ab-/eb-*, *at-/et-*, *au-*. Такими же словами-монолитами оказывается и большая часть союзов (см. 2.3.7.). Следует упомянуть и некоторые наречные образования и вопросительные и относительные местоимения типа *stwen* 'там' (ср. *stwendau* 'отсюда', 'оттуда', но и *isstwendau*, *isquendau*, то же, ср. *iswinadu* 'вовне' и пр.), *stwi* 'тут', *schan*, *schien* 'здесь', 'сюда', *schai* 'здесь', но и *tīt* 'также', *titet* 'так', 'так же', *tēnti* 'теперь', *quei* 'где', 'где?', *ainat* 'всегда', *tūlan* 'много', *ilgai* 'долго', *gantzei* 'полностью', *sausai* 'сухо' и т. п., не говоря уже о более отчетливо структурированных наречиях.

Довольно много случаев, когда слово представляет собою цепочку из трех-четырех морфов, но существуют и последовательности, состоящие из пяти-шести членов, ср.: *ni-seil-ew-ing-is* 'нерадивый', 'ленивый', *ni-teis-ing-isk-ān* 'бесчестный', *ni-eb-win-ūt-s* 'ненаказуемый', *po-klūs-m-ing-isk-an* 'послушно', *ni-teis-īw-ing-in-s* 'распутный', *po-warg-ew-ing-isk-an* 'плачевный', 'жалкий' и др.

2.5.2. В словообразовании используются прежде всего суффиксы и префиксы, а также морфонологические средства: ударение, интонация, количество гласных (долгота/краткость), чередование; также используется редупликация и словосложение, широко представленное как топонимастической, так и апеллятивной лексикой.

Основным приемом словообразования в П.я. является суффиксация. Инвентарь суффиксов достаточно велик; кроме того, они нередко образуют целые цепочки суффиксов до трех и даже более членов; опорный согласный суффикса часто распространяется разными гласными, что в сумме и образует всё многообразие суффиксов.

Наиболее распространены суффиксы: с элементом *j*: *-ij-*, *-oj-*, *-aj-*, *-uj-* и др. (топонимы *Lymaio*, *Kraxtoye*, *Laysyen*, *Laxduy*; *wosee* 'коза'); с элементом *v*: *-av-*, *-ev-*, а также с распространением их другими суффиксами (*gabawo* 'жаба', *Dargaw*, топоним, *garrewingi* 'пылкий'); с элементом *n*: *en-*, *-an-*, *-in-*, *-īn-*, *-ain-*, *-ein-*, *-ūn-*, *-on-*, *-sen-/sn-*, *-men-* и др. (*Maldenne*, топоним, *kartano* 'шест', *gleuptene* 'отвал плуга', *aulinis* 'голенище', *Margynne*, топоним, *malunis* 'мельница', *Kumpone*, топоним, *cixtisna* 'крещение', *etwerpsennian* 'отпущение'); с элементом *m*: *-im-*, *-aim-*, *-eim-*, *-am-*, *-om-* (имена собственные *Burtims*, *Thoayme*, *Candeym*, *Geddam*); с элементом *l*: *-el-*, *-al-*, *-il-*, *-ail-*, *-eil-*, *-ul-*, *-tl-/kl-* и др. (*Grabelle*, имя собственное; *wobilis* 'клевер', *scritayle* 'косяк', *crypeyle* 'лягушка',

gramboale 'жук', *Mattulle*, имя собственное, *gurcle* 'глотка'); с элементом *k*: *-ik-*, *-īk-*, *-eik-*, *-uk-*, *-nīk-* и др. (*prēisiks* 'враг', *dellijcks* 'предмет', *Jodeijko*, имя собственное, *gaylux* 'горноста́й', *balgninix* 'седельщик'); с элементом *g*: *-ing-*, *-ang-*, *-ung-* (*ragingis* 'олень', букв. 'рогатый', *Marang*, *Marange*, имена собственные); с элементом *t*: *-at-*, *-ait-*, *-it-*, *-ut-*, *-aut-*, *-ot-*, *-ant-*, *-int-*, *-ent-*, *-ti-*, *-sti-*, *-ūst-*, *-ist-*, *-tav-/t(u)v-* и др. (*meltan* 'мука', *giwato* 'жизнь', *krichaytos*, род сливы, *Pelite*, *Brangut*, *Alsaute*, *Galanten*, *Massinte*, топонимы; *sarote* 'ка́рп', *smunents* 'человек', *granstis* 'сверло', *saxtis* 'ко́ра', *etnistis* 'милость', *eristian* 'ягненок', *cestue* 'щетка'); с элементом *s*: *-us-/uz-* (*Paxis*, *Globse*, *Darguse*, имена собственные; *merguss* 'девица'). В словообразовании прилагательных чаще всего выступают суффиксы *-ing-*, *-isk-*, *-ingisk-*, *-ik-*, *-in-* и др. (*druwīngin* 'верующий', *prūsiskan* 'пру́сский', *niteisīngiskan* 'неправедный', *debikan* 'большой', *gurīns* 'бедный'). Нередки цепочки суффиксов *-av-ing-*, *-ev-ing-*, *-av-isk-*, *-ev-isk-*, *-av-ing-isk-*, *-ev-ing-isk-*, *-en-ik-* и т. п.

В словообразовании имен и особенно глаголов значительную роль играют префиксы: *pa-/po-* (*pokūnst* 'защищать', *padaubis* 'долина'), *per-* (*perēit* 'приходить', *pērgimnis* 'природа'), *prei-* (*preipist* 'приносить', *preitalis* 'наковальня'), *pra-* (*pralieiten* 'пролитый', *pracartis* 'корыто'), *is-* (*ismaitint* 'потерять', *ispresnan* 'разум'), *sen-* (*senrīnka* 'собирать', *senskrempūsnan* 'морщина'), *na-/no-* (*nosēilis* 'дух'), *ep-/eb-*, *ap-* (*ebimmai* 'охватывать', *epwarrīsnan* 'победа', *abstocle* 'крышка горшка'), *et-*, *at-* (*etwinūt* 'угощать', *etwerpsannan* 'отпущение', *attrātwei* 'отвечать'), *au-* (*aulaut* 'умирать', *aumūsnan* 'смывание'), *en-* (*engaunai* 'получать', *endirisna* 'смотрение'), *er-* (*erlaikūt* 'сохранять', *erains* 'каждый').

В П.я. довольно распространены двучленные слова типа татпуруша, состоящие из двух основ, отношения между которыми сопоставимы с падежными. Ср.: *dagagaydis* 'яровая пшеница' (букв. 'лета пшеница'), *kariawoytis* (*caryawoytis*) 'военный парад', 'смотр войску' (собственно — обращение предводителя к войску на своего рода войсковом вече), *crauwirps* 'кровопускатель', *laucagerto* 'куропатка' (букв. 'поля курица'), *malunakelan* 'мельничное колесо' ('мельницы колесо'), *malunastabis* 'мельничный жернов' (букв. 'мельницы камень'), *piwa-maltan* 'пивной солод' (букв. 'пива солод'), *sperglawanag* 'перепелятник' (букв. 'воробьев ястреб') и т. п. Весьма распространен этот тип сложения и в топонимастике, в чем можно видеть продолжение старой индоевропейской традиции. Известно некоторое количество образований, основанных на частичном повторении корневого элемента, ср.: *bebrus* 'бобр', *gegalis* 'мелкий нырок' (*Columbus minor*), *geguse* 'кукушка', *penpalo* (читать — *perpalo*) 'перепелка', *pepelis*, *pipelko*, *pip-palins*, порода птиц, *tatarwis* 'тетерев', *weware* 'белка', *werwirsis* 'жаворонок' и др. (характерно, что редуплицируются обозначения именно животных).

2.5.3. Синтаксис П.я. не исследован. В значительной степени это объясняется тем, что он в исключительно высокой степени является слепком с синтаксиса немецкого текста лютеровского «Малого Катехизиса». Почти во всех случаях синтаксическая конструкция прусской фразы рабски следует за развертыванием синтаксической схемы переводимой немецкой фразы. Общие черты синтаксиса прусского текста совпадают практически с таковыми в переводимом немецком тексте. П.я. свойствен номинативный строй предложения. Субъект и объект предложения обычно четко разграничены на морфологическом уровне, и это об-

стоятельство, видимо, открывает возможность для свободного порядка слов в предложении. Однако определить конкретно, как эта возможность реализуется, трудно, поскольку практически каждая фраза строится по образцу немецкой. Именно поэтому, в частности, было бы неправильно делать вывод о фиксированном порядке слов в П.я. на основании целого ряда фраз с «немецким» синтаксисом. В огромном большинстве случаев воспроизводится последовательность членов предложения: субъект — предикат — объект (SVO). Когда на первом месте не субъект, то на втором оказывается предикат, после которого следует субъект: *Bhe prei Wiran billa Deiws* 'И к мужу рек Бог' (нем. *Und zum Man sprach Gott*). В случае составного предиката объект ставится после первой части предиката: *Tou niturri kittans Deiws pagār mien turrītwēi* 'Ты не должен других богов, наряду со мной, иметь' (нем. *Du sollt nicht andere Götter neben mir haben*). Положение определения относительно определяющего (перед или после) может быть разным и зависит от того, как решается этот вопрос в соответствующем месте немецкого текста.

Отмечены три типа предложений: повествовательные, вопросительные и восклицательные. В последних на первом месте обычно предикат (например в императиве) или звательная форма имени. Ядром предложения вообще можно считать схему: группа имени в именительном падеже + группа глагола. Группа имени может совсем отсутствовать (редко) или же развертываться в: 1) имя (существительное, прилагательное или местоимение); 2) имя и имя; 3) предлог и имя. Группа глагола может изредка отсутствовать (именные предложения) или развертывается в смысловой глагол в личной форме или в группу глагола-связки плюс наречие; смысловой глагол в личной форме может развертываться в смысловой глагол в личной форме и имя не в именительном падеже, а группа глагола-связки — в личный глагол-связку.

2.5.4. Предложение описанной структуры может повторяться циклически, образуя сложносочиненные (бессоюзные и союзные, с союзами *ba* 'и', *scloit/schlāit/schlāit(s)* 'но', *anga* 'ли', 'или') или сложноподчиненные предложения. Последние образуются с помощью союзов *kāi* 'что', 'чтобы', *kāigi* 'как', 'подобно', *ikai* 'если', *kad(d)en* и *kan* 'когда', *beggi* 'так как', 'потому что': *As Druwē kai Jesus Christus isarwiskas Deiws esse Deiwan Tawan en prābūtskan gemmons...* 'Я верю, что Иисус Христос истинный Бог от Бога Отца в вечности родившийся...', *Jous Wijrai milijti iōūsans Gennans kāigi Christus milijuns ast stan perōnin...* 'Вы, мужья, любите ваших жен, подобно тому как Христос любил общину...', *Kadden Deiws wissan wargan prātin bhe quāitan lemlai bhe kūmpinna... noumans...* 'Когда Бог всякий злой помысел или желание сокрушит и изменит, то... нам...', *...bhe ickai ainonts ēnstan turīlai preiwaitiat stas segē stan en kērdan...* '...и если кто-нибудь об этом скажет, тот сделает это вовремя...'. Части сложноподчиненного предложения могут соединяться при помощи относительных местоимений типа *kawids* 'какой', 'каковой', *kas* 'кто', 'который', 'что' и т. п. В ряде случаев сложноподчиненные предложения не вполне выдерживают соответствие переводимой немецкой фразе.

2.6.0. Лексика П.я. известна в ограниченном объеме. Тексты трех Катехизисов и два словарика (см. 1.4.0.) насчитывают около 2250 лексем. Значительная часть слов ориентирована на передачу понятий и реалий христианской религии и риту-

ала. Так как принятие христианства у пруссов произошло поздно и существовали объективные языковые трудности при создании соответствующей терминологии, приходилось в одних случаях приспосабливать к новым потребностям исконно прусские, «нетерминологические» слова, в других прибегать к заимствованиям из соседних языков, в третьих создавать термины экспериментального характера (в Катехизисах). В этом смысле можно говорить о немалом количестве лексических новообразований в П.я. и отчасти о некоторой ограниченности словаря, проистекающей из того, что единственно известные прусские тексты принадлежат к числу узко-конфессиональных и все воспроизводят Катехизис в краткой и более полной форме. Однако благодаря словарикам этот недостаток компенсируется удачным распределением имеющегося лексического материала по разнообразным семантическим группам.

Наиболее обширный пласт лексики П.я. составляет индоевропейское наследие, представленное в достаточно полной мере и, как правило, в архаической форме, свойственной балтийским языкам. Многие лексемы этого слоя, сохранившиеся в П.я., отмечены и в других балтийских языках и должны рассматриваться как общебалтийский фонд. Примеры: *ansonis* 'дуб' — литов. *ąžuolas*, латыш. *uõzuõls*; *genix* 'дятел' — литов. *genys*, латыш. *dzenis*; *deicktas* 'место' — литов. *dāiktas*, латыш. *daikts* и др. Еще больше в П.я. лексических балтизмов, которые имеют соответствие только в литовском или только в латышском языке: *duckti* 'дочь' — литов. *duktė*; *raples* 'щипцы' — литов. *rėplės*; *ausis* 'золото' — литов. *auksas*; *krawian* 'кровь' — литов. *kraujas* и др.; *nabis* 'пуп' — латыш. *naba*; *salme* 'солома' — латыш. *salmi* и др. П.я. обладает достаточным количеством балтийских лексем, не отмеченных в литовском и латышском: *aglo* 'дождь', *ayculo* 'игла', *bītai* 'вечером', *dadān* 'молоко', *emnes* 'имя', *gaylis* 'белый', *garbis* 'гора', *kails* 'здоровый', *camstian* 'овца', *kelan* 'колесо', *pintis* 'путь', *seggīt* 'делать', *stallit* 'ставить', *wupyan* 'облако' и др.

Вне балтизмов в узком смысле слова заслуживают внимания те старые лексические элементы, которые объединяют П.я. со славянскими: *arwis* 'воистину' — слав. **orvъnъ* — рус. *ровный*, *assanis* 'осень' — рус. *осень*, *austo* 'рот' — рус. *уста*, *eyswo* 'язва' — рус. *язва*, *geits* 'хлеб' — рус. *жито*, *insuwis* 'язык' — ст.-слав. *ѡзыкъ*, *mal dai* 'молодые' — рус. *молодой*, *pintis* 'путь' — ст.-слав. *пѣтъ*, *tisties* 'тесть' — ст.-слав. *тѣсть* и др.

Лексика П.я. содержит значительное число заимствований. Прежде всего источниками заимствований были соседние славянские и германские языки.

Число славянских заимствований очень велико. О самом древнем слое судить практически невозможно, так как критерии различения «балтийского» и «славянского» отсутствуют. Впервые с известной надежностью можно говорить о славянских заимствованиях в П.я. с VII–VIII вв. по X–XI в.: *mednice* 'чаша' (ср. польск. *miednica* 'таз'), *naricie* 'хорек' (ср. рус. *норка*), *ratinsis* 'цепь' (ср. др.-рус. *рѣтазь* 'цепь'), *calene* 'сарай' (ср. польск. *kolnia* 'сарай'), *caryangus* 'хоругвь', *nadele* 'воскресенье' (ср. др.-рус. *недѣля* 'воскресенье'), *sabatico* 'суббота', *dusi* 'душа', *swetan* 'мир', *waldwico* 'рыцарь' (ср. рус. *владыка*), *mestan* 'город' (ср. др.-рус. *мѣсто* 'город'), *somukis* 'замок', *rusuls* 'преисподняя' (ср. рус. *некло*) и др. Эти древнейшие заимствования делались из тех диалектов позднепраславянского языка, которые легли в основу польских и белорусских диалектов. Эпо-

ха интенсивного заимствования продолжалась и позже, вплоть до XIII в., когда преобладающим стало влияние немецкого языка. До этого времени в П.я. вошло значительное число славизмов (прежде всего полонизмов) из разных сфер лексики: хозяйственно-бытовой, социальной, духовно-религиозной (*maddla* 'молитва', *christionisto* 'христианство', *cixtitwi* 'крестить', *cixtisna* 'крещение', *kumetis* 'крестьянин', *ludis* 'хозяин', *tallokinikis* 'свободный человек', *supuni* 'госпожа', *grikas* 'грех', названия дней недели и др.).

Многочисленны в словаре П.я. германские заимствования. Древнейший слой отражает контакты с готским языком в низовьях Вислы в первые века нашей эры: *kelmis* 'шапка', *ilmis* 'хозяйственная надстройка шлемовидной формы' из готск. **hilm(a)s* 'шлем'; *rikis* 'господин', может быть *kāupiskan* 'торговля', *catils* 'котел' и др. Ряд слов был заимствован из древневерхненемецкого — прямо или через славянское посредство: *brunyo* 'броня', 'панцирь', *bugo* 'седельная лука', *galdo* 'корыто' и др. Германские заимствования входили в П.я. и позже — как из верхненемецкого: *adder* 'или', *engels* 'ангел', *er-* (нем. *er-*), *grundalis* 'пескарь', *iumprawan* 'девица' (нем. *jungkfrauen*), *kelkis* 'чаша', *murrawuns* 'роптавший', *retenikan* 'избавитель', 'Спаситель', *russis* 'конь', *smerlingis*, растение из выюрьковых (*Cobitis barbatula*), *surgaut* 'заботиться', *werts* 'достойный', 'стоящий' и др., так и особенно из нижненемецкого: *bile* 'топор', *broakay*, род штанов, *instran* 'жир', 'сало', *clines* 'отруби', *konagis* 'король', *penningans* 'деньги', *predickerins* 'священник', *rapis* 'жерех', *reisan* 'раз', *reckenausnan* 'отчет', *stakamecczeris* 'нож для заклания' и др. Германизация словаря П.я. происходила вплоть до полного онемечения языка; прусские слова сохранялись только как диалектизмы в говорах немецкого языка в Восточной Пруссии.

2.7.0. Главные фонетические различия двух диалектов состоят в том, что в помезанском диалекте: 1) после заднебных и лабиальных *a* перешло в *o*; 2) *ā* перешло в *ō*, тогда как в самбийском переход *ā* в *ō* или *ū* имел место только после заднебных и лабиальных; 3) *ē* сохранялось в отличие от самбийского, где оно перешло в *ī*; 4) *ō* сохранилось в отличие от самбийского, где оно в ударном положении после лабиального переходило в *ū*; 5) *ī* сохранялось, тогда как в самбийском оно подвергалось дифтонгизации; 6) *ū* сохранялось, а в самбийском оно давало дифтонг; 7) в отличие от самбийского сохранялось *eu* из балт. **iau*; 8) *tl* переходило в *cl*, тогда как в самбийском оно удерживалось; 9) *ō-* и *u-* в анлауте получали в качестве протезы *v-*. В области морфологии различия состоят в том, что в помезанском диалекте: 1) в основах на *-a-* (и.-е. **-o-*) сохраняется средний род; 2) флексия именительного падежа единственного числа основ на *-a-* представлена как *-is*, *-s*, тогда как в самбийском — *-as*, *-s*; 3) в именительном падеже множественного числа от основ на *-ā-* и *-ē-* сохраняются флексии *-as* и *-es* при том, что в самбийском они вытеснены флексией *-ai*; 4) удерживаются некоторые архаичные основы на согласный. Известны и собственно лексические расхождения между диалектами (первые члены сравнения принадлежат помезанскому, вторые — самбийскому): *rapa* — *engels* 'ангел', *cawx* — *pickūls* 'черт', *smoy* — *wijrs* 'муж', *wayklis* — *soūns* 'сын', *plonis* — *arrien* 'ток', 'гумно', *samyen* — *laucks* 'пашня', *alne* — *swīrins* 'зверь' и др. Внутри самбийского диалекта говор второго Катехизиса и «Энхиридиона» в ряде случаев противостоит говору первого Катехизиса.

ЛИТЕРАТУРА

Брейдак А. Б. Данные древнепрусского языка для решения некоторых спорных проблем истории балтийского вокализма // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.

Дамбе В. Соответствия в топонимии Латвийской ССР с древнепрусским языком // *Baltistica*, 1972, I priedas.

Даубарас Ф. Эксклюзивные прусско-куршские гидронимы // *Baltistica*, 1978, XIV₍₁₎.

Даубарас Ф. О связях прусских гидронимов с названиями животных и птиц // *Baltistica*, 1978, XIV₍₂₎.

Даубарас Ф. Прусские гидронимы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1990.

Дини П. У. Балтийские языки / Пер. с итал. М., 2002.

Карулис К. Прусский текст XVII века // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.

Лучиц-Федорец И. И. О возможных древних чешско-балтийских лексических связях // *Baltistica*, 1989, III₍₁₎.

Мажюлис В. Заметки по прусскому вокализму // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963.

Непокупный А. П. Прусское табу: *mosuco* E 662 'ласка' как диминутив от *moazo* E 178 'тетя' // *Baltistica*, 2002, XXXVII₍₁₎.

Палмайтус М. Л. (*Kluisis M.*). Базовый русско-прусский словарь для дальнейшей рекреации лексики (замландский диалект) = *Bāzisks prūsiskai-guddiskas wirdēns per tālaisin lāksikis rekreaciōnin* (Sembas dialektes). Vilnius, 1998–1999.

Палмайтус М. Л., Топоров В. Н. От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер., статья, примечания, библиография В. И. Матузова. М., 1997.

Смочинский В. Эльбингский словарь: эмендация, чтения и этимология // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Топоров В. Н. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // *Baltistica*, 1966, I₍₂₎.

Топоров В. Н. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // *Slavica Pragensia*. Praha, 1966, t. 8.

Топоров В. Н. О некоторых аспектах реконструкции в сравнительно-историческом исследовании балтийских языков. (Раздел 1. О прусском **kails* и следах прусской поэтической традиции) // *Baltistica*, 1979, XV₍₂₎.

Топоров В. Н. К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском языке // *Этимология* 1978. М., 1980.

Топоров В. Н. Прусск. *reddi* и под. как семантическая проблема // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Топоров В. Н. Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Топоров В. Н. О специфике балт. **lai* и его индоевропейских параллелей: на стыке морфологии и синтаксиса // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.

Топоров В. Н. Балто-славянское **lab-* как благожелание // *Slawistyczne studie językoznawcze*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987.

Топоров В. Н. Balto-Albanica // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 17.

Топоров В. Н. Еще раз о балтизмах в чешских землях // *Slavia*, 1993, ročn. 62.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и ономастике на материале балто-германских отношений // Питания ономастики. Київ, 1965.

Ambrazas S. Lietuvių ir prūsų kalbų santykiai žodžių darybos požiūriu // *Res Balticae*. Pisa, 1999.

Bammersberger A. Altpreußisch *pagonbe* // *Res Balticae*. Pisa, 2000.

Benveniste E. L'anaphorique prussien *din* et le système démonstratifs indoeuropéens // *Studi baltici*, 1933, vol. 3.

Bezenberger A. Die Bildung der altpreußischen Personennamen // *Altpreußische Monatsschrift*, 1876, Bd. 13.

Biolik M. Pruskie nazwy miejscowe z terenu dawnego powiatu ostrzydzkiego nie znane G. Gerullisowi // *Acta Baltico-Slavica*, 1983, t. 15.

Biolik M. Hydronimia dorzecza Pregoly z terenu Polski. Olsztyn, 1987.

Biolik M. Pruskie nazwy osobowe zachowane w nazwach miejscowych z byłego pow. Ostrzydzkiego i ich litewskie odpowiedniki // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 18.

Biolik M. Zuflüsse zur Ostsee zwischen unterior Wechsel und Pregel // *Hydronimia Europaea* 5, 1989 (Stuttgart).

- Biolik M.* Old Prussian *mary* in toponyms of the Warmia and Mazury districts // *Linguistica Baltica*, 1993, vol. 2.
- Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.
- Blažek V.* Baltic *[]lākija- m. / *[]lākijā f. 'bear' // *Linguistica Baltica*, 2000, vol. 8.
- Blažek V.* Old Prussian arboreal terminology // *Linguistica Baltica*, 2001, vol. 9.
- Blažienė G.* Sembos prūsų vietovardžiai: Humanitarinių mokslų daktaro disertacija. Vilnius, 1993.
- Blažienė G.* Sembos vietovardžių klausimu // Prūsijos kultūra. Vilnius, 1994.
- Blažienė G.* Nauji prūsų vardyno duomenys // *Baltistica*, 1995, XXX₍₂₎.
- Blažienė G.* Die baltischen Ortsnamen im Samland // *Hidronymia Europaea*, 2000, Sonderbrand II.
- Blažienė G.* Die altpreussischen Ortsnamen im Samland mit dem Suffix *-īt- // *Res Balticae*. Pisa, 2001.
- Brauer W. R.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel // *Unser Danzig*, 1981.
- Brauer W. R.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Siegen, 1983.
- Brauer W. R.* Baltisch-prussische Siedlungen westlich der Weichsel // *Quellen und Darstellungen zur Geschichte Westpreussens* 24. Münster, 1988.
- Brauer W. R.* Der Turmberg (Eine heimatkundliche Studie). Lübeck, s.a. [на правах рукописи].
- Brückner A.* Preussisch und Polnisch // *Archiv für slavische Philologie*, 1898, Bd. 20.
- Būga K.* Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai // *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- Bugalska H.* Toponimia byłych powiatów Gdańskiego i Tezewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.
- Colloquium Pruthenicum Primum.* Papers of the First International Conference on Old Prussian held in Warsaw, September 30th – October 1st, 1991. Warszawa, 1992.
- Colloquium Pruthenicum Secundum.* Papers from the Second International Conference on Old Prussian held in Mogilany near Kraków, October 3rd–6th, 1995. Kraków, 1998.
- Daubaras F.* Priesagos -ng- prūsų hidronimai // *Baltistica*, 1981, XVII₍₁₎.
- Daubaras F.* Iš prūsų hidronimijos // *Baltistica*, 1982, XVIII₍₂₎.
- Daubaras F.* Sudurtiniai prūsų hidronimai // *Baltistica*, 1983, XIX₍₂₎.
- Dini P. U.* Nochmals die NEUROI: Versuch einer etnolinguistischen Namensdeutung // *Baltistica*, 1996, XXXI₍₁₎.
- Dini P. U.* Linguistik und baltische Philologie: Preuß. EV 215 *perflantian* als tautologische Zusammensetzung // *Linguistica Baltica*, 1996–1997, vol. 5–6.
- Dini P. U.* Zwei neue altpreußische Wörter in *Thesaurus Polyglottus* (1609) von Hieronymus Megisser // *Colloquium Pruthenicum Secundum*. Kraków, 1998.
- Duda F.* Rozwój terytorialny Pomorza (wiek XI–XIII). Kraków, 1909.
- Eckert R.* Eine genaue Entsprechung zu *apr. kellewese* im Russisch-Kirchenslavischen // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.
- Eckert R.* Gibt es eine altpreussische Phraseologie? // *Colloquium Pruthenicum Primum*. Warszawa, 1992.
- Ehrlich B.* Die alten Preussen // *Der Ostdeutsche Volksboden*. Breslau, 1926.
- Endzelīns J.* Prūšu tekstu grafika // *Filologu biedrības raksti*, 1935, XV [to же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1980, III sēj., 2. daļa].
- Endzelīns J.* Altpreussische Sprache. Riga, 1944.
- Endzelīns J.* Seprūšu valoda. Rīga, 1943 [to же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa].
- Endzelīns J.* Ievads baltu filoloģijā. Rīgā, 1945 [to же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa].
- Endzelīns J.* Par prūšu valodas radniecības sakariem // *Filologu biedrības raksti*, 1931, XI [to же: Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1979, III sēj., 1. daļa].
- Euler W.* Das Altpreußische als Volkssprache im Kreise der indogermanischen und baltischen Sprachen // *Journal of Baltic Studies*, 1988, vol. 39.
- Euler W.* Personalpronomina im Altpreußischen: zur Frage nach ihrer Herkunft und ihrer Häufung in der dritten Person // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.
- Euler W.* Periphrastische Verbalkategorien im Altpreußischen // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Falk O.* Das altpreussische Wort *lapinis* 'Löf-fel' // *Zbornik u čast P. Skoku o stotoj obljetnici rođenja*. Zagreb, 1985.
- Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Gerullis G.* Zur Beurteilung des altpreussischen Enchiridions // *Streitberg Festgabe*. Leipzig, 1924.
- Gerullis G.* Muttersprache und Zweisprachigkeit in einem preussisch-litauischen Dorf // *Studi baltici*, 1932, vol. 2.
- Girdenis A., Rosinas A.* Some remarks on the vocalism and morphology of Old Prussian // *General Linguistics*, 1977, vol. 17, № 1.
- Golab Z.* The oldest ethnica referring to the Slavs: NEUROI and BOUDINOI in Herodotus's description of Scythica // *Onomastica*, 1974, t. 19.
- Górniewicz H.* Toponimia Powiśla Gdańskiego. Gdańsk, 1980.
- Górniewicz H.* Toponimia powiatu Starogardzkiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.
- Gudavičius E.* Baltų gentys V–VIII amžiuje. Rašytiniai šaltiniai apie to meto baltus // *Lietuvių etnogenezė*. Vilnius, 1987.
- Hamp E. P.* Old Prussian *lasto* 'bed' // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Hamp E. P.* Old Prussian gen. sg. -as // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Harnijanz H.* Volkskunde und Siedlungsgeschichte Altpreussens. Berlin, 1942.
- Hartknoch Ch.* Alt und Neues Preußen. Frankfurt; Leipzig, 1679 [2-е изд. 1684].
- Hennenborger C.* Kurtze und wahrhofftige Beschreibung des Landes zu preussen. Königsberg, 1584.
- Hennenborger C.* Erklerung der Preussischen grösseren Landtaffel oder Mappen. Königsberg, 1595.
- Hermann E.* Wills Kenntniss des Preussischen // *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1916, Bd. 47.
- Hinze F.* Pomoranisch-baltische Entsprechungen im Wortschatz // *Zeitschrift für Slawistik*, 1984, Bd. 29.
- Hinze F.* Einige Fälle von Überreinstimmung in der Struktur der Vogelbezeichnungskomposita im Deutschen und Altpreußischen // *Linguistica Baltica*, 1995, vol. 4.
- Hinze F.* Die altpreußischen Bezeichnungen der Wild-Avifauna und des Hausgeflügels // *Linguistica Baltica*, 1996–1997, vol. 5–6.
- Hinze F., Lorentz F.* Preussische Ortsnamen und Appellative im Raum links der unteren Weichsel // *Zeitschrift für slawische Philologie*, 1966, Bd. 11.
- Kabelka J.* Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Karaliūnas S.* Dėl Prūsų etnonimo reikšmės ir kilmės // *Baltistica*, 1977, XIII₍₂₎.
- Karaliūnas S.* Aisčiai ir jų vardas // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1991.
- Karaliūnas S.* New findings in Prussian etymology. Names for foal and swine // *Colloquium Pruthenicum Primum*. Warszawa, 1992.
- Karaliūnas S.* The Aistians and the Problem of their ethnic identity // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. International Conference in Memoriam M. Gimbutas. Vilnius, 1994.
- Karp H. J.* Grenzen in Ostmitteleuropa während des Mittelalters. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Grenzelinie aus dem Grenzraum. Köln; Wien, 1972.
- Kasiske K.* Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg, 1934.
- Kaukienė A.* Prūsų kalbos linksniavimo sistema ir jos kitimas // *Baltistica*, 1995, XXX₍₂₎.
- Kazlauskas J.* Prūsai ir jų raštai // *Pergalė*, 1967, № 4.
- Kerner-Żuralska M.* Materiały do dziejów osadnictwa Pomeranii // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. Olsztyn, 1964, № 2.
- Kętrzyński W.* O narodowości polskiej w Prusach Zachodnich za czasów krzyżackich // *Studia historyczno-etnograficzne. Rozprawy Akademii umiejętności*. Wydz. historyczno-filozoficzny. Kraków, 1877, t. 1.
- Kętrzyński W.* O ludności polskiej w Prusach niegdyś krzyżackich. Lwów, 1882.
- Kiparsky V.* Das Schicksal eines altpreussischen Katechismus // *Baltistica*, 1968, IV₍₁₎.
- Kiparsky V.* Das Schicksal eines altpreussischen Katechismus (II) // *Baltistica*, 1970, VI₍₂₎.
- Kiparsky V.* Altpreussische Misszellen // *Donum Balticum* to Prof. Chr. S. Stang. Stockholm, 1970.
- Kluis M.* Naujosios prūsų kalbos gramatika. Vilnius, 1989.
- Kluis M., Stundžia B.* Pirmoji prūsų knyga. Vilnius, 1995.
- Kolbuszewski S. F.* Senprūšu *hapax legomena*: baltu un slavu leksika // *Baltistica*, 1989, III₍₁₎ priedas.
- Kortlandt F.* Old Prussian accentuation // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf*

dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1974, Bd. 88.

Kortlandt F. Historical laws of Baltic accentuation // *Baltistica*, 1977, XIII₍₂₎.

Kortlandt F. The Formation of the Old Prussian present tense // *Baltistica*, 1987, XXIII₍₂₎.

Kortlandt F. Old Prussian infinitives in *-ton* and *-twei* // Symposium Balticum. A Festschrift to honour Prof. V. Rūke-Draviņa. Hamburg, 1990.

Kortlandt F. The Language of the Old Prussian Catechisms // *Res Balticae*. Pisa, 1998.

Kortlandt F. Double consonants in Old Prussian // *Res Balticae*. Pisa, 1999.

Kortlandt F. Old Prussian Participles // *Res Balticae*. Pisa, 2000.

Kortlandt F. Initial *a-* and *e-* in Old Prussian // *Linguistica Baltica*, 2000, vol. 8.

Kortlandt F. Diphthongization and monophthongization in Old Prussian // *Res Balticae*. Pisa, 2001, vol. 7.

Kraft-Skalwynas G. Grammatika prūsiskos kalbos, pobanda swaisės ernaunsnas. Dieburg, 1982.

Kuzavinis K. Prūsų kalba. Vilnius, 1964.

Labuda G. Z stosunków językowych kaszubsko-pruskich // *Słowianie w dziejach Europy. Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-leciu pracy naukowej prof. H. Łowmiańskiego*. Poznań, 1974.

Labuda G. Zagadnienie osadnictwa ludności bałtyckiej na lewym brzegu dolnej Wisły we wczesnym średniowieczu // *Konferencja Pomorska. Prace Slawistyczne*, 12. Wrocław, 1979.

Levin J. F. Slavic Borrowings in the Elbing Vocabulary and their implication for Prussian Phonology // *General Linguistics*, 1972, vol. 12.

Levin J. F. The Slavic element in the Old Prussian Elbing Vocabulary. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.

Levin J. F. Toward a graphology of Old Prussian monuments: the Enchiridion // *Baltistica*, 1976, XII₍₁₎.

Levin J. F. Graphology and sound change in Old Prussian // *Papers from the 5th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1982.

Lewy E. Die altpreußischen Personennamen. Breslau, 1904.

Łowmiański H. The Ancient Prussians. Toruń, 1935.

Łowmiański H. Prusy pogańskie. Toruń, 1935.

Łowmiański H. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów // *Przegląd historyczny*, 1950, t. XLI.

Mańczak W. Język staropruski a praojczyzna Słowian // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 17.

Mańczak W. Origine du datif du type lituanien *vilk-ni* et prussien *sūr-u* // *Res Balticae*. Pisa, 1999.

Matasović R. Some thoughts on the Old Prussian Epigram // *Linguistica Baltica*, 2001, vol. 9.

Matthews W. K. Baltic Origin // *Revue des études slaves*, 1948, vol. 24.

Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966 [t. I]; 1981, t. II.

Mažiulis V. Zum preußischen bzw. baltischen Instrumental Singular // *Baltistica*, 1968, IV₍₁₎.

Mažiulis V. Seniausios baltų rašto paminklas // *Baltistica*, 1975, XI₍₂₎.

Mažiulis V. Zum Westbaltischen und Slawischen // *Zeitschrift für Slawistik*, 1984, Bd. 29.

Mažiulis V. Dėl prūsų grafinių taisymų // *Baltistica*, 1994, XXVII₍₂₎.

Mažiulis V. Prūsai ir kiti vakarų baltai // *Prūsijos kultūra*. Vilnius, 1994.

Michelini G. Prūsų kalbos nuosakų sistema // *Baltistica*, 1987, XXIII₍₂₎.

Michelini G. Stas, -a dell'antico-prussiano nei testo e nel sistema // *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università della Basilicata*. Potenza, 1988, 2.

Michelini G. Der Artikel im Altpreussischen. Eine textsemantische Analyse // *Zeitschrift für Slawistik*, 1989, Bd. 34.

Mikalauskaitė E. Priešreformacinių laikų prūsų Teve Mūsų nuotrūpa // *Archivum Philologicum*, 1938, t. 7 (Kaunas).

Nesselmann G. H. F. Ein deutsch-preussische Vocabularium aus dem Anfange des 15. Jahrhunderts. Nach einer Elbinger Handschrift herausgegeben // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1868, Bd. 5.

Nesselmann G. H. F. Thesaurus linguae prussicae. Berolini, 1873.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław, 1973.

Orël V. Baltic Hydronyms of the Vistula and Warta areas // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1991.

Ostrowski N. Die Verbalstämme im altpreussischen Enchiridion // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.

Otrębski J. Über die Herkunft des Preussennamens // *Lingua Posnaniensis*, 1955, t. 5.

Otrębski J. Beiträge zur baltisch-slawischen Namenkunde. 3. *Neriuani* Νευροι // Beiträge zur Namenforschung, 1961, Bd. 12 (Heidelberg).

Otrębski J. Zagadnienie Galindów // *Studia historica*: W 35-lecie pracy naukowej H. Łowmiańskiego. Warszawa, 1958.

Palmaitis M. L. Borussica // *Baltistica*, 1989, XXV₍₂₎.

Paradowski J. Osadnictwo w ziemi chełmińskiej w wiekach średnich. Lemberg, 1936.

Perlbach M. Die ältesten preussischen Urkunden // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1873, Bd. 10.

Perlbach M. Preussische Regesten bis zum Ausgang des 13. Jahrhunderts // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1874, Bd. 11.

Perlbach M. Regesten der Stadt Königsberg, 1256–1524 // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1881, Bd. 18.

Perlbach M. Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. I, II. Halle, 1886.

Peter von Dusburg. Chronik des Preussenslandes... Darmstadt, 1984 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. XXV).

Petras Dusburgietis. Prūsijos žemės kronika / Red. R. Batūra. Vilnius, 1985.

Petri de Dusburg. Chronicon Prussiae... Francofurti et Lipsiae, Anno 1679.

Petit D. Vieux pruss. *lagno*, lit. *jėknos*: apophonie radicale et formation hétéroclitique // *Res Balticae*, 2002, vol. 8.

Pierson W. Altpreussischer Wörterschatz // *Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde*, 1875, Bd. 12.

Plehn H. Geschichte des Kreises Strassburg in Westpreussen. Leipzig, 1900.

Popowska-Taborska N. Z rozważań nad językowymi związkami prusko-pomorskimi // *Rocznik Slawistyczny*. Warszawa, 1991, t. 47.

Pospiszylowa A. Toponimia południowej Warmii. Nazwy miejscowe. Olsztyn; Pojezierze, 1987.

Pott F. De Borusso-Lithuanice tam in Slavici quam Letticis linguis principatu commentatio. Halle, 1837–1841, vol. 1–2.

Powierski J. Kształtowanie się granicy pomorsko-pruskiej w okresie od XII do początku XIV w. // *Zapiski historyczne*, 1965, t. XXX_(2, 3).

Powierski J. Najdawniejsze nazwy etniczne z teren Prus i niektórych obszarów sąsiednich //

Komunikaty mazursko-warmińskie. Olsztyn, 1965, № 2 (88).

Powierski J. Nadrowia // *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław, 1967, t. 3, cz. 2; Prusowie, Prusy // там же, 1970, t. 4; Sambia // там же, 1975, t. 5; Skalowia; Sudawowie // там же, 1975, t. 5.

Powierski J. Problem polsko-pruskiej granicy na Osie a osadnictwo ziemi płowskiej // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. Olsztyn, 1977, № 136.

Prüsa. Kaländers per Mettan 1999. Prūsiškų tekstų vertimas pažodiniis / Sud. L. Palmaitis. Vilnius, 1998.

Przybytek R. Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens. Stuttgart, 1993.

Purkart J. The old Prussian Basel epigram: an interpretation // *General Linguistics*, 1983, vol. 23.

Robinson D. F. The Göttingen (ex-Königsberg) collection of Old Lithuanian and Old Prussian books // *General Linguistics*, 1972, vol. 12.

Rosenkranz B. Zur Überlieferungsgeschichte des preussischen Vocabulars Simon Grunae // MNHMS XAPIN. Gedenkschrift P. Kretschmer. Wiesbaden; Wien, 1957, Bd. II.

Rudnicki M. Nazwiska wielkopolskie typu Jany Brychcy // *Sprawozdania Poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk*. Poznań, 1957–1958, t. 20.

Rysiewicz Z. L'accentuazione dell'antico prussiano // *Studi baltici*, 1938–1940, vol. 8.

Schaeken J. Die altpreussischen Wörter in einem Gedicht von Friedrich Zamelius (1590–1647) // *Studies in West Slavic and Baltic Linguistics*. Amsterdam; Atlanta, 1991.

Schall H. Die baltisch-slavisches Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel // *Atti e memorie del VII Congresso Internazionale di scienze onomastiche*. Firenze, 1963, II.

Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1964–1965, Bd. 79.

Schall H. Baltische Gewässernamen in Flusssystem 'Obere Havel' (Südost. Mecklenburg) // *Baltistica*, 1966, II₍₁₎.

Schall H. Preußische Namen längs der Weichsel (nach Lucas David, ca. 1580) // *Donum Balticum* to Prof. Chr. S. Stang. Stockholm, 1970.

Schmalstieg W. R. The phonemes of the Old Prussian Enchiridion // *Word*, 1964, vol. 20.

Schmalstieg W. R. Labialization in Old Prussian // *Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of B. O. Unbegaun*. N.Y., 1968.

- Schmalstieg W. R.* The Old Prussian Verb // Baltic Linguistics. University Park-London. The Pennsylvania State University, 1970.
- Schmalstieg W. R.* A new look at the Old Prussian pronoun // Baltistica, 1971, VII₍₂₎.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian comparatives in *-ais-* // Baltistica, 1972, VIII₍₁₎.
- Schmalstieg W. R.* An Old Prussian Grammar. The Phonology and Morphology of the Three Catechisms. The Pennsylvania State University, 1974.
- Schmalstieg W. R.* Studies in Old Prussian. Pennsylvania State University Press, 1976.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian and Hittite orthographic variants: A Parallel // Ponto-Baltica, 1981, vol. 1 (Firenze; Milano).
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian *-is*: A Partitive Genitive in the Elbing Vocabulary? // Baltistica, 1990, XXVI₍₂₎.
- Schmalstieg W. R.* A few comments on the Old Prussian Preterit Tense // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Schmalstieg W. R.* Reflections on water: Elbing 59 *wundan* // Res Balticae, 1999.
- Schmalstieg W. R.* On two Neo-Prussian sentences: 'in remembrance of me' and 'for the remission of sins' // Res Balticae, 2000.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian: Monophthongizations or diphthongizations? // Linguistica Baltica, 2000, vol. 8.
- Schmid W. P.* Altpreußisch *lasto* 'Bett' // Indogermanische Forschungen, 1958, Bd. 62.
- Schmid W. P.* Zu Simon Grunau's Vaterunser // Indogermanische Forschungen, 1962, Bd. 67.
- Schmid W. P.* Beiträge zur Bestimmung der baltischen Westgrenze // Baltistica, 1987, XXIII₍₁₎.
- Schneidereit O. A.* Prūsai. Vilnius, 1989 [нем. перевод: Schneidereit O. A. Die Prussen und der Deutsche Orden. Berlin, 1994].
- Sittig E.* Die Aestier // Studi Baltici. Roma, 1934–1935, vol. 4.
- Smoczyński W.* Staropruskie lekcje i etimologie I // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1983, t. 40.
- Smoczyński W.* Philologie und Sprachwissenschaft bei der Untersuchung des Altpreußischen // Linguistica e filologia. Atti del VII Convegno Internazionale di Linguisti. Brescia, 1986 [1987].
- Smoczyński W.* Krytyka zbliżeń staroprusko-słowiańskich // Sprawozdania Oddziału PAN w Krakowie. Kraków, 1988, 30_(1/2).
- Smoczyński W.* Sullo Strumentale plurale in prussiano // Europa Orientalis, 1990, vol. 9.
- Smoczyński W.* Zur altpreußischen Akzentographie // Rivista di Linguistica, 1990, vol. 2.
- Smoczyński W.* Altpreuß. *prēpīrstans* als philologisches Problem // Indogermanische Forschungen, 1992, Bd. 97.
- Smoczyński W.* Die altpreußische Entnasalisierung und ihre Folgen für die Deutung der Deklinationsendungen // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Smoczyński W.* O tzw. zapożyczeniach prapolskich w języku staropruskim // Słowiańskie pogranicza językowe. Zbiór studiów. (Język na Pograniczach 1). Warszawa, 1992.
- Smoczyński W.* Zur Problematik der altpreußischen Hapax legomena am Beispiel von *dēigiskan* // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.
- Smoczyński W.* Wpływ niemiecki w deklinacji staropruskiej // Dubisz S., Nagórko A. Granice i pogranicza. Język i historia. Warszawa, 1994.
- Smoczyński W.* Das altpreußische Enchiridion: Zur Deutung einiger strittigen Kasusformen // Linguistica Baltica, 1995, vol. 4.
- Smoczyński W.* Untersuchungen zum deutschen Lehnwort im Altpreußischen. Kraków, 2000.
- Smoczyński W.* Die altpreußischen Partizipialformen *poklausīmanas* und *enimumne* // Linguistica Baltica, 2002, vol. 8.
- Smoczyński W.* Zum Partizip II auf *-t-* und *-n-* im Altpreußischen // Linguistica Baltica, 2002, vol. 8.
- Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Ergänzungsband. Register, Addenda und Corrigenda. Oslo; Bergen; Tromsø, 1975.
- Stundžia B.* Prūsistika K. O. Falko rankraštiniame palikime // Baltistica, 1995, XXXI₍₁₎.
- Sulimirski T.* Ancient Southern neighbours of the Baltic tribes // Acta Balto-Slavica, 1967, 5.
- Svennung J.* Belt und Baltisch. Ostseische Namenstudien mit besonderer Rücksicht auf Adam von Bremen // Univ. Årsskrift. Uppsala, 1953, 4.
- Šmits P.* Herodota ziņas par senajiem baltiem // Rīgas latviešu biedrības krājums. 21. krājums. Rīga, 1933.
- Tenhagen W.* Altp. *mercline* // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.
- Toeppen M.* Geschichte der Preussischen Historiographie. Berlin, 1853.
- Töppen M.* Atlas zur historisch-comparative Geographie von Preußen. Gotha, 1858.
- Töppen M.* Historisch-comparative Geographie von Preußen. Gotha, 1858.
- Trautmann R.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
- Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
- Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948–1956, Bd. 1–3.
- Udolph J.* Die Stellung der Gewässernamen Polens innerhalb der alteuropäischen Hydronymie. Heidelberg, 1990.
- Urban W.* The Prussian-Lithuanian frontier of 1242 // Lituanus, 1975, 21, № 4.
- Voigt J.* Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1827. (Bd. 1–9).
- Weber L.* Preussen vor 500 Jahren. Danzig, 1878.
- Weise E.* Die alten Preußen. Elbing, 1934.
- Wijk N. van.* Altpreußische Studien. Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik. Haag, 1918.
- Windekens A. J. van.* Vieux-prussien *lasto* 'lit' et tokharien B *lesto* 'nid', 'refuge' // Lingua Posnaniensis, 1982, 25.
- Witczak K. T.* Traces of dual forms in Old Prussian and Jatvingian // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Witkowski T.* Berlin — ein Baltischer Namen? // Zeitschrift für vergleichende Forschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1966, Bd. 80.
- Witkowski T.* Die Bedeutung des Baltischen für die slavische Namenforschung in Deutschland // Proceedings of the 9th International Conference of Onomastic Sciences. London, July 3–8, 1966. Louvain, 1969.
- Witkowski T.* Baltische Ortsnamen westlich der Oder? // Donum Balticum to Professor Chr. S. Stang. Stockholm, 1970.
- Wittram R.* Baltische Geschichte. Darmstadt, 1973.
- Yeas J.* Simono Grunau, XVI a. kronisto, reikalav. Švietimo darbas. Kaunas, 1922, 3–6.
- Zakrzewski S.* Opis grodów i terytoriów północnej strony Dunaju czyli t. z. Geograf bawarski. Lwów, 1917.
- Zeps V.* Is Slavic a West Baltic Language? // General Linguistics, 1984, 24.
- Ziesemer W.* Nikolaus von Jeroschin und seine Quelle. Berlin, 1907.
- Ziesemer W.* Zum deutschen Text des Elbinger Vokabulars // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1919–1920, Bd. 44.
- Ziesemer W.* Beobachtungen zur Wortgeographie Ostpreußens // Zeitschrift für deutsche Mundarten, 1923.
- Ziesemer W.* Die Literatur des Deutschen Ordens in Preussen. Breslau, 1928.
- Zinkevičius Z.* Dėl baltų substrato Balstogės vaivadijoje (Lenkijoje) // Baltistica, 1975, XI₍₂₎.
- Zinkevičius Z.* Lithuanian in East Prussia // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.

С л о в а р и

Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. М., 1975–1987, т. 1–5.

Frishbier F. Preussisches Wörterbuch. Berlin, 1882–1883, Bd. I–II.

Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988–1997, t. I–IV.

Ziesemer W. Preussisches Wörterbuch. Königsberg, 1935–1939, Bd. I–XII.

Т. В. Булыгина, О. В. Синёва

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Литовский язык (Л.я.). Варианты названия: литов. *lietuvių kalbà*, букв. 'язык литовцев', англ. *Lithuanian*, нем. *Litauisch*, *Lituanisch*, фр. *le lit(h)uanien*. В старолитовских текстах Л.я. назывался *lietuviškas liežūvis*, что представляет собой буквальный перевод польск. *język litewski* или рус. *литовский язык* (*liežūvis* — букв. 'язык (орган)'). Слово *lietuvis* 'литовец' — производное от названия стра-

ны, населенной литовцами] *Lietuvà*, др.-рус. **ЛИТЪВА**. В старолитовском языке отмечено другое производное от *Lietuvà*: *lietùvininkas*, -è (также *lietùvninkas*, -è) 'литовец, -ка'. Это слово сохранилось только в качестве самоназвания литовцев, населявших прусскую Литву. Название Литвы в исторических источниках и в лингвистической традиции имеет три варианта с корнями: *liet-* (литовская традиция), *lit-* (славянская традиция) и *leit-* (латышская традиция).

В самой Литве названия *Lietuvà* 'Литва' и *lietùviai* 'литовцы' долгое время употреблялись в двух смыслах. В узком смысле они относятся к Жемайтии и к жемайтам (см. 1.2.1.); в более широком смысле — охватывают всю область с населением, говорящим на Л.я., а также служат для обозначения Литовской Республики и ее жителей.

1.1.2. Л.я. традиционно относят к восточной группе балтийской ветви индоевропейской семьи языков (см. статью «Балтийские языки» в наст. издании).

1.1.3. Основная область распространения — территория Литовской Республики. Согласно литовской переписи 2001 г., родным Л.я. назвали 2 856 тыс. чел. (82% населения Литвы); в качестве второго — еще 356 тыс. (10%). На Л.я. говорят литовцы, проживающие в России (35 тыс. говорящих, перепись 2002), Белоруссии, Польше, США, Бразилии, Аргентине, ~~Польше~~ Канаде, Великобритании, Австралии, ФРГ, Уругвае и некоторых других странах. Всего по-литовски говорит свыше 3,3 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. В Л.я. выделяются два больших наречия: жемайтское, занимающее северо-западную часть Литвы, и аукштайтское, занимающее юго-восточную часть Литвы, каждое из которых объединяет целый ряд диалектов и говоров (см. 2.7.0.). Граница между аукштайтами и жемайтами проходит по линии Вегерий — Круопий — Бубий — Пакапе — Шилува — Расейняй — Ваджгирис — Эйчяй — Лауксаргяй — Юкнайчяй — Саусгалвяй. Жемайтский ареал занимает территорию, расположенную к северо-западу от этой линии, он в три раза меньше аукштайтского ареала, расположенного к юго-востоку от этой линии. Наречия взаимопонимаемы.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Л.я. является государственным языком Литовской Республики. Старшее поколение населения Литвы владеет также русским языком.

1.3.2. Литературный Л.я. имеет более чем четырехсотлетнюю историю. Его родоначальником считается Мартинас Мажвидас, выпустивший в 1547 г. в Кенигсберге первую литовскую книгу — лютеранский Катехизис «Catechismusa Prasty Szadei, Maksilas skatima raschta yr giesmes del kriksczianistes bei del berneliu iaunu nauiey sugulditas» («Простые слова Катехизиса, наука чтения <и> письма и песни для христианства и для молодых людей заново сложенные»). Начало формирования литературного Л.я. связывают с серединой XVI в.

В Восточной Пруссии в качестве письменного Л.я. стал употребляться язык, в основе которого лежал распространенный в этой области западноаукштайтский диалект. Большую роль в деле нормализации этого языка сыграли грамматики Д. Клейна («Grammatica Lituanica», 1653–1654 гг.). На территории Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. формировались два письменных языка — средний, с центром в Кедайняй (на нем писали М. Даукша, М. Петкявичюс) и

восточный, с центром в Вильнюсе (на нем писали К. Ширвидас, Й. Якнавичюс). В первой половине и в середине XIX в. в создании общенационального литературного Л.я. принимали участие Д. Пошка, С. Станявичюс, С. Даукантас, М. Валанчюс. В конце XIX в. большое значение для формирования литературного Л.я. имела возникшая в это время периодическая печать («Aušra» — «Заря», «Varpas» — «Колокол») и особенно деятельность выдающегося литовского языковеда Й. Яблонскиса.

Общенациональный литературный Л.я., характеризующийся в настоящее время достаточно высокой степенью стандартизации, сформировался в конце XIX — начале XX в. на основе южных говоров западных аукштайтов. В это же время окончательно сформировалась и современная литовская орфография.

1.3.3. Л.я. является языком обучения на всех уровнях образования (начальное, среднее, среднее специальное и высшее). Имеются средние школы с русским (русское население составляет 6,3% жителей Литвы) и польским (6,7% жителей Литвы) языком обучения, в которых Л.я. преподается как обязательный предмет.

Л.я. является объектом научного изучения в Институте литовского языка (Вильнюс), в вузах Литвы; за пределами Литвы — в Польше, Чехии, Германии, Швейцарии, Италии, Норвегии, России, США, Канаде.

1.4.0. Литовское письмо основано на латинской графике. Алфавит состоит из 32 графем. В это число входят все буквы латинского алфавита, кроме *x*, *q*, *w*, а также ряд дополнительных графем с диакритиками. Графемы *a*, *ė*, *e*, *į*, *u*, *ų*, *ū* обозначают долгие гласные. При этом *ė* и *e* различаются качественно, а пары букв *į* и *u*, *ų* и *ū* обозначают каждая одну фонему — соответственно /ɪ/, /ū/; различие между буквами в этих парах обусловлено исторически. Все графемы с нижним диакритическим знаком «крючок» обозначают долгие фонемы, восходящие к носовым гласным (сохранившимся до XVI–XVII вв., а в некоторых жемайтских говорах сохраняющимся и сейчас). Буква *ė* обозначает долгий закрытый /ē/; буква *o* — как долгое /ō/, так и краткое /o/. Буквы *a*, *e* обозначают соответственно как долгие /ā/, /ǣ/, так и краткие /a/, /e/ в зависимости от результатов исторического удлинения в ударных неконечных слогах (см. 2.1.2., 2.1.3.).

Графема *h* (*himnas* 'гимн', *hipotėzė* 'гипотеза') обозначает фонемы /ɣ/, /ɣ'/. Графемы с диакритиками обозначают также шипящие (*š*, *ž* и *č*). Фонемы /ɜ/, /ɜ'/ и соответствующие мягкие, а также /x/, обозначаются диграфами *dz*, *dž*, *ch*. Палатализованность согласных в положении перед передней гласной обозначается, по польскому образцу, графемой *i*, следующей за соответствующей согласной, например *mýliu* [m'ɪl'u] 'люблю'. В ряде случаев не обозначается протетический или эпентетический /j/: *ievà* [jievà] 'черемуха', *pāieškos* [pājėškōs] 'поиски'. Особенностью литовского алфавитного порядка является расположение буквы *u* после *į*. В научных и учебных текстах над гласными проставляются знаки ударения и слоговых интонаций (см. 2.1.2.).

В первых литовских текстах (рукописных и печатных) использовался готический шрифт. С конца XV в. расширяется тенденция пользоваться в литовской графике так называемым «круглым» шрифтом латинской античности. С начала XVIII в. эта тенденция победила почти повсеместно, за исключением Восточной Пруссии, где литовские тексты вплоть до Второй мировой войны печатались готическим шрифтом.

Литовская орфография основана на морфологическом принципе, с элементами фонологического и исторического принципов.

1.5.0. В истории литературного Л.я. различаются два основных периода: старый и новый.

Старый период охватывает первый этап развития литературного Л.я. — от первых попыток создания общенационального языка (XVI–XVIII вв.) до первых признаков преобладания одного диалекта — юго-западного аукштайтского — над другими в системе развивающегося литературного языка (XVIII в.). Для этого периода (XVI–XVIII вв.) характерны: отсутствие единой литературной нормы, ограниченная сфера употребления. Если литературный Л.я. XVI–XVII вв. в той или иной мере опирался на народный язык, то в XVIII в. наблюдалось значительное удаление языка письменности (особенно на территории Великого княжества Литовского) от народного языка.

Новый период (с начала XIX в.) охватывает более поздний этап развития литературного Л.я. — от начала заметного преобладания южных говоров западно-аукштайтского диалекта над другими диалектами и говорами в языке письменности до полного его утверждения. Для этого периода характерны: постепенная кодификация единой литературной нормы, становление и развитие стиля художественной литературы, развитие публицистического, научного и других стилей, расширение сферы употребления литературного языка. Развитие литературного Л.я. в XIX в. тормозила антилитовская политика: в населенной литовцами части Пруссии (так называемой Малой Литве) активно проходила германизация, в школах запрещалось преподавание на Л.я., а на территории восточной Литвы, входившей в состав царской России, — русификация, которой в XVIII–XIX вв. предшествовала полонизация. Народные восстания 1831 и 1863 гг. привели к запрету литовской печати.

В рамках нового периода могут быть выделены следующие этапы: 1) с начала XIX в. до 1883 г. — времени появления журнала «Aušra»; 2) 1883–1918 гг.; 3) время существования Литовской Республики 1918–1940 гг.; 4) советский этап 1940–1990 гг.; 5) этап независимости с 1991 г. Первый этап нового периода характеризуется постепенным завоеванием главенствующих позиций в области фонологии и морфологии литературного языка со стороны южных говоров западно-аукштайтского диалекта, второй — окончательной победой этого диалекта над прочими и постепенной стабилизацией сформированной на его основе литературной нормы, третий — расширением употребления литературного языка, его стилистической дифференциацией и интенсивной кодификацией его норм, четвертый и пятый — дальнейшим распространением литературного языка во всех сферах коммуникации и возникновением множества инноваций, в особенности в области лексики и фразеологии (хотя в советский период в некоторых социальных сферах, связанных с государственным управлением, употребление литературного Л.я. ограничивалось).

Об истории формирования различных интердиалектных форм Л.я. см. 2.7.0.

1.6.0. Некоторые структурные особенности Л.я. являются общими для балтийских и славянских языков (см. статью «Балтийские языки» в наст. издании). К их числу относятся: одинаковое строение членных (или «местоименных») форм прилагательных; широкое употребление родительного падежа при отрицании;

употребление творительного падежа в составе именного сказуемого. Л.я. обнаруживает также сходство с германскими языками, с которыми его, в частности, объединяет сходная структура некоторых числительных.

Из контактов с неродственными языками, оказавшими определенное влияние на некоторые внутривидовые явления Л.я., наиболее значительную роль, по-видимому, играли исторические связи балтийских языков с прибалтийско-финскими языками. К числу особенностей, общих для сравнительно небольшого языкового ареала восточного побережья Балтийского моря, относится наличие семантической категории (не)достоверности (или «пересказывательности»), реализуемой различными отглагольными формами: отглагольными существительными в ливском языке, деепричастиями и инфинитивами в эстонском, причастиями в латышском языке, косвенным наклонением в Л.я. (см. 2.3.5.). Распространение этой семантической категории связывают с продвижением балтийских племен на север в V–VI вв. в области, населенные предшественниками ливов и эстонцев.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Л.я. характеризуется богато развитой системой вокализма, в которой, наряду с признаками подъема и ряда, фонологическую роль играют также признаки долготы/краткости и однородности/неоднородности. Количественные противопоставления /i/ : /ī/, /u/ : /ū/, /a/ : /ā/ могут использоваться для различения лексических и грамматических значений: *linas* [l'inas] 'лён' — *līnas* [l'īnas] 'линь', 'канат', *rudōs* [rudōs] 'коричневой' (род. п. ед. ч. ж. р.) — *rūdōs* [rūdōs] 'руды', *kāsti* [kās't'i] 'копать' — *kāsti* [kās't'i] 'кусать', *tà* [tā] 'та', 'эта' — *tā* [tā] 'того', 'этого' (вин. п.) (см. также 2.1.4.). Признак однородности/неоднородности противопоставляет долгие гласные /ē/ и /ō/ дифтонгоидам /ie/ и /uo/: *rēkti* [r'ēk't'i] 'кричать' — *riēkti* [r'īēk't'i] 'резать, делая ломтики', *kopā* [kōpā] 'дюна' — *kiopa* [kūopa] 'рота', *kója* [kōjæ] 'нога' — *kúoja* [kūojæ] 'плотва', *káinoti* [kájnot'i] 'оценивать' — *kainuoti* [kajnúot'i] 'стоять'. Дифтонгоиды /ie/, /uo/ трактуются как монофонемы, так как никогда не пересекаются морфемной границей; дифтонги /ai/, /au/, /ei/, /eu/, /oi/, /ou/, /ui/ интерпретируются как бифонемные сочетания.

Г л а с н ы е

Подъем		Ряд			
		Передний		Непередний	
		Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Верхний		i	ī	u	ū
Средний	Неоднородные		ie		uo
	Однородные	(e)	ē	(o)	ō
Нижний		ε	æ	a	ā

Заключенные в скобки фонемы /o/ и так называемое узкое /e/ являются периферийными и встречаются в основном в новых заимствованиях и изредка в именах собственных: *tòstas* [tòstas] 'тост', но также *gògas* [gògas] 'холка'; *mètras* [m'ètras] 'метр' (или [m'ètras], характерное для произношения лишь некоторых представителей литературного языка).

Долгая фонема /ā/ относится к средне-заднему, краткое /a/ — к среднему, остальные непередние гласные — к заднему ряду; краткие фонемы /i/, /u/ относятся к верхне-среднему подъему.

В работах по литуанистике, как правило, используется традиционная литовская транскрипция, отличная от использованной в таблице: долгота (напряженность) гласных обозначается приподнятой точкой справа от знака (например, /aː/ = /ā/), полудолгота гласных и компонентов дифтонгов (используется и в данной статье) — точкой внизу (например, [a.], [a.i], [ei.]), гласным /ē/, /ė/, /ę/, /e/ соответствуют традиционные литовские обозначения /eˊ/, /eˋ/, /e/, /ę/.

Типологически существенной особенностью литовской консонантной системы является наличие оппозиции по мягкости/твердости.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования										
			Губные				Переднеязычные				Средне- язычные	Задне- язычные	
			Губно- губные		Губно- зубные		Зубные		Альвеолярные				
			Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.		Тв.	М.
Шумные	Взрывные	Гл.	p	p'			t	(t')				k	k'
		Зв.	b	b'			d	(d')				g	g'
	Аффрикаты	Гл.					c	(c')	(č)	č'			
		Зв.					ʒ	(ʒ')	(ž)	ž'			
	Щелевые	Гл.			(f)	(f')	s	s'	š	š'		(x)	(x')
		Зв.					z	z'	ž	ž'		(ɣ)	(ɣ')
Сонорные	Носовые		m	m'			n	n'					
	Боковые						l	l'					
	Дрожащие								ɾ	ɾ'			
	Щелевые				v	v'					j		

В скобки заключены согласные, встречающиеся в интернационализмах, а также /t'/ и /d'/, самостоятельный фонематический статус которых является проблематичным, — они встречаются, как правило, лишь перед передними гласными и находятся в дополнительном распределении с /č'/, /ž'/, встречающимися перед непередними гласными. Фонемы /c'/, /ʒ'/, /č/, /ž/ встречаются редко. Фонема /l/ произносится как веляризованный [ɫ].

2.1.2. Признак долготы/краткости обычно интерпретируется как фонематический, хотя существует теоретическая возможность просодической трактовки этого признака. Такая трактовка (предлагавшаяся некоторыми исследователями) вызывает сомнения, в частности, потому, что число долгих гласных в Л.я. существенно превышает число кратких гласных.

Смыслоразличительную роль играют также место ударения и слоговая интонация. Л.я. принадлежит к политоническим языкам: он различает две слоговые интонации — «резкую», или акутовую («нисходящую»), и «плавную», или циркумфлексную («восходящую»). Первая обозначается знаком акута (ˊ), а в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях *u, i, o, e + i, l, m, n, r* — знаком грависа (ˋ), поскольку их первый элемент является кратким. Вторая интонация обозначается знаком циркумфлекса (ˆ). Знак акутовой интонации всегда ставится над первым

компонентом дифтонгов и дифтонгических сочетаний, знак циркумфлекса — над вторым. Знаком грависа обозначается также ударение на кратких слогах. Слоговые интонации характеризуют долгие ударные слоги. Краткие слоги таковых интонаций не имеют (выделение третьей, так называемой «краткостной», интонации неправомерно). Слоговые интонации имеют комплексную фонетическую природу: они различаются и модуляциями основного тона и силы голоса, и количеством слога (акутовые долгие гласные короче, чем циркумфлексные, многие акутовые дифтонги — длиннее), и тембром звука (особенно в первом компоненте дифтонга). Слоговые интонации могут различать слоги и, тем самым, слова, состоящие из одинаковых фонем: *láuik* 'жди' — *laũk* 'вон!', *viřsiu* 'буду варить' — *viřsiu* 'опрокинусь', 'свалюсь', *aũšo* 'рассветало' — *áušo* '(он) остывал', *lôpo* 'латает, -ют' — *lôpo* 'заплаты' (род. п. ед. ч.), *gĩnk* 'защищай' — *giñk* 'гони' (*šáuik* 'стреляй' — *šauik* 'зови') 'кричи', *rũgti* 'киснуть' — *rũkti* 'дымиться', 'коптить'. Все безударные слоги по интонационным характеристикам близки к циркумфлексным. Таким образом, акутовую интонацию можно считать маркированным членом оппозиции, а циркумфлексную — немаркированным.

У д а р е н и е не фиксированное (может падать на любой слог слова) и подвижное (в разных словоформах одной лексемы может занимать разное положение).

Место ударения может различать пары, состоящие из одних и тех же фонем: *neši* 'несешь' — *nėši* 'будешь нести', *apsũpti* 'окружить' — *apsupti* 'окружены', *gĩria* 'хвалит, -ят' — *girià* 'лес', *lũpa* 'дерет, -ут' — *lupà* 'лупа'. Поскольку количество предударных и заударных слогов не ограничено, ударение выполняет только кульминативную, но не делимитативную функцию.

Основой литовского ударения является нефонетический контраст сильных (обладающих большой акцентной силой) и слабых (обладающих малой акцентной силой) морфем. В формах изменяемых слов место ударения определяется двумя главными правилами:

1) когда все морфемы одинаковы по силе (или все сильные, или все слабые), ударной становится первая морфема (далее в примерах сильные морфемы обозначены прописными буквами, слабые — строчными): *ŠARK-OS* > *šarkos* 'сороки' (род. п. ед. ч.), *galv-os* > *gálvos* 'головы' (им. п. мн. ч.);

2) когда морфемы не одинаковы по силе, ударной становится первая сильная морфема: *galv-OS* > *galvõs* 'головы' (род. п. ед. ч.), *ŠARK-os* > *šarkos* 'сороки' (им. п. мн. ч.).

Кроме того, ударение Л.я. усложняется законом Фортунатова–де Соссюра, или правилом предпоследнего слога: есть группа так называемых аттрактивных морфем (чаще окончаний), которые всегда оттягивают на себя ударение с находящихся перед ними кратких и восходящих (циркумфлексных) слогов, принадлежащих как сильным, так и слабым морфемам. Поэтому в Л.я. есть еще поправка к правилам ударения:

3) если слог, который должен получить ударение из-за соотношения морфем по акцентной силе, является кратким или циркумфлексным, а за ним следует аттрактивная морфема, то ударение переносится на эту аттрактивную морфему, а в прочих случаях ударение остается на месте: *VĩŠT-à* > *vištà* 'курицей' (твор. п. ед. ч.), *laũk-us* > *laukùs* 'поля' (вин. п. мн. ч.); *káln-ùs* > *kálnus* 'горы' (вин. п. мн. ч.); *NũGAR-à* > *nũgara* 'спина' (им. п. ед. ч.).

Исторически контраст сильных/слабых основ и окончаний связывается с баритонированными (с ударением на корне) и окситонированными (с ударением на окончании) праиндоевропейскими акцентными парадигмами. Аттрактивные морфемы являются следствием закона Фортунатова–де Соссюра: в определенный момент развития Л.я. ударение было оттянуто с кратких и циркумфлексных слогов на ближайшие акутовые слоги — позднее эти окончания стали краткими или превратились в циркумфлексные по так называемому закону Лескина. Эти законы исходят из наличия просодических противопоставлений не только в ударных, но и в безударных слогах.

В зависимости от подвижности/неподвижности ударения в формах имен в Л.я. выделяются четыре акцентные парадигмы. К первой и второй парадигме относятся слова, имеющие сильную основу, к третьей и четвертой — слова, имеющие слабую основу. Вторая парадигма отличается от первой и четвертая от третьей тем, что принадлежащие им слова имеют перед окончанием ударный краткий или восходящий слог, их ударение по закону Фортунатова–де Соссюра перемещается на окончание. Окончание дательного падежа множественного числа является сильным, а винительного падежа множественного числа — слабым, поэтому акцентную парадигму принято определять по ударениям этих форм:

- 1) если оба окончания безударные, слово принадлежит первой парадигме;
- 2) если окончание дательного падежа множественного числа безударное (тем самым основа обязательно сильная), а винительного падежа множественного числа — ударное (тогда последний слог основы обязательно краткий или восходящий) — слово принадлежит второй парадигме;
- 3) если окончание дательного падежа множественного числа ударное (тем самым основа слабая), а винительного падежа множественного числа безударное — слово принадлежит третьей парадигме;
- 4) если оба окончания ударные — слово принадлежит четвертой парадигме.

Принадлежность существительных акцентной парадигме обычно указывается в словарях: оно обозначается цифрой в скобках после заглавного слова.

2.1.3. В звуковой цепи реализации фонем подвергаются взаимной аккомодации. В результате некоторые фонологические противопоставления в определенных позициях нейтрализуются.

Важнейшие фонологически обусловленные модификации основных вариантов фонем:

1. Ассимилятивная веляризация. Носовая нелабиализованная фонема /n/ в позиции перед гласными и перед переднеязычными согласными реализуется как переднеязычный звук [n], а перед непреднеязычными — как [ŋ]: *lāngas* [lá.ŋgas] ‘окно’, *rankā* [raŋkā] ‘рука’. Соответствующие звуки находятся в строгом дополнительном распределении и потому являются аллофонами одной фонемы.

2. Дифтонгизация. Тавтосиллабические сочетания фонем /i/, /u/ и /j/, /v/ с предшествующей гласной реализуются как дифтонги, т. е. фонемы /i/ и /j/, /u/ и /v/ реализуются как соответственно неслоговые гласные [i], [u]: *āugi* [á.ug'i] ‘растёшь’ — *āugai* [á.ugai] ‘(ты) рос’, *sāugai* [sá.ugai] ‘сторожишь’; *āugu* [á.ugu] ‘расту’ — *āugau* [á.ugaɯ] ‘(я) рос’, *sāugau* [sá.ugaɯ] ‘сторожу’; *žolėjė* [žol'ėjė] ‘в траве’ — сокращенная форма *žolėj* [žol'ėj]; *rajōnas* [rajōnas] ‘район’ — *raidā* [rajdā] ‘развитие’.

3. Удлинение сонорных (до степени полудолготы) в ударных циркумфлексированных слогах: *baĩnas* [baĩ.nas] ‘седло’, *peĩktas* [p'ėĩ.ktas] ‘пятый’, *piĩštas* [p'ĩ.štas] ‘палец’, а также удлинение гласных *a*, *e* в составе акутированных дифтонгов и дифтонгических сочетаний: *aiĩškus* [á.iĩškus] ‘ясный’, *kaiĩtas* [ká.ĩtas] ‘долото’.

Фонетические явления, связанные с нейтрализацией фонологических противопоставлений:

1. Палатализация. Палатализованные и непалатализованные согласные противопоставляются только в положении перед непредними гласными. В конце слова (перед паузой) возможны только непалатализованные согласные: *pilis* [p'il'is] ‘замок’, *kuĩ* [kuĩ.] ‘где’. Перед предними гласными и мягкими согласными наблюдается большее или меньшее (в зависимости от класса согласной) смягчение: *pildo* [p'ildɔ] ‘исполняет’ — *pildymas* [p'il'd'ĩmas] ‘исполнение’.

2. Озвончение или оглушение. Противопоставление по звонкости/глухости шумных фонем реализуется только в позиции перед гласными и перед сонорными согласными. Звонкие шумные фонемы оглушаются перед глухими шумными и в конце слова (перед паузой) *daũg* [daũ.k] ‘много’, а глухие шумные озвончаются перед звонкими шумными: *bėga* ‘бежит’, ‘бегут’ — *bė[k]siu* ‘побегу’, *laukiau* ‘(я) ждал’ — *lau[g]davo* ‘(он) ждал (неоднократно)’. Ассимиляция по звонкости/глухости наблюдается и на стыке двух самостоятельных слов, не разделенных паузой: *mielas draũgas* [m'ielaz draũ.gas] ‘дорогой друг’. Фонетически звонкие сонорные (не участвующие в оппозиции по звонкости/глухости) остаются звонкими во всех позициях и не оказывают влияния на реализацию предшествующих шумных. Таким образом, сильной позицией для противопоставления по звонкости/глухости является позиция перед гласными и перед сонорными согласными.

3. Ассимилятивная альвеоляризация зубных (свистящих). Сочетания *sč* и *zdž* реализуются как [š'č'] и [ž'ž']: *mėsti* ‘бросить’ — *mė[š']čiai* ‘я бы бросил’, *skruzdė* ‘муравей’ — *skru[ž']džiũ* (род. п. мн. ч.). Таким образом, перед шипящими аффрикатами нейтрализуется оппозиция зубных (свистящих) и альвеолярных (шипящих) согласных.

4. Уподобление носовых согласных губным. Перед губными смычными /n/ переходит в /m/: *sám-balsis* ‘стечение гласных’, ‘зияние’, *sám-puolis* ‘совпадение’, ср. *sán-drauga* ‘содружество’, *sán-taika* ‘согласие’, ‘мир’. Таким образом, перед губными смычными происходит нейтрализация противопоставления губных и носовых сонорных.

5. Упрощение сочетаний щелевых. При сочетании двух переднеязычных щелевых наблюдается фонологически обусловленное упрощение. Конкретная реализация сочетания зависит, однако, от морфологических условий (см. 2.2.3.).

6. Аффрикатизация дентальных. Перед гласными заднего ряда палатализованные /t'/, /d'/ в большинстве случаев переходят соответственно в /č'/, /ž'/. Исключения представляют заимствованные слова и уменьшительно-ласкательные производные от имен собственных (*tiulis* ‘тюль’, *Matiukas*). Если подобные слова включать в основную фонологическую систему, описываемое чередование должно быть причислено к морфологическим (см. 2.2.3.).

Важнейшие явления позиционно обусловленного варьирования гласных:

1. Передвижение вперед. После палатализованных согласных и /j/ реализация непредних гласных фонем оказывается значительно продвинутой вперед. При

этом более передние [û], [ô] находятся в строгом дополнительном распределении с [u], [o] (встречающимися после твердых согласных) и являются, соответственно, аллофонами одной и той же фонемы. После мягких согласных и /j/ фонема /a/ реализуется как [æ]: *bimbia* [b'ĩm'.b'æ] 'жужжит', *jāunas* [jæ.ɯnas] 'молодой'.

2. Удлинение. Долгие гласные /ā/ и /ē/, представленные в неограниченных ударных слогах, в большинстве случаев способны чередоваться со своими краткими коррелятами, представленными в других позициях (в этом случае иногда говорят о позиционном удлинении кратких гласных). Например, противопоставление безударных /ā/ : /a/, сохраняемое в формах винительного падежа множественного числа *grāžtūs* [grāštūs] — *kraštūs* [kraštūs], снято в формах именительного падежа единственного числа *grāžtas* [grāštas] 'бурав' — *krāštas* [krāštas] 'край', где корневой гласный находится под ударением. Однако в исключительных случаях удлинения в неограниченных ударных слогах не происходит (*rāktu* [rāktū] 'ключей' — *rāktu* [rāktū] '(он) ковырял бы', *trēšti* [tr'æš't'i] 'удобрять' — *trēšti* [tr'ēš't'i] 'гнить'), поэтому условия нейтрализации противопоставления /ā/ : /a/, /ē/ : /e/ должны определяться в терминах не только фонологической, но и морфологической позиции.

3. Сокращение. Перед тавтосиллабическими сонорными обычно встречаются только краткие гласные: *septyni* 'семь' — *septiņtas* 'седьмой'. Однако некоторые (редкие) исключения также не позволяют говорить о соответствующем явлении как о чисто фонетическом (автоматическом).

Различными позиционными вариантами («аллотонами») могут быть представлены и слоговые интонации. Так, в зависимости от типа слога, на который «накладывается» соответствующая просодема, ее фонетические реализации значительно отличаются друг от друга: 1) \acute{V} : \grave{V} (*klōstē* 'выстилал' — *klōstē* 'складка'); 2) $\acute{V}R$: $\acute{V}\bar{R}$ (*kūrpē* 'башмак' — *kūrpē* 'кое-как/небрежно делал (шил, вязал, латал)'); 3) $\acute{V}R$: $\acute{V}\bar{R}$ (*kāltas* 'долото', 'резец' — *kāltas* 'виноватый'). Однако все эти различные интонации находятся в отношении дополнительной дистрибуции и потому должны считаться аллотонами двух слоговых интонаций (тоном).

2.1.4. Допустимы слоги разнообразной структуры. Центральным необходимым элементом слога является гласная фонема (V), факультативными элементами — одна или несколько согласных, предшествующих вокалическому центру (эксплозивных), и/или следующих за вокалическим центром (имплозивных). В начале слова (перед первым гласным) встречается до трех согласных. В качестве одночленной эксплозивной части может функционировать любой согласный. В двухчленных и трехчленных эксплозивных группах согласные расположены в строго определенном порядке: 1) двухчленные группы представлены сочетаниями CR- (т. е. SR-, TR-) и ST-; 2) трехчленные — STR-, где R — символ класса сонорных, C — несонорных (шумных), S — щелевых (сбилянтов), T — нещелевых (смычных); во все классы включаются также и соответствующие палатализованные согласные.

Согласные R-класса встречаются только непосредственно перед гласными, а согласные C-класса — не только перед гласными. В C-классе выделяют S-класс — согласные, которые могут занимать позицию непосредственно после границы слога, и T-класс — согласные, встречающиеся как в первой, так и во второй позиции.

Реально представлены не все из описанных формулами эксплозивных групп. Так, сочетания *šk-*, *zg-*, *zb-*, *zd-*, а также *spl-*, *škr-*, *škl-*, *špr-*, *štr-*, *zdr-*, *zgr-* встречаются в основном в диалектизмах и ономастике. Для отдельных членов подкласса Т характерны некоторые дистрибутивные ограничения: /p/, /b/ не встречаются перед /v/ и встречаются перед /j/, а /t/, /d/ не встречаются перед /l/. В R-классе /m/ и /n/ не встречаются в трехчленных группах и т. д.

Большинство имплозивных групп конца слова представляет собой зеркальное отражение эксплозивных: сочетаниям типа STR- соответствуют -RTS, SR- — -RS, TR- — -RT, ST- — -TS: *skl̥pas* 'участок (земли)' — *vilks* 'будет волочить/тащить', *snāpas* 'клюв' — *piņs* 'будет плести', *klāusti* 'спрашивать' — *pilk* 'лей', *skūsti* 'брить' — *tóks* 'такой' и т. п. К этим «закономерным» группам иногда примыкает «немотивированная» фонема /k/ или /t/ в некоторых глагольных словоформах и в ономастических словах (идеофонах) (см. 2.2.2.).

Слоги могут быть открытыми и закрытыми. Элемент V может быть представлен кратким или долгим гласным независимо от характера слога: *ri-tas* — страдательное причастие прошедшего времени от 'катить', *rj-tas* 'утро', синонимы *eg-žl̥ys* и *pūg-žl̥ys* 'эриш' (т. е. в общем случае долгота гласного не является позиционной).

2.2.0. Морфофонетические сведения.

2.2.1. Все слова Л.я. представлены, по крайней мере, одним слогом (как знаменательные, так и служебные), тогда как морфемы могут быть консонантными. Эксплозивные группы начала слова сложнее эксплозивных групп медиальных слогов, а имплозивные группы конца слова — сложнее имплозивных групп неограниченных слогов.

2.2.2. Служебные слова, а также местоимения (включая местоименные наречия), как правило, односложны (*iř* 'и', *taip* 'так', *nēt* 'даже'), тогда как большинство знаменательных слов состоит по меньшей мере из двух слогов (*bā-tas* 'ботинок', *ne-be-nu-si-ra-ši-nē-da-vo-me*, букв. 'не списывали (мы)'). Исключение составляют некоторые глагольные формы (*nēs* 'будет нести' (буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч.), *dirbk* 'работай' (повел. накл. 2 л. ед. ч.)) и изолированная субстантивная лексема *šuō* 'собака'.

Имя и глагол на фонологическом уровне в общем случае не противопоставлены (ср. *laikaĩ* 'держишь' и *laikaĩ* 'времена'), однако в сфере глагола встречаются фонологические структуры, невозможные в сфере имени. К фонологическим особенностям глагольного словоизменения относится наличие терминальных флексий, состоящих из одного согласного, тогда как все терминальные флексии стандартных именных парадигм имеют слоговой характер (см. 2.4.0.). С этим связана возможность односложных глагольных словоформ (формы 2-го лица единственного числа императива и 3-го лица будущего времени, образуемые от односложных глагольных основ присоединением суффиксов -k и -s, соответственно: *bēk* 'беги', *dūos* 'даст', 'дадут' и т. п.), а также и большая по сравнению с именем сложность имплозивных групп конца глагольного слова, возникающих на стыке закрытых глагольных основ и консонантной флексии: *dirbk* 'работай', *dirbs* 'будет (-ут) работать', *apipūrkšk* 'опрыскай'.

Именные словоформы стандартных парадигм могут оканчиваться только на гласный или одиночный согласный, за редким исключением (что определяется

'они', *jōs* 'они' (ж. р.). Остальные личные местоимения (*āš* 'я', *tū* 'ты', *mēs* 'мы', *jūs* 'вы', а также *tāmsta* 'Вы': *Kuīr tāmsta buvāi?* 'Где Вы были?') подобны существительным «общего рода» в том, что могут сочетаться с прилагательными (и причастиями) как мужского, так и женского рода в зависимости от пола лица, с которым они соотносятся (*āš sveikas* 'я здоров', *āš sveikā* 'я здорова' и т. п.) или же (в редких случаях персонификации) в зависимости от грамматического рода соответствующего существительного: *Tevynės daĩnos, jūs malōnios, taip širdi žādinat saldžiai* 'Песни (ж. р.) отчизны, вы приятны (ж. р.), так сладко тревожите сердце' (Майронис).

Прилагательные и причастия, вступая в атрибутивную и (полу)предикативную связь с существительными (и субстантивными местоимениями), согласуются с ними в роде: *gražūs vākaras* 'прекрасный вечер' (м. р.) — *graži dienā* 'прекрасный день' (ж. р.), *Sužinėjusi teisybę, ji nenulėido raĩkų* 'Узнав (ж. р.) правду, она не опустила рук' — *Sužinėjęs teisybę, jis nenulėido raĩkų* 'Узнав (м. р.) правду, он не опустил рук'.

От причастий и качественных прилагательных образуется так называемая форма среднего рода, встречающаяся, главным образом, в безлично-предикативном употреблении. Различение трех родов сохранилось также у некоторых разрядов местоимений: *visas* 'весь', *visā* 'вся' и субстантивированное *visa* 'всё'; *tās* 'тот', *tā* 'та' и субстантивированное (просентенциальное) *tai* 'то, это'; *šitas* 'этот', *šitā* 'эта', *šita(i)* 'это'; *vienas* 'один', *vienā* 'одна', *viena* 'одно'; *kitas* 'другой', *kitā* 'другая', *kita* 'другое'. Подобные формы среднего рода используются в ограниченном числе контекстов, например: *Viena yrā pasakýti, o (kas) kita padarýti* 'Одно [дело] сказать, а (совсем) другое сделать'.

В предложениях с местоимением среднего рода в роли подлежащего и с прилагательным среднего рода в роли сказуемого можно говорить о согласовании родового значения прилагательного с родовым значением местоимения: *Cia mán visa gražū* 'Здесь для меня всё красиво', (*Jis visas gražūs* 'Он весь красивый', *Ji visā graži* 'Она вся красивая'), *Viena tik negēra* 'Одно только нехорошо'.

Адъективные формы, совпадающие с согласуемыми прилагательными среднего рода (например, безлично-предикативное употребление: *Mán šalta* 'Мне холодно', *Tamsū* 'Темно', *Jám nuobodū* 'Ему скучно'), также признаются словоизменительными адъективными формами среднего рода (на том же основании, на котором безличные глаголы признаются словоизменительными формами 3-го лица).

Субстантивные местоимения с морфологическими признаками мужского рода: *viskas* 'всё', *tās* 'тот', 'то', *kās* 'кто', 'что' допускают согласование как по мужскому, так и по среднему роду (в особенности в просентенциальном употреблении): *Iš blogiausia tās, kād laikraščiai nerodo jokia nora savo kalbą taisyti* 'И самое худшее (ср. р.) то (м. р.), что газеты не выказывают никакого желания свой язык исправлять', *Kās prieštarauja gyvės kalbės dvāsiai, tās negali būti gėras. Reikia sąugotis visko, kās jai yrā priešinga, nės tās viskas jā gadina* 'Что противоречит духу живого языка, то (м. р.) не может быть хорошо (м. р.). Следует остерегаться всего, что ему противно (ср. р.), ибо это (м. р.) все (м. р.) его портит'. Однако в синтаксически однородных типах употребления местоимения *tās, kās* требуют согласования по мужскому роду (в особых случаях и по женскому роду), если имеют-

ся в виду живые существа (лица): *Geriausiai gali kuriōs nors apýlinkės žodžiūs užrašýti tās, kās joje gimęs arbā ilgaĩ teĩ gyvėnės* 'Лучше всего слова какой-либо местности может записать тот, кто в ней родился или долго там жил' (букв. 'родившийся или... живший' — мужской род).

В двух формах — мужского и женского рода — выступают числительные от одного до девяти, согласуемые с определяемыми существительными: *vienas* 'один', *vienā* 'одна', *dū* 'два', *dvi* 'две', *trīs* 'три' (мужской и женский род различаются только в местном падеже), м. р. *keturi*, ж. р. *kėturios* 'четыре', м. р. *devyni*, ж. р. *devynios* 'девять', а также составные числительные типа *dvidešimt vienas* 'двадцать один', *dvidešimt vienā* 'двадцать одна' и т. д. Остальные числительные (аналогичные существительным) не изменяются по родам; родовое значение числительных *šimtas* 'сто', *tūkstantis* 'тысяча', *milijōnas* 'миллион', фигурирующих в составных числительных, определяет выбор формы мужского рода согласуемых с ними числительных: *dū tūkstančiai šeši šimtai keturiolika* 'две (м. р.) тысячи шестьсот (букв. 'шесть (м. р.) сотен') четырнадцать'.

В согласуемых словах — прилагательных, причастиях, некоторых числительных — значение рода выражается флексией (последняя одновременно выражает значения числа и падежа; см. 2.4.0.).

Довольно последовательное морфологическое выражение (в типе основы и/или в наборе падежно-числовых флексий) находит и субстантивный род. Так, все существительные с основой на *-(i)a*, *-(i)u* (*lāngas* 'окно' — род. п. *lāngo*, *kėlias* 'дорога' — род. п. *kėlio*, *sūnūs* 'сын' — род. п. *sūnaūs*, *krėžius* 'крест' — род. п. *krėžiaūs*), а также с консонантной основой на *-n* (*ruduō* 'осень' — род. п. *rudeñs*) относятся к мужскому роду. Существительные с основой на *-o*, *-ė* (*galia* 'мощь' — род. п. *gėlios*, *saulė* 'солнце' — род. п. *saulės*), а также с консонантной основой на *-r* (*sesuō* 'сестра' — род. п. *seseřs*) относятся преимущественно к женскому роду. Исключение составляют немногочисленные существительные (в частности имена собственные), называющие лиц мужского пола: *barzdyla* 'бородач', *vaidila* 'жрец', *viršila* 'старшина', *dailidė* 'плотник', *dėdė* 'дядя', *tėtė* 'папа'; фамилии типа *Cvirkā*, *Daukša*, *Krėvė*. Существительные с основой на *-i* (большая часть которых относится к женскому, меньшая — к мужскому роду) характеризуются двумя наборами флексий, различающихся только в дательном падеже единственного числа (*žvėris* 'зверь', дат. п. *žvėriui* (м. р.), *ausis* 'ухо', дат. п. *ausiai* (ж. р.); см. 2.4.0.). Род заимствованных несклоняемых существительных определяется биологическим полом для названий лиц и внешним обликом словоформы в прочих случаях: существительные с ударным конечным *-ė* (кроме названий лиц мужского пола *atašė* 'атташе', *mesjė* 'мсье') относятся к женскому роду: *ateljė* 'ателье', *fojė* 'фойе', *kupė* 'купе'; существительные с конечными *-o*, *-u*, *-i* (кроме названий лиц женского пола *frū* 'фру', *lėdi* 'леди') — к мужскому роду. Род несклоняемых существительных морфологически проявляется только в согласуемых словах: м. р. *greitas taksi* 'быстрое такси', м. р. *pirmasis atašė* 'первый атташе', ж. р. *paruošta želė* 'подготовленное желе'.

Противопоставление по признаку *о д у ш е в л е н н о с т и / н е о д у ш е в л е н н о с т и* (личности/неличности) в качестве грамматической категории в Ля. не выделяется. Различие между названиями живых существ и предметов почти не находит отражения даже в вопросительных и неоп-

ределенными местоимениями, в которых дифференциация по одушевленности выражена слабо. В парадигме местоимений *kàs* 'кто', 'что', *kažkàs* 'кто-то', 'что-то', *kàs nòrs* 'кто-нибудь', 'что-нибудь' и др. только в родительном падеже отчасти проведено соответствующее разграничение: форма *kō* соотносится как с названиями живых существ, так и предметов, а форма *kienō* — только с названиями живых существ: *Kō čīà būta?* 'Что здесь было (происходило)?', букв. 'Чего здесь было?' и *Kienō čīà būta?* 'Кто здесь был?', букв. 'Чье/кого здесь было?'.

На синтаксическом уровне с различной соотносительностью местоимения *kàs* (и составных местоимений с *kàs*) отчасти связано различие допускаемых им типов согласования. Несмотря на эти особенности, обычно считается, что различные употребления *kàs* (и подобных ему местоимений) представляют одну лексему, неспецифицированную в отношении одушевленности.

2.3.3. Категория числа формируется противопоставлением двух рядов форм: единственного и множественного числа.

Значение, выражаемое формами субстантивного числа, является словоизменительным и номинативным: различие между единственным и множественным числом отражает внеязыковые различия «единичности» и «множественности» предмета. Синтаксический аспект субстантивного числа проявляется в том, что существительное в той или другой числовой форме требует согласования по числу от зависимых слов.

Противопоставление единственного и множественного числа осуществляется наличием двух особых парадигм склонения, внутри которых каждый падеж одной парадигмы имеет окончание, отличное от окончания того же падежа в другой парадигме (см. 2.4.0.). Исключение составляют исчисляемые *pluralia tantum*, имеющие омонимичные формы единственного и множественного числа (с морфологическими признаками множественного числа): *marškiniaī* 'рубашка', 'рубашки', *rōgēs* 'сани', *kēlnēs* 'брюки', *akiniaī* 'очки'. Согласуемые слова, сочетающиеся с исчисляемыми *pluralia tantum*, также склоняются по парадигме множественного числа (независимо от номинативного числового значения существительного).

У прилагательных и причастий категория числа носит, как и у существительных, словоизменительный характер, но в отличие от субстантивного числа она является чисто синтаксической.

О категории числа у местоимений (классифицирующей) и глаголов (словоизменительной) см. 2.3.5.

У числительных эта категория выражена слабо: по числу изменяются только *dēšimtis* 'десять', *šiņtas* 'сто', *tūkstantis* 'тысяча', *miljōnas* 'миллион', *miljārdas* 'миллиард' (являющиеся, собственно, существительными); сложные названия десятков *dvidešimt* 'двадцать', *trisdešimt* 'тридцать', *aštuōniasdešimt* 'восемьдесят', *devyniasdešimt* 'девяносто' и т. п., как и краткий вариант числительного *dēšimt* 'десять', не изменяются ни по каким словоизменительным категориям. Числительные от одиннадцати (*vienūlika*) до девятнадцати (*devyniōlika*) обладают морфологическими признаками субстантивного единственного числа. Согласуемые с существительными числительные от двух до девяти имеют только формы множественного числа; при этом в сочетании с исчисляемыми *pluralia tantum* выступают особые (так называемые «множественные») числительные, образо-

ванные от основных числительных с помощью суффиксов *-ejì*, *-ėjos* (*dveji* 'двое', *dvėjos* 'две', ср. *dù* 'два', *dvi* 'две') или суффиксов *-erì*, *-erios* (м. р. и ж. р. *penkerì*, *peñkerios* 'пятеро', ср. *penkì*, *peñkios* 'пять'): *Turiù dvejù batùs* 'Имею две пары сапог', ср. *Turiù dù batùs* 'Имею два сапога'. В особой форме (с внешними признаками множественного числа) выступают в сочетании с исчисляемыми *pluralia tantum* также числительные со значением 'один' и местоимение со значением 'каждый': *vienerì/vieni mētai* 'один год' (ср. *vienas vākaras* 'один вечер'), *viēnerios kēlnēs* 'одна пара брюк' (ср. *vienà kepūrė* 'одна шапка'), *kiekvieni mētai* 'каждый год' (ср. *keikvienas vākaras* 'каждый вечер'). Со словом *mētai* 'год' для обозначения возраста употребляются «множественные» числительные от одного до девяти: *Kiek mētų?* — *Mān šešeri* (*septyneri*, *aštuoneri*, *treji*) *mētai*. 'Сколько лет? — Мне шесть (семь, восемь, три) лет/года'. Очевидно, что «множественные» числительные *dveji* 'двое', *devyneri* 'девятеро' и т. д. являются синтаксически обусловленным вариантом основных *dù* 'два', *devyni* 'девять' и т. д. «Множественное» числительное *vieneri* (и так называемая «форма множественного числа» *vieni*, употребляемая в том же количественном значении) и местоимение *kiekvieni* также являются синтаксически обусловленными вариантами лексем *vienas* 'один' и *kiekvienas* 'каждый'.

Формально категория числа выражается противопоставлением флексий. У существительных флексия одновременно выражает значение падежа, у прилагательных и причастий — падежа и рода, у глагола — лица. Особенностью спряжения глагола является отсутствие согласования по числу с подлежащим, выраженным существительным или местоимением 3-го лица (спрягаемая глагольная форма 3-го лица не имеет числовых различий). Однако в тех формах спряжения, в которых участвуют неличные глагольные формы (сложные глагольные формы и косвенное наклонение) согласование по числу имеется. В этом случае флексия одновременно со значением числа выражает значение рода.

Двойственное число в глаголе исчезло в начале XX в., но сохранилось в разговорной речи в формах глагола-связки *būti* 'быть'. Реликты двойственного числа есть также в системе местоимений, см. 2.3.7. Двойственное число сохраняется в диалектах, см. 2.7.0.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи падежных форм, предлогов, в диалектах — также послелогов. Категория падежа складывается из противопоставления шести граммем: именительный, родительный, дательный, винительный, инструментальный и местный. Кроме того, в падежную парадигму обычно включается и особая звательная форма. Основными соответствиями между семантическими и синтаксическими функциями и способом их выражения являются следующие.

Субъект действия при личной форме глаголов (переходных и непереходных), а также в активных конструкциях с причастием действительного залога, выступающих в предикативной функции, выражается обычно именительным падежом: *Darbininkai stāto namùs* 'Рабочие строят дома', *Čià žmonės dirba* 'Здесь люди работают', *Tėvas skaito laikraštį* 'Отец читает газету'. При причастиях страдательного залога (предикативных и атрибутивных) субъект действия выражается родительным падежом: *Namai yra statomi darbininkų* 'Дома строятся рабочими', букв. 'Дома являются строимы рабочих', *Čià žmonių dirbama* 'Здесь работают

люди', букв. 'Здесь людей работаемо', *Čià paūkščio turėta*, 'Здесь птица сидела', букв. 'Здесь птицы сижено'.

В деепричастных оборотах, описывающих обстоятельства, сопутствующие действию основной предикации, действующий субъект обозначается дательным падежом (dativus absolutus): *Ir vagis nevāgia kitiems mātant* 'И вор не крадет, когда другие видят' (букв. '...другим смотря'), где *kitiems* дат. п. от *kitas* 'другой', *mātant* несклоняемое причастие от *matyti* 'видеть'.

Объект действия при переходных глаголах обычно выражается винительным падежом: *Tėvas skaīto laikraštį* 'Отец читает газету'. При глаголах с отрицанием, а также при некоторых глаголах со значением желания, требования, просьбы, опасения, избегания и т. п. объект выражается родительным падежом: *jis neskaīto knygą* 'он не читает книги', *ieškoti brolio* 'искать брата', *prašyti pinigų* 'просить денег', *bijoti vilkų* 'бояться волков'.

Меньшую группу составляют глаголы, управляющие: 1) инструментальным падежом прямого объекта: *tikėti svajonėmis* 'верить мечтам', *džiaugtis kelione* 'радоваться дороге', *rūpintis sunaūs auklėjimu* 'заботиться о воспитании сына', *domėtis sportu* 'интересоваться спортом'; 2) дательным падежом: (*atstovauti kām* 'представлять кого', *vadovauti kām* 'руководить кем/чем'), *atstovauti darbininkams* 'представлять рабочих', *susirinkimui vadovauja pirmininkas* 'собранием руководит председатель'.

При прямопереходных глаголах наряду с винительным может употребляться и родительный падеж (от названий вещественных существительных или «вещественно представляемых» предметных существительных множественного числа). В этом случае родительный падеж семантически противопоставлен винительному по признаку определенности/неопределенности («известности/неизвестности»): *Duok pinigų* 'Дай денег' — *Jėgu sėnis mīrs, aš paĩsiu jō pinigų* 'Если старик умрёт, я возьму его деньги'.

В пассивных конструкциях со страдательным причастием объект действия выражается именительным падежом: *Laikraštis yrà skaĩtomas (tėvo)* 'Газета читается (букв. 'есть читаема') (отцом)'. При причастиях страдательного залога может употребляться инструментальный падеж: *Laiškas rāšomas pieštukū, mašinėlė, rāšalu* 'Письмо пишется карандашом, на машинке, чернилами'.

При отглагольных существительных, образованных от прямопереходных глаголов, объект действия выражается родительным падежом: *laiško rāšymas* 'написание письма', *nāmo statyba* 'строительство дома', *lauko dirbimas* 'обработка поля'.

В Ля. сохранились своеобразные типы конструкций винительного/родительного с причастием (accusativus/genitivus cum participio) и, чаще, с деепричастием (accusativus/genitivus cum gerundio) при глаголах чувственного восприятия, обнаружения и некоторых других, в которых винительный/родительный падеж обозначает объект восприятия, обнаружения и т. п., и одновременно — субъект действия, обозначенного причастием/деепричастием (см. 2.5.3.).

Пространственные, временные, целевые и другие обстоятельственные отношения выражаются «конкретными» падежами (местным, инструментальным) и предложно-падежными сочетаниями, а также «грамматическими» падежами (именительным, родительным, винительным), для которых «адвербиальная» функция является вторичной.

В старых текстах на Ля. употреблялись четыре местных падежа: инессив — нахождение внутри, иллатив — направление внутрь (*laukaĩ* 'в поле', 'наружу', *raĩkon* 'в руку'); широко употребляется восточными аукштайтами как в единственном, так и во множественном числе), адессив — нахождение рядом (*namieĩpi* 'около дома', *tamaĩp* 'у мамы'), а также соответствующий направительный падеж — аллатив (сохранились отдельные слова: *namoĩpi* 'к дому', *velnioĩp* 'к чёрту'); эти падежи выражали и соответствующие временные значения (*rudenioĩp* 'к осени', *vakarop* 'к вечеру'). В современном литературном Ля. систематически употребляется только инессив (= местный падеж) *namuose* 'в доме', 'дома', *rankoje* 'в руке'; широко употребляются также три слова в форме иллатива *žemėn* 'в землю', *oraĩ* 'на воздух', *laukaĩ* 'наружу', 'на двор' в функции наречия: *išeĩti oraĩ* 'выйти на воздух'. Возможен местный падеж от названий лиц: *Kaikuĩ kaimynuose dār suskaĩba kibiraĩ* 'Кое-где у соседей еще звенят вёдра', *Žmonesė visaĩp pasitaĩko* 'Среди людей всякое случается'. Другие пространственные значения выражаются предложно-падежными сочетаниями. При этом значение местонахождения и направления могут не различаться, в соответствии с недифференцированным употреблением местоименных наречий *kuĩ* 'где', 'куда', *čia* 'здесь', 'сюда', *ten* 'там', 'туда': *Mamà pàs daktarą važiavo* 'Мама к доктору ездила' (диал. *Mamà daktarop važiavo* — аллатив), *Sėdi prie kójų* 'сидит у ног' (диал. *Sėdi kójosemp* — адессив). Об употреблении предлогов см. также 2.3.5. и 2.3.7. Место действия (нахождения), особенно движения, может выражаться инструментальным падежом: *Vieną kartą traukė dykuma didelį karavaną* 'Однажды тянулся пустыней большой караван', *Kiemo pakraščiaĩs klevaĩ iĩ liepos* 'По краям (букв. 'краями') двора — клёны и липы'.

Все падежные формы Ля. способны выражать различные временные отношения. Время действия выражается местным и инструментальным падежами.

Ля. обладает многообразными средствами выражения посессивных отношений, выбор между которыми определяется синтаксической структурой, актуальным членением высказывания, денотативным статусом соответствующих именных групп, актуальностью связи между «обладателем» и «обладаемым», а также признаком «постоянности/временности» обладания.

Широко употребительны конструкции с глаголом *turėti* 'иметь' типа $N^1_{\text{им. п.}} \text{ turi } N^2_{\text{вин. п.}}$, в которых утверждается наличие N^2 у N^1 (N^1 может обозначать «обладателя», «целое», по отношению к которому N^2 является частью и т. п.): *Jōnas turi namą* 'у Йонаса есть дом', *Jōnas turi sūnų* 'у Йонаса есть сын', *Kambarys turi du langus* 'В комнате два окна'.

Значение принадлежности выражается также конструкциями с генитивом (в том числе с местоимениями *māno* 'мой', *tavo* 'твой', *savo* 'свой', которые иногда трактуются как второй родительный, отличный от «объектного» генитива личных местоимений, а иногда — как самостоятельные, «несклоняемые» местоименные лексемы). Основная область употребления посессивного генитива — атрибутивные сочетания, используемые в тех случаях, когда наличие посессивного отношения не входит в утверждаемую часть предложения, а составляет его презумпцию: *Jōno namas didelis* 'Дом Йонаса большой', *Aš pažįstu Jōno sūnų* 'Я знаком с сыном Йонаса', *Kambario langai plātūs*, букв. 'Окна комнаты широкие'. В разговорной речи широко употребительны притяжательные местоимения

с аффиксом *-iškis, -iškė: maniškis* 'мой', *maniškė* 'моя', *taviškis* 'твой', *taviškė* 'твоя' и т. д.

Название обладаемого предмета может быть связано с посессивным генитивом предикативным отношением в предложениях типа $N^2_{\text{им. п.}} (y\grave{a}) N^1_{\text{ген.}}$, где название обладаемого предмета (N^2) является подлежащим (и темой), название обладателя (N^1) — именным сказуемым (и ремой): *Žemė yrà valstybės* 'Земля принадлежит государству', *Šitas nāmas yrà brólio* 'Этот дом — (моего) брата', *Tàs arklys māno* 'Эта лошадь моя'.

Промежуточное положение между атрибутивными конструкциями с генитивом, выражающими презумптивную принадлежность, и конструкциями с глаголом *turėti* 'иметь', утверждающими посессивное отношение, занимают предложения структуры $N_{\text{ген.}} (y\grave{a}) P N_{\text{им. п.}}$, где $N_{\text{ген.}}$ (который можно условно назвать «тематическим генитивом») означает лицо (реже предмет), которому принадлежит предмет, обозначенный $N_{\text{им. п.}}$, а P означает качественный, количественный или процессуальный (т. е. выраженный прилагательным, числительным или глаголом) признак обладаемого предмета: *Vyrèsniojo brólio būvo didelė šeima* 'У старшего брата (букв. 'Старшего брата') была большая семья', *Sėnio ilgà barzdà* 'У старика длинная борода', *Kaimyno būvo keturi vaikai* 'У соседа было четыре сына', *Lazdōs dū galaī* 'У палки два конца', *Sėnio drebejo rankà* 'У старика дрожала рука'. С генитивом в таких конструкциях конкурирует дательный падеж: *Māno/mān nuotaika prastà* 'У меня (букв. 'мое/мне') настроение плохое', *Jōno/Jōnui didelė temperatūra* 'У Йонаса (букв. 'Йонаса/Йонасу') большая температура', *Jōljam sužeistà rankà* 'У него (букв. 'его/ему') ранена рука'. Близкие по смыслу конструкции с атрибутивным родительным (*Jō rankà sužeistà* 'Его рука ранена') отличаются от тематического родительного (и дательного) актуальным членением. Так, в предложении *Sėnio ilgà barzdà* 'У старика (букв. 'Старика') длинная борода' описывается внешность старика, а в *Sėnio barzdà ilgà* 'Борода старика длинная' темой сообщения может быть и сама борода.

Дательный падеж, в отличие от атрибутивного родительного, предполагает, кроме того, актуальность посессивного отношения: *Neseniai karāliui mirė žmonà* 'Недавно у короля (букв. 'королю') умерла жена' (предполагается, что король жив) — *Neseniai mirė karāliaus žmonà* 'Недавно умерла жена короля' (такая презумпция отсутствует).

Винительный/родительный падеж обладаемого объекта при глаголе *turėti* 'иметь' обычно лишен конкретной (определенной) референции (независимо от актуального членения): *Jōnas turi pinigų* 'У Йонаса есть деньги' (букв. 'Йонас имеет денег'), *P pinigų turi Jōnas* 'Деньги есть у Йонаса (букв. 'Денег имеет Йонас')', но ср. именительный падеж: *P pinigai yrà Jōno* '(Эти) деньги — Йонаса'. Определенность объекта при глаголе *turėti* 'иметь' обычно имплицитно подразумевает временность обладания (*Šitą sōdą turėjo Jōno šeima* 'Этот сад принадлежал семье (букв. 'имела семья') Йонаса') или выражает отношение, близкое к локативному: *Pasūs ir pinigūs keliōnei turi Vytautas* 'Паспорта и деньги на дорогу имеет Витаутас' \approx *Pasai ir pinigai keliōnei pàs Vytautà* 'Паспорта и деньги на дорогу находятся у Витаутаса'.

2.3.5. По способности сочетаться с винительным падежом в качестве прямого объекта, глаголы делятся на *п е р е х о д н ы е* и *н е п е р е х о д н ы е*. Относительно немногочисленная группа глаголов способна как к тому, так и к другому

типу употребления (*dėgti* 'гореть' и 'жечь', 'обжигать', *virti* 'кипеть', 'вариться' и 'варить', *kėpti* 'печься' и 'печь' и др.). Обычно переходность/непереходность семантически соотносительных глаголов отражена в их морфологической структуре (разные аблаутные ступени корня, отсутствие/наличие определенных словообразовательных суффиксов, возвратность/невозвратность).

К переходным глаголам относятся: 1) глаголы прямого воздействия: *mėgti* 'вязать', *statyti* 'строить', *laužyti* 'ломать'; 2) каузативные глаголы: *gesinti* 'гасить', *auginti* 'растить', *baltinti* 'отбеливать'; 3) куративные глаголы: *siūdinti* 'шить себе (у портного, в мастерской)', *taisydinti* 'отремонтировать что-либо (не самому)', *pastatydinti* 'построить себе дом', а также разные группы глаголов с другими субъектно-объектными отношениями, в частности и те, которые не выражают какого-либо воздействия на объект: *matyti* 'видеть', *suprasti* 'понимать', *žinoti* 'знать', *mylėti* 'любить', *pažinti* 'быть знакомым' и др.

Куративные глаголы образуются от переходных с помощью суффикса *-dinti*; каузативные образуются от непереходных глаголов, а также от именных основ с помощью суффикса *-(d)inti, -dyti*. Глаголы с этими суффиксами всегда переходные. Куративные глаголы отличаются от семантически соотносительных производящих глаголов лишь косвенным участием в обеспечиваемом действии, а от каузативных глаголов еще и тем, что референт прямого дополнения куративного глагола является объектом обеспечиваемого действия, тогда как референт прямого дополнения каузативного глагола является субъектом каузируемого действия/состояния. Примеры: с куративным глаголом: *Pėtrās pastatydino namą* 'Петр построил себе дом' (т. е. обеспечил то, что кто-то построил ему дом), *Čià Jogaila būvo pastatydinęs katalikų bažnyčią ir įsteigęs parapiją* 'Здесь Йогайла построил (по его указу построили) католический храм и учредил приход'; с каузативным глаголом: *Ū tās vaikas, kai jį užmigdė, miėga ir miėga* 'А тот ребенок, как его усыпили (т. е. сделали так, чтобы ребенок спал), всё спит и спит'.

Глаголы с возвратным пост(пре)фиксом *-s(i)* (см. 2.5.1.) и многочисленные рефлексивы, соотносимые с переходными нерефлексивными глаголами, обычно интранзитивны (хотя формальная рефлексивность вообще совместима с синтаксической переходностью: *Jōnas nusipirko knygą* (\approx *Jōnas nupirko sau knygą*) 'Йонас купил себе книгу'). Общее значение рефлексивных глаголов — действие, замкнутое в сфере субъекта или ориентированное на субъект. Страдательного значения эти глаголы в Л.я. не имеют.

Категория *з а л о г а* морфологически выражена лишь в сфере причастий. От большинства глаголов (в том числе от непереходных и возвратных) образуются две серии причастий, противопоставленных по признаку направленности действия от «подлежащего» (т. е. предмета, обозначенного словом, определяемым причастием) и на «подлежащее». Первая серия причастий относится к активному залогу, вторая — к пассивному. Было бы более точным говорить о причастиях активного залога, которые, являясь маркированным членом залоговой оппозиции, указывают на направленность действия от «субъекта» причастия, и о причастиях неактивного залога, которые, будучи немаркированным членом залоговой оппозиции, не указывают на этот признак (обладают отрицательным признаком); положительный признак направленности действия на «субъект» является для Л.я. лишь частным значением страдательного причастия, ср.: *laikomos*

vālandos 'часы посещения', *miēgamas laīkas* 'время сна', *prīimamos diēnos* 'дни приёма', а также бессубъектные конструкции со страдательным причастием типа *Kó čia ieškoma?* 'Чего здесь ищут?' (букв. 'Чего здесь искомо?' — реальный объект действия выражен, как и в сочетании с соответствующим личным глаголом, родительным падежом), *Kienō vāikščiota šiaīs takēliais?* 'Кто гулял по этим тропинкам?' (букв. 'Кем гуляно...') и даже *Jō ēsama gēro žmogaiš* 'Он (оказывается) хороший человек' (*ēsama* — безлично-предикативное страдательное причастие от связки *būti* 'быть', *jō* — генитив личного местоимения, *gēro žmogaiš* — родительный падеж именной части сказуемого).

Действительные и страдательные причастия занимают отличные позиции в отношении к соответствующим личным глаголам: первые имеют личный коррелят, не отличающийся от причастия по признаку направленности действия; вторые не имеют такого коррелята, так как в Л.я. личный глагол не имеет пассивной формы, в связи с чем страдательные причастия вовлекаются также в залоговое противопоставление непосредственно с личными формами («активного залога»).

Семантически примыкают к страдательным причастиям отглагольные образования, иногда трактуемые в грамматиках Л.я. как «страдательные причастия необходимости»: *girtinas* 'достойный похвалы' (ср. *Būk girtinas bēt nesigirk*, букв. 'Будь хвалимым, но не хвастайся'), *neabejótinas* 'не подлежащий сомнению', *žinótina* '(то) что следует знать' и т. п. Такие образования не участвуют ни в одной из специфически глагольных оппозиций, не допускают (в отличие от собственно страдательных причастий) сочетания с «родительным деятеля» и поэтому не могут рассматриваться как трансформация предикативного сочетания именительного падежа с личным глаголом. Целесообразно считать их отглагольными прилагательными.

Предложения со страдательным причастием в роли сказуемого рассматриваются как результат пассивного преобразования предложений с личной формой глагола. Преобразование состоит в устранении из позиции подлежащего названия субъекта, который в пассивной конструкции выражается родительным падежом. При пассивном преобразовании предложений с переходным глаголом объект (выраженный винительным, реже — родительным или дательным падежом) обычно становится подлежащим (выражается именительным падежом) (см. 2.3.4.). При этом страдательное причастие может быть согласованным с подлежащим (в форме именительного падежа мужского/женского рода) или не согласованным (в форме среднего рода): *Laīkraštis yrà skaītomas tėvo* 'Газета есть читаема отцом' и *Laīkraštis yrà skaītoma (tėvo)* 'Газета читаема (отцом)'. Если глагольная форма страдательного залога представлена причастием среднего рода, а субъект (агентивное дополнение) не выражен, объект действия (прямое дополнение соотносительной активной конструкции) может сохранить при пассивном образовании форму винительного падежа: *Rāšoma láiškas/láiška* 'Пишется письмо', *Peřkama grūdaī/grūdus* 'Покупаемо зерно'.

При пассивном преобразовании предложений с именным сказуемым родительным падежом заменяется не только именительный падеж, занимавший позицию подлежащего, но и именительный падеж, занимавший позицию именной части сказуемого: *Jis (yrà) gēras žmogùs* 'Он (есть) хороший человек' — *Jō* (род. п.) *ēsama* (страдат. прич. ср. п.) *gēro žmogaiš* (род. п.).

В и д как грамматическая категория славянского типа отсутствует. Выражение различных аспектуальных значений связано: 1) с семантико-словообразовательным значением (способом действия) глагольной лексемы; 2) с конкретной временной формой, в которой выступает глагольная лексема; 3) с другими явлениями контекста (наличием прямого дополнения, денотативным статусом именных групп, темпоральными наречиями).

Основная аспектуальная классификация глагольных лексем делит их на два класса: процессуальные глаголы и событийные глаголы (называемые соответственно глаголами «процессуального вида», литов. *eigos veikslas veiksmazodžiai* и глаголами «событийного вида», литов. *įvykio veikslas veiksmazodžiai*; перевод этих литовских терминов как соответственно «несовершенный» и «совершенный вид» следует признать вводящим в заблуждение). К процессуальным глаголам относится большинство глаголов со словообразовательными суффиксами. Большая часть временных форм этих глаголов (за исключением сложной формы) представляет действие как процесс, рассматриваемый как бы изнутри, в его течении. К событийным глаголам относятся глаголы с суффиксом *-ter(ė)ti, -tel(ė)ti*, выражающие точечный, одномоментный характер действия (а также некоторые непроизводные глаголы, например *ràsti* 'найти'). «Точечные» глаголы не употребляются в актуально-длительном значении — они выражают обычно событие, а не процесс, даже выступая в форме настоящего времени (последняя может употребляться в функции «сценического настоящего» или *Praesens historicum*): *žvilgtėlėja*, настоящее время от *žvilgtelėti* 'взглянуть'. Помимо точечных глаголов в Л.я. существуют глаголы со значением повторяющегося продолжительного действия с формантом *-inėti*: *vaikštinėti* 'расхаживать'. Событийное значение характерно также для префиксальных глаголов, соотносительных с беспрефиксальными процессуальными глаголами, особенно в форме прошедшего однократного времени. Однако, употребляясь в форме настоящего времени, многие из этих префиксальных глаголов (как и относящиеся к тому же аспектуальному классу непроизводные глаголы типа *miřti* 'умереть', *laimėti* 'выиграть', *baįgti* 'кончить') выражают процесс (или состояние), который должен, по мнению говорящего, естественно завершиться соответствующим событием. Глаголы этого типа обычно относят к «двувидовым».

Противопоставление «процессности» и «событийности» в одном временном плане могут выражать простые и сложные временные формы.

В системе наклонений выделяют четыре ряда форм: изъявительного, сослагательного, повелительного и так называемого «косвенного» наклонений (самостоятельный статус которого часто не признается).

Изъявительное, сослагательное и повелительное наклонения образуют относительно однородную совокупность форм — по крайней мере в отношении их морфологической структуры. Каждое наклонение состоит из ряда спрягаемых глагольных форм, различающихся по значению лица. В системе форм повелительного наклонения отсутствует форма 1-го лица единственного числа, а также форма 3-го лица (если не считать реликтовой формы, см. 2.3.6.). Значение формы 1-го лица множественного числа повелительного наклонения несколько отличается от значения аналогичной формы других наклонений (см. 2.3.6.).

Семантическая немаркированность изъявительного наклонения соответствует отсутствию материально выраженного показателя наклонения («нулевая морфема» наклонения). В качестве «компенсации» личные формы изъявительного наклонения сочетают противопоставление по лицам с противопоставлением по времени, тогда как простые формы маркированных наклонений (повелительного и сослагательного) противопоставлены только по лицам (различные темпоральные и аспектуальные отношения выражаются противопоставлением простых форм сложным).

Морфемы «императивности» и «сослагательности» в большинстве форм ограничиваются от лексической морфемы (основа инфинитива) и личного окончания, располагаясь между ними. Стандартность и агглютинативный способ соединения с соседними морфемами характеризуют в первую очередь морфему императивности — формант *-k(i)-*: *dīrbk* ‘работай’, *dīrbkime* ‘давайте будем работать’, *dīrbkite* ‘работайте’ (*dīrbti* ‘работать’), *tylēk* ‘молчи’, *tylēkime* ‘давайте будем молчать’, *tylēkite* ‘молчите’ (*tylēti* ‘молчать’), *galvók* ‘думай’, *galvókime* ‘давайте подумаем’, *galvókite* ‘думайте’ (*galvóti* ‘думать’) и т. д. Примеры сослагательного наклонения: *tylētu-me* ‘мы бы молчали/чтобы мы молчали’, *tylētu-te* ‘вы бы молчали’, *tylētu* ‘он (они) бы молчали’, *tylēčiau* ‘я бы молчал’, но *tylētum* ‘ты бы молчал’ (значение 2-го лица единственного числа выражено иначе, чем в других наклонениях).

Косвенное наклонение, указывающее на неполную достоверность сообщаемого (значение «отгораживания», или «пересказывательности»), выражается причастиями действительного залога в предикативном употреблении, согласующимися с подлежащим в роде и числе. С изъявительным наклонением косвенное объединяет наличие всего комплекса временных форм — четырех простых (выражены соответствующими временными формами действительных причастий) и восьми сложных (выражены соответствующими причастными формами вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и причастиями настоящего и прошедшего времени спрягаемого глагола): *Senōji džiaūgēsi dār galēšianti pavāikščioti pō žōlē basā* ‘Старуха радовалась, что еще сможет побродить по траве босая’ (букв. ‘...радовалась могущая...’), *Iļ pasijūto dāktaras vienas esāš* ‘И почувствовал себя доктор одиноким’ (букв. ‘...один существующий’), *Mótina pasākē nedūosiāš sūnui leidīmo* ‘Мать сказала, мол, не даст сыну разрешения’ (букв. ‘...сказала будет не давшей разрешения’).

От сложных временных форм изъявительного наклонения формы косвенного наклонения отличаются обязательным отсутствием личной формы вспомогательного глагола (при факультативном отсутствии связки в сложных формах настоящего времени индикатива последние могут оказаться омонимичными простым формам косвенного наклонения), а соответственно и разным способом выражения дейктических временных значений: в косвенном наклонении непосредственное отношение к моменту речи выражается временной формой причастия, а в сложных временных формах — временной формой вспомогательного глагола.

2.3.6. К числу дейктических категорий, в разной степени грамматикализованных в Л.я., относятся категории времени, лица, детерминации (определенности/неопределенности) и некоторые др. средства, ориентирующиеся на временную, пространственную и ролевую характеристику данной коммуникативной ситуации.

В спряжении морфологически различаются простые (синтетические) формы грамматического времени: настоящее, прошедшее однократное, прошедшее многократное и будущее. Различие между двумя прошедшими временами не является дейктическим, а носит аспектуальный характер, противопоставляясь по признаку единичности/повторяемости описываемого события. При этом формы прошедшего многократного всегда выражают повторяемость действия, а формы прошедшего однократного оставляют этот признак невыраженным и могут обозначать повторяемое действие, что не характерно для событийных глаголов (см. 2.3.5.).

Действительные причастия различают формы: 1) настоящего времени (*nešās, nēšantis* ‘несущий’, ж. р. *-i*); 2) прошедшего однократного (*nēšes* ‘нёсший’, ж. р. *nēšusi*); 3) прошедшего многократного (*nēšdavēs* ‘носивший’, ж. р. *nēšdavusi*); 4) будущего (*nēšiās* ‘тот, который будет нести/носить’, ж. р. *nēšianti*). Страдательные причастия различают формы: 1) настоящего времени (*nēšamas* ‘несомый’, ж. р. *nešamā*); 2) прошедшего времени (*nēštas* ‘(при)несённый’, ж. р. *neštā*); 3) будущего времени (*nēšimas* ‘тот, что будет несомым/принесённым’, ж. р. *nešimā*). Семантическое различие между разными временными формами причастий может иметь дейктический характер, непосредственно соотносясь с моментом речи, — таково различие между простыми временными формами причастий, входящими в систему косвенного наклонения (см. 2.3.5.). В других случаях разные временные формы причастий выражают по преимуществу таксисные различия, отличаясь друг от друга главным образом по линии одновременности/предшествования по отношению к событию основной предикации: *Sutikaū šiamė namė gyvėnanti/gyvėnusi sėnī* ‘(Я) встретил живущего/жившего в этом доме старика’.

Смысловые элементы таксисного и аспектуального характера входят соответственно и в значение различных комбинаций вспомогательного глагола с причастными образованиями действительного и страдательного залога, определенная совокупность которых образует систему так называемых сложных временных форм (самостоятельный парадигматический статус всех или части таких форм не признается некоторыми исследователями, считающими их не аналитическими формами, а свободными сочетаниями).

В формировании сложных временных форм участвуют: 1) активное причастие прошедшего времени, образующее в сочетании с соответствующими временными формами вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ четыре ряда «терминативных» («завершительных») сложных форм действительного залога (настоящее, прошедшее однократное, прошедшее многократное и будущее); 2) активное причастие настоящего времени с префиксом *be-*, образующее в сочетании с соответствующими временными формами глагола *būti* три ряда «курсивных» («начинательных») сложных форм действительного залога (здесь неупотребительная теоретически возможная форма настоящего времени); 3) страдательное причастие настоящего времени и 4) страдательное причастие прошедшего времени, образующие соответственно восемь сложных форм страдательного залога (примеры см. 2.4.0.).

Терминативные сложные формы действительного залога обычно выражают относительные темпоральные значения. Настоящее время обозначает совершив-

шея в прошлом действии, результатом которого является состояние, прослеживающееся в настоящем. Иногда это значение близко к так называемому «общезначительному»: *Kàs kar̃ta yrà mātēs sàulēs patekējimā niō Beš Tāu viršūnēs, tās lāimeī ī akis yrà žiūrējēs* 'Кто один раз видел (букв. 'есть видевший') восход солнца с вершины Беш-Тау, тот смотрел (букв. 'есть смотревший') счастьем в глаза'. Прошедшее и будущее время обозначают действие, совершившееся раньше определенной точки отсчета соответственно в прошлом или будущем: *Jōnas žiūrėjo ī jī išsprogdiņēs akis, jis dār nebūvo mātēs, kād jō dēdē rōdytū kōkio nōrs jāusmo žymēs* 'Йонас смотрел (прошедшее однократное) на него, выпучивши глаза, он еще не видел (букв. 'не был выдавший'), чтобы его дядя выказывал признаки какого-либо чувства' — здесь сложная форма *nebūvo mātēs* выражает значение, близкое значению плюсквамперфекта; *Jis būvo pēř dauģ pavaŗģēs īr nusīlpēs īr negalėjo kuō nōrs domētis* 'Он слишком устал и ослаб (букв. 'был слишком уставший и ослабший') и не мог чем-либо интересоваться'; *Seniaī seniaī gyvėno tėvas īr duklė Elenjūtė. Mōtina jāi būvo mirusi. Pō kiek laiko mirė īr tėvas* 'Давным-давно жили отец и дочь Элените. Мать уже умерла (букв. 'была умершая'). Через некоторое время умер и отец'.

Близкое значение результативного состояния выражают сложные временные формы страдательного залога, в состав которых входит пассивное причастие прошедшего времени, также иногда относимые (наряду с формами действительного залога) к разряду терминативных сложных временных форм.

Значения прошедшего многократного и будущего времени имеют стандартное суффиксальное выражение на всем морфологическом пространстве глагола: в сфере личных форм суффикс *-dav(o)*, причастных форм суффикс *-s(i)-*. Стандартное и самостоятельное (отдельное от значения лица) выражение может быть приписано и значениям настоящего и прошедшего однократного времени в сфере личных глагольных форм — для настоящего времени *-a/-θ-*: *dirb-a-me* 'работаем', *dirb-a-te* 'работаете', *dirb-a-θ* 'работает, -ют'; для прошедшего однократного времени *-o/-ē-*: *dirb-o-me* '(мы) работали', *dirb-o-te* '(вы) работали', *dirb-o-θ* '(он/она/они) работал, -а, -и'. Другие формы с менее прозрачной морфологической структурой могут быть выведены из соответствующих исходных структур путем стандартных (морфо)фонологических преобразований.

В причастных образованиях значение настоящего и прошедшего однократного времени выражается совместно со значением активной или пассивной причастности: суффикс *-nt-* является означающим семантических элементов «активности» и «непрошедшести», *-us* — «активности» и «прошедшести», *-m-* — «пассивности» и «непрошедшести», *-t-* — «пассивности» и «прошедшести». Дальнейшие уточнения определяются сочетанием с презентным/непрезентным альтернантом основы и/или наличием в составе формы специальной временной морфемы. Примеры: *mylinti* 'любящая' (презентная основа + суффикс «активной причастности и непрошедшести» + флексия именительного падежа женского рода единственного числа) — *mylė + sianti* 'имеющая любить' (непрезентная основа + футурообразующий суффикс + суффикс «активной причастности и непрошедшести» + флексия именительного падежа женского рода единственного числа).

Категория лица находит формальное выражение в глагольном словоизменении и участвует в классификации личных местоимений.

Глагольная категория лица формируется противопоставлением пяти личных форм, группирующихся следующим образом. По признаку участия в акте речи субъекта действия, названного глаголом, формы 1-го и 2-го лица противопоставлены форме 3-го лица; формы 1-го и 2-го лица указывают на то, что субъект сообщаемого события является одновременно одним из участников речевого события, форма 3-го лица указывает, что субъект соответствующего действия не является участником речи, либо что субъект вообще не мыслится (безличное употребление форм 3-го лица). Первое лицо противопоставлено второму по признаку совпадения субъекта действия с автором речи; этот признак (отсутствие совпадения) объединяет второе лицо с третьим. Формы, традиционно обозначаемые как 1-е лицо единственного числа и 1-е лицо множественного числа, а также 2-е лицо единственного числа и 2-е лицо множественного числа, указывают, что участником описываемого события является соответственно: «автор речи», «автор речи + кто-то еще», «адресат» или «адресат + кто-то еще».

Характерная особенность балтийских языков состоит в том, что значение 3-го лица выражается одной глагольной формой, сочетающейся с существительными или местоимениями как единственного, так и множественного числа: *Jis/jil/jiē/jōs/mōtina/tėvaī lėidžia, sėdi, nōri, gāli, bijo* 'Он/она/они/они (ж. р.)/мать/родители разрешает/разрешают, сидит/сидят, хочет/хотят, может/могут, боится/боятся'.

Значения лица в глагольных словоформах выражаются при помощи терминальных флексий (за которыми может следовать только постфикс возвратности), одних и тех же для разных форм времени и наклонения (в скобках указаны варианты личных окончаний, выступающих в неконечном положении, т. е. перед возвратным постфиксом, после закрытых основ): ед. ч.: 1 л. *-u* (*-uo-*), 2 л. *-i* (*-ie-*); мн. ч.: 1 л. *-me* (*-mė-*), 2 л. *-te* (*-tė-*), 3 л. *-θ*.

В парадигме форм повелительного наклонения отсутствует форма 1-го лица единственного числа, а форма 1-го лица множественного числа выражает более специальное значение по сравнению с аналогичными формами других наклонений: обозначает отнесенное к адресату побуждение к действию, совместному с говорящим. Таким образом, можно говорить о противопоставлении форм 1-го лица множественного числа и 2-го лица по признаку инклюзивности/эксклюзивности (здесь исключение касается автора речи): 1-е лицо множественного числа включает говорящего и слушающего, а 2-е лицо единственного и множественного числа относится только к слушающему/слушающим, исключая говорящего: *eikim(e)* 'идём-ка', 'идёмте' — *eikit(e)* 'идите', *kalbėkim lietūviškai* 'давайте (будемте) говорить по-литовски' — *kalbėkit(e) lietūviškai* 'говорите по-литовски'. К парадигме форм повелительного наклонения может быть причислена реликтовая форма 3-го лица, образуемая префиксом *te-* и суффиксами *-ie*, *-ai*: *teeiniē* 'пусть идёт (идут)', *tedirbiē* 'да работает', *temokai* 'пусть учится', *terāšai* 'пусть пишет (пишут)' и почти полностью вытесненная сочетаниями формы 3-го лица изъявительного наклонения с частицами (префиксом) *tegū(l)*, *tegū*, *te/te-*: *tegyvūoja* 'да здравствует', *tebus* 'пусть будет'. Префикс *te-* может передавать значение, соответствующее частице *tik* 'только': *Mōtina tepāžvelgė ī kėliq* 'Мать только взглянула на дорогу'.

В сфере собственно личных местоимений различаются восемь самостоятельных лексем, традиционно описываемых в терминах пересечения категорий лица,

числа и рода (последний признак морфологически существен только для местоимений 3-го лица): *āš* 'я', *tū* 'ты', *jīs* 'он', *jī* 'она', *mēs* 'мы', *jūs* 'вы', *jiē* 'они', *jōs* 'они' (ж. р. мн. ч.).

К личным местоимениям иногда причисляют формы вежливости: ед. ч. *tāmsta*, мн. ч. *tāmstos* 'Вы' (показатель особой уважительности к собеседнику). Эта лексема, не отличающаяся по морфологическому облику от существительного (общего рода), по синтаксическим свойствам аналогична местоимениям 2-го лица, поскольку сочетается (выступая в форме именительного падежа) с глагольными формами 2-го лица: *Tāmsta čīa nebūsi* 'Вы здесь не будете' (букв. 'Ты (уважаемый мною) здесь не будешь'). Согласование по 2-му, а не по 3-му лицу встречается также для некоторых существительных, называющих собеседника/собеседников: *tik išvažiavai tėtė už vartų...* 'только выехал (2 л. ед. ч.) папа за ворота...'. В современном общенациональном языке функцию вежливого названия не только нескольких, но и одного адресата обычно выполняет местоимение 2-го лица множественного числа *jūs*, согласующееся с одноименной глагольной формой. В этой же функции употребляется определительное местоимение *pāts* 'сам', *patī* 'сама'.

Функцию замещения названия лица, не являющегося участником речевого общения (также названий предметов и ситуаций) могут выполнять указательные местоимения, употребляемые анафорически.

Анафорическую (а не дейктическую) функцию выполняет возвратное местоимение *savęs*, употребляемое в качестве названия лица, кореферентного подлежащему. Падежная парадигма этого местоимения дефектна: в ней отсутствует форма именительного падежа. Местоимение *savęs* не различается по лицу, числу и роду: *Jūs mātē, kād āš miegū, ir šnekė(jo) tarp savęs pakuždomis* 'Они (ж. р. мн. ч.) думали, что я сплю, и разговаривали между собой приглушенно'.

Значения определенности/неопределенности ингерентно присущи различным разрядам местоимений, тогда как соответствующая характеристика предмета, названного существительным, выражается преимущественно вне пределов последнего (при помощи различных детерминативов, отчасти посредством порядка слов) и только в некоторых случаях формой самого существительного (различное падежное выражение прямого объекта, реже — субъекта, для некоторых грамматических разрядов; см. 2.5.3.). Эта категория морфологически выражена в сфере прилагательных, имеющих полную (местоименную) и краткую (простую) форму. Основная функция местоименной формы — выделение предмета из некоторого множества (обычно известного) ему подобных, ср.: *Anā diēnā āš pamečiau raktėlį nuō savo dėžutės ir pasidariau naujā. Šiandieną žiūrū — senās atsirādęs. Dabai nežinau, kās man daryti; ar senąjį raktėlį laikyti, ar naująjį?* 'Третьего дня я потерял(а) ключик от своего ларчика и сделал(а) себе новый (неопределенная форма). Сегодня смотрю — старый (определенная форма) нашелся. Теперь не знаю, что мне делать: держать ли старый (определенная форма) ключик или новый (определенная форма)?'.

Сходные формальные соотношения наблюдаются между простыми и сложными (так называемыми «местоименными») формами местоимений (*tās* 'тот', *tā* 'та' — *tasai*, *tōji*; *šis* 'этот', *ši* 'эта' — *šisai*, *šioji*; *anās* 'тот', *anā* 'та' — *anasai*, *anōji*; *jīs* 'он', *jī* 'она' — *jisai*, *jōji*). Однако как сложные, так и простые формы указательных и личных местоимений обладают семантической определенностью

(внутренняя определенность присуща и личным местоимениям 1-го и 2-го лица, не имеющим сложных форм) и вместе противопоставляются так называемым неопределенным местоимениям.

Ля. обладает богатым набором неопределенных местоимений (и местоименных наречий). Разряды неопределенных местоимений могут различаться по признаку: конкретной референтности/нереферентности (наличию/отсутствию презумпции существования соответствующего объекта); известности/неизвестности говорящему и/или слушающему; определенности; однородности/неоднородности множества, из которого выделяется неопределенное подмножество и т. д. Примеры: *Ji nōri ištektėi už kažkokią studentą* 'Она хочет выйти замуж за **какого-то** студента' (предполагается существование конкретного студента, неизвестного ни говорящему, ни слушающему), *Ji nōri ištektėi už kokią nors studentą* 'Она хочет выйти замуж за **какого-нибудь** студента' (не предполагается существование конкретного студента), *Ji nōri ištektėi už vieną studentą* '...за **одного** студента' (предполагается существование конкретного студента, известного говорящему, но неизвестного слушающему), *Kai kurių studentai moki gerai* 'Некоторые студенты (известного множества) учатся хорошо', *Paimk bet kurią knygą* 'Возьми любую книгу' (предполагается качественная неоднородность множества книг) и т. д.

Таким образом, не обладая грамматической категорией определенности/неопределенности, Ля. располагает богатыми возможностями выражения соответствующих значений. В ряде случаев указательные и неопределенные местоимения выполняют функцию артикля, отличаясь от него более подчеркивающим и факультативным характером. В одних синтаксических позициях эксплицитное выражение значения определенности/неопределенности при помощи местоименных детерминативов является избыточным, в других позициях оно оказывается более или менее обязательным: *Vieną senelę ėjo avių ganyti* 'Одна старушка пошла пасти овец' (нулевой детерминатив при существительном в позиции синтаксической безударности: *Senelę ėjo avių ganyti* 'Старушка пошла пасти овец' воспринимался бы как показатель определенности), *Vienas karalius nuolatōs sirgo liūdesio ligā* 'Один король постоянно страдал от тоски' (*Karalius nuolatōs sirgo...* без детерминатива было бы уместно лишь как сообщение об уже известном короле), *Vieną našlaitę turėjo pikta pāmote, o tōji pāmote turėjo ir savo dukterį* 'Одна сирота имела злую мачеху, а та мачеха имела и свою дочь' (здесь детерминатив *tōji* 'та' избыточно выражает определенность, уже выраженную синтаксической позицией). В позиции синтаксической ударности (характерной для именных групп со значением неопределенности) указательное местоимение, сигнализирующее об известности предмета, является более необходимым, а неопределенное местоимение типа *vienas* 'один' — избыточным.

Внутри указательных местоимений проводится еще одно разграничение дейктического характера, определяемое с помощью пространственного (или временного) понятия относительной близости к говорящему. Местоименные лексемы *šis*, *ši*, *šitas/šitā* 'этот', 'эта' указывают на более близкий, а *anās*, *anā* 'тот', 'та' — более отдаленный предмет: *Anās māno, kād Diēvą už barzdōs nutvėrė, šitas — kād vėlniā už uodegōs pagāvo. Šis laiko ragus, anās mėlžia* 'Тот думает, что Бога за бороду схватил, этот — что черта за хвост поймал. Этот держит за рога, тот доит'. Местоимение *tās*, *tā* является немаркированным по данному признаку, оно упо-

требуется значительно чаще первых двух, обычно в функции анафорического элемента и в функции артикля: *Kā pasēsi, tā ir pjāusi* 'Что посеешь, то и пожнешь'; *Karālius tāre: Bēt tū, žmogēli, šitōs mīslēs niēkam nepasakyk... Paskēlbē karālius, kād dūosiąs puikų dvārą dovanų tam kās imiņsiąs vieną mīslę. Ir suvažiāvo daugybē didikų, ō karālis užminē tā mīslę* 'Король произнёс: «Но ты, человек, этой загадки никому не загадывай (букв. 'не скажи')»... Объявил король, что даст прекрасное поместье в подарок тому, кто отгадает одну (некую) загадку. И сёхалось множество вельмож, а король загадал (букв. 'ту') загадку'.

Сходное разграничение проводится внутри ситуационно связанных локативных и темпоральных наречий: *čīa* 'здесь', 'сюда' — *teñ* 'там', 'туда', *dabañ* 'теперь', 'сейчас' — *tadā* 'тогда', а также: *šiāpus* 'по эту сторону' — *anāpus* 'по ту сторону', *nakčīa* 'ночью' — *šiānakt* 'в эту ночь' — *tānakt* 'в ту ночь', *šīmet*, *šiēmet* 'в этом году' — *pėrnai* 'в прошлом году' (ср. *tuomēt* 'тогда', 'в то время'), *šiañdien* 'сегодня' — *rytoj* 'завтра' — *vākar* 'вчера' (ср. *tādien* 'в тот день', *anādien* 'намедали', 'на днях'), *šišyk*, *šīkart* 'в этот раз' — *tuōkart*, *tākart*, *tāšyk*, *tuōšyk* 'тогда', 'в тот раз', *šiāžiem* 'в эту зиму' — *pėrnai žiēmą* 'прошлой зимой' и др.

Каузальные и целевые наречия *todēl*, *dēl to* 'поэтому', 'потому', *tām* 'для того/для этого' выполняют только анафорическую функцию; *tōl*, *tōlei*, употребляется в катафорически темпоральном значении «до тех пор, до этого времени»: *tōl dirbisme, kōl baigsime darbą* 'будем работать до тех пор, пока не закончим работу' и дейктически в пространственном значении: *vandēns būvo ligi tōl* 'воды было посюда'.

Дейктический элемент, содержащий отсылку к моменту речи, включен в значение отрицательной проклитики *nebe/nebe-*, представляющей собой сочетание отрицательной частицы (префикса) *ne-* с частицей-префиксом *be/be-*. В значение предложений с *nebe/nebe-* входит пресуппозиция наличия ситуации, описываемой соответствующим неотрицательным предложением, в момент (период) времени, предшествующий моменту речи: *Aš nebeturiū kėleto rūblių* 'У меня уже нет (не хватает) нескольких рублей'. Ср. невозможность **Aš neturiū kėleto rūblių* 'У меня нет (букв. 'я не имею') нескольких рублей', поскольку в значение неопределенно-количественного *kėletas* входит пресуппозиция существования.

Отрицание использует морфологический способ префиксации — присоединение к глагольной форме отрицательной приставки *ne-*. Присоединяясь к возвратным формам, *ne-* ведет себя как префикс — превращает возвратный постфикс *-s(i)* неотрицаемого глагола в возвратный постпрефикс (см. 2.5.1.): *mókos(i)* 'учится' — *nesimóko* 'не учится' (как *reñgtis* 'готовиться' — *pasireñgti* 'подготовиться' и т. п.).

Морфема отрицательности имеет стандартное означающее, характеризуется наибольшей экстенсивностью среди всех глагольных морфем (сочетаясь с любыми глагольными формами, как личными, так и неличными) и занимает в структуре глагольной формы наименее центральное положение: отрицательная приставка всегда предшествует любой другой глагольной приставке (если она есть), заслуживая наименования «пре(пре)фикса».

В построении эмфатических конструкций нередко принимают участие разного рода усилительные частицы *gi* 'же', *nā* 'ну' и др., а также приближающиеся к ним по типу употребления вопросительно-относительные местоимения и союзы; см. 2.5.3.

2.3.7. В Ля. обычно выделяют следующие части речи: знаменательные — существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие; служебные — предлог, союз, частица, междометие, идеофоны. Знаменательные части речи, кроме наречий, — изменяемые.

Существительные различаются по родам и изменяются по числам и падежам. Категория одушевленности/неодушевленности отсутствует.

О роде существительных см. 2.3.2.

Словоизменительная категория числа существительных выражена противопоставлением единственного и множественного числа, см. 2.3.3. Система склонения существительных описана в 2.4.0.

Прилагательное отличается от существительного несамостоятельным (согласовательным) характером словоизменительных категорий рода, числа и падежа и наличием специально адъективной категории определенности/неопределенности, выраженной местоименной формой (см. 2.3.6.). Местоименные прилагательные сохраняют самостоятельные флексии прилагательного и местоимения *jis*, *jì*, *jiē*, *jōs* (*gėro* + *jō* > *gėrojo* 'хорошего'). Прилагательные согласуются с существительными в формах мужского и женского рода и не согласуются в форме среднего рода, так как последняя отсутствует у существительных. На словообразовательном уровне прилагательное отличается от существительного наличием степеней сравнения, свойственных только качественным прилагательным. Из относительных прилагательных только прилагательные с суффиксом *-utinis* имеют степень сравнения: *viršutinis* 'верхний' — *viršutiniąsias* 'самый верхний'. Степени сравнения качественных прилагательных мужского, женского и так называемого среднего рода (см. 2.3.2.) имеют одинаковые суффиксы и отличаются лишь флексиями. Примеры: *aukšt-as* (-ā) 'высокий (-ая)' — *aukšt-ėsn-is* (-ė) 'более высокий (-ая)' — *aukšč-iaus-ias* (-ia) 'высочайший (-ая)', 'самый высокий'; *gard-ūs* (-i) 'вкусный (-ая)' — *gard-ėsn-is* (-ė) 'более вкусный (-ая)' — *gardž-iaus-ias* (-ia) 'вкуснейший (-ая)'. Прилагательные среднего рода в компаративе имеют суффикс *-iaū*: *aukščiaū* 'выше', *gardžiaū* 'вкуснее'. В превосходной степени аффиксы прилагательных среднего и женского рода совпадают (*aukšč-iausia* 'высочайшая' и 'высочайшее'), при этом прилагательные среднего рода не склоняются, поскольку не согласуются с существительными. Отдельные прилагательные имеют индивидуальные особенности при образовании степеней сравнения. Прилагательные, образованные от существительных *vyras* 'муж' и *viršus* 'верх', не обладают формой положительной степени, употребляясь лишь в сравнительной и превосходной: *vyrėsnis* (-ė) 'старший (-ая)' — *vyrčiausias* (-ia) 'главный (-ая)'; *viršėsnis* (-ė) 'высший (-ая)' — *viršiausias* (-ia) 'самый старший по чину', 'главный'; лишь в форме превосходной степени существует слово *galčiausias* 'самый последний' от *gālas* 'конец'.

Отдельно выделяются прилагательные со словообразовательно выраженной степенью проявления признака, например: уменьшительная форма компаратива, образующаяся с помощью аффикса *-ėlesn-* и флексий *-is-*, *-ė-*; в обозначении степени признака занимает промежуточное положение между положительной и сравнительной степенью. Употребительны все три рода: *māžas* 'маленький' — *mažėlesnis*, *mažėlesnė* 'чуть (слегка) меньший, -ая' — *mažėliaū* 'меньше'.

Местоимения подразделяются на следующие логико-семантические разряды: дейктические, анафорические, кванторные (см. 2.3.6.).

По семантическим основаниям в Л.я. выделяются местоимения:

1) личные *āš* 'я', *mēs* 'мы', *tū* 'ты', *jūs* 'вы', *tāms, tāta* 'Вы (вежливая форма)', *jis* 'он', *jī* 'она', *jōs* 'они' (ж. р.), *jiē* 'они'. Формы родительного падежа личных местоимений *māno* 'мой', 'моя', *tāvo* 'твой', 'твоя', *sāvo* 'свой' выражают посессивные отношения;

2) возвратное *savēš* 'себя' и взаимно-возвратные *vienas kitā (aņtra), kitas kitā* 'друг друга';

3) притяжательные: узуальны местоименные формы *manāsis, -ōji* 'мой', 'моя', *tavāsis, -ōji* 'твой', 'твоя', *savāsis, -ōji* 'своя', 'своя'. В значении притяжательного выступает также вопросительное местоимение *kās* 'кто', 'что' в форме родительного падежа: *kienō* 'чей', 'чья', 'чьи' и его производное *niēkieno* 'ничей', 'ничья', 'ничи';

4) указательные *tās* 'тот', *šis* 'этот', *anās, -a* 'тот', 'та', *tās pāts* 'тот самый', *pāts tās* 'именно тот';

5) вопросительно-относительные: *kuris, -i* 'который, -ая (из нескольких)', *katrās, -a* 'который, -ая из двух', м. р. *keli* 'сколько', 'несколько', м. р. *keleri* 'сколько', 'несколько' (о парных предметах), *keliņtas, -a* 'который, -ая подряд'. Местоимения этого разряда выполняют двойную функцию: как вопросительные — в вопросительных предложениях, как относительные — в качестве союзного средства в сложноподчиненных предложениях;

6) неопределенные: а) собственно-неопределенные местоимения, которые образованы от вопросительных с помощью префиксов *kaž-, kit-*, препозитивных частиц *kažin, kaži, kāi, bēt*, постпозитивной частицы *nōrs*, частицы *ne* в интерпозиции повторяющихся вопросительных местоимений: *kažkās* 'кто/что-то', *kažin kās* 'некто', 'нечто', *bēt kōks, -ia* и *bēt kās* 'любой', а также слова м. р. *vienas kitas* 'некоторые', *vienas, -a* 'один', 'одна', *tōks, -ia* 'какой-то, -ая-то', *šis tās* 'кое-что', *šiōks tōks* 'кое-какой/кое-какая'; б) неопределенно-отличительные: *kitas, kitkas* 'другой', *kās kita* 'совсем другое', *tām tikras, -a* 'определенный, -ая' и др.; в) неопределенно-обобщенные (положительные и отрицательные): *visas, -a* 'весь', 'вся', 'полный, -ая', *aliāi viēnas, -a* 'все до последнего', *tūlas, -ā* 'частый, -ая', *daūg kās* 'многие' и *niēkas* 'никто', 'ничто', 'ни тот ни другой', 'ни то ни другое', *jōks, -iā* 'никакой, -ая', 'ни такой, ни такой' и др.;

7) определительное местоимение *pāts* 'сам', *patī* 'сама'; также выполняет функцию усилительного слова при существительном или личном местоимении: *Studeņtai patēnkinti tuō, kād visās dainās sukūrē jiē pātys* 'Студенты довольны тем, что все песни сочинили они сами', *Pāts Diēvas tō nežino* — 'Сам Бог этого не знает'.

По частеречной принадлежности и синтаксическим функциям местоимения Л.я. делятся на местоимения-существительные, местоимения-прилагательные с формантом *-ōk-* (м. р. *-ōks*, ж. р. *-okiā*) и субстантивно-адъективные местоимения.

Ч и с л и т е л ь н ы е в Л.я. — слова с количественно-числовым и счетно-порядковым значением, а также значением совокупности. Количественные: *vienas* 'один', *dū* 'два', *trīs* 'три', *keturi* 'четыре', *penki* 'пять', *šeši* 'шесть', *septyni* 'семь', *aštuoni* 'восемь', *devyni* 'девять', *dēšimt* 'десять'. Числительные от одного до девяти обладают морфологически выраженной категорией рода. О так называемых «множественных» числительных см. 2.3.3. Собираательные числительные (производные от множественных): *dvējetas* 'двое', 'двойка'; *devynetas* 'десятеро',

'девятка'. Кроме значения 'совокупность предметов' собираательные числительные в Л.я. обозначают приблизительное число: *Jis čiā laņkēsi priēš septyneta mētū* 'Был он тут лет семь (букв. 'семеро') назад'. Слово *vienetas* 'единица' употребляется как существительное. В форме двойственного числа употребляются числительные *abū* и *abūdu* 'оба', *abi* и *abidvi* 'обе'. Дробные числительные представляют собой словосочетание, первым компонентом которого является количественное числительное в форме женского рода, именующее часть, а вторым — местоименная форма порядкового числительного женского рода, именующего количество частей: *vienā trečioji (dalis)* 'одна третья (часть)', *devynios dešimtosios (dālys)* 'девять десятых (частей)'. В современном Л.я. основа *dalis* используется для образования сложных слов, обозначающих дробные величины: *trėčdalis* 'одна треть' (букв. 'третья часть'), *dvyliktādalīs* 'одна двенадцатая', *dvidešimtādalīs* 'одна двадцатая', *tūkstantādalīs* 'одна тысячная'. Для обозначения величины «1/2» употребляется существительное в форме женского рода *pūsė* 'половина'. Значения дробных величин также передают сочетания слов, имеющие количественное значение: *septyni sveiki iř aštuonios deviņtosios* 'семь целых и восемь девятых'.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-tas*, (ж. р. *-ta*): *penktas* 'пятый', *devyniasdešimtas* 'девяностый'. Числительные *pirmas* 'первый', *añtras* 'второй' образованы от количественных супплетивно; у числительных от трех до десяти происходят чередования в корне: *trīs* 'три' — *trėčias* 'третий'; *keturi* 'четыре' — *ketviřtas* 'четвертый'; *septyni* 'семь' — *septiñtas* 'седьмой'; *aštuoni* 'восемь' — *aštuñtas* 'восьмой'; *devyni* 'девять' — *deviñtas* 'девятый'. Порядковые числительные обладают категорией среднего рода: *pirma* 'первое', *añtra* 'второе' и т. д., а слово *pirmas* 'первый' обладает морфологически выраженными степенями сравнения: *pirma* 'первое' (положительная степень) — *pirmiaū*, букв. 'первее' — *pirmiausia*, букв. 'наипервейше'.

По структуре числительные делятся на 1) простые: а) непроизводные *vienas* 'один', *penki* 'пять', *šiñtas* 'сто', *pirmas* 'первый' и т. д., б) производные *penketas* 'пятеро', 'пятерка', *penktas* 'пятый', *ketveri* 'четверо' и т. д.; 2) сложные, образованные из двух числительных или другой знаменательной части речи и числительного. Числительные от одиннадцати до девятнадцати образованы от соответствующего простого числительного и компонента *-lika*, восходящего к глаголу *likti* 'остаться' (*vienioliika* 'одиннадцать'). Названия десятков образованы простым числительным в форме винительного падежа и основой слова *dėšimt-* (*kėturiāsdešimt* 'сорок'). Сложными словами являются порядковые числительные, обозначающие сотни (*dušimtas* 'двухсотый'), а также дробные числа (*šeštādalīs* 'одна шестая', *pusanthro* 'полтора'); 3) составные (*šiñtas dū* 'сто два', *tūkstantis aštuoni šiñtai deviñtas* 'тысяча восемьсот девятый').

Выделяется два разряда наречий: характеризующие и обстоятельственные, с дальнейшим подразделением на более дробные группы. Среди характеризующих выделяется, в частности, группа качественных наречий на *-(i)ai*, образованных от качественных (не относительных) прилагательных: *aukštas* 'высокий' — *aukštaī* 'высоко', *gražus* 'красивый' — *gražiaī* 'красиво', *baisus* 'страшный' — *baisiai* 'страшно' и др. Эти наречия образуют формы сравнительной (суф. *-iau*) и превосходной степени (суф. *-iausiai*): *aukščiau* 'выше' — *aukščiausiai* 'выше всех', *gražiaū* 'красивее' — *gražiausiai* 'красивее всего (всех)'.

Особо выделяются местоименные наречия, которые, подобно местоимениям, могут быть подразделены на свойственные последним разряды:

- личные (*manaĩp* 'по-моему', 'как свойственно мне', *tavaĩp* 'по-твоему');
- возвратные (*savaĩp* 'на свой лад', 'по-своему');
- указательные (*taĩp* 'так', *šiaĩp* 'сяк', *anaĩp* 'эдак', *čia* 'здесь', *čionaĩ* 'сюда', *teĩ* 'там', 'туда', *tada* 'тогда', *šiuõkart* 'в этот раз', *anõkart* 'в тот раз');
- определительные (*visaĩp*, *visokeriõpai* 'всячески', 'всяко', *visada* 'всегда', *visuĩ* 'всюду', 'везде');
- отрицательные (*niẽkaĩp* 'никак', *niekadà* 'никогда', *niẽkur* 'нигде', 'никуда');
- неопределенные (*kažkaĩp* 'как-то', *kaĩp nõrs* 'как-нибудь', *bèt kaĩp* 'как угодно', 'любым способом', *kažkuĩ* 'где-то', 'куда-то', *kuĩ nõrs* 'где-нибудь', 'куда-нибудь', *bèt kuĩ* 'в любом месте', 'где попало', *kažkadà* 'когда-то', *kadà nõrs* 'когда-нибудь', *bèt kadà* 'в любое время', *kažkodēl* 'почему-то', *kel(er)iaĩp* 'несколькими способами');
- вопросительные (*kaĩp* 'как', *kuĩ* 'куда', 'где', *kadà* 'когда', *kodēl* 'почему', *keliaĩp* 'сколькими способами', *keliese* 'в каком количестве (о людях)' и др.).

Для наречий Л.я. характерна соотносительность со всеми знаменательными частями речи: прилагательными и существительными (примеры даны выше), числительными (*dvejaĩp* 'двойко', *trejaĩp* 'тройко', *penkeriaĩp* 'пятью способами', *šešeriaĩp* 'шестью способами' и т. д., *trečiaĩp* 'третьим (отличным от других) способом', *Dirbau venaĩp*, *kitaĩp ir trečiaĩp*, букв. 'Я работал одним способом, другим способом, третьим способом', *penkiese* 'впятером', *šešiese* 'вшестером', *šinteriõpai* 'в сто раз', 'сторицей', *trečiuĩ* 'в третьем месте', *Žiūrėjau vienuĩ, kituĩ, treciuĩ — nērà* 'Смотрел в одном, другом, третьем месте — нету', *keturiese* 'вчетвером', *dešimtiese* 'вдесятером' и др.); местоимениями (*múšiškai* 'по-нашему', *júšiškai* 'по-вашему', *sàviškai* 'своеобразно' и др.); глаголами (*võgti* 'красть' — *vogčia*, *vogčiom*, *vogčiomis* 'украдкой' и др.); особый тип отглагольного наречия представляет так называемый глагольный определитель, в некоторых описаниях Л.я. трактуемый как неизменяемая словоформа глагола: *šauktē* (*šaukia*) 'криком кричит', *gul(ē)tinai* (*guli*) 'в лёжку лежит', *džiaugtē* (*džiaugēs*) 'был рад-радехонек'.

Глагол обладает морфологическими категориями времени, залога, наклонения, лица, числа (см. 2.3.1.—2.3.6.); о выражении аспектуальных значений глагола см. 2.3.5. В современном Л.я. различается два основных разряда глагольных форм: спрягаемые, изменяющиеся по лицам и наклонениям, и неспрягаемые. Основными формами глагола, от основ которых образуются все другие спрягаемые формы, являются инфинитив, 3-е лицо настоящего времени, 3-е лицо прошедшего однократного времени (*augti* 'расти', *auga* 'растет', *augo* '(он) рос'). (В 3-м лице глагольные формы Л.я. не различаются по числу и роду, поэтому здесь и далее в русском переводе указывается только вариант мужского рода единственного числа.) По структуре основные формы глагола подразделяются на:

- 1) первичные (основы всех форм равны корню): а) *ār-ti* 'пахать', *ār-ia* 'пашет', *ār-ē* '(он) пахал'; б) с чередованием основ: *žaiš-ti* 'играть', *žaidž-ia* 'играет', *žaid-ē* '(он) играл'; *gáu-ti* 'получить', *gáun-a* 'получает', *gāv-o* '(он) получал'; *eĩ-ti* 'идти', *eĩn-a* 'идет', *ēj-o* '(он) шел';
- 2) смешанного типа (основы некоторых форм включают суффикс): *sēd-ē-ti* 'сидеть', *sēd-i* 'сидит', *sēd-ēj-o* '(он) сидел'; *raš-ý-ti* 'писать', *raš-o* 'пишет', *rāš-ē* '(он) писал';

3) суффиксальные (основы всех форм включают суффикс): *gyv-én-ti* 'жить', *gyv-én-o* 'живет', *gyv-én-o* '(он) жил'; *asmen-uõ-ti* 'спрягать', *asmen-uõ-a* 'спрягает', *asmen-āv-o* '(он) спрягал'.

По основам настоящего времени выделяются три спряжения:

I спряжение — с основой на *-(i)a* (*kāla* 'куёт', *kēlia* 'поднимает');

II спряжение — с основой на *-i* (*mýli* 'любит', *tiksi* 'тикает');

III спряжение — с основой на *-o* (*kāso* 'чешет', *klūpo* 'стоит на коленях').

По особенностям основ настоящего и прошедшего однократного времени и взаимоотношениям основ глаголы, принадлежащие к I и III спряжениям, делятся на группы.

I спряжение делится на четыре группы:

1) настоящее время — основа на *-a*, прошедшее однократное время — на *-o* (*rañda* 'находит' — *rādo* '(он) нашёл'; *pýksta* 'злится' — *pýko* '(он) злился'; *sùpa* 'крутит' — *sùpo* '(он) крутил');

2) настоящее время — основа на *-a*, прошедшее однократное время — на *-ē* (*mēta* 'бросает' — *metē* '(он) бросал'; *trina* 'трёт' — *trýnē* '(он) тёр'; *pjáuna* 'режет' — *pjové* '(он) резал');

3) настоящее время — основа на *-ia*, прошедшее однократное время — на *-ē* (*baigia* 'кончает' — *baigē* '(он) кончил'; *reñgia* 'готовит' — *reñgē* '(он) готовил'; *lēkia* 'летит' — *lēkē* '(он) летел');

4) настоящее время — основа на *-ia*, прошедшее однократное время — на *-o* (*keñčia* 'терпит' — *kentėjo* '(он) терпел'; *leidžia* 'позволяет' — *leido* '(он) позволял'; *reikia* 'требуется' — *reikėjo* '(он) требовался').

Ко II спряжению относятся глаголы с окончанием в настоящем времени *-i*, в прошедшем однократном времени *-o* (*gāli* 'может' — *galėjo* '(он) мог'; *girdi* 'слышит' — *girdėjo* '(он) слышал'; *turi* 'имеет' — *turėjo* '(он) имел').

III спряжение делится на две группы:

1) в настоящем времени *-o*, в прошедшем однократном времени *-ē* (инфинитив *-yti*: *daũzo* 'бьёт' — *daũžē* '(он) бил'; *rāšo* 'пишет' — *rāšē* '(он) писал'; *spārdo* 'лягает' — *spārdē* '(он) лягал');

2) в настоящем времени *-o*, в прошедшем однократном времени *{ojo}* (*bijo* 'боится' — *bijójo* '(он) боялся'; *žino* 'знает' — *žinójo* '(он) знал'; *sáugo* 'хранит' — *sáugojo* '(он) хранил').

К неличным формам глагола относятся инфинитив, причастие, полупричастие, деепричастие, а в восточноаукштайтском диалекте — супин, совпадающий с формой 3-го лица сослагательного наклонения: *nėš-ti* 'нести', *nėš-tų* '(чтобы) нести' (суф. *-tų*).

Инфинитив характеризуется аффиксом *-ti* или *-t* (краткая форма аффикса, широко употребляется в разговорной речи), у возвратных глаголов *-tis*, который присоединяется к основе на согласный, долгий гласный (*o*, *é*, *y*), дифтонг или дифтонгическое сочетание. Участвует в образовании аналитических конструкций с глаголами, а также выражает процессуальный признак при 1) фазовых формах глагола (*pradėti dirbti* 'начать работать', *baigti rašyti* 'кончить писать'); 2) модальных (*galėti* 'мочь', *bandyti* 'пытаться'); 3) при отглагольных существительных (*bañdymas pabėgti* 'попытка убежать'). Диапазон употребления инфинитива в Л.я. широк, как и в других индоевропейских языках, однако некоторые падежные

формы существительных образуют с инфинитивом синтаксические конструкции, характерные только для Л.я: «дательный падеж + инфинитив» (*Žemė netiko žmonėms gyvėti* 'Земля была непригодна для жизни людей', букв. 'людям жить'); «родительный падеж + инфинитив» (*Jis atėjo knygą skaityti* 'Он пришел книгу читать'); инфинитив может употребляться со значением цели: *vieta apsisitoti* 'место (для) остановиться', букв. 'место остановиться'. Инфинитив со значением объекта замещает имена существительные в соответствующих падежах: *Pasiėmė valgyti iš gėrti* 'Взял с собой есть и пить'. Инфинитивы глаголов восприятия употребляются с формой винительного или именительного падежа с глаголом-связкой *būti*: *Nuò kálno (yrà) matyti èžeras* 'с горы видно озеро (им. п.)', ср. *Galėjai matyti èžerą* '(Ты) мог видеть озеро (вин. п.)'. Однако в современном Л.я. существует тенденция замены инфинитива возвратной формой глагола: *Nuò kálno mātėsi èžeras* 'С горы виднелось озеро', букв. 'виделось озеро'.

Глагол характеризуется богатством различных причастных образований, имеющих широкое синтаксическое употребление.

Причастие является единственным средством залоговых противопоставлений. Причастия участвуют в образовании аналитических форм времен и наклонений; система времен достаточно развита (см. 2.3.5., 2.3.6.). Из семи форм причастий (четыре в активном залоге и три — в пассивном) наиболее широко употребляется причастие в форме прошедшего однократного времени. Причастия сохраняют модели управления глагола. По характеру синтаксических связей различаются три типа употребления причастий: атрибутивное, полупредикативное и предикативное. Атрибутивные причастия согласуются с существительным, обозначая признак предмета и отражая действие, протекающее в настоящем, прошедшем однократном или будущем времени. Атрибутивные причастия действительного залога: *bėgantis berniukas* 'бегущий мальчик', *bėganti mergaitė* 'бегущая девочка' (признак результативности действия), *pabėgęs žvėris* 'убежавший зверь', (ж. р.) *pabėgusi laimė* 'убежавшее счастье', *ateisiantis žmogus* 'человек, который придет'; атрибутивные причастия страдательного залога: *mylimas dėstytojas* 'любимый преподаватель', *žinoma knyga* 'известная книга', букв. 'знаемая', *virta višta* 'вареная курица', *mokytas žmogus* 'ученый человек', букв. 'обученный', *Aptarėme dirbamus ir dirbsimus darbus* '(Мы) обсудили работы, которые выполняются и будут выполняться'. Неупотребительны атрибутивные причастия прошедшего многократного действия. Причастия в полупредикативном употреблении синтаксически связаны и с глаголом, и с существительным (местоимением), обозначая побочное действие, выполняемое субъектом основного действия: *Jis nesijautė nieko bloga padaręs* 'Он не чувствовал, что сделал что-то плохо/плохое', букв. 'Он не чувствовал ничего плохого сделавший', *Ponas skundėsi esą nesveikas: negalės daug valgyti, todėl važiuojas į šiltus vandenis* 'Господин жаловался, что нездоров: не может много кушать, поэтому поедет на теплые воды', букв. '...жаловался, являясь нездоровым: не могущий...'. Действительные полупредикативные причастия выражают косвенное наклонение (см. 2.3.5.): *Šleicheris buvo labai gabus gyvajai kalbai: jis pats sakėsi turįs «papūgos talentą»* 'Шлейхер был очень способным к живым языкам: он сам говорил, якобы имеет «талант попугая»'.

Специфическую для Л.я. конструкцию со значением обстоятельства образует форма именительного падежа причастия прошедшего однократного, координи-

руемая со сказуемым: *Jonas, perskaitęs laišką, pasakė...* 'Йонас, прочитавший письмо, сказал...'.

Специфическую общепричастную конструкцию образуют действительные причастия настоящего времени с местоимением *kas* в форме именительного падежа: *nėra kas paskaitas skaityti* 'некому лекции читать', букв. 'нет, кто лекции читающий'. Предикативные причастия согласуются с именами и местоимениями в функции подлежащего, заменяя личные формы глагола. Только предикативно употребляются причастные формы среднего рода, главным образом в безличных предложениях: *Šią vasarą, sąko, labai esą grybų (būve, būdave)* 'Этим летом, говорят, есть очень много грибов (было, бывало)'. Предикативно употребляются страдательные причастия в формах среднего рода, сочетаясь с родительным падежом существительных и местоимений, выражающих субъект действия; такие конструкции передают значение неожиданно воспринятого или вызывающего удивление действия: *Ėglės marškinių rankovėje žaltys begulīs = Ėglės marškinių rankovėje žalčio begulima* 'В рукаве рубашки Эгле (вдруг) лежит уж', букв. 'лежащий уж' и букв. 'ужа лежимо'. Действительные причастия прошедшего времени, употребляемые с глаголами, обозначающими окончание действия, имеют то же значение, что и инфинитив: *liaukis verkusi* 'перестань плакать', букв. 'перестань плакавшая'.

Полупричастие — особая полупредикативная форма действительных причастий настоящего времени, образуемая от инфинитива с помощью суффикса *-dam-*, обладает значением второстепенного действия, производимого субъектом главного действия; согласуется с существительным в роде и числе: *Motina sėdėdama prie lango siuvinėjo* 'Мать, сидя у окна, вышивала'.

В предложении полупричастие чаще всего имеет различные обстоятельственные значения: обозначает время, характер, причину, условие, уступку, цель основного действия: *Visi valgydami blynus gyrė šeiminiūnę* 'Все, кушая блины, хвалили хозяйку'.

Полупричастия могут иметь возвратные формы: *kreipdamasis* 'обращающийся', *kreipdamasi* 'обращающаяся', *kreipdamiesi* 'обращающиеся', *kreipdamosi* 'обращающиеся' (ж. р.). Формант суффикса полупричастия *-ma* исторически соответствует суффиксу страдательных причастий настоящего времени, ср. *nėšdamas*, *-à* 'несущий, -ая' и *nėšamas*, *-à* 'носимый, -ая'.

Деепричастие — неизменяемая форма глагола — противопоставлено причастиям соответствующих времен. Как и глагол, деепричастие обладает процессуальным значением и морфологическими категориями времени и возвратности (*pasidominti, domintis* 'интересоваться'). Деепричастие обозначает второстепенное действие, производитель которого не совпадает с субъектом главного действия. Значение четырех времен у деепричастия устанавливается по отношению ко времени главного действия. Выделяются настоящее, прошедшее однократное и многократное, будущее времена, образованные суффиксами, соответственно: *-ant/-int*, *-us*, *-dav-us*, *-si-ant*: *ateinant* 'приходя', *atėjus* 'придя', *ateidavus* 'часто приходивши', *ateisiant* 'приходя в будущем'. Деепричастия сохраняют модели управления глагола. По характеру синтаксических связей различаются два типа употребления деепричастий: адвербиальное и изъяснительное. Для Л.я. характерно образование деепричастий от безличных и безлично употребляемых глаго-

лов: *Tēmstant pašālo* 'Когда стало темнеть, похолодало', букв. 'темнея, похолодало'. Используются все временные формы деепричастий: *Kuŗ girdējai gaidziūs lōjant*, *šunis giedant* 'Где (ты) слышал петухов лающих (букв. 'лая'), собак поющих (деепричастие настоящего времени)', *Parējo namō iŗ rādo sūnc ūzgimtus* 'Пришел домой и обнаружил, что сын родился', букв. 'сына родившись', *Jis prāneša žmōgū ateīdavus sū reīkalu* 'Он сообщает, что человек захаживал (букв. 'человека приходявши много раз') по делу', *Kaīp jauti tēva pasieļgsiant?* 'Как, потвоему, отец поступит?', букв. 'Как ты чувствуешь отца поступивши (в будущем?)'.

Литовские деепричастия адвербиализуются: *bemātant* 'сейчас же', букв. 'мне (ему) видя'; *veŗkiant* 'обязательно', 'слёзно необходимо', букв. 'плача'; *netrukus* 'вскоре', букв. 'не длясь (не продолжаясь)'. Адвербиализованные деепричастия выступают в роли предлогов *neskaitant* 'не считая', *iŗskýrus* 'за исключением', 'кроме', *nepáisant* 'несмотря на'.

Предлоги. В современном Ля. роль предлогов возрастает; ср. более архаичную глагольную конструкцию с существительным в форме аккузатива и более новую соответствующую ей конструкцию с предлогом: *senatvė nepaeīna — iŗ senātės nepaeīna* 'от старости идти не может'. Корреляция некоторых предлогов со знаменательными словами еще достаточно прозрачна: *lińk* 'по направлению' (диал. *linkań, lińkui, lińkais*) — *linkmė* 'направление', *aplinka* 'окружение'; *tiės* 'над', 'около', 'у' — *tiėsti* 'протягивать', *tiesūs* 'прямой'.

По способу образования выделяются: непроизводные предлоги — *ańt* 'на', *dėl* 'из-за', *iki* 'до', *pō* 'после', *priė* 'около', *prō* 'мимо'; производные предлоги — *abipus*, *abipusiai* 'с обеих сторон', 'по обе стороны'; *aplińk(ui)* 'вокруг'; *pāskui* 'следом', 'вслед за'; *gretā* 'рядом', 'наряду', 'возле'; *viėtoj* 'вместо (кого, чего)' и др. Будучи преимущественно адвербиально мотивированными, производные предлоги также употребляются и в функции наречий, за исключением кратких форм *tiės* 'над (кем, чем)', *viŗš* 'поверх', *vidur* 'среди', 'внутри', а также предлогов *anót* 'по словам', *pasāk* 'по словам', 'согласно сообщению', *pagal* 'вдоль', 'по', 'согласно', 'сообразно', 'в соответствии', *taŗp* 'между', 'среди', *dėkà* 'благодаря'. Возможна и обратная закономерность: в функции предлогов употребляются знаменательные слова — существительные в форме местного падежа (*šōne kėlio* 'сбоку от дороги', *priėky veŗimo* 'впереди вoзà', *uŗpakalỹ kolōnos* 'позади колонны') и существительные в форме творительного падежа (*kāro metu* 'во время войны').

По структуре предлоги делятся на простые (односложные и многосложные), см. выше, и немногочисленные составные: *iŗ pō* 'из-под', *iŗ ūŗ* 'из-за', *i anāpus* 'в ту сторону', *iŗ anāpus* 'с той стороны', *uŗ anāpus* 'за ту сторону': *Milda iŗ anāpus ėzero ateīna (i anāpus ėzero, uŗ anāpus nuėjo)* 'Милда с той стороны озера идет (на ту сторону озера, за ту сторону озера ушла)'.

В современном Ля. большинство предлогов многозначны и почти все употребляются с одним из трех падежей: родительным, винительным, творительным (преимущественно с родительным). Исключения: предлог *pō* 'по', 'под', 'после', 'за', употребляется со всеми тремя падежами, предлог *uŗ* 'за' — с родительным и винительным падежом; с творительным падежом употребляются только предлоги *sū* 'с', *sulig* 'с', *tiės* 'над', 'около', 'у'.

Для современного Ля. характерна препозиция предлогов, предлоги *dėlei* 'из-за', 'ради', *lińk* 'по направлению' могут употребляться и препозитивно, и постпозитивно.

С о ю з ы. В Ля. по происхождению выделяются непроизводные и производные союзы. Непроизводные союзы подразделяются на элементарные (*ō* 'а', *iŗ* 'и', *aŗ* 'или', *bėt* 'но' и др.) и неэлементарные, восходящие к соединениям служебных слов (например, с древними частицами на согласные *b-, g-, t-*: *ba, gu, gi, te*): *arbà* 'или', *jėigu* 'если', *taĩgi* 'так что' и др. Производные составные союзы могут быть образованы: 1) из двух синонимичных союзов: *ō tačiaũ* 'а однако', *ō bėtgi* 'а всё же', *ō vis dėltō* 'а всё-таки' и др.; 2) из частицы и союза или наречия: *kaĩ tik* 'как только', *vōŗ tik* 'лишь только', *negũ kàd* 'чем'. По числу занимаемых в предложении позиций союзы делятся на одиночные (*jėigu* 'если') и неодноместные повторяющиеся (с открытой структурой), например: *iŗ... iŗ* 'и... и', *aŗ... aŗ* 'или... или'; *kàd iŗ... bėt* 'хотя и... но', *kaĩ... taĩ* 'когда... то', *tegũl... taĩ* 'пусть... то'. Составные части двойных союзов с общим значением 'чем... тем' *kuĩd... tuĩd, juĩd... tuĩd, juĩd... juĩd* не употребляются в качестве одиночных. В качестве союзов могут употребляться наречия *čia... chia* 'то... то', *tiek... tiek* 'и... и', *taĩp... taĩp* 'то... то' (двойные союзы); относительные местоимения: *kàs* 'что', *kòks, -ià* 'какой', *kuris, -i* 'который'; относительные наречия *kadà* или *kuomėt* 'когда', *kaĩp* 'как', *kėiek* 'сколько'; частицы *aŗ, bė, benė* 'ли'.

По синтаксической функции различаются сочинительные и подчинительные союзы. Сочинительные союзы подразделяются на: соединительные союзы: *iŗ* 'и', *čia... chia* 'то... то', *tiek... tiek*, букв. 'столько... столько'; противительные союзы: *bėt(gi)* 'но', *ō(gi)* 'а', *tačiaũ* 'однако', *tik(taĩ)* 'только'; разделительные союзы: *aŗ* 'или', *arbà... arbà* 'либо... либо'; пояснительные союзы: *taĩ, taĩgi* 'то', 'так', 'итак', *tàd* 'так что'. Пояснительные отношения также выражают слова: *būtėnt* 'именно', *dėstis, nelygu* 'смотря по тому', *taĩ yrà* 'то есть', *kaĩp antaĩ* 'как например'.

Подчинительные союзы оформляют следующие виды подчинительных отношений: временные (*kadà* 'когда', *iki, lig(i), kōl* 'пока', *lig(i) tik* 'чуть только' и т. д.); причинные (*nėŗ* 'потому что', 'так как', *kadangi* 'так как'); условные (*jėi* 'если', *jėigu* 'если (бы)'). Союз *kàd* и образованные с ним составные союзы выражают отношения: причинные (*dėl tō kàd* 'потому что', *dėl kō, uŗ kà* 'для чего', 'за что'), условные (*kàd... taĩ* (преже *tàd*) 'если... то', *nebeĩt kàd* 'разве только'), целевые (*kàd* 'чтобы', иногда к нему примыкает частица *tik*). Специализированных целевых союзов в литературном Ля. языке нет. В современном Ля. широко представлены уступительные союзы (*nòŗς (iŗ)* 'хотя (и)', *nòŗς (iŗ)... tačiaũ* 'хотя (и)... однако', *tegũl (iŗ)... vis (dėltō)* 'пусть (и)... все же'); сравнительные отношения оформляют союзы: 1) качественно-сравнительные: *kaĩp* 'как', *lyg* 'будто', *taŗtum, tarýtum, taŗsi* 'словно'; 2) относительно-сравнительные, служащие только для соединения частей сложного предложения: *juĩd... juĩd, juĩd... tuĩd, kuĩd... tuĩd* 'чем... тем' и 3) различительно-сравнительные: *negũ* 'чем', *nekaĩp* 'нежели', (редко) *neĩ* 'чем'.

Ч а с т и ц ы. В современном Ля. насчитывается около 60 частиц. По словообразовательной характеристике выделяются частицы непроизводные (*aŗ* 'ли', *gi* 'же', *beĩt* 'хоть', *jaũ* 'уже', *nė* 'не', *nėt* 'даже', *tė* 'пусть', *tik* 'только') и производные, соотносящиеся с различными частями речи: с глаголами (*gàl* 'может быть' от *gàli* 'может', *taŗsi* 'словно' от *taŗsi* 'молвишь', *taŗtum* 'как будто' от *taŗtum*

‘сказал бы’), с местоимениями *anà* ‘вон’ (*anàs* ‘тот’), *štaĩ* ‘вот’ (*šitas* ‘этот’), *vis* ‘все’ (*visas* ‘весь’), с прилагательными и наречиями *lyg* ‘как бы’ (*lygus* ‘ровный’, *lygiai* ‘ровно’), *ypač* ‘особенный’ (*ypatingas* ‘особенный’), *bemaz* ‘чуть не, почти’ (*bè* ‘без’ и *māža* ‘мало’).

По структуре частицы также делятся на простые и составные. Простые частицы — все первообразные и неэлементарные (сложные) слова: *nebeĩt* ‘хотя бы’, *aĩ gi* ‘неужели’, *nejaĩgi* ‘неужели’, *beveĩk* ‘почти’, *tiktaĩ* ‘только’, *kažĩn* ‘вряд ли’. Составные частицы: *aĩ nē* ‘разве не’, *dār tik* ‘ещё только’, *lyg taĩ* ‘как будто’, *kā tik* ‘только что’, *vōs tik* ‘едва’. Для Л.я. характерен переход частиц в компоненты сложных знаменательных слов, других частей речи: местоимений *bēt kās* ‘любой’, *kažĩn kās* ‘кто-то’, букв. ‘кто знает, кто’; наречий *kažĩn kaĩp* ‘как-то’, *kaĩp nōrs* ‘как-нибудь’, *tiek pāt* ‘столько же’, а также союза *vis dēlto* ‘все-таки’. Отрицательные частицы *nē* ‘не’, *nebē* ‘уже не’, употребляясь с глаголами, как таковые выступают в контексте противопоставления (*Ji nē juōkiasi, ō verkia* ‘Она не смеется, а плачет’), в значении же отрицания — в качестве глагольных отрицательных префиксов (*nesijuōk* ‘не смейся’). В функции частиц могут употребляться знаменательные слова: наречия (*tiesiōg, stačiaiā* ‘прямо’, *ganā* ‘достаточно’, ‘довольно’, *užvis* ‘наиболее’), местоимения (*sáu* ‘себе’, *mān* ‘мне’, *tāu* ‘тебе’), а также числительное *vienas* ‘один’.

По функции выделяются частицы:

- указательные (*anā, antaĩ* ‘вон’, *štaĩ, vā* ‘вот’);
- уточнительные (*beveĩk* ‘почти’, *dār* ‘еще’, *jaĩ* ‘уже’, *vēl* ‘опять’);
- выделительно-ограничительные (*ypač* ‘особенно’, *nebeĩt* ‘разве только’, *nēt* ‘даже’);
- отрицательные (*nē* ‘не’, *nebē* ‘уже не’); значения отрицания и усиления совмещают частицы *nē* ‘ни’, *nei* ‘ни’;
- модальные частицы, среди них: 1) вопросительно-усомнительные *aĩ* ‘ли’, *aĩgi*, *nejaĩgi* ‘неужели’, *gāl* ‘может быть’; 2) сравнительно-усомнительные *lyg iĩ*, *lyg taĩ* ‘как будто’ и др.; 3) эмоциональные *jūk* ‘ведь’, *bē* ‘разве’ и т. п.; 4) волевые *tē*, *tegũ(l)* ‘пусть’, *šē, tē, nā* ‘на’; 5) экспрессивно-усилительные *gi* ‘же’, *kās pēr* ‘что за’, *jaĩ kād* ‘уж как’, *nēt* ‘даже’.

Утвердительную частицу *taĩp* ‘да’ и отрицательную частицу *nē* ‘не’, образующие отдельное высказывание, целесообразнее считать предикатными словами.

Идеофоны. В Л.я. иконические языковые знаки употребляются вместо глагола и в качестве иллюстративных дополнений глаголов, а также вместо отглагольных существительных или наречий и тем самым приобретают морфологические характеристики. Это позволяет выделить идеофоны литовского языка в особый грамматический разряд.

О фонологическом облике идеофонов см. 2.2.2. По словообразовательной структуре это, как правило, односложные слова, мотивированные либо звукоподражанием: *diĩ* ‘динь’, *kliũnt* ‘бульк’, *trākš* ‘хруст’, либо глаголом: *krỹp, krỹpt, krỹpi, krỹpai* (от *krỹpti* ‘клониться’, ‘коситься, перекашиваться’), *lilingt* (*lingũoti* от ‘качаться’), *šĩpt, šỹpt* (от *šypsotis* ‘улыбаться’). Идеофоны одного корня могут иметь разные форманты *čiũpt/čiũpy/čiũpi* ‘цап’, *lapatái/lapatũ* от *lapatũoti* ‘нестись вскачь’, ‘махать крыльями’. В словообразовании также могут участвовать префиксы, суффиксы, инфиксы.

Основные суффиксальные форманты следующие: 1) *-t* (*càkt* ‘цок’, *kàpt* ‘цап’, *pēšt* ‘дёрг’, *káuķšt* ‘хлоп’, *bàkst* ‘тык’, *bũrbt* ‘бульк’); 2) немногочисленные идеофоны с формантом *-š, -s* (*bràkš* ‘хруст’, *šnỹps* ‘шмыг’, *grỹbs* ‘хват’), *duĩs* ‘тык’); 3) гласные форманты *-i/-y, -u/-ũ* (*vizgi* (от *vizginti* ‘визжать’), *baldỹ* ‘стук’, *lapatũ, burkũ* ‘звук, издаваемый голубями’), позволяющие образовать двусложные идеофоны; форманты *-y, -ũ* (долгие гласные) образуют идеофоны, обозначающие более интенсивное и продолжительное действие по сравнению с идеофонами с краткими гласными-формантами; 4) формант *-(i)ai* (*klebetái*, от *klebetũoti* ‘визжать’; *makalai* от *makalũoti* ‘мешать, махать’). Префикс *pa-*, придающий значение ‘приготовление к восприятию звука или представления’: *pastrikt* ‘скок’, *pašnipšt* ‘звук шёпота’, *patáuķs* ‘треск’. Инфиксы *l* и *r*, после которых повторяются гласные мотивирующей основы: *talaĩ* (от *tan* ‘звук’), *caràp(t)* ‘царап’ (от *cap(t)*), передают значение ‘одномоментности и внезапности динамического действия или состояния’. Если в корне имеется гласный *o*, то перед согласным инфикса иногда вставляется *a*: *caròp(t)* (от *cop(t)*). Инфиксальные идеофоны образуют пары с мотивирующими их словами, передавая значение продолжительности и интенсивности звука или представления: *čik čirik* ‘чик-чирик’, *dzaĩ dzalaĩ* ‘бим-бом’. Кроме морфем, в качестве словообразовательного средства используется редупликация начальных слогов, начальных дифтонгов, инфикса с гласным, и финального слога. В Л.я. есть небольшое количество формально неделимых идеофонов: *gā, cỹ, tĩtĩ, dziĩ, daĩ* и др.

Междометия. Специфичность первичных междометий в Л.я. проявляется в вариативности их интонирования: *Á! Ó! Ė! Á! Ó! Ė!* Междометие может быть образовано редупликацией: *ā-ā-ā!*; двугласными *ói, eĩ, ái, aĩ, ùi*, а также соединением гласных и согласных *ajajái, àk, èt, òt* и только согласных *hm, hmm, st, št*. Вторичные междометия образованы от значимых слов (например, от глаголов в форме повелительного наклонения), обладают при этом эмоциональной интонацией: *Žiũ!* (от ‘глянь!’), *Išgraũš!* (от ‘выгрызи!’), для выражения отказа), *Palà!* (от ‘погоди!’). Особую группу образуют широкоупотребительные междометия, производные от конфессиональной лексики (от формы звательного падежа в полной и краткой форме): *Diē!* (от ‘Боже!’), *Jėzau Marija! Jėzus Marija!* ‘Иисус Мария!’, *Dievmylėk* (*dievmylėk, diēmylek, diēmylei*) ‘Господи помилуй!’, *Dievegĩ* ‘Боже упаси’, букв. ‘защити’, *amžinātĩsĩ* ‘Царство ему небесное’. В Л.я. активно употребляются междометия, производные от частиц (или междометий) и инфинитива: *uzgỹt* (< *ũz + gỹti, giĩti* звукоподражание + ‘спасать’) для отгона коров, *kũre* (< *kuĩ eini* ‘куда идешь’) для отгона коров, *šėguĩt* (< *šė + guĩti*, букв. ‘на + лежать’) для успокоения собаки, *štištũpt* (< *štiš + tũpti*, букв. ‘ша + присесть’) для утихомиривания. К многочисленным междометиям звукоподражательного происхождения могут присоединяться форманты *a-, š-, aš-*. Значение большинства междометий определяется контекстуально.

2.4.0. Образцы парадигм.

При описании именного склонения помимо флексий выделяются словоизменительные основы, которые объединяют группы форм, отличающиеся общностью флексий. Хотя древние основы во многих случаях уже слились с окончаниями, их прежние различия отражаются в структуре форм склонения современного языка. Ниже приводятся флексии разных типов именного склонения, в состав которых включены и основообразующие элементы.

Падежные флексии существительных

Падеж	Ед. число				
	I тип			II тип	
	Парадигма				
	1	2	3	4	5
Им.	-as	-ias	-is, -ys	-us	-ius
Род.	-o	-io	-io	-aus	-iaus
Дат.	-ui	-iui	-iui	-ui	-iui
Вин.	-q	-iq	-i	-q	-iq
Твор.	-u	-iu	-iu	-umi	-iumi
Местн.	-e	-yje	-yje	-uje	-iuje
Зват.	-e	-i, -iau	-i, -y	-au	-iau
Падеж	Мн. число				
	I тип			II тип	
	Парадигма				
	1	2 и 3	4	5	
Им., зват.	-ai	-iai	-ūs	-iai	
Род.	-q	-iq	-q	-iq	
Дат.	-ams	-iams	-ums	-iams	
Вин.	-us	-ius	-us	-ius	
Твор.	-ais	-iais	-umis	-iais	
Местн.	-uose	-iuose	-uose	-iuose	

Падеж	Ед. число						
	III тип		IV тип	V тип			
	Парадигма						
	6	7	8	9	10	11	12
Им.	-a	-ia, -i	-ė	-is	-is	∅	∅
Род.	-os	-ios	-ės	-ies	-ies	-s	-s
Дат.	-ai	-iai	-ei	-iai	-iui	-iui	-iai
Вин.	-q	-iq	-ė	-i	-i	-i	-i
Твор.	-a	-ia	-e	-imi	-imi	-iu	-ia
Местн.	-oje	-ioje	-ėje	-yje	-yje	-yje	-yje
Зват.	-a	-ia	-e	-ie	-ie	-ie	-ie
Падеж	Мн. число						
	III тип		IV тип	V тип			
	Парадигма						
	6	7	8	9 и 10		11 и 12	
Им., зват.	-os	-ios	-ės	-ys		-ys	
Род.	-ų	-ių	-ių	-(i)ų		-ų	
Дат.	-oms	-ioms	-ėms	-ims		-ims	
Вин.	-as	-ias	-es	-is		-is	
Твор.	-omis	-iomis	-ėmis	-imis		-imis	
Местн.	-ose	-iose	-ėse	-yse		-yse	

Совокупность падежных изменений субстантива и его словоизменительные основы — *-(i)a*, *-(i)u*, *-(i)o*, *-ė*, *-i* — позволяют выделить пять типов склонения, различающихся падежными формами единственного числа и родом существительных, входящих в парадигму. Принадлежность существительного к типу склонения определяется по окончанию в форме именительного падежа единственного числа и по форме дательного падежа множественного числа. В каждом типе склонения выделяется несколько парадигм.

К склонению на *-(i)a* (I тип) относятся существительные мужского рода, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-as*, *-ias*, *-is* (безударное), *-ys* (ударное), а в дательном падеже множественного числа — *-ams* (*-iams*), например: *lángas* 'окно', *výras* 'мужчина' (1 парадигма); *ėlnias* 'олень', *kėlias* 'дорога' (2 парадигма); *brólis* 'брат', *peĩlis* 'нож', *arklỹs* 'конь', *kambarỹs* 'комната' (3 парадигма).

К склонению на *-(i)u* (II тип) относятся существительные мужского рода, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-us*, *-ius*, а в дательном падеже множественного числа — *-ums*, *-iams*, например: *sūnūs* 'сын', *dangūs* 'небо' (4 парадигма); *vaĩsius* 'плод', *pavõjus* 'опасность' (5 парадигма). Особые формы склонения имеет существительное *žmogūs* 'человек': в единственном числе оно склоняется по 4 парадигме, во множественном — по 8 парадигме (принадлежащей IV типу).

К склонению на *-(i)o* (III тип) относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-a*, *-ia*, *-i*, а в дательном падеже множественного числа — *-oms*, *-ioms* (*-j-oms*). Это в основном существительные женского рода, например: *rankà* 'рука', *aušrà* 'заря' (6 парадигма); *žinià* 'весть', *marti* 'невестка' (7 парадигма); к этому склонению принадлежат также немногочисленные существительные, обозначающие лиц мужского пола (например, *vaidilà* 'жрец'; об этом см. 2.3.2.).

К склонению на *-ė* (IV тип, 8 парадигма) относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-ė*, а в дательном падеже множественного числа — *-ėms*. Почти все эти существительные женского рода, например: *bitė* 'пчела', *saulė* 'солнце', за исключением нескольких существительных, обозначающих лиц мужского пола (например, *dėdė* 'дядя').

К склонению на *-i* (V тип) относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-is* и *-uo*, а в дательном падеже множественного числа — *-ims*. В этом типе склонения объединились существительные, имеющие основу на *-i*, в основном женского рода (*širdis* 'сердце', *krósnis* 'печь', 9 парадигма) и только несколько — мужского рода (*dantis* 'зуб', *žvėris* 'зверь', 10 парадигма), и существительные с основой на согласный, в основном мужского рода (*akmuõ* 'камень', *vanduõ* 'вода', 11 парадигма) и только два — женского рода (*duktė* 'дочь', *sesuõ* 'сестра', 12 парадигма). Некоторые существительные с окончанием *-is* раньше имели основы на согласную, поэтому они сохранили в родительном падеже множественного числа окончание *-q* после твердого согласного: *móteris* 'женщина' — *móterq*, *naktis* 'ночь' — *naktĩ* (ср. *váltis* 'лодка' — *váltiũ*; *akis* 'глаз' — *akiũ*).

Прилагательные

Падеж	М. р.					Ж. р.			
	I тип			II тип		III тип			
	Парадигма								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Ед. число								
Им.	-as	-ias	-is, -ys	-is	-us	-a	-ia	-i	-ė
Род.	-o	-io	-io	-io	-aus	-os	-ios	-ios	-ės
Дат.	-am	-iam	-iam	-iam	-iam	-ai	-iai	-iai	-ei
Вин.	-ą	-ią	-į	-į	-ų	-ą	-ią	-ią	-ę
Твор.	-u	-iu	-iu	-iu	-iu	-a	-ia	-ia	-e
Местн.	-ame	-iame	-iame	-iame	-iame	-oje	-ioje	-ioje	-ėje
	Мн. число								
Им.	-i	-i	-i	-iai	-ūs	-os	-ios	-ios	-ės
Род.	-ų	-ių	-ių	-ių	-ių	-ų	-ių	-ių	-ių
Дат.	-iems	-iems	-iems	-iams	-iems	-oms	-ioms	-ioms	-ėms
Вин.	-us	-ius	-ius	-ius	-ius	-as	-ias	-ias	-es
Твор.	-ais	-iais	-iais	-iais	-iais	-omis	-iomis	-iomis	-ėmis
Местн.	-uose	-iuose	-iuose	-iuose	-iuose	-ose	-iose	-iose	-ėse

Парадигмы простых прилагательных мужского и женского рода значительно отличаются друг от друга: прилагательные женского рода склоняются как существительные соответствующей основы (окончание основы определяется по форме дательного падежа множественного числа), а прилагательные мужского рода имеют некоторые отличные окончания, заимствованные у местоименного склонения. В целом парадигмы формируются по исходу основы.

Прилагательные мужского и женского рода соотносятся следующим образом:

М. р.		Ж. р.	
Парадигмы	Окончания	Парадигмы	Окончания
1	-as	6	-a
2	-ias	7	-ia
3-4	-is, -ys	9	-ė
5	-us	8	-i

Примечание: Нумерация парадигм склонения прилагательных дана согласно литовской академической традиции; парадигмы мужского и женского рода, расположенные в одной строке таблицы, соответствуют друг другу.

Существует и другая классификация склонения прилагательных по флексиям: формы прилагательных мужского и женского рода объединяются в один тип склонения с разными парадигмами (А. Паулаускене):

- 1) -as — -a (*gėras* 'хороший' — *gerà* 'хорошая');
- 2) -ias — -ia (*žalias* 'зелёный' — *žalià* 'зелёная');
- 3) -is — -ė (*didelis* 'большой' — *didelė* 'большая', *gerėsnis* 'более хороший' — *gerėsnė* 'более хорошая'; дат. п. мн. ч. м. р. -iems);

4) -is — -ė (*medinis* 'деревянный' — *medinė* 'деревянная'; дат. п. мн. ч. м. р. -iams);

5) -us — -i (*gražus* 'красивый' — *graži* 'красивая', *nuolankus* 'покорный' — ж. р. *nuolanki* 'покорная').

Склонение местоименных прилагательных более унифицировано, чем простых. Парадигмы различаются только формами именительного и винительного падежей единственного числа мужского рода. Остальные падежные флексии прилагательных мужского рода и все падежные флексии форм женского рода одинаковы для всех типов склонения.

Прилагательные с «определёнными»
(местоименными) окончаниями

Падеж	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
	Ед. число					
Им., Зват.	<i>jaunąsis</i> 'молодой'	<i>jaunoji</i> 'молодая'	<i>didysis</i> 'большой', 'великий'	<i>didžioji</i> 'большая', 'великая'	<i>gražusis</i> 'красивый'	<i>gražioji</i> 'красивая'
Род.	<i>jaunojo</i>	<i>jauniosios</i>	<i>didžiojo</i>	<i>didžiosios</i>	<i>grąžiojo</i>	<i>grąžiosios</i>
Дат.	<i>jaunąjam</i>	<i>jaunajai</i>	<i>didžiajam</i>	<i>didžiajai</i>	<i>grąžiajam</i>	<i>grąžiajai</i>
Вин.	<i>jaunąjį</i>	<i>jaunąją</i>	<i>didįjį</i>	<i>didžiąją</i>	<i>grąžųjį</i>	<i>grąžiąją</i>
Твор.	<i>jaunuojų</i>	<i>jaunąją</i>	<i>didžiųjų</i>	<i>didžiąją</i>	<i>grąžiųjų</i>	<i>grąžiąją</i>
Местн.	<i>jaunąjam(e)</i>	<i>jaunąjoje</i>	<i>didžiajame</i>	<i>didžiojoje</i>	<i>grąžiajame</i>	<i>grąžiojoje</i>
	Мн. число					
	Им., Зват.	<i>jaunieji</i> (<i>jauniejai, -jie</i>)	<i>jaunosios</i>	<i>didieji</i> (<i>-jai, -jie</i>)	<i>didžiosios</i>	<i>grąžieji</i> (<i>-jai, -jie</i>)
	Род.	<i>jaunių</i>	<i>jaunių</i>	<i>didžiųjų</i>	<i>didžiosios</i>	<i>grąžiųjų</i>
	Дат.	<i>jauniesiems</i>	<i>jaunosioms</i>	<i>didiesiems</i>	<i>didžiosioms</i>	<i>grąžiesiems</i>
	Вин.	<i>jaunuosius</i>	<i>jaunąsias</i> (<i>jaunosiąsias</i>)	<i>didžiuosius</i>	<i>didžiąsias</i>	<i>grąžiuosius</i>
	Твор.	<i>jaunaisiais</i>	<i>jaunosiomis</i>	<i>didžiaisiais</i>	<i>didžiosiomis</i>	<i>grąžiaisiais</i>
	Местн.	<i>jaunuosiuose</i>	<i>jaunosiiose</i>	<i>didžiuosiuose</i>	<i>didžiosiose</i>	<i>grąžiuosiuose</i>

Склонение местоимений. Падежные формы личных местоимений образуют супплетивные парадигмы (ед. ч.: им. п. *aš* 'я', род. п. *manęs*, дат. п. *man*, вин. п. *manė*, твор. п. *manimi*, местн. п. *manųjė*; мн. ч.: им. п. *mēs*, род. п. *mūsų*, дат. п. *mums*, вин. п. *mūs*, твор. п. *tumės*, местн. п. *tumysė*). В форме винительного падежа неродовые (т.е. не различающиеся по роду) местоимения, в отличие от других именных слов, имеют краткое окончание -ė: *manė*, *tavė*. В современном разговорном Л.я. употребляются все падежные формы двойственного числа местоимений; при этом формы мужского и женского рода отличаются только в именительном/винительном и местном падежах (ед. ч.: им. п., вин. п. м. р. *mūdu*, ж. р. *mūdvi* 'мы вдвоем', род. п. *mūdviejų*, дат. п., твор. п. *mūdviet*, местн. п. м. р. *mūdviejuose*, ж. р. *mūdviejoje*; мн. ч.: им. п., вин. п. м. р. *jūdu*, ж. р. *jūdvi* 'вы вдвоем', род. п. *jūdviejų*, дат. п., твор. п. *jūdviet*, местн. п. м. р. *jūdviejuose*, ж. р. *jūdviejoje*). В литературном Л.я. местоимения двойственного числа используются в основном в именительном/винительном падежах.

Родовые местоимения склоняются по аналогии с прилагательными. Общие падежные окончания: ед. ч.: дат. п. м. р. *-am*, местн. п. *-ame*; мн. ч.: им. п. *-ie*, *-i*, дат. п. *-iems*. Так же склоняются местоимение *kàs* и его производные.

Количественные числительные имеют тот же набор падежей и флексий, что и существительные с соответствующими основами, лишь флексии числительных от четырех до девяти совпадают с адъективными (как прилагательные с основой на *-ia* и *-io*), исключение — окончание *-is* в винительном падеже. Множественные числительные склоняются как прилагательные с основой на *-ia* и *-io*, порядковые — как прилагательные с основой на *-a*, *-o* (исключение — *trēčias* склоняется как прилагательное с основой на *-ia*). Собираательные числительные изменяются по падежам как существительные с основой на *-a*. Набор падежных флексий дробных составных числительных определяется 1) согласованием либо 2) управлением первой части числительного. В первом случае «числитель» склоняется как количественное числительное, «знаменатель» — как порядковое, во втором случае склоняется только первый компонент: 1) *dū šimtai septīnios tūkstantosios, dviejų šimtų septynių tūkstantų, dviem šimtams septynioms tūkstantosioms* 'двести семь тысячных'; 2) *aštuoniolika šimtų, aštuoniolikos šimtų, aštuoniolikai šimtų* 'восемнадцать сотых'. Слова *puse* 'половина' и *dalis* 'часть', являющиеся компонентом числительного, склоняются как существительные с основами на *-ė* и *-ia* соответственно.

Глагол

Изъявительное наклонение

nėsti(s) 'нести(сь)', *sūpti(s)* 'качать(ся)' (формы этого глагола приводятся лишь в тех клетках парадигмы, где он ведет себя отлично от предыдущего), *tikėti(s)* 'верить', 'надеяться', *rašyti(s)* 'писать(ся)'

Тип спряжения		Настоящее время		Прошедшее однократное	
		Ед. число			
		Невозвратные	Возвратные	Невозвратные	Возвратные
I	1 л.	<i>nešù</i>	<i>nešiuosi</i>	<i>nešiaũ supaũ</i>	<i>nešiaũsi supaũsi</i>
	2 л.	<i>neši</i>	<i>nešiesi</i>	<i>nešeĩ supaĩ</i>	<i>nešeĩsi supaĩsi</i>
	3 л.	<i>nėša</i>	<i>nėšasi</i>	<i>nėšė supo</i>	<i>nėšėsi suposi</i>
		Мн. число			
	1 л.	<i>nėšame</i>	<i>nėšamės</i>	<i>nėšėme supome</i>	<i>nėšėmės supomės</i>
	2 л.	<i>nėšate</i>	<i>nėšatės</i>	<i>nėšėte supote</i>	<i>nėšėtės supotės</i>
	3 л.	<i>nėša</i>	<i>nėšasi</i>	<i>nėšė supo</i>	<i>nėšėsi suposi</i>
II		Ед. число			
	1 л.	<i>tikiũ</i>	<i>tikiuosi</i>	<i>tikėjau</i>	<i>tikėjausi</i>
	2 л.	<i>tiki</i>	<i>tikiesi</i>	<i>tikėjai</i>	<i>tikėjaisi</i>
	3 л.	<i>tiki</i>	<i>tikisi</i>	<i>tikėjo</i>	<i>tikėjosi</i>
		Мн. число			
	1 л.	<i>tikime</i>	<i>tikimės</i>	<i>tikėjome</i>	<i>tikėjomės</i>
	2 л.	<i>tikite</i>	<i>tikitės</i>	<i>tikėjote</i>	<i>tikėjotės</i>
	3 л.	<i>tiki</i>	<i>tikisi</i>	<i>tikėjo</i>	<i>tikėjosi</i>

III		Ед. число			
		1 л. <i>rašau</i>	<i>rašausi</i>	<i>rašiau</i>	<i>rašiausi</i>
		2 л. <i>rašai</i>	<i>rašaisi</i>	<i>rašei</i>	<i>rašėisi</i>
		3 л. <i>rašo</i>	<i>rašosi</i>	<i>rašė</i>	<i>rašėsi</i>
		Мн. число			
		1 л. <i>rašome</i>	<i>rašomės</i>	<i>rašėme</i>	<i>rašėmės</i>
		2 л. <i>rašote</i>	<i>rašotės</i>	<i>rašėte</i>	<i>rašėtės</i>
		3 л. <i>rašo</i>	<i>rašosi</i>	<i>rašė</i>	<i>rašėsi</i>

Тип спряжения		Прошедшее многократное		Будущее время	
		Ед. число			
		Невозвратные	Возвратные	Невозвратные	Возвратные
I	1 л.	<i>nėšdavau</i>	<i>nėšdavausi</i>	<i>nėšiu sùpsiu</i>	<i>nėšiuosi sùpsiuosi</i>
	2 л.	<i>nėšdavai</i>	<i>nėšdavaisi</i>	<i>nėši sùpsi</i>	<i>nėšiesi sùpsiesi</i>
	3 л.	<i>nėšdavo</i>	<i>nėšdavosi</i>	<i>nėš sùps</i>	<i>nėšis sùpsis</i>
		Мн. число			
	1 л.	<i>nėšdavome</i>	<i>nėšdavomės</i>	<i>nėšime sùpsime</i>	<i>nėšimės sùpsimės</i>
	2 л.	<i>nėšdavote</i>	<i>nėšdavotės</i>	<i>nėšite sùpsite</i>	<i>nėšitės sùpsitės</i>
	3 л.	<i>nėšdavo</i>	<i>nėšdavosi</i>	<i>nėš sùps</i>	<i>nėšis sùpsis</i>
II		Ед. число			
	1 л.	<i>tikėdavau</i>	<i>tikėdavausi</i>	<i>tikėsiu</i>	<i>tikėsiuosi</i>
	2 л.	<i>tikėdavai</i>	<i>tikėdavaisi</i>	<i>tikėsi</i>	<i>tikėsi esi</i>
	3 л.	<i>tikėdavo</i>	<i>tikėdavosi</i>	<i>tikės</i>	<i>tikėsis</i>
		Мн. число			
	1 л.	<i>tikėdavome</i>	<i>tikėdavomės</i>	<i>tikėsime</i>	<i>tikėsime</i>
	2 л.	<i>tikėdavote</i>	<i>tikėdavotės</i>	<i>tikėsite</i>	<i>tikėsitės</i>
3 л.	<i>tikėdavo</i>	<i>tikėdavosi</i>	<i>tikės</i>	<i>tikėsis</i>	
III		Ед. число			
	1 л.	<i>rašýdavau</i>	<i>rašýdavausi</i>	<i>rašýsiu</i>	<i>rašýsiuosi</i>
	2 л.	<i>rašýdavai</i>	<i>rašýdavaisi</i>	<i>rašýsi</i>	<i>rašýsiesi</i>
	3 л.	<i>rašýdavo</i>	<i>rašýdavosi</i>	<i>rašýs</i>	<i>rašýsis</i>
		Мн. число			
	1 л.	<i>rašýdavome</i>	<i>rašýdavomės</i>	<i>rašýsime</i>	<i>rašýsimės</i>
	2 л.	<i>rašýdavote</i>	<i>rašýdavotės</i>	<i>rašýsite</i>	<i>rašýsitės</i>
3 л.	<i>rašýdavo</i>	<i>rašýdavosi</i>	<i>rašýs</i>	<i>rašýsis</i>	

Тип спряжения		Сослагательное наклонение		Повелительное наклонение	
		Ед. число			
		Невозвратные	Возвратные	Невозвратные	Возвратные
I	1 л.	nėščiau	nėščiausi	—	—
	2 л.	nėštum(ei)	nėštumeisi	nėšk	nėškis
	3 л.	nėшту	nėштуsi	tenešiē	tesinešiē
		Мн. число			
	1 л.	nėštum(ėm)e	nėštum(ėm)ės	nėškime	nėškimės
	2 л.	nėštumėt(e)	nėštumėtės	nėškite	nėškītės
	3 л.	nėшту	nėштуsi	tenešiē	tesinešiē

II	Ед. число			
	1 л.	<i>tikėčiau</i>	<i>tikėčiausi</i>	—
	2 л.	<i>tikėtum(ei)</i>	<i>tikėtumeisi</i>	<i>tikėk</i>
	3 л.	<i>tikėtu</i>	<i>tikėtuši</i>	<i>tetiki/tetikiė</i>
	Мн. число			
	1 л.	<i>tikėtum(ėm)e</i>	<i>tikėtum(ėm)ės</i>	<i>tikėkime</i>
III	Ед. число			
	1 л.	<i>rašytum(ėm)e</i>	<i>rašytum(ėm)ės</i>	<i>rašykime</i>
	2 л.	<i>rašytumėt(e)</i>	<i>rašytumėtės</i>	<i>rašykite</i>
	3 л.	<i>rašytų</i>	<i>rašytųsi</i>	<i>terāšai</i>
	Мн. число			
	1 л.	<i>rašytum(ėm)e</i>	<i>rašytum(ėm)ės</i>	<i>rašykime</i>
III	Ед. число			
	1 л.	<i>rašytum(ėm)e</i>	<i>rašytum(ėm)ės</i>	<i>rašykime</i>
	2 л.	<i>rašytumėt(e)</i>	<i>rašytumėtės</i>	<i>rašykite</i>
	3 л.	<i>rašytų</i>	<i>rašytųsi</i>	<i>terāšai</i>
	Мн. число			
	1 л.	<i>rašytum(ėm)e</i>	<i>rašytum(ėm)ės</i>	<i>rašykime</i>

b ū t i 'быть'

Простые формы

	Наклонение					Сослагательное	Повелительное
	Изъявительное						
	Время						
	Настоящее	Прошедшее однократное	Прошедшее многократное	Будущее			
Ед. число							
1 л.	<i>esù</i>	<i>buvaĩ</i>	<i>búdavau</i>	<i>búsiu</i>	<i>búčiau</i>	—	
2 л.	<i>esi</i>	<i>buvaĩ</i>	<i>búdavai</i>	<i>búsi</i>	<i>bútum</i>	<i>búk</i>	
3 л.	<i>yrà</i>	<i>bùvo</i>	<i>búdavo</i>	<i>bùs</i>	<i>bútu</i>	<i>tebūniē</i>	
Мн. число							
1 л.	<i>ēsame</i>	<i>bùvome</i>	<i>búdavome</i>	<i>būsime</i>	<i>bútu(mė)me</i>	<i>búkime</i>	
2 л.	<i>ēsate</i>	<i>bùvote</i>	<i>búdavote</i>	<i>būsité</i>	<i>būtumėt(e)</i>	<i>búkite</i>	
3 л.	<i>yrà</i>	<i>bùvo</i>	<i>búdavo</i>	<i>bùs</i>	<i>bútu</i>	<i>tebūniē</i>	
Дв. число							
1 л.	<i>ēsava</i>	<i>bùvova</i>	<i>búdavova</i>	<i>būsiva</i>	<i>bútuva</i>	<i>mė?</i>	<i>búkiva</i>
2 л.	<i>ēsata</i>	<i>bùvota</i>	<i>búdavota</i>	<i>būsita</i>	<i>bútuta</i>	<i>búkita</i>	
3 л.	<i>yrà</i>	<i>bùvo</i>	<i>búdavo</i>	<i>bùs</i>	<i>bútu</i>	<i>tebūniē</i>	

Косвенное наклонение			
Время			
Настоящее	Прошедшее однократное	Прошедшее многократное	Будущее
Ед. число			
<i>esąs, ėsanti</i>	<i>bùvęs, -usi</i>	<i>būdavęs, -usi</i>	<i>būsiąs, -ianti</i>
Мн. число			
<i>esą, ėsančios</i>	<i>bùvę, -usios</i>	<i>būdavę, -usios</i>	<i>būsią, -iančios</i>

Залоговая корреляция личных форм глаголов *nėšti* 'нести', *eiti* 'идти'

Тип формы	Наклонение				
	Время	Изъявительное		Сослагательное	
		Действительный залог	Страдательный залог	Действительный залог	Страдательный залог
Простые формы (в действительном залоге)	Настоящее	<i>nėša</i> <i>eina</i>	<i>yrà nėšamas</i> <i>yrà einama</i>	<i>nėstu</i> <i>eitu</i>	<i>būtu nėšamas</i> <i>būtu einama</i>
	Прошедшее однократное	<i>nėšė</i> <i>ėjo</i>	<i>bùvo nėšamas</i> <i>bùvo einama</i>		
	Прошедшее многократное	<i>nėsdavo</i> <i>eidavo</i>	<i>būdavo nėšamas</i> <i>būdavo einama</i>		
	Будущее	<i>nėš</i> <i>eis</i>	<i>bùs nėšamas</i> <i>bùs einama</i>		
Сложные формы (в действительном залоге)	Настоящее	<i>yrà nėšęs</i> <i>yrà ėjęs</i>	<i>yrà nėštas</i> <i>yrà eitu</i>	<i>būtu nėšęs</i> <i>būtu ėjęs</i>	<i>būtu nėštas</i> <i>būtu eita</i>
	Прошедшее однократное	<i>bùvo nėšęs</i> <i>bùvo ėjęs</i>	<i>bùvo nėštas</i> <i>bùvo eita</i>		
	Прошедшее многократное	<i>būdavo nėšęs</i> <i>būdavo ėjęs</i>	<i>būdavo nėštas</i> <i>būdavo eita</i>		
	Будущее	<i>bùs nėšęs</i> <i>bùs ėjęs</i>	<i>bùs nėštas</i> <i>bùs eita</i>		

Тип формы	Наклонение				
	Время	Изъявительное		Сослагательное	
		Действительный залог	Страдательный залог	Действительный залог	Страдательный залог
Простые формы (в действительном залоге)	Настоящее	<i>nėšk</i>	<i>būk nėšamas</i>	<i>nešąs einąs</i>	<i>esąs nėšamas esą einama</i>
	Прошедшее однократное			<i>nėšęs ėjęs</i>	<i>bùvęs nėšamas bùvę einama</i>
	Прошедшее многократное			<i>nėsdavęs eidavęs</i>	<i>būdavęs nėšamas būdavę einama</i>
	Будущее			<i>nėsiąs ėisiąs</i>	<i>būsiąs nėšamas būsią einama</i>
Сложные формы (в действительном залоге)	Настоящее	<i>būk nėšęs</i>	<i>būk nėštas</i>	<i>esąs nėšęs esą ėjęs</i>	<i>esąs nėštas esą eita</i>
	Прошедшее однократное			<i>bùvęs nėšęs bùvę ėjęs</i>	<i>bùvęs nėštas bùvę eita</i>
	Прошедшее многократное			<i>būdavęs nėšęs būdavę ėjęс</i>	<i>būdavęs nėštas būdavę eita</i>
	Будущее			<i>būsiąс nėšęs būsią ėjęс</i>	<i>būsiąс nėštas būsią eita</i>

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Полнозначное слово в Л.я. представляет собой обычно биномную структуру, состоящую из основы и словоизменительной флексии/флексий. Исключения составляют немногочисленные неизменяемые слова — локальные и темпоральные наречия *teñ* 'там', *čīā* 'здесь', *rytōj* 'завтра', *vākar* 'вчера' и др., а также некоторые словоформы местоимений.

Основы полнозначного слова может быть простой (непроизводной) или производной. Основообразование обычно осуществляется посредством суффиксации и префиксации. В непродуктивном классе глаголов образование презентной основы осуществляется посредством инфиксации (инфикс *-n-*).

Особыми свойствами обладает возвратный аффикс *-s(i)*. В бесприставочных глаголах *-s(i)* занимает конечную позицию постфикса (после всех флексий), а в приставочных располагается после всех префиксов непосредственно перед корнем (позиция постпрефикса).

Особенностью полных (местоименных, определенных) прилагательных является наличие сразу двух флексий: флексии рода-числа-падежа, совпадающей с флексией кратких прилагательных и следующей за ней флектирующей морфемой определенности, избыточно выражающей падежно-родо-числовое значение.

Морфологически аномальными являются идеофоны, обладающие дефектной морфологической членностью.

Максимальная модель личных глагольных форм: отрицание + префикс *be-* (выражает пресуппозицию наличия в прошлом отрицаемого действия) + префикс, модифицирующий лексическое значение глагольной основы и/или являющийся средством перфективации + постфикс рефлексивности + корень + словообразовательный и/или основообразующий суффикс + морфема времени + флексия, выражающая лично-числовое значение. Примеры: *ne-be-pa-si-raš-inē-davote* '(мы) больше не подписывались', *ne-be-pa-si-siū-din-si-te* 'больше не будете себе шить (у портного)'. Теоретически возможное увеличение элементов в частных образованиях (за счет присоединения к падежно-родо-числовой флексии, заменяющей флексию личной формы, еще одной флексии определенности) в реальных формах не представлено. На практике редко встречаются формы с заполнением всех теоретически возможных мест.

В именных отглагольных образованиях число элементов обычно не превышает пяти-шести: *su-si-raš-inēj-im-as* 'переписка' (морфологически сложная производящая основа + субстантивный словообразовательный суффикс *-im-* + падежно-числовая флексия), *ne-tiki-nt-ys-is* 'неверующий', 'атеист' (производящая глагольная основа с отрицанием + суффикс «действительной причастности» + падежно-родо-числовая флексия + показатель определенности), *ne-at-lýg-in-tin-is* 'бездомный' (префиксально-суффиксальное образование прилагательного от глагола со сложной основой *at-lýg-in(ti)* 'вознаграждать'), *ap-kált-in-am-as-is* 'обвинительный' (адъективированное страдательное причастие с показателем определенности, образованное от сложной глагольной основы *ap-kált-in(ti)* 'обвинять').

2.5.2. Л.я. характеризуется исключительным богатством словообразовательных средств. Встречаются следующие способы словообразования: суффиксальный: *móky-tojas* 'учитель' (*mókyti* 'учить'), префиксальный: *iš-mókyti* 'научить',

'обучить', постфиксальный: *mókyti-s* 'учиться', реже — смешанные аффиксальные способы: префиксально-суффиксальный: *po-mirtinis* 'посмертный', 'загробный' (*mirtis* 'смерть'), суффиксально-постфиксальный: *broli-ūoti-s* 'брататься' (*brólis* 'брат'), *bjaur-ėti-s* 'питать отвращение', 'гнушаться' (*bjaurus* 'гадкий', 'противный'); разные типы основосложения: *savanōris* 'доброволец' (*savo nóru* 'по собственному желанию'), *broliāvaikis* и *brólvaikis* 'племянник' (*brólis* 'брат', *vaikas* 'дитя', 'ребёнок'), *broližudys* 'братоубийца' (*brólis* 'брат', *žudyti* 'убивать'), *raudonveidis* 'краснолицый' (*raudonas véidas* 'красное лицо'), *dvigulė* 'двухспальная' (*dvi* 'две' и *gulėti* 'лежать'). В описаниях Л.я. в качестве особого словообразовательного типа выделяется также так называемое «флекссионное словообразование», т. е. словообразование при помощи конверсии, путем смены парадигмы: *ištrauk-a* 'извлечение', 'отрывок' (*ištraukti* 'извлекать', 'вырывать'), *pérėj-a* 'переход', 'место, где переходят' (*pereiti* 'перейти'), *drąs-à* 'смелость' (*drąsus* 'смелый'), *kalb-ūs* 'разговорчивый' (*kalbėti* 'говорить').

Префиксация характерна в первую очередь для внутриглагольного словообразования (конкретизируя и модифицируя лексическое значение производящей основы, приставки обычно одновременно являются и средством перфективации).

Суффиксация широко используется как в именном, так и в глагольном словообразовании.

Сложение является средством образования именных производных: существительных, прилагательных, местоимений, числительных.

2.5.3. Л.я. относится к языкам аккузативного (номинативного) строя. С типологической точки зрения синтаксис Л.я. достаточно близок к синтаксису славянских языков. Наиболее распространенный порядок следования компонентов простого предложения: субъект — предикат — объект. Возможны модификации этого порядка, связанные с актуальным членением, определенностью/неопределенностью субъекта и объекта, характером предиката и т. д. Так, генитивный субъект (характеризуемый неопределенностью) в письменном языке чаще следует за глаголом: *Pàs šeiminišką ateidavo visokių žmonių* 'К хозяину приходили всякие люди', букв. 'К хозяину приходило всяких людей', *Põ dārbo ī parduotuvēs vēl užpūls pirkēju* 'После работы в лавку снова набьется покупателей'. В устной речи вполне обычен и препозитивный родительный субъекта, в этом случае неопределенность субъекта выражается тем, что он получает фразовое ударение.

Для предложений с определенным объектом и неопределенным субъектом характерен порядок: объект — предикат — субъект: *Moters žvilgsnį patraukė tolimoji pasirodęs žmogus* 'Взгляд женщины привлек показавшийся вдалеке человек'.

Определения к имени — как согласованные (выраженные прилагательными и причастиями), так и несогласованные (чаще всего выраженные родительным падежом) — обычно находятся в препозиции (см. 2.3.4.). В эмфатических конструкциях возможна постпозиция генитивного определения: *Drebėjimas raikų, kójų — tikras senūkas!* 'Дрожание рук, ног — чистый старикашка!'.
Примечание?

В сочетаниях с количественными словами родительный падеж (являющийся здесь определяемым, а не определением) занимает постпозитивное положение: обычно, если количественное определение выражено существительным, и всегда, если оно выражено числительным. Позиция в количественных синтагмах объе-

диняет «адъективные» и «субстантивные» числительные, являясь формальным выражением их функциональной тождественности (и одной из особенностей, выделяющих числительные в особую часть речи).

Родительный объекта при отглагольном имени также препозитивен и лишь при одновременном присутствии родительного субъекта может находиться в постпозиции: *žmogaiš išnaudojimas kito žmogaiš* 'эксплуатация человека человеком' (букв. 'человека эксплуатация другого человека'). Препозиция характерна и для согласованных причастий со всеми их распространителями: *Pāvakare parbēga iš lauko nuėję gyvulių pažiūrėti vaikai ir dar iš tolo šaukia* 'К вечеру прибегают с поля ушедшие (чтобы) за скотиной присмотреть дети и ещё издалика кричат'.

Специфическим структурным типом эмфатических предложений являются односоставные именные предложения, в частности, с абстрактным отадъективным существительным: *Šaltybė tō ōro, tō vėjo!* 'Ну и холодина!' (букв. 'Холод той погоды, того ветра'), *Kas tō vaiko gabūmas!* 'Что (за) талант у этого ребёнка'. Такие предложения употребляются наряду с предложениями с вопросительными местоимениями и адъективным сказуемым: *Kokią ji graži!* 'Какая она красивая!', *Koks jōs gražumas!* 'Какая у неё красота!'. Номинативный член в предложениях данной структуры может быть выражен и отглагольным существительным: *Tai šunų lojimas, tai lojimas!* 'Собаки ну и лают' (букв. 'Вот собачий лай, так лай!'), *Kad verkimas, kad gailėstāvimas — sunku nēt klausyti!* 'Что (за) плач, что (за) причитания — даже слушать тягостно!'.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения делятся на сложносочиненные (с сочинительными союзами *ir* 'и', *bet* 'но', *o* 'а') и сложноподчиненные (с подчинительными союзами *kad*, *jog* 'что', *nės* 'ибо', *kaip*, *kada* 'когда', *nors* 'хотя').

Особенностью Л.я. является широкое употребление конструкций с причастными образованиями, эквивалентных сложному предложению — не только одноактантных (с «полупричастием», соответствующим по типу употребления русскому деепричастию, с действительными причастиями), но и разноактантных: *Svečiai išvažiavo saulei patekėjus* 'Гости уехали, когда взошло солнце' (букв. '...солнцу взошедши'), *Diėnai brėkstant šilas nubūnda* 'На рассвете (букв. 'дню брезжа') бор просыпается', *Jis jauitė(si) negalīs* (действительное причастие наст. вр. м. р.) *dirbti*, букв. 'Он чувствовал не могущий работать', ср. синонимичное сложноподчиненное союзное предложение *Jis jauitė, kad negali dirbti* 'Он чувствовал, что не может работать', *Džiaugiuosi sugrįžęs* букв. 'Радуюсь вернувшийся' ≈ *Džiaugiuosi, kad sugrįžau* 'Радуюсь, что вернулся', *Sakiau atėisias* (действит. прич. буд. вр. м. р.) букв. '(Я) сказал буду пришедшим' ≈ *Sakiau, kad atėisiu* '(Я) сказал, что приду'.

О полипредикативных конструкциях с нефинитными формами глагола (причастиями, деепричастиями и т. д.) и с союзами см. также 2.3.7.

2.6.0. Значительную часть заимствованной лексики в Л.я. составляют славянизмы. Самые древние славянские заимствования пришли из древнерусского языка (IX–XII вв.): *lėnkas* 'поляк', *muilas* 'мыло', *muitas* 'таможня', *stiklas* 'стекло', *tuėgas* 'рынок'. Позднее многие слова заимствовались из русского, белорусского, польского языков. В письменных памятниках XVI–XVII вв. насчитывается около 3000 славянизмов. Немаловажное значение имело использование в Великом княжестве Литовском в XVI–XVII вв. старобелорусского языка в качестве

официального канцелярского языка. В это время наибольшее количество заимствований перешло в Л.я. из белорусского: *adynà* 'час', *kalādė* 'колода', *pārakas* 'порох', *sermėgà* 'сермяга'. Введение христианства (конец XIV — начало XV в.) и последующая уния с Польшей создали благоприятные условия для проникновения в Л.я. полонизмов, а с конца XVIII в., когда Литва оказалась в составе Российской империи, стало появляться большое количество русизмов. XIX в. ознаменован нормированием литовского литературного языка, борьбой с заимствованиями, которые заменялись литовскими вариантами: *apšvietūnas* 'интеллигент' вместо *inteligėntas*, *pašnibžduoklis* 'суфлёр' вместо *sūfleris*, *pirmžengystė* 'прогресс' вместо *progrėsas*, *žeimystė* 'театр' вместо *teātras*, *žinpaišys* 'корреспондент' вместо *korespondeėntas*. Тем не менее, сохранялись и интернационализмы: *agitacija* 'агитация', *autonomija* 'автономия', *kapitalistas* 'капиталист', *opozicija* 'оппозиция', *platforma* 'платформа'. После создания независимого государства в начале XX в. основная часть заимствований была заменена на соответствующие литовские эквиваленты.

Большая часть древних заимствований сохранилась в диалектах Л.я., только немногие лексемы попали в литературный язык. В современном литературном Л.я. славянские заимствования составляют около 1,5% (не считая интернационализмов, проникших через посредство русского языка). Славянские заимствования используются для обозначения разных предметов и понятий материальной и духовной сферы; растения: *aguėkas* 'огурец', *baravėkas* 'белый гриб', *ėesnākas* 'чеснок', *slyvā* 'слива', *vyėniā* 'вишня' и др.; животный мир: *āsilas* 'осёл', *kurapkā* 'куропатка'; пища: *blėnas* 'блин', *kōšė* 'каша'; одежда: *rūbas* 'платье', *bātas* 'ботинки'; домашнее хозяйство: *kātilas* 'котел', *muilas* 'мыло'; понятия общественной жизни: *bajōras* 'дворянин', *miėstas* 'город' и др. В XX в. в Л.я. попала лексика, связанная с советским строем и бытом (*bolėševikas* 'большевик', *prarābas* 'прораб'), появляются кальки: *komjaunuolis* 'комсомолец', *soclenktynės* (мн. ч.) 'соцсоревнования', *saviveikla* 'самодеятельность', *darbādienis* 'трудодень'. В настоящее время большая часть таких лексем ушла из Л.я. (многие слова исчезли вместе с реалиями, их обозначающими, а бытовая лексика вытеснена на периферию употребления и маркирует просторечие).

Для многих лексем, заимствованных из славянских языков, последние являются лишь посредниками: *Kalėdos* 'Рождество' (из латыни), *kavā* 'кофе' (из арабского), *kilimas* 'ковёр' (из тюркских), *kriėstolas* 'кристалл' (из греческого), *rōjus* 'рай' (из индо-иранских).

После славянизмов второе место занимают заимствования из германских языков (около 0,5% лексики литературного Л.я.). Часть этих заимствований попала через посредство славянских языков, часть (готские слова) — через прусский язык. Самых ранних заимствований из древних германских языков всего несколько: *yla* 'шило', *midūs* 'мёд' — из готского; *gātėvė* 'улица', *kviėtys* 'пшеница', *kliėpas* 'буханка' — из северогерманского. Остальные германизмы — сравнительно недавние заимствования из немецкого языка, чаще всего обнаруживаемые в юго-западных говорах или в письменных литовских источниках из Пруссии. В современном литературном Л.я. германизмов немного: *āmatas* 'ремесло', *būlius* 'бык', *kambarys* 'комната', *dūrpės* 'торф', *spinta* 'шкаф'. В конце XX — начале XXI в. происходит заимствование лексики, связанной с новыми реалиями, из

английского языка, однако вследствие усилившейся тенденции к пуризму этот процесс контролируется, и новым словам стараются найти соответствия в Л.я.: *gámburgeris* 'гамбургер' — *mėsainis*, букв. 'мясной', *pámpersas* 'памперс' — *saūskelnės*, букв. 'сухие штаны', *fāilas* 'файл' — *bylà*, букв. 'дело', *videokasėtė* 'видеокассета' — *vaizdājuostė* букв. 'видовая лента'.

2.7.0. Разделение литовского языка на два основных наречия — а у к ш т а й т с к о е и ж е м а й т с к о е — известно на протяжении столетий. Современные понятия «аукштайтское наречие» и «жемайтское наречие» не следует смешивать с историческими понятиями «аукштайтский язык» (ранее также «литовский язык») и «жемайтский язык».

Аукштайтский интердиалект (= «литовский язык» в терминологии, сохранявшейся вплоть до начала XX в.), сформировался на основе восточно-аукштайтских говоров Вильнюсского края (включая Тракай) в дописьменную эпоху. Городской разговорный койне характеризовался следующими чертами: 1) переход пралитовских *q и *ę в ц и ї (которые впоследствии деназализовались, еще в дописьменный период) и тавтосиллабических *an*, *am*, *en*, *em* соответственно в *un*, *um*, *in*, *im*: *runkà* 'рука' (совр. лит. *rankà*), *kuñpas* 'угол' (совр. лит. *kañpas*); 2) пралитовский *ā стал сужаться относительно поздно и произносился как [ɔ]; 3) l веляризовалось перед гласными типа [ε] (*lādas* 'лёд', ср. совр. лит. *lėdas*), хотя другие согласные смягчались последовательнее, чем в западных диалектах; 4) аффрикаты *č*, *dž* либо произносились как [c], [dz], либо смешивались. Аукштайтское наречие на территории современной Литвы приобрело инновационные черты, а за ее пределами сохранило изофоны древней эпохи.

«Жемайтский язык», давший начало так называемому среднему варианту старого письменного Л.я., — интердиалект, сформировавшийся в дописьменный период на территории средней низменности современной Литвы, где находился центр Жемайтского княжества (*žėmas* 'низкий'; ср. др.-рус. **жемонть**, **жмонть**, польск. *Żmudź*, нем. *Sameiten*, *Samaythen*, лат. *Samogitia*), располагавшегося на запад от р. Невежис. Жемайтия, входившая с XV в. в состав Великого княжества Литовского, сохраняла административно-политическую самостоятельность. В связи с этим и само название Литвы употреблялось в двух значениях: в широком, включающем и жемайтов, и в узком, без жемайтов. Основу жемайтского интердиалекта составил прадиалект западных аукштайтов со следующими языковыми чертами: 1) сохранились *a*, *e* и тавтосиллабические *an*, *am*, *en*, *em*: *rankà* 'рука', *kañpas* 'угол', *žasis* 'гусь'; 2) пралитовский *ā здесь был значительно уже, чем в аукштайтском интердиалекте, и произносился как [o]; 3) согласный l перед гласными типа [ε] сохранял твердость; другие согласные смягчались не так последовательно, как в «литовском языке»: *lėdas* 'лед' (позже *lādas*).

Согласно одной точке зрения (З. Зинкявичюс), из западного варианта древнего Л.я., сохранившего *a*, *e* и сочетания типа *an*, относительно рано выделился жемайтский диалект, оказавшийся под влиянием куршского языка (см. статью «Балтийские языки»). (Другая часть западного диалекта дала начало современному западноаукштайтскому диалекту.) Жемайтами назывались те литовцы, которые появились на бывших куршских землях до Балтийского моря.

Согласно другой точке зрения, основанной на сопоставлении данных топонимики и археологии (В. В. Седов, а также О. С. Широков), современное жемайт-

ское наречие является продолжением особого языка древних жемайтов, живших между куршами и литовцами. На западе жемайтский диалект частично распространился на земли куршей (испытыв влияние их языка), в то время как на востоке уступил место прадиалекту западных аукштайтов, вследствие чего и сформировался «жемайтский интердиалект».

В основе современной классификации литовских диалектов лежат системные фонетические сходства и различия, в первую очередь — особенности вокализма и просодии.

Просодика жемайтского наречия развивалась под влиянием куршского субстрата (см. статью «Балтийские языки» в наст. издании). Характер тонов в жемайтском отличается от аукштайтского тем, что в нем нет оппозиции между резким и плавным тоном. Нисходящая интонация в жемайтском стала прерывистой; восходящая интонация в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях концентрируется не на втором, а на первом компоненте, который произносится длиннее. В целом акцентные различия более отчетливо проявляются в жемайтских, чем в аукштайтских диалектах; возможно, это связано с глоттализацией при прерывистой интонации. Как следствие, здесь нет тенденции к исчезновению тональных различий, как это происходит с долгими гласными и дифтонгоидами /ie/ и /uo/ под дифтонгами в аукштайтском.

Основным фонетическим критерием отличия ж е м а й т с к и х диалектов от аукштайтских является различное развитие дифтонгоидов /uo/, /ie/. В зависимости от вариантов такого развития в жемайтском наречии выделяются три диалекта: южный, северный и западный. Особенности диалектов ¹:

- 1) в ю ж н о ж е м а й т с к о м: [i:] соответствует лит. /ie/; [u:] соответствует лит. /uo/: [p'i:ns] 'молоко' (лит. *pienas* [p'i:enas]), [dũ:na] 'хлеб' (лит. *dũona* [dũona]);
- 2) в с е в е р н о ж е м а й т с к о м: [ei] и [ou]: [pẽins] 'молоко', [dõuna] 'хлеб';
- 3) в з а п а д н о ж е м а й т с к о м: [e] и [o]: [pẽns] 'молоко', [dõ-na] 'хлеб'.

В соответствии с особенностями произношения слова 'хлеб' носители трех этих диалектов традиционно именуются соответственно дũниники, дõуниники и дõниники.

Другой фонетический критерий, отличающий жемайтские диалекты от аукштайтских, касается консонантизма: вместо лит. /č'/, /dž'/ (из пралитовского

¹ В данном разделе в языковых примерах используются знаки транскрипции, соответствующие литовской традиции (см. также 2.1.1.):

- [ɔ] — открытый [o] с оттенком [a];
- [o] — узкий ненапряженный, между [u] и [ɔ] (бывает краткий, полудолгий, долгий);
- [ɔ̃] — широкий ненапряженный [o];
- [e] — узкий ненапряженный [e], близкий к [i];
- [ẽ] — очень узкий напряженный [e] (соответствует лит. /ē/);
- [ɛ̃] — подвинутый к среднему ряду [e] (как правило, после отвердевших согласных или как в регионе Паневежиса — из *ai);
- [ы] — близко к русскому [ы];
- [ĩ] — твердый веляризованный [i].

Дополнительные знаки интонации: [˘] прерывистая, ^ˆ резкая (от восходящей отличается большей краткостью), [˚] резкая (от нисходящей отличается краткостью и резким понижением голоса в конце).

*-*tja*, *-*dja*) здесь появляются [t], [d]: [jáute·] (им. п. мн. ч.) 'быки' (лит. *jáučiai* [jæ.ɯč'æj]); [mèdeṃs] (дат. п. мн. ч.) 'деревьям' (лит. *mėdžiams* [m'ædž'æms]). Это самая древняя изоглосса, отделяющая жемайтское наречие от аукштайтского — так называемый «жемайтский звуковой закон» («закон аффрикат»).

Характерными для жемайтских диалектов и говоров являются также следующие фонетические особенности:

1) [ie] и [uo] соответствуют литературным гласным среднего ряда /ē/ и /ō/: [d'iet'ɐ] 'класть' (лит. *dėti* [d'ēt'i]), [kūoɐ] 'нога' (лит. *kója* [kōja]);

2) регрессивная ассимиляция гласных по подъему: [ɛ·] — лит. /i/, [o·] — лит. /u/: [lɛ·ktɐ] 'остаться' (лит. *likti* [l'ik't'i]), [bo·va] (3 л. ед. и мн. ч. прош. вр.) 'был' (лит. *būvo* [būvō]);

3) монофтонгизация дифтонгов /ai/ и /ei/: [dā·kc] 'вещь' (лит. *dáiktas* [dā.iktas]), [rē·kals] 'дело' (лит. *reikalas* [r'ɛ̃.kalas]);

4) присутствие гласных верхнего подъема [i] и [u] (из исконных долгих *ī и *ū) в безударных слогах наряду с гласными среднего подъема [e] и [o] (из исконно кратких *i и *u) (в литературном языке результат сокращения долгих *ī и *ū не отличается от исконно кратких *i и *u): [ākɐs] (им. п. ед. ч.) 'глаз' (лит. *akis* [ak'is] < *akis), [ākis] (вин. п. мн. ч.) (лит. *akis* [ak'is] < *akīs < *akins);

5) частичная сохранность носовых призвуков в рефlekсах исконных сочетаний типа «гласный + *n*» перед шелевыми или в конце слова: [ta·n] (вин. п. ед. ч.) 'того/той' (лит. *tā* [tā]), [kán·ɕi] 'кусать' (лит. *kąsti* [kās't'i]);

6) изменения качества гласного в сочетаниях [an] и [en]: [lɔnks] 'окно' (лит. *lángas* [lá.ŋgas]), [lénks] 'поляк' (лит. *lénkas* [l'ė.ŋkas]);

7) появление долгого гласного среднего подъема или дифтонга вместо носовых гласных, образованных из сочетаний *an, *en: [žō.s'ɛs] или [žōus'ɛs] 'гусь' (лит. *žąsis* [žās'is]), [sprɛ·st'] или [sprɛ̃stɐ] 'решать' (лит. *sprėsti* [s'p'r'ɛ̃s't'i]);

8) передвижение ударения влево от исконного ударного (обычно на первый слог): *šàkà* 'ветка' — лит. *šakà*, *pàvažà* 'полоз' — лит. *pavažà*; иногда сохраняется второстепенное ударение; эта тенденция усиливается с продвижением на север;

9) сильная тенденция к выпадению или сокращению гласных в конечных слогах: [nèš] (3 л. буд. вр.) 'будет нести' (лит. *nėša* [n'æ̃ša]), [vi·rs] 'мужчина' (лит. *vyras* [v'iras]), [a·kis] 'глаз' (лит. *akis* [āk'is]), [žɛ·mɐ] или [žɛ·mɐ] или [žɛ·mɪ] 'земля' (лит. *žemė* [ž'ɛ̃m'ɛ]); особенно сильно эта тенденция проявляется в северожемайтских говорах;

10) в дифтонгах с восходящей интонацией *aĩ*, *aũ*, *eĩ*, *uĩ* и в дифтонгических сочетаниях *a*, *e*, *u*, *i* + *ĩ*, *ĩ*, *ũ*, *ĩ* первый элемент произносится как долгий или полу-долгий: [ā·ulas] или [ā.ũ.las] 'голенище';

11) имеются акутовые личные окончания глаголов: [sɔkáu] 'я крутил' (лит. *sukau*), [sɔkâ] 'ты крутил' (лит. *sukai*), [vedê] 'ты вёл' (лит. *vedei*);

12) отсутствует ассимиляция согласных по мягкости и их смягчение перед гласными переднего ряда, что связано с влиянием немецкого языка.

В области морфологии жемайтское наречие отличается от литературного языка рядом инноваций:

1) отдельное склонение прилагательных *u*-основ было ассимилировано другими классами склонений;

2) глаголы, которые в аукштайтском имеют основу настоящего времени на *-i-*, были ассимилированы с тематическим классом с настоящим временем на *-a-*: *tikam* '(мы) верим' (лит. *tikime*);

3) вместо специальной формы прошедшего многократного времени на *-dav-* используется конструкция с инфинитивом и вспомогательным глаголом *liuob(ė)ti*, букв. 'многократно действовал': *liuobu rašyti* '(я часто) писал' (лит. *rašydavau*), *liuobi rašyti* '(ты часто) писал' (лит. *rašydavai*);

4) сохранены архаичные черты: последовательно употребляется двойственное число как в системе склонения, так и в системе спряжения (Тельшай, Кретинга, Клайпеда): *dų geroujo virų* 'два хороших мужчины', *skaitova* 'мы вдвоем читаем'.

В зависимости от степени проявления тех или иных особенностей с северожемайтский диалект подразделяется на кретингские и тельшайские говоры, а южножемайтский — на варняйские и расейняйские. Расейняйские говоры по своим особенностям ближе всех к аукштайтскому наречию.

Аукштайтское наречие, в свою очередь, делится на три диалекта: западный, южный и восточный. Основным отличительным критерием является развитие исконных сочетаний *an и *en. В литературном языке носовой сонорный сохранился в сочетаниях, в которых он оказывается перед взрывным (*rankà* 'рука'), однако если такое сочетание оказывается перед сонорным или в конце слова, оно превращается в носовой гласный, который теряет свой носовой призвук и становится долгим. Если гласный оказывается в исконном дифтонгическом сочетании, где носовым был *a или *e, это сочетание может быть трех видов:

1) в западноаукштайтском диалекте этот гласный не претерпел никаких изменений и дифтонгическое сочетание отражается как [an] и [en] или [a·], [e·]: пралитов. *rankā > [rankà] 'рука', пралитов. *žansis > [ža·s'is] 'гусь';

2) в южноаукштайтском диалекте гласный изменился, сочетания [an], [en] остались без изменений, но когда носовой гласный появляется в таких сочетаниях, он приближается к носовым, которые стремятся перейти в долгие [u·] и [i·]: [žū·s'is] 'гусь' (лит. *žąsis*);

3) в восточноаукштайтском диалекте развитие носовых гласных, произошедших из *an, *en, похоже на южноаукштайтское, но в добавление к этому гласные [a·] и [e·] приближаются к [u] и [i] и в тех случаях, когда носовые сонорные остаются: [runkā] 'рука' (лит. *rankà*), [žū·s'is] 'гусь' (лит. *žąsis*).

Эти диалекты далее подразделяются на более мелкие группы говоров. Так, западноаукштайтский диалект делится на южные говоры (Каунасский регион) и северные говоры (Шяуляйский регион). Шяуляйские говоры отличаются более инновационным характером: в них произошло передвижение ударения и нейтрализация количества гласного в безударных слогах. Каунасские говоры (они часто называются с у в а л к я й с к и м и) считаются основой литературного языка. Они являются наиболее консервативными литовскими говорами, в основном в отношении просодической системы, т. к. в них не происходит передвижение ударения и долгие гласные отличаются от кратких даже в безударной позиции. Некоторые особенности все же отличают эти говоры от литературного языка.

рактизовались значительными славянскими инновациями, на их основе создавался вариант восточного старолитовского письменного языка.

В Цискаде (*Tiskādi*, Латвия), и особенно в Латгалии используются вильнюсские говоры восточноаукштайтского диалекта, близкие к говорам Дукштаса, Римши, Игналины (*c, dz* вм. лит. *č, dž, [ā]* вм. лит. */o/*). С влиянием селонского субстрата иногда связывается появление аникшчяйско-купишкенского говора (с изофонами *ẽ > ā* перед слогом с гласными заднего ряда).

На части территории Восточной Пруссии существовал западноаукштайтский диалект. Этот диалект, сохранивший самую архаичную модель литовского языка, в дописьменную эпоху был распространен на более обширной, чем в наши дни, территории, в частности это Прусская Литва (позже Прусское княжество), или Малая Литва, а также та часть на северо-востоке, которую в настоящее время относят к восточным аукштайтам-паневежцам (так называемые «пантиники» и «понтиники»). На севере Прусской Литвы существовала своеобразная «прусская» разновидность западноаукштайтского диалекта, которую составили два говора: северный (самоназвание жителей *striūkiai* 'стриуки', сокращавшие безударные гласные), и южный, сохранивший безударные окончания (*baltsermėgiai* 'белосермяжники'). На северо-западе Прусского княжества сформировался значительно обособленный говор жемайтов (современные «дониники»). Согласно З. Зинкявичюсу, их потомков называют жемайтами только с точки зрения диалектологических черт, сами они себя жемайтами никогда не называли, так как не жили в Жемайтском княжестве.

Северо-западный угол Занеманья примерно до линии Науяместис — Кудирка — Барздай — Казлу Руда — Лекечяй осваивался переселенцами с территорий, соответствующих современным жемайтским диалектам, для которых характерна восходящая интонация на обоих элементах дифтонгов и дифтонгических сочетаний (*lāūkas* 'поле', *vaikāi* 'дети', *matēi* 'видел', *vīlkas* 'волк'), также сохранившаяся у южных жемайтов, в то время как на остальной территории, населенной с востока и северо-востока, восходящая интонация — на втором элементе дифтонга: *laūkas* 'поле', *vaikaī* 'дети'.

На север от Немана западноаукштайтский диалект был распространен на территории, входившей в состав Жемайтского княжества. Эта территория с севера на юг пересекалась изофоной твердого *l* в позиции перед гласными переднего ряда.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.
- Барановский А. Заметки о литовском языке и словаре. СПб., 1898.
- Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
- Булыгина Т. В. Опыт «динамического» описания литовского спряжения // Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Валейка Л. Транспозиция в литовском и английском языках. Вильнюс, 1980.
- Геношене Е. Диатезы и залоги в современном литовском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Ленинград, 1974.
- Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Мустейкус К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.

Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. М., 1955.

Поржезинский В. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903.

Соссюр де Ф. Литовская акцентуация // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1981.

Судник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья. М., 1975.

Ульянов Г. Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках // Русский филологический вестник, 1888, т. 20.

Ульянов Г. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. 1–2. Варшава, 1891–1895.

Широков О. С. Языковедение: введение в науку о языках. М., 2003.

Явнис К. Грамматика литовского языка. Пг., 1908–1916.

Amato L. S. La distribuzione della posposizione nel lituano antico. Napoli, 1976.

Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1988.

Arumaa P. Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina. Tartu, 1933.

Balčikonis J. Rinkiniai raštai. T. 1–2. Vilnius, 1978–1982.

Balode L., Holvoet A. The Lithuanian language and its dialects // Circum-Baltic Languages. Volume 1: Past and Present / Eds.: Ö. Dahl, M. Kop-tjevskaja Tamm. Amsterdam-Philadelphia, 2001.

Basanavičius J. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1970.

Būda V. Lietuvių kalbos prijungiamieji sakiniai. Vilnius, 1987.

Biša K. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1958–61, t. 1–3.

Būtėnas P. Lietuvių kalbos prielinksnių mokslas. Kaunas, 1930.

Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1997.

Dambriūnas L., Klimas A., Schmalstieg W. R. Introduction to Modern Lithuanian. New York, 1966.

Fraenkel E. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928.

Fraenkel E. Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen. Heidelberg, 1929.

Girdenis A. Fonologija. Vilnius, 1981.

Girdenis A. Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai. Vilnius, 2003.

Grinaveckis V. Žemaičių tarmių istorija. Vilnius, 1973.

Heeschen K. Einführung in die Grundprobleme der generativen Phonologie mit besonderer Berücksichtigung der litauischen Phonologie. Bonn, 1968.

Hermann E. Über die Entwicklung der litauischen Konjunktionalsätze. Jena, 1912.

Hermann E. Litauische Studien. Berlin, 1926.

Introduction to Modern Lithuanian. New York, 1993.

Jablonskis J. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1957–1959, t. 1–2.

Jakaitienė E. Lietuvių kalbos leksikologija. Vilnius, 1980.

Jakaitienė E., Laigonaite A., Paulauskienė A. Lietuvių kalbos morfologija. Vilnius, 1976.

Jašinskaitė I. Lietuvių kalbos ištiktukai. Vilnius, 1975.

Jaunius K. Lietuvių kalbos gramatika. Peterburgas, 1911.

Kalinauskas B. Lietuvių kalbos žodžių junginių sintaksė. Vilnius, 1972.

Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968.

Kenstowicz M. Lithuanian Phonology. University of Illinois, 1972.

Kleinas D. Pirmoji lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1957.

Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.

Labutis V. Lietuvių kalbos sintaksė. Vilnius, 1998.

Laigonaite A. Lietuvių kalbos akcentologija. Vilnius, 1978.

Leskien A. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig, 1884.

Leskien A. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.

Leskien A. Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch. Heidelberg, 1919.

Lietuvių kalbos enciklopedija. Vilnius, 1999.

Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1965–1976, t. 1–3.

Lietuvių kalbos tarmės: Chrestomatija. Vilnius, 1970.

Lithuanian Grammar. Vilnius, 1997.

Marvan J. Modern Lithuanian Declension: A Study of its Infrastructure. Ann Arbor, 1979.

Mielcke Chr. G. Anfangs-Gründe einer litauischen Sprach-Lehre. Königsberg, 1800.

Dabartinės *Agilios*

- Mikalauskaitė E.* Lietuvių kalbos fonetikos darbai. Vilnius, 1975.
- Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. Warszawa, 1956–1966, t. 1–3.
- Pakerys A.* Lietuvių bendrinės kalbos prozodija. Vilnius, 1983.
- Pakerys A.* Lietuvių bendrinės kalbos fonetika. Vilnius, 1995.
- Palionis J.* Lietuvių rašomosios kalbos istorija. Vilnius, 1995.
- Paulauskienė A.* Gramatinės lietuvių kalbos veiksmazodžio kategorijos. Vilnius, 1979.
- Paulauskienė A.* Gramatinės lietuvių kalbos vardažodžių kategorijos. Vilnius, 1989.
- Paulauskienė A.* Lietuvių kalbos morfologija. Vilnius, 1994.
- Paulauskienė A., Tarvydaitė D.* Gramatikos normos ir dabartinė vartosena. Kaunas, 1986.
- Paulauskienė A., Tarvydaitė D.* Žodyno normos ir dabartinė vartosena. Vilnius, 1998.
- Pedersen H.* Études lithuaniennes. Copenhagen, 1933.
- Pikčilingis J.* Lietuvių kalbos stilistika. Vilnius, 1971–1975, t. 1–2.
- Piročkinas A.* Mokomės lietuvių kalbos. Vilnius, 1995.
- Rosinas A.* Lietuvių bendrinės kalbos įvardžiai. Vilnius, 1996.
- Ruhig P.* Anfangsgründe einer litauischen Grammatik. Königsberg, 1747.
- Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. Vilnius, 1979–1982, t. 1–2.
- Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.
- Safarewicz J.* Stan badań nad aspektem cząsownikowym w języku litewskim // Baltico-Slavica. Wilno, 1938. Vol. 3.
- Schleicher A.* Litauische Grammatik. Prag, 1856.
- Schmalstieg W. R.* Descriptive Study of the Lithuanian Verbal System // General Linguistics, 1958. Vol. 3.
- Schmalstieg W. R.* A Lithuanian Historical Syntax. Columbus, 1987.
- Schwentner E.* Die Wortfolge im Litauischen. Heidelberg, 1922.
- Senn A.* Lithuanian dialectology. Cambridge (Mass.), 1945.
- Senn A.* Handbuch der litauischen Sprache. Heidelberg, 1957–1966, Bd. 1–2.
- Sirtautas V., Grenda Č.* Lietuvių kalbos sintaksė. Vilnius, 1988.

- Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Kaunas, 1943.
- Skardžius P.* Lietuvių kalbos kirčiavimas. Chicago, 1968.
- Stundžia B.* Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.
- Torbiörnsson T.* Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent. Heibelberg, 1924.
- Urbutis V.* Žodžių darybos teorija. Vilnius, 1978.
- Valeckienė A.* Funkcinė lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1998.
- Valeika L.* Word Order in Lithuanian and English in Functional Sentence Perspective. Vilnius, 1974.
- Wiedemann O.* Handbuch der litauischen Sprache. Strassburg, 1897.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1980–1981, t. 1–2.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1976 [офсетное переизд.: 1994].
- Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. Vilnius, 1984–1994, t. 1–6.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. Vilnius, 1996.
- Zinkevičius Z.* The History of the Lithuanian Language. Vilnius, 1996.
- Zinkevičius Z.* Rinktiniai straipsniai. Vilnius, 2002, t. I–II; 2004, t. III–IV.
- Župerka K.* Lietuvių kalbos stilistika. Vilnius, 1983.

Словари и атласы

- Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках. Том 1, вып. 1, СПб, 1987; вып. 2, СПб, 1904, вып. 3 (тома 2-го, вып. 1), Петроград, 1922.
- Baronas V., Galinis V.* Rusų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1967, T. 1–2.
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas.* Vilnius, 2000 [1954, 1972, 1993].
- Ermanyte I.* Antonimų žodynas. Vilnius, 2003.
- Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962–1965, Bd. 1–2. Frazeologijos žodynas. Vilnius, 2001.
- Kuzavinis K., Savukynas B.* Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius, 1994 [1987].
- Lemchenas Ch.* Rusų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1955.

- Lemchenas Ch., Macaitis J.* Rusų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1997 [переизд.: 2000; 2003].
- Lietuvių kalbos atlasas.* Vilnius, 1977–1991, t. 1–3.
- Lietuvių kalbos žodynas.* Vilnius, 1941–2001, t. 1–20.
- Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 2001 [1971].
- Lyberis A.* Sinonimų žodynas. Vilnius, 2002 [1980].
- Miežinis M.* Lietuvizskai-latviškai-lenkiskai-rusizskas žodynas. Tilžėje, 1894.
- Naktinienė G., Paulauskienė A., Vitkauskas V.* Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.
- Petrauskas J., Vidugiris A.* Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.

- Rusų-lietuvių kalbų žodynas.* Vilnius, 1982–1985, T. 1–4.
- Sereiskis B.* Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1933.
- Stašaitinė V., Paulauskas J.* Rusų-lietuvių kalbų frazeologijos žodynas. Vilnius, 1985.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vidugiris A.* Zietelos šnektos žodynas. Vilnius, 1998.
- Vitkauskas V.* Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976.
- Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann.* Königsberg, 1851.

В. Э. Сталтмане

ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Варианты названия: латыш. *latviešu valoda*, букв. 'язык латышей', англ. *Latvian*, нем. *Lettisch*, фр. *le lettone*. Впервые корень *lat-* встречается в Ливонской хронике Генриха Латвийского (*Lethi vel Lethigalli*, 1206).

1.1.2. Входит в восточнобалтийскую группу балтийской ветви индоевропейской семьи языков.

1.1.3. Латышский язык преобладает на всей территории Латвии, кроме ее самых восточных окраин и двух-трех больших городов. Число говорящих на Л.я. в мире свыше 1,5 млн. чел.; из них в Латвии 1381 тыс. чел. (2000, перепись), в России 35 тыс. (2002, перепись). В Северной и Южной Америке, Австралии, Швеции, ФРГ и др. странах на Л.я. говорят около 150 тыс. чел.

1.2.0. Лингвгеографические сведения.

1.2.1. Три основных диалекта: среднелатышский, ливонский и верхнелатышский (подробнее см. 2.7.0.). Диалекты взаимопонимаемы.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Л.я. является государственным языком Латвийской Республики. С 1988 г. Л.я. снова приобрел статус государственного языка, которого был лишен в советское время.

1.3.2. Изучение Л.я. было начато в XVII в. немецкими священниками. Г. Манцель (G. Mancelius, 1593–1654) издал первый немецко-латышский словарь «*Lettus*» (Riga, 1638), во введении к которому приведено краткое описание латышской фонетики, а в приложении даны примеры разговорной речи и фразеологии. Автором первой грамматики — «Руководства по латышскому языку» («*Manvdvctio Ad Lingvam Lettonicam*», Рига, 1644) — является И. Г. Рехехузен (J. G. Rehehusen, ?–1648 или 1650). К. Фюрекер (Chr. Fürecker, 1615–1685) составил рукопись латышско-немецкого словаря; подготовленные им материалы по граммати-

ке вошли в книгу Х. Адольфи (H. Adolphi, 1622–1686) «Первый опыт краткого введения в латышский язык» («Erster Versuch einer kurzverfassten Anleitung zur lettischen Sprache», Митава, 1685). Э. Глюк (E. Glück, 1652 или 1654–1705) перевел Библию на Л.я. («Tā Svētā Grāmata jeb Dieva Svētais Vārds», Рига, 1685–1694). Лингвистически значимы труды Г. Ф. Стендера (G. F. Stender, 1714–1796): грамматика Л.я. («Lettische Grammatik», Брауншвейг, 1761) и словарь в двух томах («Lettisches Lexikon», Митава, 1789); в духе идей эпохи Просвещения им была написана первая научно-популярная книга на Л.я. «Книга высокой мудрости» («Augstas gudrības grāmata», Елгава и Айзпуте, 1774).

В середине XIX в. значительный вклад в изучение и стандартизацию Л.я. внесли деятели латышского культурно-просветительного движения, так называемые «младолатыши». Так, К. Валдемарс (K. Valdemārs, 1825–1891) составил «Русско-латышско-немецкий словарь» (1872) и «Латышско-русско-немецкий словарь» (1879). Ощущая острый недостаток в латышской лексике для обозначения новых реалий и понятий, младолатыши активно занимались словотворчеством. При этом созданные ими слова нередко вытесняли бытующие в речи немецкие варваризмы. Первые шаги в этом направлении предпринял общественный деятель и поэт Ю. Алунанс (J. Alunāns, 1832–1864), который ввел в обиход, например, следующие слова: *pētnieks* ‘исследователь’, *drēbnieks* ‘портной’, *veikals* ‘магазин’ и др.

Особую роль в формировании и обогащении словарного запаса Л.я. сыграл выдающийся деятель латышской культуры — основатель школ, учитель, составитель школьных учебников, литературный и театральный критик, лингвист — А. Кронвалдс (A. Kronvalds, 1837–1875), создавший целый ряд слов, бытующих в Л.я. и по сей день, например: *apstākļi* ‘условия’, ‘обстоятельства’, *apvāršnis* ‘горизонт’, *atvainot* ‘извинить’, *atvainoties* ‘извиниться’, *burtnīca* ‘тетрадь’, *cēlonis* ‘причина’, *cietoksnis* ‘крепость’, *daile* ‘красота’, ‘художество’, ‘искусство’, *dzeja* ‘поэзия’, *dzejnieks* ‘поэт’, *dzejolis* ‘стихотворение’, *īpašības vārds* ‘имя прилагательное’, *izglītība* ‘образование’, *izloksne* ‘говор (диалекта)’, *kaislība* ‘страсть’, *kauja* ‘бой’, *līdzeklis* ‘средство’, *lietu vārds* ‘имя существительное’, *locījums* ‘падеж’, *nākotne* ‘будущее’, *padome* ‘совет’, *pagātne* ‘прошлое’, *paveids* ‘разновидность’, *piebilde* ‘оговорка’, *pilsonis* ‘гражданин’, *priekšmets* ‘предмет’, *raksturs* ‘характер’, *ricība* ‘действие’, ‘поступок’, *rietumi* ‘запад’, *skābeklis* ‘кислород’, *slimnīca* ‘больница’, *stāvoklis* ‘положение’, *sūtnis* ‘посланник’, ‘посол’, *teikums* ‘предложение’, *tēlot* ‘изображать’, *tēvija* ‘отечество’, *turpināt* ‘продолжать’, *valde* ‘правление’, *vēsture* ‘история’, *viela* ‘вещество’, *virziens* ‘направление’, *zīmulis* ‘карандаш’, *zinātne* ‘наука’. А. Кронвалдс также возрождал архаизмы или вводил в литературный Л.я. областные слова: арх. *balva* ‘награда’, арх. *jauda* ‘мощность’, обл. *kaurētis* ‘стесняться’, обл. *nolūks* ‘намерение’, обл. *sacerēt* ‘сочинять’.

Современный Л.я. является общенародным литературным языком, в его основе лежит среднелатышский диалект. На Л.я. издаются газеты и журналы, художественная литература, научно-техническая, учебная, общественно-политическая и другая литература. Параллельно с письменной традицией общелитературного Л.я., начиная с 1730 г. по 1961 г. и после 1989 г. издаются книги и газеты на верхнелатышском диалекте; в Латгале (Латгалии) его называют латгальским языком или латгальским письменным языком, см. статью «Латгальский язык» в наст. издании.

1.3.3. Л.я. — язык обучения в начальной, средней и высшей школе. Является объектом исследования в Институте латышского языка Латвийского университета, на кафедре балтийских языков Латвийского университета, в Даугавпилсском педагогическом университете и Лиепайской педагогической академии, за рубежом изучается во Франции (Сорбонна), в университетах Стокгольма (Швеция), Осло (Норвегия), Варшавы, Познани (Польша), Хельсинки (Финляндия), Пизы (Италия), Аделаиды (Австралия), Санкт-Петербурга (Россия), Праги (Чехия), Будапешта (Венгрия) и др. Кроме того, латышский язык изучается во всех университетах Литвы (Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шяуляй). О развитии латтонистики в XX в. см. статью «Балтийские языки» в наст. издании.

1.4.0. Письменность с XVI в. на латинской основе по образцу немецкого алфавита; с 1908 г. начало внедряться в практику, а с 1919 г. официально утверждено латинское письмо с дополнительными диакритиками. Современный алфавит состоит из 33 букв: *a, ā, b, c, č, d, e, ē, f, g, ģ, h, i, ī, j, k, ķ, l, ļ, m, n, ņ, o, p, r, s, š, t, u, ū, v, z, ž*. В 1946 г. из алфавита изъята буква *ŗ*, обозначающая среднеязычное (фонетически — палатализованное) [r'], встречающееся еще в некоторых говорах; в 1957 г. изъят диграф *ch*, заменен одной буквой *h*, обозначающей соответствующую согласную в заимствованных словах.

Консонантные фонемы /z/ и /ž/ на письме отображаются с помощью диграфов, соответственно *dz* и *dž*.

1.5.0. История языка не имеет периодизации, так как письменные памятники поздние, с XVI в. История письменного языка делится на три периода:

1) старолатышский: XVI в. — первая половина XIX в., фиксация первых текстов на Л.я. немецкими священниками, слабо владеющими Л.я. (религиозные тексты, словари, грамматики, начало светской литературы), а также первые произведения самих латышей;

2) младолатышский: 1850–1890 гг., литература эпохи «национального пробуждения»;

3) период современного латышского литературного языка с 1890-х годов до наших дней.

1.6.0. Согласно гипотезе некоторых лингвистов, на становление современного фиксированного ударения на первом слоге (вместо свободного ударения) в Л.я. могли повлиять ливский субстрат и немецкий адстрат. Не без влияния немецкого языка (в том числе и в роли языка-посредника) в Л.я. освоены фонемы /o/, /ō/, /f/ и /h/, встречающиеся только в заимствованиях*: *dogma* [dogma] ‘догма’, *diagnoze* [diagnože] ‘диагноз’, *foto* [foto] ‘фото’, *humors* [humòrs] ‘юмор’. В старых заимствованиях фонема /o/ натурализовалась и превратилась в дифтонг /uo/: *odere* [uōdere] ‘подкладка’, *roze* [ruōže] ‘роза’. Замена иноязычного /o/ латышским /uo/ наблюдается также в более новых заимствованиях: *mode* [muōde] ‘мода’, *notis* [nuōtis] ‘ноты’. Неисконность фонем /o/ и /ō/ и открытость ряда заимствований, их содержащих, нередко вызывает произносительные колебания: *lōģika* [lōģika] и [lōģika] ‘логика’.

В старых заимствованиях звук [f] субституировался согласной /p/, хотя в современном литературном языке в таких случаях восстановлено /f/ (/p/ сохрани-

* В данной статье (так же как и в статье «Латгальский язык») вопреки традиции, принятой в балтистике, при обозначении слоговых интонаций в транскрипции во всех случаях сохранено самостоятельное обозначение долготы гласного (подробнее о слоговых интонациях см. 2.1.2.).

лось лишь в диалектных формах типа *pabrika* 'фабрика', *kapeja* 'кофе'. Звук [h] (соответствует звуку *Hauchlaut*) отпадал (*āmurs* [āmürs] 'молоток' < древнескандинавское *hamarr*). Преимущественно в заимствованиях встречаются долгие сонорные: *vanna* [vaŋa] 'ванна', *kanna* [kaŋa] 'бидон', *krelles* [kreļes] 'бусы' и т. п.; см. также 2.1.3.

Немецкий язык оставил след также в синтаксисе и семантике Л.я.

Следы ливского субстрата наиболее заметны в фонетике и морфологии ливонских говоров (2.7.0.), следы древнего балтийского языка куршей сохранены в фонетике и морфологии куршских говоров среднелатышского диалекта и изредка встречаются в литературном языке (например, сохранение в литературном языке тавтосиллабического соединения краткого гласного с *n*: лит. *dzintars* 'янтарь' вместо ожидаемого **dzītars*).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемную систему литературного Л.я., согласно традиционной трактовке, составляют сорок восемь фонем: двенадцать монофтонгов, десять дифтонгов (*ai, au, ei, eu, oi, ou, iu, ui, ie, uo*) и двадцать шесть консонантов.

Характерной чертой латышского вокализма является противопоставление по долготе/краткости. Оно широко используется в слово- и формообразовании: *kazas* 'козы' — *kāzas* 'свадьба'; *mele* 'лгуны' — *mēle* 'язык', *pīle* 'капля' — *pīle* 'утка', *upi* 'реку' — *ūpi* 'сову'. Количественное соотношение (длительность звучания) кратких и долгих гласных можно представить как 2:5. И краткие, и долгие гласные принадлежат к одному и тому же звуковому типу и отличаются только количественно.

Дифтонги представляют собой самостоятельные фонемы и выполняют смысловоразличительную функцию. Оба компонента (гласные) в дифтонге участвуют в слогообразовании. Дифтонги, подобно монофтонгам, произносятся одинаково отчетливо как в ударных, так и в безударных слогах. Первый компонент дифтонга /ei/ в литературном языке, как правило, произносится закрыто. В очень редких случаях в именах собственных немецкого происхождения встречается его факультативный вариант [ɛi]: *M[ɛi]nhards, V[ɛi]denbaums*.

К специфическим фонемам Л.я. относятся дифтонги /ie/ и /uo/, отличающиеся от остальных дифтонгов более слитным произношением обоих компонентов. Дифтонги /oi/, /eu/, /ou/ в литературном языке встречаются преимущественно в словах иноязычного происхождения, /ui/ встречается сравнительно редко.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i ī		u ū
Средний	e ē		o ō
Нижний	ɛ ẽ	a ā	

Противопоставление /e/:/ɛ/, /ē/:/ẽ/ по закрытости/открытости фонематично, хотя и не отражается в графике: *dēli* [dēli] 'пиявку' — [dēli] 'сыновья', *nesu* [nes:u] '(я) нес' — [nɛs:u] 'несу'.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования				
			Губные		Переднеязычные		Среднеязычные
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвеолярные	
Шумные	Взрывные	Гл.	p		t		k
		Зв.	b		d		g
	Аффрикаты	Гл.			c	č	
		Зв.			z	ž	
	Щелевые	Гл.		f	s	š	x
		Зв.			z	ž	
Сонорные	Носовые		m		n		ŋ
	Боковые					l	ɭ
	Дрожащие					r	
	Щелевые			v			j

К специфическим звукам Л.я. можно отнести среднеязычные /k/, /g/, противопоставленные по месту образования заднеязычным /k/ и /g/ и переднеязычным /t/, /d/, а также звонкие аффрикаты /z/ и /ž/, противопоставленные глухим /c/ и /č/.

Факультативный вариант [r'] фонемы /r/ — палатализованный апиально-альвеолярный переднеязычный сонорный согласный — встречается лишь у старшего поколения, особенно в Курземе: *mēris* 'чума' — род. п. ед. ч. *mēra* [mēr'a], *serure* 'шапка' — род. п. мн. ч. *seruri* [sɛr:ur'u]. В современном Л.я. [r'] заменяется основным вариантом фонемы /r/, особенно после изъятия из алфавита соответствующей буквы r.

2.1.2. Своеобразной чертой латышской фонетики является слоговая интонация (или слоговой акцент). Слоги, содержащие долгий гласный, дифтонг или тавтосиллабическое сочетание краткого гласного с *l, l, m, n, p, r*, могут быть различно интонированы, т. е. произноситься с модуляцией голоса по интенсивности и высоте тона. Каждый диалект имеет свою интонационную систему. Древнейшей является система среднелатышского диалекта, где сохранены три основные интонации, каждая из которых имеет свою историю развития и соответствует определенным интонациям в родственных языках: длительная (*māte* [māte] 'мать', *saule* [saule] 'солнце', *tilts* [tīl:c] 'мост'), прерывистая (*dēls* [dēls] 'сын', *lauzt* [laušt] 'сломать', *sirds* [sīfc] 'сердце') и нисходящая (*stads* [stāc] 'растение', 'саженец', *braukt* [brāukt] 'ехать'). Все остальные системы интонаций более позднего образования. В настоящее время наблюдается нивелировка интонаций, так как в речи большинства говорящих вследствие совпадения некоторых типов интонаций различаются только две интонации (см. 2.7.0.). Современная орфоэпическая норма допускает систему двух интонаций — длительной и недлительной, которая в литературном языке все более распространяется.

Латышские интонации соответствуют литовским следующим образом:

1) в тех случаях, когда в литовском языке циркумфлекс (восходящая интонация), в латышском языке — нисходящая интонация: *draūgas* [draū.gas] — *draugs* [drauks] 'друг', *tōs* [tōs] — *tas* [tās] 'той' (род. п. ед. ч.), *piṛkti* [piṛ'.k't'i] — *pirkt* [pirkt] 'покупать';

Не описано, но интонация...

2) в тех случаях, когда в литовском языке акутовая интонация, в латышском языке может быть или длительная, или прерывистая интонация: а) *brōlis* [brōl'is] — *brālis* [brālis] 'брат', *lāimē* [lā.im'e] — *laime* [laime] 'счастье', *lėmti* [l'ė.m't'i] — *lemti* [leɲt'i] 'определять'; б) *kópti* [kóp't'i] — *kāpti* [kāpti] 'взбираться', *láužti* [lā.uš't'i] — *lauzt* [laust] 'ломать', *kārštas* [ká.rštas] — *karsts* [kaɲsc] 'горячий'. По закону Я. Эндзелина, длительная интонация в латышском языке присутствует в тех случаях, когда слог ранее имел акутовую интонацию и всегда был ударным (слова с древним корневым ударением); прерывистая интонация присутствует тогда, когда ударение было оттянуто на первый слог с акутовой интонацией (так было в словах с древним ударным окончанием).

Словесное ударение, фиксированное на первом слоге, динамическое. Исключения, противоречащие общему акцентологическому правилу, связаны преимущественно с определенными морфологическими категориями (в таких случаях в транскрипции оно обозначается вертикальным штрихом перед ударным слогом): ударение во втором слоге в формах превосходной степени имен прилагательных и наречий: *vis'labākais* 'самый лучший', *vis'labāk* 'лучше всего'; в сложных словах, особенно с первым компонентом *pus-*: *pus'divi* 'полвторого', *pus'otra* 'полтора'; в местоимениях и наречиях с *ne-* и *ik-* в первой части, например: *ne'viens* 'никто', *ik'katrs* 'каждый'. В несклоняемых заимствованных именах нарицательных и именах собственных можно наблюдать сохранение оригинального места ударения: *ra'gu* 'рагу', *espe'ranto* 'эсперанто', *komuni'kē* 'коммунике', *Zo'lā* 'Зоя', *Did'ro* 'Дидро', *Rio'negro* 'Рио-Негро', *Tol'jati* 'Тольятти', *Bi'zē* 'Бизе'. Менее последовательно это осуществляется в русских и других славянских фамилиях: *Tur'geņevs* 'Тургенев', *Dosto'jevskis* 'Достоевский', *Že'romskis* 'Жеромский', *O'ginskis* 'Огинский', но *Tolstojs* 'Толстой', *Potebņa* 'Потебня', *Iļjins* 'Ильин' и т. п.

Сдвиг в обычной акцентуации может быть мотивирован также стилем разговорной речи (эмфазой): *ga'līgi slinks* 'совершенно ленивый', *aizskrēja pa'lēkdamies* 'убежал подпрыгивая', *strādā no'svīdis* 'работает в поте лица' и т. п.

2.1.3. Вокализм литературного языка не подвержен редукции: во всех позициях сохраняется качество главного варианта фонемы. Незначительная количественная редукция имеет место в неударных слогах. Позиционных изменений (типа контракции гласных *neesmu* [ne-ɛsmu] 'я не есть' > [nɛsmu], о фонематичности /e/ и /ɛ/ см. ниже), обусловивших появление качественно другой фонемы, мало.

На грани позиционных и исторических чередований находится графически не отраженное чередование закрытого и открытого /e/, /ē/ и /ɛ/, /ĕ/. Статус фонологически противопоставленных единиц /e/, /ē/ и /ɛ/, /ĕ/ приобрели, пройдя стадию позиционно обусловленных фонетических вариантов (в балтийском языке-основе открытый *e* был кратким, закрытый — долгим). Позже вместо двух гласных образовались две пары: краткий гласный — закрытый и открытый и долгий — закрытый и открытый. Исторически противопоставление /e/ и /ē/ по закрытости/открытости было обусловлено фонетическим правилом регрессивной ассимиляции: фонемы /e/, /ē/ произносились закрыто перед слогами, содержащими гласные /i/, /ī/, /e/, /ē/ и дифтонги /ie/, /ei/, а также перед согласными /j/, /j/, /ġ/, /ŋ/, /v/, /š/, /ž/, /č/, /ž/, /r'/ или сочетаниями /bj/, /pj/, /mj/, /vj/; во всех остальных позициях *e*, *ē* произносились открыто. В ряде случаев и в современном литературном языке от-

крытость/закрытость /e/, /ē/ может быть объяснена чисто фонетически: *secināt* [sec:ināt] 'делать вывод', *mellene* [meļene] 'черника', *esiet* [esiēt] 'будьте!', *nēgu* [nēgu] 'миног' (род. п. мн. ч.), *svešums* [svešums] 'чужбина', 'отчужденность'; но: *vedekla* [vɛdɛkla] 'невестка', *uzdevums* [uzdɛvums] 'задание' и т. п. Однако во многих случаях дистрибуция /e/, /ē/ и /ɛ/, /ĕ/ больше не подчиняется сформулированному выше фонетическому закону вследствие развития языка, вызвавшего в частности утрату кратких гласных в конце слова и монофтонгизацию дифтонгов в той же позиции. В результате этого изменились позиционные условия для гласных, находящихся в корне или в основе, поэтому современное употребление /e/, /ē/ и /ɛ/, /ĕ/ часто отражает уже прошлую стадию развития языка и противоречит современной фонетической обусловленности, например, в основе отадъективных наречий, оканчивающихся на *-i*, произносятся открытые гласные: *lēni* [lɛni] 'медленно', так как финальное *-i* < **-ai*. Фонетически неправомерное произношение нередко появляется как следствие выравнивания парадигмы по аналогии, например, в именительном и дательном падежах множественного числа имен I склонения в основе произносятся /ɛ/ по аналогии с другими падежами, где оно фонетически или исторически правомерно, ср. *dēli* [dɛli] им. п. 'сыновья' и дат. п. *dēliem* [dɛliem], так же как вин. п. *dēlus* [dɛlus]. В диалектах же аналогия действует не всегда, например, в некоторых среднелатышских говорах произносят [dɛli], [dɛliem] и т. п.

Регрессивная ассимиляция /e/, /ē/ и /ɛ/, /ĕ/, обусловленная качеством следующих гласных и согласных, в современном Л.я. находится в стадии затухания, вследствие чего открытость и закрытость названных фонем определяется частично в словарном порядке, частично теми или иными морфологическими категориями и формами слов.

Консонантизм подвержен значительным изменениям в потоке речи. Распространена регрессивная ассимиляция согласных по звонкости/глухости: глухие шумные /p/, /t/, /k/, /k/, /s/, /š/, /c/, /č/ перед звонкими шумными в произношении озвончаются: *lipdams* [libdams] 'прилипая', *atbraukt* [adbrāukt] 'приехать', *rokdarbi* [rùgdarbi] 'рукоделие', *pusdiena* [puzdiena] 'полдень' и т. п. Звонкие шумные /b/, /d/, /g/, /ġ/, /z/, /ž/, /z/, /ž/ перед глухими шумными оглушаются: *labs* [laps] 'хороший', *degs* [deks] 'будет гореть', *uzkāpt* [uskāpt] 'взойти', *mazturīgs* [masturīks] 'бедный'. Данному типу ассимиляции могут подвергаться сразу несколько согласных: *priekšgals* [priegžgāls] 'передняя часть', *strazds* [strasc] 'скворец'.

Полная регрессивная ассимиляция свистящего шипящему по активному органу речи наблюдается на стыке морфем в начале слова: *izzūt* [ižūt] 'высохнуть', *visšaurākais* [višaurākaš] 'самый узкий'. Двойная ассимиляция (в начале по звонкости/глухости, затем уподобление свистящего шипящему) наблюдается на стыке приставки и корня: *izšaut* [išaut] 'выстрелить'. Свистящие /s/ и /z/ могут частично ассимилироваться аффрикатам /č/ и /ž/, превращаясь в соответствующие шипящие: *aizdzīkstēt* [aižžij:kstēt] 'просвистеть', 'прожужжать', *pusčetri* [pusčetri] или [puščetri] 'полчетвертого'. В результате двух процессов ассимиляции сочетание согласных /zč/ может превратиться в /šč/: *aizčāpot* [aiščāpuôt] 'уйти, волоча ноги'.

Прогрессивная ассимиляция уподобляет /s/ предшествующему /š/: *gaišs* [gāišš] 'светлый', этому может предшествовать еще и оглушение: *mežs* [mešš] 'лес'.

Тавтосиллабическое соединение краткого гласного с /v/ или /j/ вокализуется: *tev* [tèu] 'тебе', *tavs* [tàu] 'твой', но *tava* [tava] 'твоя', *dzejnieks* [zèiniëks] 'поэт', но *dzeja* [zeja] 'поэзия'. После долгих монофтонгов или дифтонгов вокализация менее ощутима.

Фонема /n/ имеет позиционно-обусловленный вторичный вариант [ŋ] — сонорный носовой заднеязычный согласный, реализующийся перед заднеязычными согласными и фонематического значения не имеющий: *banga* [baŋ:ga] 'высокая волна', *krunka* [kruŋ:ka] 'морщина', на стыках морфем позиционная мена не реализуется: *viengabala* [viëngabala] 'цельный' (*viens* 'один' + *gabals* 'кусок').

Долгота/краткость согласных (если не касаться появления удвоенных согласных на стыке морфем, например, *at-tīt* [aīt] 'развернуть' и т. п.) фонетична и зависит от разряда согласных, от позиции в слове, от ударения, а также от слоговой интонации. Так, глухие шумные между кратким ударным и кратким безударным гласным произносятся долгими или полудолгими: *lapa* [la̯pa] или [la̯p:a] 'лист'. В этой же позиции в трех- и четырехсложных словах они произносятся полудолгими: *cepure* [cɛp:ure] 'шапка', *ritenis* [rit:enis] 'колесо'. Сонорные также бывают: 1) полудолгими в дифтонгических сочетаниях с длительной интонацией: *bumba* [buĩ:ba] 'мяч', *manta* [maĩ:ta] 'имущество'; 2) немного удлинненными в соединениях с недлительной интонацией: *ņemt* [ņeĩ:(t)] 'брать', *burvis* [bũr:(t)vis] 'колдун'; 3) долгими в заимствованиях между краткими гласными: *panna* [paĩna] 'сковородка', *krelles* [kreĩles] 'бусы', *ķerra* [ķeĩra] 'тачка' и в некоторых исконных словах, где они появились вследствие ассимиляции *ln > ll*: *mellene* [meĩlene] 'черника' < **melne*, *villaine* [viĩaine] 'наплечная шерстяная шаль' < **vilnaine*.

2.1.4. Слог, его структура и границы в Л.я. мало изучены. Слоги подразделяются на монофтонгические и дифтонгические. В центре монофтонгического слога может быть краткий или долгий монофтонг или слоговой сонорный: *zeme* [ze-me] 'земля', *lāpa* [lā-pa] 'факел', *kakls* [kāk:-ls] 'шея'. В центре дифтонгического слога может быть дифтонг или дифтонгическое сочетание краткого гласного с /l/, /m/, /n/, /r/: *daudz* [dàuɹ] 'много', *celt* [ceĩt] 'поднимать', а также краткий гласный с последующим долгим слоговым шумным: *aka* [a̯ka] 'колодец', *lapa* [la̯pa] 'лист'. Л.я. свойственны дифтонгические слоги с дифтонгами, в которых оба компонента слогаобразующие. Особого внимания заслуживают долгие слоги, поскольку они произносятся со слоговой интонацией (о чем подробнее 2.1.2.).

Для структуры слога характерны: сравнительно мало шумных в начале и в конце слога; в закрытом слове обычно два-три шумных, реже четыре-пять: *dziesmas* [zië-mas] 'песни', *trauk-ties* 'мчаться', *bār-stīt* 'рассыпаться', *lie-lisks* 'великолепный', *tvīkt* 'гореть', 'пылать', *spraust* 'прикалывать', 'тыкать', *dzirksts* [zi̯rksc] 'искра'. В начале слога не может быть больше трех согласных. Если в начале слога три согласных, то один из них обязательно сонорный: *strā-dāt* 'работать', *skriet* 'бежать'. Наибольшее количество согласных в конце слога — четыре. Шумных в конце слога может быть не более трех, например *rieksts* [ri̯eksc] 'орех'. Если в конце слога четыре согласных, то первый из них сонорный, являющийся вторым компонентом тавтосиллабического сочетания (обычно с кратким гласным), например, *pirksts* [pi̯rksc] 'палец'.

Неслогообразующие фонемы размещаются в слове в определенном порядке: в начале исконных слов после губных /p/, /b/ могут следовать только сонорные /l/,

/l/, /r/, например, *plūkt* 'срывать', *plaut* 'косить', *prast* 'уметь', но *psihe* [psihe] 'психика' и т. п. в заимствованиях.

Характерно звуко сочетание /st/ как в начале, так и в конце слова: *stumt*, *grūst* 'толкать', в то время как /t/ и /s/ в данной последовательности не могут находиться в одном слоге, так как соединение этих согласных превращается в аффрикату /c/ (см. 2.1.3.).

Граница слога находится: 1) перед интервокальным кратким согласным: *sēta* [sē-ta] 'забор', *ziedi* [ziē-di] 'цветы', *laiva* [laĩ-va] 'лодка', *gali* [ga-li] 'концы'; 2) внутри долгого или полудолгого интервокального согласного: *upe* [u̯pe] ([u̯p-pe]) 'река', *visi* [vi̯si] ([vi̯s-si]) 'все', *eļļa* [e̯ļja] ([e̯l-ja]) 'масло', *kanna* [kaĩna] ([kan-na]) 'бидон'; 3) между двумя интервокальными согласными: *svētki* [svē-tki] 'праздники', *kalni* [kaĩ-ni] 'горы', *tilti* [ti̯l-ti] 'мосты'; 4) в первом глухом шумном, когда сонорный находится между глухими шумными: *ritms* [rit:-ŋs] 'ритм', *putns* [put:-ŋs] 'птица', *kakls* [kāk:-ls] 'шея', т. е. имеются слоги, содержащие одни согласные.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Границы слога и морфемы могут не совпадать, например, в именах существительных и прилагательных: *brīvība* 'свобода': слоговоеделение [brī-vī-ba], морфемное членение *brīv-īb-a* (где *brīv-* корень, ср. *brīvs* 'свободный', *-īb-* суффикс, указывающий на отвлеченный признак, *-a* флексия), *draudzīgs* 'дружный': слоговоеделение [drāu-žīks], морфемное членение *draudz-īg-s* (где *draudz-* корень, ср. *draugs* 'друг', *-īg-* суффикс прилагательного, *-s* флексия). Возможно и совпадение слоговоеделения и морфемного членения: *iz-velk* 'вытаскивает', *-jūt*, *pa-nāc* 'подойди', *div-reiz* 'дважды' и т. п.

К словам морфологически нечленимым можно отнести некоторые разряды наречий: *šeit* 'здесь', *tur* 'там', *tad* 'тогда', предлогов *aiz* 'за', *pie* 'у', союзов *un* 'и', *bet* 'но', частиц *nu* 'ну', *jel* 'же', междометий *ai!*, *ā!*, *brrr!* и т. п.

Вследствие ассимиляции по активному органу речи фонема /c/ (< /t/ + /s/) обычна в конце слова на стыке основы и флексии: *valsts* [vālc] 'государство', *abonents* [abonēnc] 'абонент', возможен также двойной процесс (вначале оглушение, затем превращение в аффрикату): *sirds* [si̯rc] 'сердце'. Приставка с корневой морфемой, а также составные части композита обычно соединяются агглютинативно: *at-skriet* [atskriet] 'прибежать', *pat-stāvīgs* [patstāvīks] 'самостоятельный'. В современном Л.я. сохраняются результаты исторической фузии на стыках корневых морфем с суффиксами: *brieža* < **briedjo* 'олень', ср. *briedis* 'олень'; *latvieša* < **latvietjo* 'латыша', ср. *latvietis* 'латыш'.

2.2.2. Служебные слова (предлоги, союзы, частицы, междометия), отчасти и наречия, отличаются от знаменательных слов своей краткостью: *te* 'тут', *un* 'и', *pie* 'у', частица *nu*, междометие *ai*. Междометия отличаются от всех остальных слов также своим фонемным составом: только среди них встречаются словесные единицы, состоящие из одних гласных: *ai!*, *aū!*, *ā!*, *ē!* или согласных: *brrr!* В этом разряде слов имеется также идеофон, употребляемый в качестве призыва к лошади с целью ее остановить, графически условно передаваемый как *tprū!* — артикуляционно уникальное явление в латышской фонетике.

2.2.3. В прошлом чередование гласных в образовании новых слов использовалось чаще, чем в современном языке, где оно сохранилось только в глагольном

слово- и формообразовании. Выделяются два пласта чередований: чередования, унаследованные от индоевропейского языка-основы (и поэтому встречающиеся и в других родственных языках), и чередования, развившиеся на почве Л.я. (и встречающиеся только в нем).

Унаследованные чередования группируются в три ряда:

i-ряд: /i/, /ī/ ~ /ei/, /ie/ ~ /ai/: *stiga* 'тропа' — *steigt* [stèikt] 'торопиться' — *staigāt* 'ходить', *līt* 'лить' (неперех.) — *liet* 'лить' (перех.) — *laistīt* 'разливать';

e-ряд: /e/, /ē/ ~ /ē/, /ē/ ~ /a/ ~ /ā/ ~ /uo/ ~ /i/: *sveru* 'взвешиваю' — *svēru* 'взвешивал' — *svars* 'вес' — *svārstīt* — *svira* 'рычаг', *nest* 'нести' — *nēši* 'кормысло' — *nasta* 'ноша', *plēst* 'рвать' — *pluosīt* 'разрывать';

u-ряд: /u/ ~ /ū/ ~ /au/ ~ /āv/: *kust* 'таять' — *kūst* 'тает' — *kausēt* 'плавить', *žūt* 'сохнуть' — *žaut* 'сушить (о белье)' — *žāvēt* 'сушить'.

Чередования на почве латышского языка /i/ ~ /ī/, /u/ ~ /ū/, /a/ ~ /uo/, /i/ ~ /ie/, обусловленные монофтонгизацией соединения краткого гласного с тавтосиллабическим инфиксом -n- (сохранившимся в литовском языке): **in* > /ī/, **un* > /ū/, **an* > /uo/, **en* > /ie/. Примеры: /i/ ~ /ī/: *lipt* 'липнуть' — *līpu* 'липну'; /u/ ~ /ū/: *drūpt* 'крошиться' — *drūp* 'крошится', /a/ ~ /uo/: *prast* 'уметь' — *protu* [pruotu] 'умею'.

Исторические чередования согласных

Контекст, вызывающий чередование	Чередования согласных фонем				Выпадение согласных фонем
	(1) Согласный + j	(2) Позиция перед i, ī, e, ē, ie	(3) Позиция перед t	(4) Позиция перед d	(5) Позиция перед s, š
Согласные, подверженные изменениям	p, b, m, v, t, d, c, z, s, z, n, l, r, k, g	k, g	t, d	t, d	t, d, s, z
Согласные, появившиеся в результате изменений	pj, bj, mj, vj, š, ž, č, ž, š, ž, p, l, r (r), c, z	c, z (ранний этап) k, g (поздний этап)	s	z	∅
Дистрибуция	Во II, V, VI склонении	—	—	—	—
	В I спряжении	В I спряжении	В I спряжении	В I спряжении	В I спряжении
	В дериватах	В дериватах			В дериватах

Примеры: (1) *upe* 'река' — род. п. мн. ч. *upju*, *gulbis* 'лебедь' — род. п. ед. ч. *gulbja*, *kurmīš* 'крот' — род. п. ед. ч. *kurmja*, *cīrvis* 'топор' — род. п. ед. ч. *cīrvja*, *zūtis* 'угорь' — род. п. ед. ч. *zuša*, *briedis* 'олень' — род. п. ед. ч. *brieža*, *slānis* 'слой' — род. п. ед. ч. *slāņa*, *svece* 'свеча' — род. п. мн. ч. *sveču*, *dadzis* [dazis] 'репейник' — род. п. ед. ч. *dadža* [daža], *lāse* 'капля' — род. п. мн. ч. *lāšu*, *nažis* 'нож' — род. п. ед. ч. *naža*, *brālis* 'брат' — род. п. ед. ч. *brāļa*, *stūris* 'угол' — род. п. ед. ч. *stūra* [stūra] или [stūr'a], *saukt* 'звать' — *saucu* 'зову', *jūgt* 'запрягать' — *jūdzu* [jūžu] 'запрягаю';

(2) *augam* 'растем' — *audziet* [aužiēt] 'растите!', *sākam* 'начинаем' — *sāciet* 'начинайте!', *roka* [rùoka] 'рука' — *rociņa* [rùociņa] 'ручка' — *roķele* [rùoķele] 'ручонка', *zirgs* [ziřks] 'лошадь' — *zirdziņš* [ziřziņš] 'лошадка' — *zirgelis* 'лошаденка';

(3) *pūta* 'дул' — *pūst* (< *pūt-ti) 'дут', *zuda* 'исчез' — *zust* (< *zud-ti) 'исчезать';

(4) *pūta* 'дул' — *pūzdams* (< *pūt-dams) 'дуя' (полупричастие), *zuda* 'исчез' — *zuzdams* (< *zud-dams) 'исчезая';

(5) *vīta* 'увядал' — *vīst* (< *vīt-st) 'увядает', *nīda* 'ненавидел' — *nīst* (< *nīd-st) 'ненавидит', *ausa* 'рассветало' — *aust* (< *aus-st) 'рассветает', *veda* 'вел' — *vešana* (< *ved-šana) 'возка', 'ведение', *sita* 'бил' — *sišana* (< *sit-šana) 'битье', *dzēsa* [žēsa] 'гасил' — *dzēšana* [žēšana] (< *dzēs-šana) 'гашение', *lauza* 'ломал' — *laušana* (< *lauz-šana) 'ломание'.

В основе консонантных чередований лежат позиционные изменения, связанные с определенными морфологическими категориями и формами. В новых заимствованиях или в новых дериватах в одних случаях чередования по аналогии могут появляться: *analīze* 'анализ' — род. п. мн. ч. *analīžu*, *konference* 'конференция' — род. п. мн. ч. *konferenču*; в других случаях чередования могут отсутствовать: *pase* 'паспорт' — род. п. мн. ч. *pasu*; *gāze* 'газ' — род. п. мн. ч. *gāzu* и т. п.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Л.я. — флективный язык с элементами аналитизма.

2.3.1. Грамматические разряды слов (части речи) четко выделяются прежде всего своей морфологией — набором словоизменительных и словообразовательных аффиксов, а также синтаксическими и семантическими характеристиками слов (см. 2.7.0.).

Морфологически выделяются для имен — категории рода, числа, падежа и класса (типа склонения); градуальности, определенности/неопределенности (для прилагательных); для глаголов — категории лица, времени, числа, рода, залога, наклонения и класса (типа спряжения).

2.3.2. Род имен обычно морфологически выражен (см. 2.4.0.). Род (мужской и женский) выражен в существительном, а также в согласованном с ним прилагательном, числительном, местоимении и в именных формах глагола (в причастиях и в некоторых деепричастиях, см. 2.3.7.). Согласованию подвержены как атрибутивные, так и предикативные сочетания. Примеры: *jauna māja* (ж. р.) 'новый дом', *Šis rajons ir jauns* (м. р.) 'Этот район новый', *divi galdi* (м. р.) 'два стола', *divas grāmatas* (ж. р.) 'две книги', *tas notikums* (м. р.) 'это событие', *tā diena* (ж. р.) 'тот день', *vecas ābeles* (ж. р.) 'старые яблони', *veci bērzi* (ж. р.) 'старые березы', *es esmu lasījis* 'я читал' — *es esmu lasījusi* 'я читала'; род выражен также в словах pluralia tantum: *vecas bikses* (ж. р.) 'старые брюки', *melni dūmi* (м. р.) 'черный дым'.

Отнесение тех или иных существительных к одному из грамматических родов (так же как и морфологическому классу) произвольно, т. е. семантически немотивировано, за исключением обозначений лиц и некоторых живых существ, где грамматический род предсказан естественным родом, т. е. полом. В так называемых существительных общего рода родовая принадлежность морфологически не маркирована: *mana paziņa* 'моя знакомая', *mans paziņš* 'мой знакомый' (за исключением форм дательного падежа единственного числа: ж. р. *manai paziņai*, м. р. *manai paziņai*). Характерно последовательное отражение рода в деривацион-

ных парах слов *nomina agentis*: *skolotājs* 'учитель' — *skolotāja* 'учительница', *lektors* 'лектор' — *lektore* 'лектор (женщина)', *kosmonauts* 'космонавт' — *kosmonaute* 'космонавт (женщина)' и т. п.

Категория одушевленности не выражена, как и категория личности, если не считать форм звательного падежа (вокатива), образуемых преимущественно от имен существительных, обозначающих лица, ср. *draudziņš* 'дружок' — *draudziņ!* (зват. п.), *brālītis* 'братик' — *brālī!* (зват. п.), *māsiņa* 'сестричка' — *māsiņ!* (зват. п.), *Jānis*, имя собственное — *Jāni!* (зват. п.); звательный падеж от существительных, обозначающих не-лица, морфологически возможен, но употребляется редко, обычно в случаях персонификации предметов и животных: *Galdiņ, klājies* 'Столик, накрывайся!'.

2.3.3. В современном языке существительные, прилагательные, местоимения и глаголы могут употребляться в единственном и множественном числе, различаясь падежными и личными формами и значением. Редки реликты двойственного числа в формах именительного-винительного падежа: *Dzīvoju pilsētā divi mēneši* (вместо вин. п. *divus mēnešus*) 'Я прожил в городе два месяца', *ņemt ar abi roki* (вместо совр. *ņemt ar abām rokām*) 'брать обеими руками'.

Число морфологически не выражено: 1) в несклоняемых существительных иноязычного происхождения: *jaunais auto* 'новый автомобиль' — *jaunie auto* 'новые автомобили', *viens tango* 'одно танго' — *divi tango* 'два танго'; 2) в простых глагольных формах 3-го лица: *viņš/viņa/viņi/viņas dzied* 'он/она/они (м. р.)/они (ж. р.) поет, -ют'; 3) в вопросительно-относительном местоимении *kas* 'кто', 'что': *tas, kas bija jauns* 'тот, кто был молод', *tie, kas bija jauni* 'те, кто были молоды'. Числовая немаркированность существительных может компенсироваться приименными формами прилагательных, местоимений и числительных (см. примеры типа *jaunie auto* и др. выше). Нейтрализация числа в простых глагольных формах восполняется числовой маркированностью подлежащего: *viņš/viņa/zēns lasa* 'он/она/мальчик читает' и *viņi/viņas/zēni lasa* 'они (м. р.)/они (ж. р.)/мальчики читают'. В сложных глагольных формах число выражено в причастии: *Koks bija nolauzts* 'Дерево было сломано', *Koki bija nolauzti* 'Деревья были сломаны', *Viņi ir atnākuši* 'Они пришли'.

Большинство имен существительных изменяется по числам. Этого противопоставления лишены *singularia tantum* (*skaidrība* 'ясность', *brīve* 'свобода', *slinkums* 'лень', *saimniekošana* 'хозяйничанье', *sanoņa* 'жужжание', *reālisms* 'реализм', *sviests* 'сливочное масло', *piens* 'молоко', *dzelzs* 'железо' и др.) и *pluralia tantum* (*drupas* 'развалины', *dūmi* 'дым', *sveķi* 'смола', *putekļi* 'пыль', *auzas* 'овес', *rudzi* 'рожь', *ļaudis* 'люди', *vecāki* 'родители', *durvis* 'дверь', *dzirkles* 'ножницы', *dzirnavas* 'мельница', *kāzas* 'свадьба', *masalas* 'корь' и др.). Для обозначения числа при словах *pluralia tantum* изредка встречаются устаревшие формы «собираательных» числительных на *-ēji*, *-ējas*: *divējas durvis* 'двое дверей', *treji vārti* 'трое ворот'. В современном Л.я. подобные формы редки, обычно они заменяются производными числительными: *divas durvis*, *trīs vārti*.

Множественное число противопоставлено единственному набором флексий в парадигме, суффиксация в этом процессе не участвует, число выражено морфологически, лексикализация числовых форм практически отсутствует: *cilvēks* 'человек' — *cilvēki* 'люди', *bērns* 'ребенок' — *bērni* 'дети' и т. п.

2.3.4. В современном Л.я. пять падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный и звательная форма.

Именительный падеж употребляется обычно в роли подлежащего (*Tuvojas ziema* 'Приближается зима') или главного члена предложения в назывных предложениях (*Kluss vakars* 'Тихий вечер'), а также в роли предикатива (*Tu esi skolotājs* 'Ты (есть) учитель'). Специфической чертой Л.я. является именительный падеж в роли объекта при глаголе в долженствовательном наклонении (см. 2.3.5.).

Родительный падеж объединил в себе значения древних аблатива и генитива, что обусловило его употребительность и разнообразие семантики. Широко распространен препозитивный приименный родительный принадлежности в атрибутивной функции (*tēva grāmata* 'книга отца'), а также ряд других оттенков значений, характеризующих определяемое существительное с разных точек зрения: *fabrikas ļaudis* 'фабричные люди', *bērza lapas* 'березовые листья', *pienākuma cilvēks* 'человек долга', *zelta gredzens* 'золотое кольцо', *māla paugurs* 'глиняный пригорок', *papīra fabrika* 'бумажная фабрика', *tējas glāze* 'стакан для чая' и т. п. Усиление продуктивности родительного падежа в современном языке выражается также в образовании новых слов (обычно путем сложения и префиксации), употребляемых только в форме родительного падежа: *bezgaisa telpa* 'безвоздушное пространство' (слова **bezgais* нет), *divistabu dzīvoklis* 'двухкомнатная квартира' (слова **divistaba* нет). Атрибутивный родительный часто выступает в функции несогласованного определения: *koka māja* 'деревянный дом', букв. 'дерева дом', *grāmatu plaukts* 'книжная полка', букв. 'книг полка'. Синонимичных относительных прилагательных нет, за редкими исключениями: *smilts zeme* — *smilšaina zeme* 'песчаная земля', *bezgala* — *bezgalīgs* 'бесконечный', *divdaļu* — *divdaļīgs* 'состоящий из двух частей'. В отличие от экспансии приименного родительного приглагольный родительный в современном языке во многих случаях уступает свои позиции винительному падежу, например, с отрицанием: вместо *Es tā cilvēka* (род. п.) *nepazīstu* 'Я этого человека не знаю' чаще говорят *Es to cilvēku* (вин. п.) *nepazīstu*; с глаголами, требовавшими раньше дополнения в родительном падеже: *Es tevis* (род. п.) *gaidīšu* 'Я буду тебя ждать', теперь *Es tevi* (вин. п.) *gaidīšu*. Родительный при страдательных причастиях (в не-предикативных словосочетаниях) выражает агенс: *vēja* (род. п.) *lauzta ābelīte* 'яблонька, сломанная ветром'.

Самой распространенной функцией дательного падежа является дательный косвенного объекта: *dot bērnam ābolu* 'дать ребенку яблоко', *nopirkt tēvam kreklu* 'купить отцу рубашку', *palīdzēt draugam* 'помогать другу', *ticēt cilvēkam* 'верить человеку'. Распространен дательный субъекта в безличных предложениях: *Bērnam bail* 'Ребенку страшно', *Man slāpst* 'Мне хочется пить' (эти предложения могут быть трансформированы в личные: *Bērns baidās* 'Ребенок боится', *Es gribu dzert* 'Я хочу пить'). Для Л.я. характерен также дательный принадлежности: *Tēvam ir nauda* 'У отца есть деньги', или 'Отец имеет деньги', и дательный при выражении необходимости: *Cilvēkam jāstrādā* 'Человеку надо работать', *Augiem vajag gaismu* 'Растения нуждаются в свете'. Дательный принадлежности и необходимости может быть заменен другими синонимическими конструкциями: *Tēvs ir grāmatas īpašnieks* 'Отец — владелец книги', *Cilvēks ir spiests strādāt* 'Человек вынужден работать', *Augi nevar iztikt bez gaismas* 'Растения не могут обойтись без

света'. Субъектное значение выражается также дательным падежом в соединении с деепричастием на *-ot* (*datīvus absolutus*), указывающим на обстоятельство, сопутствующее основной предикации: *Birst bērziņam zelta rasa, strazdiņam uzlecot* 'Сыплется с берёзки золотая роса, когда на неё садится скворушка' (букв. 'скворушке садясь'), *Skolotājam ienākot klasē, skolēni pieceļas* 'Когда учитель входит в класс (букв. 'учителю входя в класс'), ученики встают'.

Винительный распространен как падеж прямого объекта при переходных глаголах: *rakstīt vēstuli* 'писать письмо', *mīlēt dabu* 'любить природу'. В предложениях, содержащих глагол в страдательном залоге, винительный заменяется именительным падежом: *Vēstule tiek rakstīta* 'Письмо пишется'. Приименной винительный может указывать на время, размерность и т. п.: *vienu gadu* (вин. п.) *vecs kumelš* 'годовалый жеребенок', букв. 'один год (вин. п.) старый жеребенок', *kilometru* (вин. п.) *plata upe* 'река шириной в километр'.

Местный падеж выражает локальность, а также другие значения, производные от значения места, в том числе и темпоральность: *istabā* 'в комнате', *ūdenī* 'в воде', *šinī gadā* 'в этом году', *vasarā* 'летом'. Локальные, темпоральные и др. обстоятельственные значения могут выражаться также предложными конструкциями: *zem galda* 'под столом', *uz kalna* 'на горе', *no rīta* 'утром', *līdz pusdienai* 'до обеда'.

В латгониистике выделяется также творительный падеж, исторически противопоставляемый другим падежам флексией и значением. Редки реликты собственной флексии творительного падежа множественного числа *-is*: в застывшей наречной форме *vienis prātis* 'одного мнения' и в диалектах *Dzērves skrēja augstis mežis* 'Журавли летели высокими лесами'. В современном языке творительный падеж не имеет особой морфологической формы, вместо него употребляются именные формы с предлогом *ar* 'с': в единственном числе — винительного падежа, во множественном числе — дательного падежа, например *griezt maizi ar nazi* 'резать хлеб ножом (вин. п.)', *griezt maizi ar nažiem* 'резать хлеб ножами (дат. п.)'.

2.3.5. В Л.я. морфологически выделяются следующие глагольные категории: залог, вид, наклонение, время, лицо и число.

Большинство глаголов Л.я. делится на переходные и непереходные. Некоторые переходные глаголы в соответствующем контексте могут употребляться без обозначения объекта: *Zēns daudz lasa* 'Мальчик много читает', ср. с винительным падежом объекта: *Zēns lasa grāmatas* 'Мальчик читает книги'.

Переходность/непереходность обусловлена главным образом семантикой глагола и последовательного однозначного морфологического выражения не имеет. В отдельных случаях структурные признаки предсказывают переходность или непереходность. Так, преимущественно переходными являются: 1) глаголы I спряжения с основой на *-ja-* типа *velt* 'катить', *sviest* 'бросать' и др.; 2) каузативы III спряжения 1-й группы с суффиксом *-in-*: *audzināt* 'воспитывать', *aizmidzināt* 'усыпить'. Префиксация может превратить непереходный глагол в переходный: *iet* 'идти' — *apiet kalnu* 'обойти гору', *brist* 'идти бродом' — *pārbirst upi* 'перейти вброд реку'.

В Л.я. два залога — действительный: *Es mainu saturu* 'Я меняю содержание', и страдательный: *Saturs tiek mainīts* 'Содержание меняется (кем-то)'. По-

добное залоговое противопоставление охватывает преимущественно переходные глаголы. Непереходные же глаголы могут встречаться в страдательной форме только в безличном значении: *Diezgan jau ir staigāts* 'Довольно уже хожено'.

Специфической чертой пассивного залога Л.я. является отсутствие агентивного падежа в предложениях с пассивными конструкциями: *Koks ir nolauzts* 'Дерево сломано'. Пассивные предложения всегда безагентны. При пассивных причастиях в атрибутивной функции агенс может выражаться — в этом случае используется родительный падеж: *tēva dāvināta grāmata* 'отцом подаренная книга'.

В Л.я. имеются невозвратные и возвратные глаголы (лексико-грамматическая категория): *es gatavoju* 'я готовлю' — *es gatavojos* 'я готовлюсь'. Набор грамматических категорий невозвратных и возвратных глаголов не различается. В большинстве случаев невозвратному переходному глаголу соответствует возвратный глагол: *glābt* 'спасать' — *glābties* 'спасаться'. Возвратные глаголы обычно непереходные, единичные глаголы сохраняют оба значения: *klausīties* 'слушать' — *klausīties mūziku* 'слушать музыку', *mācīties* 'учиться' — *mācīties valodu* 'изучать язык', *skatīties* 'смотреть' — *skatīties izrādī* 'смотреть спектакль', ср. также диалектные формы типа *apsieties lakatiņu* 'завязать (себе) платочек' и т. п.

В и д глагола — лексико-грамматическая категория. Префиксация глагола кроме словообразовательной выполняет еще и функцию перфективации. Однако поскольку от приставочных глаголов вторичные суффиксальные глагольные формы со значением несовершенного вида не образуются, то видовая корреляция не охватывает большинства глаголов. Частично этот пробел восполняют специфические для Л.я. аналитические сочетания бесприставочного глагола с наречием, в какой-то мере коррелятивные с приставочными глаголами: *iziet* 'выйти' — *iet ārā* 'выходить' (букв. 'идти наружу'), *aiziet* 'уйти' — *iet projām* 'уходить' (букв. 'идти прочь'), *pārkāpt* 'перелезть' — *kāpt pāri* 'перелезть' (букв. 'лезть через'). Употребление аналитических форм лексически ограничено. Приставочные глаголы совершенного вида формально могут иметь формы настоящего времени, хотя значения настоящего актуального времени они обычно не имеют, т. е. действия, совпадающие с моментом речи, они обозначают реже, для этого обычно употребляются глаголы несовершенного вида: *Pašreiz riet saule* 'Сейчас заходит солнце', и реже — *Pašreiz noriet saule*. Однако непоследовательно грамматизированный вид глагола допускает употребление приставочных глаголов в выражениях типа *Tā aiziet pasaules godība* 'Так проходит земная слава'.

Модальность в предложении может быть частично выражена формами наклонений, см. ниже, и времен, см. 2.3.6. (например, будущее время может содержать оттенок повеления, призыва и т. п.), лексическими и синтаксическими средствами, а также интонацией.

В Л.я. четыре наклонения: изъявительное — *Es lasu grāmatu* 'Я читаю книгу', повелительное — *Lasiet grāmatu* 'Читайте книгу!', сослагательное — *Es lasītu grāmatu* 'Я читал бы книгу' и пересказывательное — *Es lasot grāmatu* 'Я, мол, читаю книгу'.

Повелительное наклонение имеет только одну особую форму — 2-го лица множественного числа, образуемую при помощи суффикса *-ie* и обычного окончания 2-го лица множественного числа *-iet(ies)* от основы презенса: *Metiet!* 'Бросайте', *Brauciet!* 'Поезжайте', *Celieties!* 'Поднимайтесь'. Для других лиц и

чисел в значении повелительного наклонения используются соответствующие формы настоящего (в 1-м лице множественного числа обычно будущего) времени изъявительного наклонения (в 3-м лице с частицей *lai* 'пусть'), см. 2.3.6.

Сослагательное наклонение имеет единую форму для всех лиц и обоих чисел, образующуюся от основы инфинитива при помощи суффикса *-tu(o-s)* (который является древним показателем супина): *cirp-tu* 'стриг бы', *darī-tu* 'делал бы', *mes-tos* 'бросался бы', *darī-tos* 'делался бы'.

Глагол в пересказывательном наклонении выражает действие, за реальность которого говорящий не ручается (не отвечает), говорящий передает сказанное ему другими или услышанное от других (заглазность). Поэтому данное наклонение можно рассматривать как особый морфологический способ оформления косвенной речи: *Runā, ka tu būšot darba vadītājs* 'Говорят, что ты будешь руководить работой'. Пересказывательное наклонение сформировалось на основе предикативного употребления причастий. В настоящем времени формы пересказывательного наклонения омонимичны квазипричастиям на *-ot*: *met-ot* 'якобы бросает', *laboj-ot* 'якобы исправляет', *dar-ot* 'якобы делает', а в прошедшем времени — формам именительного падежа причастий прошедшего времени действительного залога: *lasījis* 'мол, читал'. Лишь в будущем времени пересказывательное наклонение имеет собственные формы (исторически аналогичные квазипричастиям будущего времени, отсутствующим в современном языке): *lasīšot* 'якобы будет читать'. Формы настоящего и будущего времени пересказывательного наклонения неизменяемы, формы прошедшего времени изменяются по числам и родам.

Особого внимания заслуживает дебитив (часто называемый долженствованием наклонением глагола), выражающий действие, которое необходимо совершить: *Brālim jāšēj rudzi* 'Брату надо сеять рожь'. Специфика конструкций с формами дебитива в том, что название производителя или агенса (*brālim*) употребляется в дательном падеже, в то время как объект действия (*rudzi*) дается в именительном падеже.

Дебитив и пересказывательное наклонение отличаются допустимостью их сочетания с формами (и модальной семантикой) других наклонений. Так, можно встретить пересказывательную и сослагательную форму дебитива: *Man esot jāiet* 'Я, мол, должен идти', *Man būtu jāiet* 'Мне следовало бы идти', повелительную форму пересказывательного наклонения: *Lai runājot!* букв. 'Мол, пусть говорят!' (что ставит под сомнение их принадлежность к категории наклонения).

2.3.6. Категория времени выражена последовательно и охватывает все глаголы без исключения. Имеется шесть коррелятивных временных форм, не зависящих от лексического наполнения глагола. Простые формы: настоящее, прошедшее, будущее время. Для всех трех спряжений они образуются от соответствующих основ (основы инфинитива, основы настоящего времени и основы прошедшего времени) с прибавлением набора личных окончаний, ср.: инфинитив *lasī-t* 'читать' — наст. вр. ед. ч. *es las-u* 'я читаю' — прош. вр. ед. ч. *es lasīj-u* 'я читал(а)' — буд. вр. ед. ч. *es lasī-šu* 'я буду читать'. Сложные формы: настоящее, прошедшее и будущее. Настоящее сложное обозначает действие в прошлом (обычно завершённое), результат которого ощущается в настоящем: *Grāmatu esmu lasījis* 'Я читал (эту) книгу'. Прошедшее сложное обозначает действие, совершившееся раньше другого действия в прошлом: *To lugu, ko skatījos vakar, es*

jau biju redzējis 'Пьесу, которую я вчера посмотрел, я видел уже (раньше)', *Kad darbs bija pabeigts, viņi devās mājās* 'Когда работа была завершена, они отправились домой'. Сложным будущим обозначено действие, которое произойдет (или совершение которого предусмотрено) перед другим действием в будущем: *Tiklīdz sniegs būs nokūsis, sāksies aršana* 'Как только снег растает, начнется пахота'. Формы сложных времен образуются при помощи личных форм глагола *būt* 'быть' (в настоящем, прошедшем или будущем) + причастие действительного залога прошедшего времени (изменяющееся в роде и числе).

Деятельные противопоставления «этот, самый близкий — тот, отдаленный — тот, еще более отдаленный» (третий член выражен непоследовательно с точки зрения его наличия и регулярности семантики) можно обнаружить в указательных местоимениях: *šis, šitas* 'этот', ж. р. *šī, šitā; šāds* 'такой', ж. р. *šāda — tas* 'тот', ж. р. *tā, tāds* 'такой', ж. р. *tāda — viņš* 'тот', 'отдаленный', ж. р. *viņa*, а также частично в наречиях: *šeit, še* 'здесь' — *tur* 'там'; *šodien* 'сегодня' — *todien* 'тогда', 'в тот день' — *viņdien* 'в тот день', 'на днях'; *šorīt* 'сегодня утром' — *torīt* 'тогда утром'. Эта дейктическая схема частично переносится и на отадвербиальные существительные и прилагательные: *šejiene* (< *še*) «здесьнее» место — *turiene* (< *tur*) «тамошнее» место; *šodiena* 'сегодняшний день' — *viņdiena* 'тот день'; *šorītējs* (сегодня) утренний; *šogadējs* 'этого года' и т. п.

Противопоставление незнакомого, чужого, замеченного или упомянутого впервые (*jauna māja* 'новый дом') определенному, известному, знакомому (*jaunā māja* 'новый дом') выражено в кратких и полных формах прилагательных (в латышской терминологии — в определенных и неопределенных формах, или формах с определенными и неопределенными окончаниями). Полные формы исторически более поздние, они образованы путем прибавления к краткой падежной форме соответствующей падежной формы указательного местоимения **jo-*. Краткие формы употребляются и атрибутивно, и предикативно, полные — только атрибутивно (о склонении кратких и полных форм прилагательных см. 2.4.0.).

Категория лица (1-е, 2-е, 3-е) в глаголе выражена флексией и личным местоимением часто одновременно и, следовательно, избыточно. Ряд глаголов употребляется обычно только в форме 3-го лица (хотя могут иметь формы 1-го и 2-го лица), так как их значение препятствует употреблению их в 1-м и 2-м лице, например: *niezēt* 'чесаться' — *Āda niez* 'Кожа чешется', *sāpēt* 'болеть' — *Roka sāp* 'Рука болит', *aust* 'рассветать' — *Diena aust* '(День) рассветает'. Только форму 3-го лица *vajag* имеет глагол *vajadzēt* 'быть нужным' и др. Окончания 1-го, 2-го и 3-го лица глагол имеет только в изъявительном наклонении. В 1-м лице не может быть употреблен глагол в повелительном наклонении (последнее фактически ограничено 2-м лицом единственного и множественного числа, так как 3-е лицо образуется аналитическим способом, а формы 1-го лица множественного числа заменяются формами индикатива настоящего или будущего времени, в сопровождении повелительной интонации). В остальных наклонениях (сослагательном, долженствовательном, пересказывательном) используется одна глагольная форма для всех лиц.

По числу последовательно противопоставлены только первое и второе лицо; в третьем лице простых времен употребляется одна и та же форма, сочетающаяся с именительным падежом подлежащего, как единственного, так и множественного

числа: *Zēns lasa* 'Мальчик читает', *Zēni lasa* 'Мальчики читают'. В сложных временах противопоставление по числу охватывает и 3-е лицо (в именных формах глагола): *Viņš ir lasījis* 'Он читал' — *Viņi ir lasījuši* 'Они читали'.

Указание на различную дистанцию времени находим в глагольных временных формах, а также в соответствующей лексике: *vakar* 'вчера' — *šodien* 'сегодня', *rīt* 'завтра'.

Для выражения отрицания используется частица *ne-*: *gods* 'честь' — *negods* 'позор', *laime* — *nelaime* 'счастье' — 'несчастье', *labs* 'хороший' — *nelabs* 'нехороший', *viens* 'один' — *neviens* 'никто', 'ни один', *kāds* 'какой' — *ne'kāds* 'никакой', *kad* 'когда' — *ne'kad* 'никогда', *kur* 'где' — *ne'kur* 'нигде', *kā* 'как' — *ne'kā* 'никак'. Частица *ne-* с глаголами пишется слитно: *būt* 'быть' — *nebūt* 'не быть', *runāt* — *nerunāt* 'говорить' — 'не говорить', *Viņš nelasa avīzes* 'Он не читает газет'.

2.3.7. Семантико-грамматические разряды слов представлены частями речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлоги, союзы, частицы, междометия), выделяемыми на основе единства трех критериев: обобщенного лексико-грамматического значения, морфологических свойств и синтаксической функции.

Существительные обладают категориями рода, числа, падежа.

К мужскому роду относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-s*, *-š* (I склонение), *-is* (II склонение) и *-us* (III склонение): *galds* 'стол', *akmens* 'камень', *ceļš* 'путь', *cirvis* 'топор', *medus* 'мёд'. К женскому роду относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-a* (IV склонение), *-e* (V склонение), *-s* (VI склонение): *diena* 'день', *upe* 'река', *nakts* 'ночь'. Склоняемые заимствования из других языков имеют такие же признаки рода, как и исконные латышские слова: *advokāts* 'адвокат', *modelis* 'модель' — мужской род, *klinika* 'клиника', *spirāle* 'спираль' — женский род. Несклоняемые заимствованные существительные обычно относятся к мужскому роду: *kino* 'кино', *ateljē* 'ателье', *ragū* 'рагу'. (О существительных общего рода см. 2.3.2.)

Словоизменительная категория числа существительных описана в 2.3.3.

Парадигмы склонений представлены в 2.4.0. (о падежах см. 2.3.4.).

Характерной особенностью Л. я. является наличие возвратных существительных — *nomina actionis*, которые образуются от возвратных глаголов: *glābšanās* 'спасение', 'избавление' (от *glābties* 'спасаться'). Возвратный постфикс затрудняет склонение таких слов, в результате чего они имеют дефектную парадигму. Окончание возвратных существительных *-šanās* соотносимо с окончанием соответствующих невозвратных существительных *-šana*, ср. *glābšanā* 'спасение', 'спасание' (от *glābt* 'спасать'), склоняемых по IV склонению.

Прилагательные обладают категориями рода, числа, падежа.

Категория определенности/неопределенности выражена у прилагательных формами кратких (простых) и полных (местоименных) прилагательных (см. 2.3.6.). Простые прилагательные имеют в именительном падеже единственного числа следующие окончания: мужской род — *-s*, *-š*: *labs* 'хороший', *svešs* 'чужой', *vājš* 'слабый', *zaļš* 'зеленый'; женский род — *-a*: *laba* 'хорошая', *sveša* 'чужая', *vāja* 'слабая', *zaļa* 'зелёная'. Таким образом, все простые прилагатель-

ные мужского рода принадлежат к I склонению, а женского рода — к IV склонению. Местоименные прилагательные образованы путем присоединения к форме прилагательного местоимения **jo-* в соответствующей падежной форме. Однако в современном Л.я. первоначальные формы сильно изменились, и сейчас местоименные прилагательные в именительном падеже единственного числа имеют такие окончания: *labais* 'хороший', *svešais* 'чужой', *vājšs* 'слабый', *zaļais* 'зелёный', *labā* 'хорошая', *svešā* 'чужая', *vājā* 'слабая', *zaļā* 'зеленая'; см. 2.4.0.

Качественные прилагательные имеют степени сравнения. Сравнительная степень образуется от положительной с помощью суффиксов *-āk-*: простые формы *jaun-s* 'молодой' — *jaunāks* 'более молодой', *jaun-a* 'молодая' — *jaunāka* 'более молодая'; местоименные формы *jaun-ais* 'молодой' — *jaunākais* 'более молодой', *jaun-ā* 'молодая' — *jaunākā* 'более молодая'. Превосходная степень образуется от формы сравнительной степени (обычно местоименного) прилагательного с помощью присоединения префикса в виде основы местоимения *vis-* (< *visu* 'всех'): *vis'jaunāks* 'самый молодой', *vis'jaunāka* 'самая молодая'; *vis'jaunākais* 'самый молодой', *vis'jaunākā* 'самая молодая'. Значение превосходной степени часто имеет форма сравнительной степени местоименных прилагательных. Иногда форма превосходной степени образуется путем присоединения к сравнительной степени местоименного прилагательного местоимений *pats* 'самый', *pati* 'самая': *pats mazākais* 'самый маленький', *pati skaistākā* 'самая красивая'. Не имеет степеней сравнения ряд относительных прилагательных: *vēsturisks* 'исторический', *anatomisks* 'анатомический', *daļējs* 'частичный', *tagadējs* 'нынешний', *vietējs* 'местный', а также некоторые сложные прилагательные: *divkārtīgs* 'двукратный', *krūmveidīgs* 'кустовидный', *mantkārs* 'корыстный'. Редко используются в сравнительной и превосходной степени прилагательные причастного происхождения с суффиксами *-ots*, *-ota*: *dūmots* 'копчёный', *rasots* 'росистый'. В случае необходимости подчеркивания степени к ним присоединяются наречия *vairāk* 'более', *vis'vairāk* 'наиболее'.

Местоимения разделяются на следующие группы:

- 1) личные: *es* 'я', *tu* 'ты', *viņš* 'он', *viņa* 'она', *mēs* 'мы', *jūs* 'вы', *viņi* 'они' (м. р.), *viņas* 'они' (ж. р.);
- 2) возвратное: *sevis* 'себя';
- 3) притяжательные: *mans* 'мой', *mana* 'моя', *tavs* 'твой', *tava* 'твоя', *savs* 'свой', *sava* 'своя', *mūsu* 'наш (-а, -и)', *jūsu* 'ваш (-а, -и)', *viņa* 'его', *viņas* 'её', *viņu* 'их'; из притяжательных местоимений с помощью суффиксов *-ējs*, *-ēja* образуются производные местоимения *manējs*, *manēja*; *tavējs*, *tavēja*; *savējs*, *savēja*; *mūsējs*, *mūsēja*; *jūsējs*, *jūsēja*, использующиеся при замещении уже упомянутого или легко домысливаемого существительного;
- 4) указательные: *tas* 'тот', *tā* 'та'; *šis* 'этот', *šī* 'эта'; *viņš* 'тот', *viņa* 'та'; *tāds* 'такой', *tāda* 'такая'; *šāds* 'такой', *šāda* 'такая'; местоимения *viņš* 'тот', *viņa* 'та' раньше были только указательными, значение личных местоимений они приобрели позднее; в качестве указательных местоимений они обозначают предметы, наиболее удаленные от говорящего в пространственном и временном смысле (о дейктической оппозиции местоимений см. 2.3.6.);
- 5) вопросительно-относительные: *kas* 'что', 'кто', *kāds* 'какой', *kāda* 'какая', *kurš* 'который', *kura* 'которая'; местоимение *kas* используется в вопросах о пред-

метах и лицах; формы родительного и дательного падежей (*ko, kam*) часто имеют значения причины и цели: *Ko tu gulī?* 'Почему ты лежишь?' *Kam nu tā runāt?* 'Зачем так говорить?'; *kas* иногда используется также в значении относительного местоимения 'который' (наряду с местоимениями *kurš, kura*, которые используются реже), перед существительным в родительном падеже приобретает значение 'сколько (много)': *Skat, kas zirgu!* 'Смотри, сколько лошадей!';

6) неопределенные: *kaut kas* 'кое-кто', *kaut kāds* 'кое-какой, какой-то', *kaut kāda* 'кое-какая, какая-то', *dažs* 'некоторый', *daža* 'некоторая', *cits* 'другой', *cita* 'другая';

7) обобщающие: *katrs* 'каждый', *katra* 'каждая', *ikkatrs* 'любой', *ikkatra* 'любая', *viss* 'весь', *visa* 'вся';

8) определительное: *pats* 'сам', *pati* 'сама';

9) отрицательные: *ne'kas* 'никто', 'ничто', *ne'kāds* 'никакой', *ne'kāda* 'никакая', *ne'viens* 'ни один', *ne'viena* 'ни одна'.

По значению и функциям местоимения могут быть разделены на субстантивные (*es* 'я', *tu* 'ты', *kas* 'кто') и адъективные (*tāds* 'такой', *viss* 'весь').

Ч и с л и т е л ь н ы е. Количественные: *viens* 'один', *viena* 'одна'; *divi* 'два', *divas* 'две'; *trīs* (м. и ж. р.) 'три'; *četri* (м. р.), *četras* (ж. р.) 'четыре'; *pieci* (м. р.), *piecas* (ж. р.) 'пять'; *seši* (м. р.), *sešas* (ж. р.) 'шесть'; *septiņi* (м. р.), *septiņas* (ж. р.) 'семь'; *astoņi* (м. р.), *astoņas* (ж. р.) 'восемь'; *deviņi* (м. р.), *deviņas* (ж. р.) 'девять'; *desmit* 'десять', *vienpadsmit* 'одиннадцать', *divpadsmit* 'двенадцать', *divdesmit* 'двадцать', *divdesmit viens* 'двадцать один', *trīsdesmit* 'тридцать', *simts* 'сто' и т. д. Структурно числительные от нуля до десяти, а также 100 и 1000 — простые, от 11 до 19 и названия десятков от 20 до 90 — сложные, от 21 до 29, от 31 до 39 и т. д., от 101 до 199 и т. д. — составные. Числительные, обозначающие сотни и тысячи, имеют параллельные сложные и составные формы: *divi simti* и *divsimti* 'двести', *divi tūkstoši* и *divtūkstoš* 'две тысячи'.

Десятичная система счисления обнаруживается в обозначении десятков (и сотен) мультипликативными числительными, например, *trīsdesmit* 'тридцать', букв. 'три × десять'. Числительные от 21 до 29, от 31 до 39 и т. д., от 101 до 199 и т. д. — аддитивные, например *divdesmit viens* 'двадцать один', букв. 'двадцать + один'.

Порядковые числительные оканчиваются на *-ais* (м. р.), *-ā* (ж. р.). Первые два из них образованы супплетивно, последующие образуются от количественных числительных (с чередованием основы): *viens* 'один', ж. р. *viena* — *pirmais* 'первый', ж. р. *pirmā*; *divi* 'два', ж. р. *divas* — *otrais* 'второй', ж. р. *otrā*; *trīs* 'три' — *trešais* 'третий', ж. р. *trešā*; *četri* 'четыре' — *ceturtais* 'четвертый', ж. р. *ceturta*; *pieci* 'пять' — *piektais* 'пятый', ж. р. *piektā*; *seši* 'шесть' — *sestais* 'шестой', ж. р. *sestā*; *septiņi* 'семь' — *septītais* 'седьмой', ж. р. *septītā*; *astoņi* 'восемь' — *astotais* 'восьмой', ж. р. *astotā*; *deviņi* 'девять' — *devītais* 'девятый', ж. р. *devītā*; *desmit* 'десять' — *desmitais* 'десятый', ж. р. *desmitā* и т. д.

Г л а г о л ы. По словообразовательному признаку глагольные основы разделяются на:

1) простые (или непроизводные), т. е. состоящие из одной корневой морфемы: *aug-t* 'расти', *cel-t* 'поднимать', *cel-tie-s* 'подниматься', *veik-tie-s* '(по)везти';

2) производные (или вторичные), т. е. образованные от какого-либо другого слова с помощью аффикса: *aug-t* 'расти' — *audz-inā-t* 'воспитывать', *lab-s* 'хороший' — *lab-ot* 'исправить', *priek-s* 'радость' — *iz-priec-ā-tie-s* 'повеселиться'; к

производным относятся также составные глагольные основы, т. е. составленные из двух или более корней или основ самостоятельных частей речи: *god-alg-ot* 'наградить' (*gods* 'честь', *alga* 'плата'), *piln-var-ot* 'уполномочить' (*pilns* 'полный', *vara* 'власть'), *pus-dien-ot* 'обедать' (*puse* 'половина', *diena* 'день').

По форме и значению глаголы разделяются на невозвратные: *cel-t* 'поднимать', *mazgā-t* 'мыть' и возвратные с постфиксом *-s*: *cel-tie-s* 'подниматься', *mazgā-tie-s* 'мыться'.

По значению и характеру связи с другими членами предложения глаголы делятся на переходные и непереходные (см. 2.3.5.). С точки зрения лексической и грамматической самостоятельности глаголы делятся на самостоятельные и вспомогательные, используемые для образования аналитических форм. Вспомогательных глаголов несколько: *būt* 'быть', *tikt* 'получить', *tapt* 'стать', *kļūt* 'стать', *palikt* 'остаться'.

В отдельные группы можно выделить также каузативные глаголы: *augt* 'расти' — *audzēt* 'растить' и *audzināt* 'воспитывать', *rimt* 'утихать' — *remdēt* 'унимать', 'успокаивать', а также итеративные глаголы: *braukt* 'ехать' — *braukāt* 'ездить', *skriet* 'бежать' — *skraidīt* 'бегать'.

Существуют спрягаемые и неспрягаемые формы глагола. Спрягаемые формы связаны с категориями наклонения, времени, лица и числа (см. 2.3.5., 2.3.6.). Все спрягаемые глагольные формы делятся на простые и сложные. Сложные формы действительного залога и простые и сложные формы страдательного залога образуются с помощью соответствующей формы вспомогательных глаголов *būt* 'быть', *tikt* 'получить', *tapt* 'стать' и соответствующей формы страдательного или действительного причастия.

Все глаголы в Л.я. за исключением так называемых неправильных (*būt* 'быть', *dot* 'дать', *iet* 'идти') разделяются на три спряжения, которые в свою очередь делятся на группы в зависимости от количества слогов в основах трех главных форм (инфинитива, 1-го лица единственного числа настоящего времени и 1-го лица единственного числа прошедшего времени). При отнесении глагола к тому или иному спряжению не принимаются во внимание префиксы и возвратные постфиксы.

К I спряжению относятся глаголы, имеющие в основах инфинитива, настоящего и прошедшего времени только один слог: *cep-t* — *cep-u* — *cep-u* 'печь'. Глаголы I спряжения обычно отличаются от глаголов II и III спряжения изменениями основы в трех формах. В редких случаях основа остается без изменения: *aug-t* — *aug-u* — *aug-u* 'расти'. Чаще основа претерпевает изменение (следствие исторических чередований гласных, или согласных, или и тех, и других, см. 2.2.3.). Чередование гласных *vilc-t* — *velc-u* — *vilc-u* 'тянуть'; чередование согласных: *lauz-t* — *lauž-u* — *lauz-u* 'ломать'; чередование одновременно и гласных, и согласных: *prast* — *protu* — *pratu* 'уметь', *lie-t* — *lej-u* — *lēj-u* 'лить' (перех.). Во второй и, реже, в третьей форме могут появиться согласные или их сочетания, отсутствующие в первой форме: *nir-t* — *nir-st-u* — *nir-u* 'нырять', *siet* — *sien-u* — *sēj-u* 'связывать', *au-t* — *au-n-u* — *āv-u* 'обувать'.

Ко II спряжению относятся производные глаголы, основа инфинитива которых состоит не менее чем из двух слогов, основы настоящего и прошедшего времени содержат такое же количество слогов: *mazg-ā-t* — *mazg-āj-u* — *mazg-āj-u* 'мыть';

zelt-ī-t — zelt-īj-u — zelt-īj-u 'золотить'. На основании различных вокалических суффиксов эти глаголы разделяются на четыре группы:

1) инфинитив на *-āt*, основы настоящего и прошедшего времени имеют суффикс *-āj-*: *glab-ā-t — glab-āj-u — glab-āj-u* 'хранить'; *run-ā-t — run-āj-u — run-āj-u* 'говорить';

2) инфинитив на *-ot*, основы настоящего и прошедшего времени имеют суффикс *-oj-*: *bals-o-t — bals-oj-u — bals-oj-u* 'голосовать'; *og-o-t — og-oj-u — og-oj-u* 'собирать ягоды';

3) инфинитив на *-īt*, основы настоящего и прошедшего времени имеют суффикс *-īj-*: *med-ī-t — med-īj-u — med-īj-u* 'охотиться'; *zelt-ī-t — zelt-īj-u — zelt-īj-u* 'золотить';

4) инфинитив на *-ēt*, основы настоящего и прошедшего времени имеют суффикс *-ēj-*: *rav-ē-t — rav-ēj-u — rav-ēj-u* 'полоть'; *skraidel-ē-t — skraidel-ēj-u — skraidel-ēj-u* 'бегать'.

К III спряжению относятся производные глаголы, в которых основа инфинитива и основа прошедшего времени состоят не менее чем из двух слогов, а основа настоящего времени — на один слог короче: *las-ī-t — las-u — las-īj-u* 'читать'; *der-ē-t — der-u — der-ēj-u* 'годиться'. По окончаниям инфинитива и суффиксам основы прошедшего времени эти глаголы разделяются на две группы:

1) инфинитив оканчивается на *-īt*, *-ināt*, основа прошедшего времени имеет суффикс *-īj-*, *-in-āj-*: *dar-ī-t — dar-u — dar-īj-u* 'делать', *audz-in-ā-t — audz-in-u — audz-in-āj-u* 'воспитывать';

2) инфинитив оканчивается на *-ēt*, основа прошедшего времени имеет суффикс *-ēj-*: *peld-ē-t — peld-u — peld-ēj-u* 'плавать'.

Иную классификацию типов глагольного спряжения предлагает А. В. Андронов.

Н е л и ч н ы е (неспрягаемые) ф о р м ы г л а г о л а: инфинитив, причастия и деепричастия. Инфинитив имеет показатель *-t* (для невозвратных глаголов) и *-t-ies* (для возвратных): *gatavo-t* 'готовить' и *gatavo-t-ies* 'готовиться'.

Причастия имеют определенные и неопределенные окончания, склоняются и согласуются с определяемыми словами в роде, числе, падеже. Имеются причастия четырех типов.

1. Действительное причастие настоящего времени на *-ošs* (ж. р. *-oša*), местоименные формы *-ošais* (ж. р. *-ošā*) образуется от основы настоящего времени: *ziedēt* 'цвести' — *zied-u* 'цвету' — *zied-ošs* 'цветущий'. Образуется преимущественно от непереходных глаголов. Действительные причастия, образованные от возвратных глаголов, встречаются редко и не имеют многих падежных форм.

2. Действительное причастие прошедшего времени на *-is* (ж. р. *-usi*), местоименные формы *-ušais* (ж. р. *-uši*), возвратные формы *-ies* (ж. р. *-usies*) образуется от основы прошедшего времени: *lasīt* 'читать' — *lasīj-u* '(я) читал(а)' — *lasīj-is*, *lasīj-ušais* 'читавший', *lasīj-usi*, *lasīj-uši* 'читавшая', *apstāties* 'остановиться' — *apstāj-os* '(я) остановился, -лась' — *apstāj-ies* 'остановившийся', *apstāj-usies* 'остановившаяся'.

При адвербиальном употреблении действительные причастия прошедшего времени на *-is* (ж. р. *-usi*), возвратные формы *-ies* (ж. р. *-usies*) изменяются по родам и числам: *Pabeidz-is* (*pabeig-usi*) *skolu*, *viņš* (*viņa*) *sāka strādāt rūpnīcā* 'Окончив школу, он (она) начал (начала) работать на заводе'.

3. Страдательное причастие настоящего времени на *-ams* (от глаголов III спряжения 3-й группы *-āms*), ж. р. *-ama* (*-āma*), местоименные формы *-amais* (*-āmais*), ж. р. *-amā* (*-āmā*) образуется от основы настоящего времени, преимущественно от переходных глаголов. Может указывать на необходимость или возможность действия: *nest* 'нести' — *nes-u* 'несу' — *nes-ams*, *nes-amais* 'несомый', 'тот, который можно или нужно нести', *nes-ama*, *nes-amā* 'несомая', 'та, которую можно или нужно нести'.

4. Страдательное причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива невозвратных глаголов с помощью окончаний *-ts* (ж. р. *-ta*), местоименные формы *-tais* (ж. р. *-tā*): *pabeig-t* 'закончить' — *pabeig-ts*, *pabeig-tais* 'законченный', *pabeig-ta*, *pabeig-tā* 'законченная'. Производящей основой для этих причастий служат все переходные и многие непереходные глаголы, ср. *Diezgan jau staigāts* 'Довольно уже хожено'.

Полупричастиями (в латышской терминологии *nelokāmie divdabji*, букв. 'несклоняемые причастия') называются адвербиальные употребления причастий, не изменяемые по падежам, но изменяемые по родам и числам. В качестве полупричастий могут использоваться действительные причастия прошедшего времени (см. выше), а также специальные формы на *-dams* (ж. р. *-dama*), возвратные формы *-damies* (ж. р. *-damās*), образующиеся от основы инфинитива. Формы, образованные от невозвратных глаголов, изменяются по родам и числам: *nes-t* 'нести' — м. р. ед. ч. *nes-dams*, ж. р. ед. ч. *nes-dama*, м. р. мн. ч. *nes-dami*, ж. р. мн. ч. *nes-damas* 'неся'. Формы, образованные от возвратных глаголов, изменяются только по родам: *cel-ties* 'подниматься', 'вставать' — м. р. *cel-damies*, ж. р. *cel-damās* 'поднимаясь', 'вставая'.

Неизменяемые деепричастия на *-ot*, возвратная форма *-oties* образуются от основы настоящего времени, ср. *lasīt* 'читать' — *las-u* 'читаю' — *las-ot* 'читая', *glābties* 'спасаться' — *glābj-os* 'спасаюсь' — *glābj-oties* 'спасаясь'.

Употребление деепричастий на *-am* (*-ām*), возвратная форма *-amies* (*-āmies*) ограничено (в русском языке они не имеют соответствия и поэтому переводу вне предложения не подлежат). Они употребляются в сочетании с глаголами *redzēt* 'видеть', *dzirdēt* 'слышать', *just* 'чувствовать' и т. п., ср. *Putni jūt tuvojāties pavasari* 'Птицы чувствуют приближение весны', букв. '...приближаясь весну' (*tuvojoties* 'приближаться' — *tuvoj-os* 'приближаюсь' — деепричастие *tuvoj-amies*).

Н а р е ч и я делятся на качественные (*karsti* 'горячо', 'жарко', *stipri* 'сильно', 'крепко') и обстоятельственные: меры (*mazliet* 'немного'); образа действия (*steigšus* 'торопливо'); места (*še, šeit, te* 'здесь', *tur* 'там' и т. д.); времени (*vakar* 'вчера', *sen* 'давно' и др.). Отдельно выделяются наречия состояния (*bail* 'страшно', *žēl* 'жаль').

Большинство наречий в Л.я. образовались путем адвербиализации отдельных форм различных частей речи, например, в наречия перешли падежные формы существительных, такие как винительный падеж единственного числа (*rīt* 'завтра' от *rīts* 'утро'), местный падеж единственного числа (*augšā* 'вверх' от *augša* 'верх'), творительный падеж множественного числа (*reizēm* 'иногда' от *reize* 'раз'). Многие наречия образуются от прилагательных при помощи суффикса *-i* (*ātri* 'быстро' от *ātrs* 'быстрый'), реже *-u* (*klusu* 'тихо' от *kluss* 'тихий'). Такие наречия имеют степени сравнения: *labi* 'хорошо' — *labāk* 'лучше' — *vislabāk* 'лучше всего'.

(аналогично степеням сравнения прилагательных, см. выше). Образование степеней сравнения наречий (как и прилагательных), за исключением *daudz* 'много' — *vairāk* 'больше' — *visvairāk* 'больше всего', в Л.я. не знает супплетивизма.

Ряд наречий (*cauri* 'насквозь', *garām* 'мимо', *pretī* 'напротив', *līdzās* 'рядом' и др.) могут быть употреблены также в функции предлогов, чем мотивировано их название в латышской терминологии *pusprievarīdi* «полупредлоги», ср.: *Garām brauca mašīnas* 'Мимо ехали машины' и *Vilciens pabrauca garām stacijai* 'Поезд проехал мимо станции'.

Вследствие развитой падежной системы (см. 2.3.4.) предлоги в Л.я. используются более ограниченно, чем в языках аналитических. Однако в ходе развития языка количество предложных конструкций увеличилось. Согласно своему морфологическому составу предлоги подразделяются на простые и сложные. Среди простых выделяются первичные (например, *aiz* 'за', 'у', *dēļ* 'из-за', 'ради') и вторичные (образованные от наречий или падежных форм существительного, например, *apakš* 'под' < наречие *apakšā* 'внизу' < местн. п. *apakšā* от *apakša* 'низ'). К сложным можно отнести, например, *ārpus* 'вне' (< *ār-pus* < *āra pusē* 'на внешней стороне'). Все предлоги употребляются перед управляемой падежной формой (*no kalna* 'с горы'), за исключением «последлогов» *dēļ*, *labad* 'из-за, для, ради' (*manis dēļ* 'из-за меня', *skaidrības labad* 'для ясности'). В единственном числе разные предлоги сочетаются с разными падежами. Большинство предлогов допускают единственную модель управления, меньшинство — двоякую. Во множественном числе все предлоги (за исключением *dēļ*, *labad*, которые и в единственном, и во множественном числе управляют родительным падежом) сочетаются с дательным падежом.

В единственном числе с родительным падежом сочетаются: *aiz* 'за', 'у', *bez* 'без', *no* 'от', 'с', 'из', *pēc* 'после', *pirms* 'до', 'перед', *virš* 'над', 'поверх', *viņpus* 'на той стороне' и др.; с винительным падежом: *ap* 'кругом', 'вокруг', 'около', *ar* 'с', *gar* 'вдоль', 'мимо', *par* 'о', 'про', 'за', *pret* 'к', 'навстречу', 'против'; с дательным падежом: *līdz* 'до', с винительным и дательным падежом: *pa* 'по' (*braukt pa ceļu* 'ехать по дороге (вин. п.)', но *pa paradumam* 'по привычке (дат. п.)'); с родительным и винительным падежом: *uz* 'на' (*atrodas uz galda* 'находится на столе (род. п.)', но *brauc uz pilsētu* 'едет в город (вин. п.)', *liek uz galda* 'кладет на стол' (вин. п.)).

Предложные конструкции выражают локальное (изначально конкретное), темпоральное, каузальное, финальное и др. значения.

Функции с о ю з о в выполняют собственно союзы и союзные слова. Различают сочинительные союзы (*un* 'и', *arī* 'также', *ne vien... bet arī* 'не только... но и', *bet* 'но', *vai* 'или' и др.) и подчинительные союзы (*kamēr* 'пока', *tikko* 'как только', *ja* 'если', *tāpēc* 'потому что', *ka* 'так что', 'что', *jo* 'потому что' и др.). Как сочинительным, так и подчинительным может быть союз *vai* 'или', 'ли'. В качестве союзных слов используются относительные местоимения (*kas* 'кто', 'что', *kurš* 'который', *kāds* 'какой') и наречия (*kur* 'где', 'куда', *kad* 'когда').

Частицы имеют различное происхождение. Часть из них образована от других частей речи: *pat* 'даже' — от местоимения *pats* 'сам', *vien* 'только' — от числительного *viens* 'один', *lai* 'пусть' — от формы повелительного наклонения глагола *laist* 'пускать'. Другие частицы являются заимствованиями, например, *vai*

'разве', 'ли' (из эстонского или ливского языка), *jā* 'да' (из немецкого). Частицы могут употребляться как препозитивно, так и постпозитивно: *ik* 'каждый', *jo* 'очень', 'еще', *it kā* 'как бы' всегда стоят в препозиции (*ik gadu* 'каждый год'), *vien* 'только' — всегда в постпозиции (*viņš vien* 'только он'), *ar* 'и', *gan* 'уж', 'же', *pat* 'даже', *vai* 'разве' и др. могут стоять и в препозиции, и в постпозиции. Частица *ne* свойственна многозначности, зависящая от контекста. Отрицательная частица *ne* участвует в словообразовании в качестве приставки, см. 2.3.6.

Междометий в Л.я. много, и они очень разнообразны, их можно подразделить на первичные (*ā*, *a*, *au*, *ai*, *e*, *ē*, *ei*, *o*, *oi*, *ū*) и производные, образованные от других частей речи (*re* < *redzi* 'видишь', *eļē* < *redz šē* 'смотри сюда'). Чаше всего междометия образуются от глаголов. Ряд междометий заимствован из других языков (*ah!*, *hallo!*, *bravo!*, *stop!*, *urrā!*). В Л.я. много звукоподражательных слов (*žvīks*, *žvaks*, *blīkš*, *blākš*), как правило, имеющих однокоренные глагольные соответствия: *čirks!* — *čirkstēt* 'издавать резкий звук, напоминающий хруст', *žvīks!* — *žvīkstēt* 'издавать звук, появляющийся при соприкосновении предмета с чем-то в быстром движении'.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

Падеж	Склонение					
	I	II	III	IV	V	VI
	'друг', 'дорога'	'брат'	'рынок'	'сестра'	'девочка, девушка'	'сердце'
Ед. число						
Им.	<i>draug-s, ceļ-š</i>	<i>brāl-is</i>	<i>tīrg-us</i>	<i>mās-a</i>	<i>meiten-e</i>	<i>sird-s</i>
Род.	<i>draug-a, ceļ-a</i>	<i>brāl-a</i>	<i>tīrg-us</i>	<i>mās-as</i>	<i>meiten-es</i>	<i>sird-s</i>
Дат.	<i>draug-am, ceļ-am</i>	<i>brāl-im</i>	<i>tīrg-um</i>	<i>mās-ai</i>	<i>meiten-ei</i>	<i>sird-ij</i>
Вин.	<i>draug-u, ceļ-u</i>	<i>brāl-i</i>	<i>tīrg-u</i>	<i>mās-u</i>	<i>meiten-i</i>	<i>sird-i</i>
Местн.	<i>draug-ā, ceļ-ā</i>	<i>brāl-ī</i>	<i>tīrg-ū</i>	<i>mās-ā</i>	<i>meiten-ē</i>	<i>sird-ī</i>
Зват.	<i>draugs, ceļ-š</i>	<i>brāl-i</i>	<i>tīrg-us</i>	<i>mās, mās-a</i>	<i>meiten</i>	<i>sird-ī</i>
Мн. число						
Им.	<i>draug-i, ceļ-i</i>	<i>brāl-i</i>	<i>tīrg-i</i>	<i>mās-as</i>	<i>meiten-es</i>	<i>sird-is</i>
Род.	<i>draug-u, ceļ-u</i>	<i>brāl-u</i>	<i>tīrg-u</i>	<i>mās-u</i>	<i>meiten-u</i>	<i>sird-ū</i>
Дат.	<i>draug-iem, ceļ-iem</i>	<i>brāl-iem</i>	<i>tīrg-iem</i>	<i>mās-ām</i>	<i>meiten-ēm</i>	<i>sird-īm</i>
Вин.	<i>draug-us, ceļ-us</i>	<i>brāl-us</i>	<i>tīrg-us</i>	<i>mās-as</i>	<i>meiten-es</i>	<i>sird-is</i>
Местн.	<i>draug-os, ceļ-os</i>	<i>brāl-os</i>	<i>tīrg-os</i>	<i>mās-ās</i>	<i>meiten-ēs</i>	<i>sird-īs</i>
Зват.	<i>draug-i, ceļ-i</i>	<i>brāl-i</i>	<i>tīrg-i</i>	<i>mas-as</i>	<i>meiten-es</i>	<i>sird-is</i>

Наиболее продуктивны в современном языке I, II, IV и V классы (склонения) существительных; I, II, III склонения принадлежат к мужскому роду, IV, V, VI обычно — к женскому.

Ко II склонению относят также древние основы на согласную: *akmens* 'камень', *asmens* 'лезвие', *rudens* 'осень', *ūdens* 'вода', *zibens* 'молния', *mēness* 'луна', их склонение совпало со склонением существительных на *-is*, за исключением окончаний именительного и родительного падежа единственного числа *-s*. К III склонению принадлежали также три реликтовых слова женского рода *pluralia tantum*: *ragus* 'сани', *dzirnis* 'мельница', *pelus* 'мякина' (ныне вытеснен-

ные словами IV склонения, соответственно *ragavas*, *dzirnavas*, *pelavas*) со своими особыми падежными формами: им. п. *ragus*, род. п. *ragu*, дат. п. *ragūm*, вин. п. *ragus*, местн. п. *ragūs*.

К IV склонению относится слово мужского рода *puika* 'мальчик' (отличающееся формой дательного падежа единственного числа *puikam* от слов женского рода) и слова общего рода типа *tiepša* 'упрямец', 'упрямица', *aiša* 'озорник', 'озорница', а также фамилии мужчин и женщин на *-a* *Liepa*, *Krauja* и т. п., имеющие дифференцированную флексию в дательном падеже единственного числа в зависимости от пола обозначаемого лица: *tiepšam* (м. р.) — *tiepšai* (ж. р.), *Liepat* (м. р.) — *Liepai* (ж. р.) и т. п. Аналогичное разграничение по полу в дательном падеже единственного числа имеют также слова *bende* 'палач', *balamute* 'пустомеля' и фамилии V склонения типа *Zāle*, *Priede*: дат. п. ед. ч. *Zālem* (м. р.) — *Zālei* (ж. р.).

Прилагательные

Склонение прилагательных с местоименными окончаниями

Падеж	<i>lielais</i> 'большой'			
	Ед. число		Мн. число	
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Им.	<i>liel-ais</i>	<i>liel-ā</i>	<i>liel-ie</i>	<i>liel-ās</i>
Род.	<i>liel-ā</i>	<i>liel-ās</i>	<i>liel-o</i>	<i>liel-o</i>
Дат.	<i>liel-ajam</i>	<i>liel-ajai</i>	<i>liel-ajiem</i>	<i>liel-ajām</i>
Вин.	<i>liel-o</i>	<i>liel-o</i>	<i>liel-os</i>	<i>liel-ās</i>
Местн.	<i>liel-ajā</i>	<i>liel-ajā</i>	<i>liel-ajos</i>	<i>liel-ajās</i>

Краткие прилагательные склоняются по парадигме существительного (но не имеют форм звательного падежа): в мужском роде по I склонению, в женском роде — по IV склонению. Полные (местоименные) формы прилагательных могут иметь вариативную форму звательного падежа: *Mīlais dēliņ!* и *Mīlo dēliņ!* 'Милый сыночек!', *Mīlo māmiņ!* и *Mīlā māmiņ!* 'Милая мамочка!'. Формы прилагательных на *-o* возможны только в тех случаях, когда определяемое существительное употребляется в звательном падеже, точнее в форме, отличной от именительного падежа: *Mīlo brālī!* 'Милый брат!'.

Местоимения

Падеж	Личные			Воз- вратное	Указательные	Вопроси- тельные	Опреди- тельные
	1 л.	2 л.	3 л.				
	Ед. число						
Им.	<i>es</i>	<i>tu</i>	<i>viņš</i> (м.р.) <i>viņa</i> (ж.р.)	—	<i>šis</i> 'этот' <i>šī</i> 'эта'	<i>tas</i> 'тот' <i>tā</i> 'та'	<i>kas</i> 'кто', 'что' <i>pats</i> 'сам', <i>pati</i> 'сама'
Род.	<i>manis</i>	<i>tevis</i>	<i>viņa</i> (м.р.) <i>viņas</i> (ж.р.)	<i>sevis</i>	<i>šā, šī</i> (м.р.) <i>šās, šīs</i> (ж.р.)	<i>tā</i> (м.р.) <i>tās</i> (ж.р.)	<i>paša</i> (м.р.) <i>pašas</i> (ж.р.)
Дат.	<i>man</i>	<i>tev</i>	<i>viņam</i> (м.р.) <i>viņai</i> (ж.р.)	<i>sev</i>	<i>šim</i> (м.р.) <i>šai</i> (ж.р.)	<i>tam</i> (м.р.) <i>tai</i> (ж.р.)	<i>pašam</i> (м.р.) <i>pašai</i> (ж.р.)
Вин.	<i>mani</i>	<i>tevi</i>	<i>viņu</i>	<i>sevi</i>	<i>šo</i>	<i>to</i>	<i>ko</i> <i>pašu</i>
Местн.	<i>manī</i>	<i>tevī</i>	<i>viņā</i>	<i>sevī</i>	<i>šajā, šai, šinī</i>	<i>tajā, tai, tanī</i>	<i>(kamī)</i> <i>pašā</i>

	Мн. число							
Им.	<i>mēs</i>	<i>jūs</i>	<i>viņi</i> (м.р.) <i>viņas</i> (ж.р.)	—	<i>šie</i> (м.р.) <i>šīs</i> (ж.р.)	<i>tie</i> (м.р.) <i>tās</i> (ж.р.)	—	<i>paši</i> (м.р.) <i>pašas</i> (ж.р.)
Род.	<i>mūsu</i>	<i>jūsu</i>	<i>viņu</i>	—	<i>šo</i>	<i>to</i>	—	<i>pašu</i>
Дат.	<i>mums</i>	<i>jums</i>	<i>viņiem</i> (м.р.) <i>viņām</i> (ж.р.)	—	<i>šiem</i> (м.р.) <i>šīm</i> (ж.р.)	<i>tiem</i> (м.р.) <i>tām</i> (ж.р.)	—	<i>pašiem</i> (м.р.) <i>pašām</i> (ж.р.)
Вин.	<i>mūs</i>	<i>jūs</i>	<i>viņus</i> (м.р.) <i>viņas</i> (ж.р.)	—	<i>šos</i> (м.р.) <i>šīs</i> (ж.р.)	<i>tos</i> (м.р.) <i>tās</i> (ж.р.)	—	<i>pašus</i> (м.р.) <i>pašas</i> (ж.р.)
Местн.	<i>mūsos</i>	<i>jūsos</i>	<i>viņos</i> (м.р.) <i>viņās</i> (ж.р.)	—	<i>šajos</i> (м.р.) <i>šajās</i> (ж.р.); <i>šais, šinīs</i>	<i>tajos</i> (м.р.) <i>tajās</i> (ж.р.); <i>tais, tanīs</i>	—	<i>pašos</i> (м.р.) <i>pašās</i> (ж.р.)

Ч и с л и т е л ь н ы е. Количественные числительные (так же как и прилагательные с неопределенными окончаниями) склоняются в мужском роде по I, в женском роде по IV склонению, согласуясь в числе, роде и падеже с определяемым существительным, например *viens gads* 'один год', *viena diena* 'один день', *divi gadi* 'два года', *divas dienas* 'два дня'. Нерегулярно склоняется числительное *trīs* 'три':

	М. р.	Ж. р.
Им.	<i>trīs gadi</i> 'три года'	<i>trīs (trijas) dienas</i> 'три дня'
Род.	<i>triju gadu</i>	<i>triju dienu</i>
Дат.	<i>trim (trijiem) gadiem</i>	<i>trim (trijām) dienām</i>
Вин.	<i>trīs gadus</i>	<i>trīs (trijas) dienas</i>
Местн.	<i>trīs (trijos) gados</i>	<i>trīs (trijās) dienās</i>

Количественные числительные, оканчивающиеся на *-t*, — *desmit* 'десять', *vienpadsmit* 'одиннадцать', *divpadsmit* 'двенадцать', *trīspadsmit* 'тринадцать', *četrpadsmit* 'четырнадцать', *piecpadsmit* 'пятнадцать', *sešpadsmit* 'шестнадцать', *septiņpadsmit* 'семнадцать', *astoņpadsmit* 'восемнадцать', *deviņpadsmit* 'девятнадцать', *divdesmit* 'двадцать', *trīsdesmit* 'тридцать', *četrdesmit* 'сорок', *piecdesmit* 'пятьдесят', *sešdesmit* 'шестьдесят', *septiņdesmit* 'семьдесят', *astoņdesmit* 'восемьдесят', *deviņdesmit* 'девяносто', — не склоняются. Исключение — обозначение времени на часах: *pulksten desmitos* 'в десять часов', *līdz (pulksten) divpadsmitiem* 'до двенадцати (часов)'.

Порядковые числительные склоняются как прилагательные с определенными окончаниями.

Глагол

audzināt ‘воспитывать’, ‘воспитать’, *glābties* ‘спастись’, ‘спасаться’

Действительный залог

Изъявительное наклонение

Простые времена

	Настоящее		Прошедшее		Будущее	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>audzinu</i> <i>glābjos</i>	<i>audzinām</i> <i>glābjamies</i>	<i>audzināju</i> <i>glābos</i>	<i>audzinājām</i> <i>glābāmies</i>	<i>audzināšu</i> <i>glābšos</i>	<i>audzināsim</i> <i>glābsimies</i>
2 л.	<i>audzini</i> <i>glābies</i>	<i>audzināt</i> <i>glābjaties</i>	<i>audzināji</i> <i>glābies</i>	<i>audzinājāt</i> <i>glābāties</i>	<i>audzināsi</i> <i>glābsies</i>	<i>audzināsiet/audzināsiet</i> <i>glābsieties/glābsities</i>
3 л.	<i>audzina</i> <i>glābjas</i>		<i>audzināja</i> <i>glābās</i>		<i>audzinās</i> <i>glābsies</i>	

Сложные времена

Настоящее		Прошедшее		Будущее	
Ед. число					
1 л.	<i>esmu audzinājis/audzinājusi</i> <i>esmu glābies/glābusies</i>	<i>biju audzinājis/audzinājusi</i> <i>biju glābies/glābusies</i>	<i>būšu audzinājis/audzinājusi</i> <i>būšu glābies/glābusies</i>		
2 л.	<i>esi audzinājis/audzinājusi</i> <i>esi glābies/glābusies</i>	<i>biji audzinājis/audzinājusi</i> <i>biji glābies/glābusies</i>	<i>būsi audzinājis/audzinājusi</i> <i>būsi glābies/glābusies</i>		
3 л.	<i>ir audzinājis/audzinājusi</i> <i>ir glābies/glābusies</i>	<i>bija audzinājis/audzinājusi</i> <i>bija glābies/glābusies</i>	<i>būs audzinājis/audzinājusi</i> <i>būs glābies/glābusies</i>		
Мн. число					
1 л.	<i>esam audzinājuši/audzinājušas</i> <i>esam glābušies/glābušās</i>	<i>bijām audzinājuši/audzinājušas</i> <i>bijām glābušies/glābušās</i>	<i>būsim audzinājuši/audzinājušas</i> <i>būsim glābušies/glābušās</i>		
2 л.	<i>esat audzinājuši/audzinājušas</i> <i>esat glābušies/glābušās</i>	<i>bijāt audzinājuši/audzinājušas</i> <i>bijāt glābušies/glābušās</i>	<i>būsiet (būsīt) audzinājuši/audzinājušas</i> <i>būsiet/būsīt glābušies/glābušās</i>		
3 л.	<i>ir audzinājuši/audzinājušas</i> <i>ir glābušies/glābušās</i>	<i>bija audzinājuši/audzinājušas</i> <i>bija glābušies/glābušās</i>	<i>būs audzinājuši/audzinājušas</i> <i>būs glābušies/glābušās</i>		

Примечание: Здесь и далее через дробь даются формы мужского и женского рода.

Повелительное наклонение

	Ед. число	Мн. число
1 л.	—	<i>audzināsim, glābsimies</i>
2 л.	<i>audzini, glābies</i>	<i>audziniet, glābieties</i>
3 л.	<i>lai audzina, lai glābjas</i>	

Сослагательное наклонение

Простые формы (для всех лиц и чисел): *audzinātu, glābtos*.

Сложные формы: ед. ч.: *būtu audzinājis/audzinājusi, būtu glābies/glābusies*; мн. ч.: *būtu audzinājuši/audzinājušas, būtu glābušies/glābušās*.

Пересказывательное наклонение

Настоящее простое время (для всех лиц и чисел): *audzinot, glāb joties*.

Прошедшее простое время — ед. ч.: *audzinājis/audzinājusi, glābies/glābusies*; мн. ч.: *audzinājuši/audzinājušas, glābušies/glābušās*.

Будущее простое время (для всех лиц и чисел): *audzināšot, glābšoties*.

Настоящее сложное время — ед. ч.: *esot audzinājis/audzinājusi, glābies/glābusies*; мн. ч.: *esot audzinājuši/audzinājušas, glābušies/glābušās*.

Прошедшее сложное время — ед. ч.: *bijis izaudzinājis/bijusi izaudzinājusi, bijis izglābies/bijusi izglābusies*; мн. ч.: *bijuši izaudzinājuši/bijušas izaudzinājušas, bijuši izglābušies/bijušas izglābušās*.

Будущее сложное время — ед. ч.: *būšot audzinājis/audzinājusi, glābies/glābusies*; мн. ч.: *būšot audzinājuši/audzinājušas, glābušies/glābušās*.

Дебитив

Настоящее простое время

	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>man (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>	<i>mums (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>
2 л.	<i>tev (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>	<i>jums (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>
3 л.	<i>viņam/viņai (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>	<i>viņiem/viņām (ir) jāaudzina, jāglābjas</i>

Во всех остальных временах и наклонениях спрягается только вспомогательный глагол *būt* ‘быть’, всё остальное остается без изменения: *man, tev... bija jāaudzina...; man, tev... būs jāaudzina...* и т. д.

Страдательный залог

Изъявительное наклонение

Простые времена

	Ед. число	Мн. число
	Настоящее	
1 л.	<i>tieku audzināts/audzināta</i>	<i>tiekam audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>tiec audzināts/audzināta</i>	<i>tiekat audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>tiek audzināts/audzināta</i>	<i>tiek audzināti/audzinātas</i>
	Прошедшее	
1 л.	<i>tiku audzināts/audzināta</i>	<i>tikām audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>tiki audzināts/audzināta</i>	<i>tikāt audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>tika audzināts/audzināta</i>	<i>tika audzināti/audzinātas</i>
	Будущее	
1 л.	<i>tikšu audzināts/audzināta</i>	<i>tiksim audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>tiksi audzināts/audzināta</i>	<i>tiksiet/tiksīt audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>tiks audzināts/audzināta</i>	<i>tiks audzināti/audzinātas</i>

Примечание: Традиционный термин «простое время» по отношению к сочетанию пассивного причастия со вспомогательным глаголом *tikt* (реже — *tapt*) ‘становиться’, ‘делаться’ является условностью.

Сложные времена

	Ед. число	Мн. число
	Настоящее	
1 л.	<i>esmu audzināts/audzināta</i>	<i>esam audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>esi audzināts/audzināta</i>	<i>esat audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>ir audzināts/audzināta</i>	<i>ir audzināti/audzinātas</i>
	Прошедшее	
1 л.	<i>biju audzināts/audzināta</i>	<i>bijam audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>biji audzināts/audzināta</i>	<i>bijāt audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>bija audzināts/audzināta</i>	<i>bija audzināti/audzinātas</i>
	Будущее	
1 л.	<i>būšu audzināts/audzināta</i>	<i>būsim audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>būsi audzināts/audzināta</i>	<i>būsiet/būsīt audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>būs audzināts/audzināta</i>	<i>būs audzināti/audzinātas</i>

Повелительное наклонение

	Ед. число	Мн. число
1 л.	—	<i>tapsim audzināti/audzinātas</i>
2 л.	<i>topi (esi) audzināts/audzināta</i>	<i>topiet audzināti/audzinātas</i>
3 л.	<i>lai ir tiek (top) audzināts/audzināta</i>	<i>lai ir tiek (top) audzināti/audzinātas</i>

Сослагательное наклонение

Простые формы

ед. ч.: *tiktu (taptu) audzināts/audzināta*
 мн. ч.: *tiktu (taptu) audzināti/audzinātas*

Сложные формы

ед. ч.: *būtu audzināts/audzināta*
 мн. ч.: *būtu audzināti/audzinātas*

Пересказывательное наклонение

	Настоящее время	
	Ед. число	Мн. число
	Простое	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>tiekot (topot) audzināts/audzināta</i>	<i>tiekot (topot) audzināti/audzinātas</i>
	Сложное	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>esot audzināts/audzināta</i>	<i>esot audzināti/audzinātas</i>
	Прошедшее время	
	Ед. число	Мн. число
	Простое	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>ticis (tikusi) audzināts/audzināta</i>	<i>tikuši (tikušas) audzināti/audzinātas</i>
	Сложное	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>bijis (bijusi) audzināts/audzināta</i>	<i>bijuši (bijušas) audzināti/audzinātas</i>

	Будущее время	
	Ед. число	Мн. число
	Простое	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>tikšot (tapšot) audzināts/audzināta</i>	<i>tikšot (tapšot) audzināti/audzinātas</i>
	Сложное	
1 л., 2 л., 3 л.	<i>būšot audzināts/audzināta</i>	<i>būšot audzināti/audzinātas</i>

Рефлексивы образуются путем присоединения к переходному глаголу постфикса *-s*, представляющего собой реликт более древнего энклитического местоимения **si* 'себя', 'себе'.

В современном языке рефлексивный постфикс *-s* помещается всегда в конце слова независимо от морфемного состава глагола. В прошлом же этот рефлексивный элемент помещался в конце бесприставочного глагола, в то время как в приставочных глаголах он занимал место между приставкой и корнем (как в литовском языке, см. статью «Литовский язык» в наст. издании). Реликты этого состояния сохранены в литературном языке: *iz-s-alkt* 'проголодаться' < *alkt* 'жаждать', *sa-s-tapt* 'встретить' < *tapt* 'становиться', 'быть', а также в куршских и верхнелатышских говорах: *at-si-rada* 'нашел', *ap-sa-āvu* '(я) обул (ноги)' и т. п.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Слово морфологически членится на корневые и аффиксальные морфемы. Аффиксы членятся на префиксы, суффиксы, флексии и постфиксы. Суффиксация преобладает над префиксацией. Последняя чаще встречается в глагольном, чем в именном словообразовании. Префиксы и суффиксы могут выполнять словообразовательную функцию: *galds* 'стол' — *aiz-galds* 'стойло', *braukt* 'ехать' — *brauk-ā-t* 'ездить' и грамматическую: *darīt* 'делать' — *pa-darīt* 'сделать' (приставка *pa-* придает глаголу значение совершенного вида), *daru* 'делаю' — *dar-īj-u* 'делал' (суффикс *-īj-* выражает значение прошедшего времени); они могут объединять в себе также одновременно грамматическую и словообразовательную информацию: *braukt* 'ехать' — *ap-braukt* 'объехать' (кроме лексического значения приставка *ap-* превращает глагол *ap-braukt* в переходный); в слове *cer-īb-a* 'надежда' суффикс *-īb-* кроме словообразовательного значения «обозначение абстрактного понятия» имплицитно также значение женского рода (флексия женского рода *-a* избыточна).

Флексия может иметь только грамматическое значение: *valod-a* 'язык', *zēn-s* 'мальчик', но она может также объединять в себе словообразовательное и словоизменительное значение: *izpild-īt* 'выполнить' — *izpild-e* 'выполнение' (при помощи флексии *-e* образовано одновременно новое существительное со значением отвлеченного действия). В именном склонении отсутствуют нулевые флексии за исключением звательного падежа, где иногда появляются формы с усеченной флексией: *bērniņš* 'ребенок' — зват. п. *bērniņ!*, *māsiņa* 'сестричка' — зват. п. *māsiņ!*. Флексия утрачена также в 3-м лице в настоящем времени (в некоторых разрядах глаголов) *Es grib-u* 'Я хочу' — *Tu grib-i* 'Ты хочешь', *Viņš grib-∅* 'Он хочет'.

Последовательность морфем в слове строго определена: отрицательная частица *ne-* + приставка (больше одной редко) + корень + суффикс (их может быть несколько) + флексия + рефлексивный постфикс *-s*.

2.5.2. Основные способы образования новых слов: 1) аффиксальное словообразование: префиксация *lasīt* 'читать' — *pārlasīt* 'перечитать', суффиксация *prasme* 'умение' — *prasmīgs* 'умелый', постфиксация *celt* 'поднимать' — *celties* 'подниматься', 'вставать', а также образование производных с деривационными окончаниями (совмещающими в себе одновременно формообразующее и словообразующее значение: *izpildīt* 'выполнить' — *izpilde* 'выполнение'); 2) сложение *baltmaize* 'белый хлеб' (от *balts* 'белый' + *maize* 'хлеб'); 3) конверсия: *ideāls* 'идеал', 'идеальный', *aktīvs* 'актив', 'активный', *vecāki* 'родители' < прилагательное *vecāki* 'старшие'. Непродуктивным способом является образование слов с чередованием: *lūzt* 'ломаться' — *lauzt* 'ломать', *līt* 'идти (о дожде)', 'литься' — *liet* 'лечь'.

В современном Л.я. большинство существительных, прилагательных и глаголов являются производными. В этих частях речи продолжается интенсивный словообразовательный процесс. Из других частей некоторой словообразовательной активностью отличается наречие, менее подвержены деривации местоимения и числительные.

В образовании существительных преобладает суффиксация и словосложение, в меньшей мере префиксация (реже взятая отдельно, чаще в комбинации с суффиксацией). Продуктивными суффиксами существительных являются *-ēj-*, *-el-*, *-īb-*, *-īņ-*, *-īt-*, *-iet-*, *-niek-*, *-šan-*, *-tāj-*, *-tav-*, *-tuv-*, *-um-*.

Единичные суффиксы могут сочетаться с каждым словом соответствующей части речи, например, к таким относится исключительно продуктивный суффикс *-šan-* со значением *nomina actionis*: *nest* 'нести' — *nešana* 'несение', *skriet* 'бежать' — *skriešana* 'бег', *strādāt* 'работать' — *strādāšana*, букв. 'работание' и т. п. Широтой словообразовательной валентности отличаются также суффиксы *-ēj-* (от бессуффиксальных глаголов), *-tāj-* (от суффиксальных глаголов): *vest* 'вести' — *vedējs* 'тот, кто ведет', *dziedāt* 'петь' — *dziedātājs* 'певец' и т. п.

Большинство же суффиксов сочетается только с основами определенной семантики, например, суффиксы *-tav-*, *-tuv-* преимущественно образуют названия мест (где что-то производится, совершается). От односложных глаголов образуются производные с суффиксом *-tuv-*: *aust* 'ткать' — *austuve* 'ткацкая мастерская'; от многосложных глаголов с суффиксом *-tav-*: *mazgāt* 'мыть', 'стирать' — *mazgātava* 'место, где стирают', 'прачечная'. Суффиксы имен существительных обычно многозначны. Отсутствием полисемии отличаются продуктивные суффиксы субъективной оценки (димиитивные) *-īņ-*, *-īt-*: *bērns* 'ребёнок' — *bērniņš* 'ребёночек', *gailis* 'петух' — *gailītis* 'петушок' и т. п. Выбор суффикса зависит от типа склонения производящей основы: от I, III, IV, VI склонения образуются димиитивы с суффиксом *-īņ-*, от II, V склонения — с суффиксом *-īt-*. Продуктивным способом образования существительных в Л.я. является словосложение. В зависимости от семантико-синтаксических отношений компонентов сложения различаются детерминативные (*vecpilsēta* 'старый город' < *vecs* 'старый' + *pilsēta* 'город') и копулятивные (*sālsmaize* 'хлеб-соль' от *sāls* 'соль' + *maize* 'хлеб') сложные слова, последних мало. К ним относятся также сложения, образованные по иноязычным образцам: *krievu-latviešu vārdnīca* 'русско-латышский словарь', а также двойные фамилии, например *Birznieks-Upītis*.

В качестве первого компонента детерминативных сложений может выступать существительное или прилагательное с полным окончанием (*darbaļaudis* 'трудя-

щиеся) от *darba* 'труда' + *ļaudis* 'люди', *vecaistēvs* 'дедушка' от *vecais* 'старый' + *tēvs* 'отец') или без окончания (*ābeļdārzs* 'яблоневый сад' от *ābele* 'яблоня' + *dārzs* 'сад').

Относительно новым типом сложений являются единичные сложносокращенные слова-кальки советского периода (*komjaunatne* 'комсомол') и более продуктивные аббревиатуры *VEF* «*Valsts elektrotehniskā fabrika*» «Государственная электротехническая фабрика», *NRA* «*Neatkarīgā Rīta Avīze*» «Независимая утренняя газета».

Наиболее продуктивным способом образования прилагательных является суффиксация. Продуктивными являются суффиксы *-īg-* (*meitenīgs* 'девический' < *meitene* 'девушка'), *-isk-* (*zēnīks* 'мальчишеский' < *zēns* 'мальчик'), *-ain-* (*pasakains* 'сказочный' < *pasaka* 'сказка'), *-ēj-* (*vidējs* 'средний' < *vidus* 'середина') и др. Некоторое количество прилагательных образовано при помощи префиксов и полупрефиксов: *bezbaīlīgs* 'бесстрашный' (*bez-* 'без', *baīlīgs* 'пугливый'), *caurspīdīgs* 'прозрачный' (*caur* 'сквозь', *spīdīgs* 'блестящий'), а также с иноязычными приставками: *antifašistisks* 'антифашистский'. Имеются также сложные прилагательные: *tumšzils* 'темно-синий' (*tumši* 'темно', *zils* 'синий'), *kurlmēms* 'глухонемой' (*kurls* 'глухой', *mēms* 'немой'), *mantkārs* 'корыстолюбивый' (*manta* 'имущество', *kārs* 'жадный'). Сложными являются также прилагательные иноязычного происхождения, например *termodinamisks* 'термодинамический' и т. п.

Глаголы образуются путем суффиксации и префиксации. Композитов среди глаголов Л.я. мало. При помощи суффиксов образуются новые глаголы как от других частей речи, так и от глаголов, при помощи приставок — только от глаголов.

2.5.3. В Л.я. номинативный строй предложения. Субъектно-объектные отношения морфологически четко противопоставлены, чем обусловлен относительно свободный порядок слов в предложении. Наиболее типичен порядок следования членов предложения субъект — предикат — объект (SVO), хотя вполне допустим также порядок субъект — объект — предикат (SOV). Определение обычно предшествует определяемому, особенно если оно выражено родительным падежом. Обычная последовательность слов в предложении может быть перестроена. Так, те или иные слова, выступающие в роли ремы, выносятся в абсолютное начало и еще чаще в абсолютный конец предложения. Субъект с предикативом обычно связан при помощи вспомогательного глагола (обычно *būt* 'быть'). Согласно синтаксической модальности, выражающейся всегда в интонации, а также в использовании соответствующих служебных слов и грамматических форм, в Л.я. выделяются пять типов предложения: повествовательные, вопросительные, побудительные, желательные и восклицательные. Наиболее распространены повествовательные предложения, глагол в них может быть во всех наклонениях, кроме повелительного. Вопросительные предложения (собственно-вопросительные и риторически-вопросительные) могут содержать в начале предложения вопросительные местоимения, наречия, частицы, но могут быть употреблены и без них. Порядок слов в вопросительном предложении такой же, как и в повествовательном. В побудительных предложениях (собственно-побудительных и риторически-побудительных) глагол стоит в повелительном наклонении, в желательных — в сослагательном наклонении (среди предложений обеих разновидностей встречаются также безглагольные). Специфическая черта восклицательных предложений — интонация, так как их главная задача — выражать эмоции.

2.5.4. Сложные предложения подразделяются на сложносочиненные, сложно-подчиненные, союзные и бессоюзные. Возможны также сочиненно-подчиненные предложения, когда в пределах единого сложного предложения одни компоненты соединяются путем сочинения, другие — путем подчинения и т. п. Составные части сложносочиненного предложения соединяются между собой соединительными и противительными союзами.

В сложноподчиненных предложениях главное и придаточное предложения связаны подчинительными союзами или подчинительными словами. В Л.я. встречаются все обычные типы придаточных предложений: подлежащные, сказуемые, определительные, дополнительные, обстоятельственные (места, времени, сравнительные, образа действия, следствия, меры, причины, следствия, цели, уступительные, условные). Особый тип сложноподчиненных предложений представляют собой предложения с относительным подчинением: *Tēvs ilgi nepārbrauca, kas ļoti uztrauca māti* 'Отец долго не приезжал, что очень беспокоило мать'.

Порядок слов в простом и в сложном предложении (в его компонентах) в принципе один и тот же. В целом синтаксис Л.я., особенно сложного предложения, достаточно сходен с синтаксисом русского языка.

2.6.0. Неискожная лексика Л.я. подразделяется на национальные и интернациональные заимствования. К первым относят заимствования из финно-угорских, славянских, германских и балтийских языков.

Финно-угорские заимствования обычно почерпнуты из ливского или из эстонского языков (близость этих языков во многих случаях не дает возможности определить, из которого именно взято данное слово). Всего слов ливского или эстонского происхождения около 80 (вместе с областными около 400); из ливского или эстонского происходят некоторые названия растений (*pīlādzis* 'рябина', *puķe* 'цветок', *sēne* 'гриб') и др. разряды слов, из ливского чаще всего слова, связанные с морем и рыбной ловлей (*paizums* 'прилив', *liedags* 'пляж', *loms* 'улов', *vimba* 'рыбец', *kaija* 'чайка').

Славянские заимствования — преимущественно из русского языка (в диалектах, особенно в верхнелатышском, также из польского и белорусского). Самый древний слой заимствований относится к X–XII вв. (до немецкого завоевания); к этому периоду относятся заимствования, связанные с социальной дифференциацией общества, феодальной администрацией, правом (*bagāts* 'богатый', *kalps* 'холоп', *cilvēks* 'человек', *bajārs* 'боярин', *valsts* 'государство'), с христианством (*baznīca* 'церковь', *krusts* 'крест', *svēts* 'святой'), с торговлей (*bezmens* 'безмен', *birkavs* 'бёрковец' (старинная мера веса), *cena* 'цена' и др.).

Непосредственные связи с русскими, прерванные немецким завоеванием, возобновились в XVIII в., что обусловило новый пласт заимствований (*brāga* 'брага', *bronzā* 'бронза', *balagans* 'балаган'). Советизмы типа *kolhozs* 'колхоз', *sovhozs* 'совхоз' в литературном Л.я. единичны и неактуальны.

Германские заимствования — преимущественно из немецкого языка. Количество (по данным А. Озолса их около 700 единиц) они занимают первое место среди всех национальных заимствований, что объясняется 700-летним нахождением Латвии под немецкой властью. Немецкие заимствования образуют два слоя: древний слой (начиная с завоевания территории современной Латвии в XIII в.) из средненижнемецкого, на котором говорили первые немецкие колонизаторы

(*amats* 'ремесло', *ārsts* 'врач', *brīvs* 'свободный' и т. п.) и новый слой из верхне-немецкого, начиная с реформации в XVI в., когда официальным языком завоевателей стал нововерхнемецкий язык (*bumbieris* 'груша', *ķirsis* 'вишня', *gurķis* 'огурец' и др.). В ряде случаев трудно определить, из ниже- или верхнемецкого языка взято слово, так как его звучание в обоих языках похоже (*āmurs* 'молоток', *brilles* 'очки', *elle* 'ад'). Семантические поля заимствований разноплановы. Германизмы преобладают в ремесленной лексике. Начиная с XX в., растет количество заимствований из английского языка.

Заимствования из балтийских языков (литовского, древнепрусского, куршского) незначительны. Их появление частично связано с языковой политикой движения младолатышей (начиная с середины XIX в.), деятели которого стремились «очистить» Л.я. от германизмов, заменив последние новыми словами, созданными на базе Л.я. или заимствованиями, почерпнутыми из других балтийских языков или интернационализмами.

Значительный пласт в современном Л.я. составляет интернациональная лексика преимущественно греко-латинского происхождения, попавшая в Л.я. через языки-посредники: немецкий и русский. Меньше по объему слой интернационализмов, пришедших из французского, итальянского. Активное пополнение словарного состава Л.я. за счет интернациональной лексики начинается в период становления латышского литературного языка с середины XIX в. Удельный вес интернационализмов в лексике Л.я., начиная с 90-х гг. XIX в., увеличивается.

2.7.0. В Л.я. три диалекта: верхнелатышский, среднелатышский и ливонский. Среднелатышский и ливонский диалекты в совокупности иногда называют нижнелатышским диалектом в противоположность верхнелатышскому диалекту.

Среднелатышский диалект включает видземские говоры — в центральной Видземе, земгальские говоры (сохранившие следы языка древних земгалов) — в центральной части Земгале и куршские (куронские) говоры (сохранившие следы древних куршей) — на юге Курземе.

Для фонетики характерно сохранение древней системы гласных не только в корневых, но также в суффиксальных и конечных слогах: [brālītis] 'братик', [gailis] 'петух', [māte] 'мать'. В части говоров сохранены три слоговые интонации: длительная ([luōks] 'лук (растение)'), нисходящая ([lūoks] 'круг', 'лук', 'дуга') и прерывистая ([luōks] 'окно').

Общие черты видземских и земгальских говоров: 1) не подвергались изменениям тавтосиллабические соединения *-ir-*, *-ur-* ([ziŕks] 'лошадь', [buŕt] 'колдовать'), в то время как в курземских говорах (и в части верхнелатышских) *-ir-* > [-īr-], *-ur-* > [-ūr-]: [ziŕks], [būrt]; 2) глагольные основы прошедшего времени на *-ē-* заменены основами на *-ā-* ([mēs vedām] 'мы вели/везли'), в то время как в курземских говорах (и в части верхнелатышских) основы на *-ē-* сохранены: [mēs vedēm]; 3) формы будущего времени от глаголов первого спряжения, корень которых оканчивается на *s*, *z*, *t*, *d*, образуются посредством вставки *-ī-* между корнем и суффиксом будущего времени: [es nešīšu] 'я понесу', [tu nešīsi] 'ты понесешь'. В части курземских говоров (и в верхнелатышских) эта вставка отсутствует: [es nešu], [tu neši]; 4) возвратные формы глаголов образуются одинаково как от бесприставочных, так и от приставочных глаголов: [celtiēs] 'вставать', [pieceltiēs] 'встать'. В курземских говорах (также в верхнелатышских) в приставочных гла-

голах рефлексивный формант *-s-*, *-si-*, *-sa-* иногда вставляется между приставкой и корнем: [puòsabeĩzəs] 'кончается').

Только для фонетики курземских говоров характерно: 1) сохранение древнего [u] перед губными [v] и [b], которые во всех других группах говоров заменены гласным [i]: [zuve] 'рыба' (лит. *zivs* [zius]), [dubė̃nc] 'дно' (лит. *dibens* [dibė̃ns]); 2) дифтонгические соединения *-ar-* > [-ār-], *-er-* > [-ēr-], включая те случаи, когда они произносились с прерывистой интонацией: [dārps] 'работа' (лит. *darbs* [darps]), [zē̃rt] 'пить' (лит. *dzert* [zē̃rt]); 3) исчезновение согласного [v], следующего за согласным [l]: [cilē̃ks] 'человек' (лит. *cilvēks* [cilvē̃ks]), [pagālis] 'изголовье', 'подушка' (лит. *pagalvis* [pagãlvis]); 4) спорадическое сохранение древнего тавтосиллабического [n], [ŋ]: [bezdeliŋga] 'ласточка' (лит. *bezdelīga* [bezdelīga]); 5) превращение предлога *aiz* [aiz] в [āz] 'за'; 6) чаще, чем в других группах говоров, встречается мягкое [r]: [vẽru] 'открываю'.

В морфологии курземских говоров встречается переход существительных VI склонения в V склонение: [klē̃te] 'клеть' (лит. *klē̃ts* [klē̃cs]).

Л и в о н с к и й диалект — на его формирование оказал влияние субстрат ливонского языка, принадлежащего к семье финно-угорских языков и ныне почти полностью ассимилированного латышским языком. На ливонском диалекте говорят в северной части Курземе и в северо-западной Видземе. Говоры ливонского диалекта подразделяются на две группы: видземские и курземские (тамские) говоры.

Для обеих групп говоров характерны следующие общие черты:

— в фонетике: 1) исчезновение различия между нисходящей и прерывистой слоговой интонацией; 2) дифтонг *au* > [āu] или [ou]: [sāukt], [soukt] 'звать' (лит. *saukt* [saukt]); 3) гласный *ē* (перед шумным согласным) > [ei]: [eišān] 'еда' (лит. *ēšana* [ēšana]), [papeiž] 'пятки' (лит. *parēži* [parēži]); 4) долгие гласные и дифтонги *ie* и *uo* в суффиксальных и конечных слогах превращаются в краткие гласные: [runat] 'говорить' (лит. *runāt* [runā̃t]), [sē̃not] 'собирать грибы' (лит. *sē̃not* [sē̃nuot]), [skriē̃tes] 'бежать наперегонки' (лит. *skrieties* [skrietiē̃s]); 5) исчезновение конечных кратких гласных; если предшествующий согласный глухой, то он удлиняется: [ũp] 'река' (лит. *upe* [up:e]); если же предшествующий согласный звонкий, то удлиняется гласный в предыдущем слоге: [dāb] 'природа' (лит. *daba* [daba]); 6) смягчение согласных перед гласными переднего ряда (которые впоследствии были утрачены): [atnāc's] 'пришел' (лит. *atnācis* [atnācis]);

— в морфологии: 1) исчезновение форм женского рода (и их замена формами мужского рода): *tie lielei plāvs* 'эти большие луга' (лит. *tās lielās pļavas*); 2) в спряжении глагола форма 3-го лица употребляется вместо форм 1-го и 2-го лица как в единственном, так и во множественном числе: *es, tu, viņš, viņa, mēs, jūs, viņi, viņas sit*, ср. лит. *es situ* 'я бью', *tu sit* 'ты бьешь', *viņš, viņa sit* 'он, она бьет', *mēs sitam* 'мы бьем', *jūs sitat* 'вы бьете', *viņi, viņas sit* 'они (м. р., ж. р.) бьют'; 3) после предлогов, требующих в литературном языке в единственном числе родительного падежа, употребляется винительный: *bez nuod* (< *naudu*) 'без денег' (лит. *bez naudas*).

Курземские (тамские) говоры отличаются от видземских следующими чертами: 1) гласные (и даже дифтонги), произносимые без второстепенного ударения, в суффиксальных слогах могут исчезать: [sač't] 'сказать' (лит. *sacīt* [sacīt]), [dañctęs] 'танцор' (лит. *dancotājs* [dañ:cuotājs]), ср. [dañcotaš] в видземских гово-

рах; 2) курземские ливонские говоры отличаются от видземских ливонских говоров также всеми характеристиками, общими для неливонских говоров в Курземе, например, сохранением гласного *u*, предшествующего согласным *b* и *v*: [dubañc] 'дно' (лит. *dibens* [dibė̃ns]), а также сохранением древнего тавтосиллабического *n*: [plē̃nstiē̃s] 'расширяться' (лит. *plesties* [plestiē̃s]) и другими особенностями.

В е р х н е л а т ы ш с к и й диалект включает говоры Латгале, восточной Видземе и так называемой Аугшземе. Своей особой фонетической системой и некоторыми особенностями в грамматике и лексике этот диалект резко отличается от среднелатышского и ливонского диалектов. В говорах верхнелатышского диалекта наблюдается гораздо более сильное влияние славянских языков, чем в нижнелатышских говорах.

Согласно фонетическим и морфологическим особенностям говоры верхнелатышского диалекта подразделяются на две группы: глубокие (глубинные), или восточные, и неглубокие (неглубинные), или западные, говоры. В свою очередь, в каждой из данных групп различают селонские и неселонские (= латгальские) говоры.

Наиболее характерные черты, отличающие верхнелатышские говоры от нижнелатышских:

1) утрачено различие между длительной и нисходящей слоговой интонацией: [mùosa] 'сестра' (лит. *māsa* [māsa]), [p'īnc] 'молоко' (лит. *piens* [piē̃ns]);

2) открытое *ę* > [a], *ē* > [ā]: [vacs] 'старый' (лит. *vecs* [vēcs]), [dāls] 'сын' (лит. *dē̃ls* [dē̃ls]);

3) закрытое *ē* > [ē] или [ie]: [vē̃rp] '(он, она, они) прядет, -ут' (лит. *vē̃rpj* [vē̃rpj]), [v'ieijs] 'ветер' (лит. *vē̃jš* [vē̃jš]);

4) *a* > *o*: [mola] 'край', 'берег' (лит. *mala* [mala]);

5) *ā* > [ā̃], [ā̃], [ō], [ō̃], [ā̃], [oa], [uo]: [mō̃ja] 'дом' (лит. *māja* [māja]), [uō̃da] 'кожа', 'шкура', 'мех' (лит. *āda* [āda]);

6) *ī* > [ī̃], [ei]: [vī̃jrs], [v'ē̃irs] 'муж' (лит. *vī̃rs* [vī̃rs]);

7) *ū* > [ū̃], [iu], [yu], [eu], [ou]: [ū̃dē̃nc] 'вода' (лит. *ū̃dens* [ū̃dē̃ns]), [cū̃uka] 'свинья' (лит. *cū̃ka* [cū̃ka]);

8) сочетания согласных *š̃k* > [šk], [ž̃g] > [žg]: [šk̃yunc] 'сарай' (лит. *šk̃ūnis* [šk̃ū̃nis]);

9) в части верхнелатышских говоров в местном падеже флексия единственного числа у существительных VI склонения *-ie*: [āusiē̃] 'в ухе' (лит. *ausī̃* [ausī̃]), у существительных III склонения — *-uo*: [maduō̃] 'в мёде' (лит. *medū̃* [medū̃]);

10) предлог *iz* 'из' в части говоров употребляется в значении лит. *uz* 'на': *iz jumta* 'на крыше' (лит. *uz jumta*).

Наиболее характерной чертой глубоких, или восточных, говоров является монофтонгизация *ie* > [ī̃] и *uo* > [ū̃]: [s'ī̃va] 'жена' (лит. *sieva* [siē̃va]), [rū̃ka] 'рука' (лит. *roka* [rū̃oka]).

Диминутивному суффиксу *-iņ-* в глубоких говорах соответствует *-eņ-*: *rū̃ceņa* 'ручка' (лит. *rociņa*).

Вместо флексий существительных женского рода множественного числа *-as*, *-es* в глубоких говорах выступают *-ys* (*-is*): [mū̃osys] 'сестры' (лит. *mā̃sas*), [mū̃ot'is] 'матери' (лит. *mā̃tes*). В неглубоких говорах данные флексии ближе к литературной норме: [lā̃:pas] 'листья' (лит. *lapas*), [bĩ:tęs] 'пчелы' (лит. *bites*).

Селонские и неселонские говоры отличаются между собой главным образом слоговой интонацией. Прерывистой интонации среднелатышских говоров, раз-

личающих три интонации, в селонских говорах соответствует восходящая интонация ([luòks]) 'окно', лит. *lòks* [luòks]), в то время как в неселонских говорах такие слоги произносятся с прерывистой интонацией ([lùks]).

ЛИТЕРАТУРА

- Андронов А. В. Грамматический очерк латышского языка // А. В. Андронов. Материалы для латышско-русского словаря. СПб., 2002.
- Блинкена А. Социально-исторические предпосылки становления высшего образования на латышском языке // Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М., 1982.
- Брейдак А. Фонетика латгальских говоров латышского языка. Диахрония и синхрония: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Вильнюс, 1989.
- Грабис Р. Латышский язык // Языки народов СССР. М., 1966, т. I.
- Сталтмане В. Латышская антропонимия: Фамилии. М., 1981.
- Эндзелин Я. Латышские заимствования из славянских языков // Живая старина, 1889, вып. 3.
- Эндзелин Я. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
- Эндзелин Я. Латышские предлоги. Юрьев, 1905, I; 1906, II.
- Bergmane A., Blinkena A. Latviešu rakstības attīstība: Latviešu literārās valodas vēstures pētījumi. Rīga, 1986.
- Berg-Olsen S. The Latvian non-prepositional genitive — a case losing ground // Res Balticae, 2000, № 6, p. 95–146.
- Blinkena A. The Latvian language: Some problems of its development and existence // Actes de langue française et de linguistique. Halifax, 1994–1995, vol. 7–8.
- Blinkena A., Morkūns K. Die baltische Sprachen // Atlas Linguarum Europae. A New Approach to Geolinguistics. Roma, 1997.
- Breidaks A. Augšzemnieku dialekta latgalisko izloksņu fonētikas atlants. Daugavpils, 1996.
- Ceplīte B., Ceplītis L. Praktiskā latviešu valodas gramatika. Rīga, 1991 [1997].
- Dambe V. Latvijas apdzīvoto vietu un iedzīvotāju nosaukumi. Rīga, 1990.
- Druvieta I. Latvijas valodas politika Eiropas Savienības kontekstā. Rīga, 1998.
- Druvieta I. La situation sociolinguistique de la langue lettone: Terminogramme. Juillet 1998. Les politiques des Pays baltes. Quebec, 1998 [Office de la langue française].
- Endzelīns J. Lettische Grammatik. Rīga, 1922.
- Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi. Rīga, 1956, sēj. I; 1961, sēj. 2.
- Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas // Darbu izlase. Rīga, 1982, daļa IV, 2.
- Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1971–1982, 1–4 sēj.
- Fennel T. C., Gelsen H. Grammar of Modern Latvian. The Hague, 1980, vol. 1–3.
- Holvoet A. Studies in the Latvian Verb. Kraków, 2001.
- Kalme V., Smiltnece G. Latviešu literārās valodas vārd darināšana un morfoloģija. Lokāmās vārdšķiras. Liepāja, 2001.
- Kalme V. Nelokāmās vārdšķiras latviešu literārajā valodā. Liepāja, 2001.
- Latviešu literārās valodas morfoloģiskās sistēmas attīstība: Lokāmās vārdšķiras. / Atb. red. K. Pokrotniece. Rīga, 2002.
- Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. Rīga, 1999.
- Laua A. Latviešu leksikoloģija. Rīgā, 1981.
- Laua A. Latviešu literārās valodas fonētika. Rīga, 1980 [1997].
- Laumane B. Zvejvieto nosaukumi Latvijas PSR piekrastē. Rīga, 1987.
- Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Rīga, 1959, sēj. I; 1962, sēj. II.
- Nau N. Latvian. München; Newcastle, 1998 (Languages of the World: Materials 217).
- Nītiņa D. Latviešu valodas morfoloģija: Konceptīvs lokāmo vārdšķiru apskats. Rīga, 2001.
- Ozols A. Aizgūtā veclatviešu rakstu valodas leksika un mūsdienu latviešu valoda / LVU Zinātniskie raksti. Rīga, 1968, sēj. 68.
- Ozols A. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīga, 1961.
- Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga, 1965.
- Paegle Dz. Latviešu literārās valodas morfoloģija. Rīga, 2003, I daļa.
- Plāķis J. Latvijas vietu vārdi un pavārdi. Rīga, 1936, sēj. I; 1939, sēj. II.
- Rozenbergs J. Latviešu valodas stilistika. Rīga, 1996.

- Rozenbergs J. The stylistics of Latvian. Rīga, 2004.
- Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964. ✓
- Rudzīte M. Latviešu valodas vēsturiskā fonētika. Rīga, 1993.
- Rudzīte M. Darbi latviešu dialektoloģijā. Rīga, 2005.
- Rūke-Draviņa V. The standardization process in Latvian. 16th century to the Present. Stockholm, 1977.
- Seniespiedumi latviešu valodā 1525–1855. Kopkatalogs. Rīga, 1999.
- Skujiņa V. Latviešu terminoloģijas izstrādes principi. Rīga, 1993 [2002].
- Soida E. Galotnes derivatīvās funkcijas latviešu valodā // Известия АН Латв. ССР, 1977, № 2 (355).
- Zemzare D. Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīga, 1961.
- С л о в а р и
- Ādamsons E., Kagaine E. Vainižu izloksnes vārdnīca. Rīga, 2000, sēj. 1–2.
- Endzelīns J., Hauzenberga E. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. Rīga, 1934–1946, sēj. I–II.

STUF, пов. латышскому?

А. Б. Брейдак

ЛАТГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК¹

1.0. Латгальский язык (Л.я.) (латг. *latgalīšu volūda*, латыш. *latgaliešu valoda*, англ. *Latgalian*, *Letgalian*, нем. *Lettgallisch*, *Latgalisch*, фр. *le latgalien*) — название

¹ Редактирование статьи покойного профессора А. Брейдака было осуществлено А. В. Андроновым (Санкт-Петербургский государственный университет) и Л. Лейкумой (Латвийский университет, Латвия). Правка коснулась в основном композиции работы и некоторых формальных вопросов стиля. Была значительно расширена библиография. Л. Лейкумой написан раздел 6.0. о говорах латгальского языка и часть раздела 5.2.2., касающаяся неизменяемых частей речи (наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия).

Относительно вопроса о лингвистическом статусе латгальского идиома следует отметить, что он сложен не столько собственно лингвистически, сколько политически. В очерке профессора А. Брейдака излагается точка зрения, согласно которой этот идиом является самостоятельным балтийским языком наряду с литовским и латышским. Несмотря на то, что такая трактовка не соответствует официально определяемому латвийским законодательством статусу латгальского идиома («латгальский письменный язык как историческая разновидность латышского языка»), редакторы не сочли целесообразным модифицировать ее, так как для целей лингвистического описания такая трактовка представляется более удобной. Она соответствует и пониманию, изложенному В. Н. Топоровым в статье «Балтийские языки» в настоящем издании. Считаю необходимым подчеркнуть, что лингвистическая самостоятельность латгальского языка не является основанием для каких-либо политических выводов. (Прим. ред.)

идиома, которым пользуется часть латышского этноса, проживающая в основном в восточной части Латвии — Латгалии. Имя собственное *лѣтъгола*, *лотыгола*, обозначающее латгалов и ими населенную территорию, встречается в древнерусских летописях начиная с XI в. (в «Повести временных лет» — *лѣтъгола*, XI в.; в Новгородской I летописи — *въ лотыголу*, 1200 г., *лотыголу*, 1228 и 1242 гг.; в Псковских летописях — *въ лотыголе*, 1341 г., *в лотыголу*, 1477 г.). Часто данный этноним и топоним встречается в письменных памятниках на латинском и польском языках — в «Ливонской хронике» Генриха Латвийского на латинском языке — *Letthigallia*, 1206 г.; в трудах польского географа и летописца Матея Меховского — *Lothihola*, «*Descriptio Sarmatiarum*» («Описание сарматов», 1521 г.).

Этноним *Lethi* (лат.) обычно переводится на латышский язык этнонимом *latvieši* 'латыши'. В «Ливонской хронике» Генриха Латвийского как синонимичная этнониму *letgali* 'латгалы' приводится форма этнонима *leti* (лат. *Lethi*): *Lethi vel Letthigalli* 'латыши или латгалы'. В «*Descriptio Sarmatiarum*» Матея Меховского *Lotwa* 'Латвия' и *Lothihola* 'Латгалия' также являлись синонимами: *Lotwa, seu Lothihola, id est Livonia circa fluvium Dzwina et Rigam civitatem* 'Латвия, или Латгалия, то есть Ливония в окрестностях реки Даугавы и города Риги' (1521 г.). На немецком языке топоним *Lettland/Lettland* 'Латвия' употреблялся только для обозначения правобережья Даугавы, в древности населенного латгалами и латгализировавшимися селами (селонами). Топоним *Lettland* в данном значении немцы употребляли по 1920 г.

Этноним *latgališi* 'латгалыцы' (латыш. *latgalieši*) образован от этнонима *latgali* 'латгалы' (латыш. *latgali*). Этноним *latgali* обозначает всю совокупность населения племени латгалов по данным XVI–XVII вв., а *latgališi* — современное коренное население Латгалии, потомков древних восточных латгалов. В популярной литературе эти этнонимы часто путают. В работах латгальских филологов в эмиграции этноним *latgališi* соотносится с географической территорией, а *latgali* — с этнической принадлежностью.

О статусе латгальского идиома среди языковедов нет единого мнения. Разнообразие говоров Латвии описывается путем выделения либо трех диалектов латышского языка: среднелатышского, ливонского и верхнелатышского (Я. Эндзелин и др.), либо двух языков — латышского (объединяющего среднелатышский и ливонский диалекты) и латгальского, основывающегося на глубоких латгальских говорах Латгалии, соответствующих восточной части верхнелатышского диалекта; при второй трактовке верхнелатышский диалект в его западной части выступает как переходный между латгальским и латышским языками.

Соображения, склоняющие к трактовке латгальского идиома как самостоятельного балтийского языка, в основном сводятся к следующему. Различия между латгальским идиомом, с одной стороны, и среднелатышским и ливонским диалектами, с другой стороны, весьма значительны, поэтому понимание и общение между носителями латгальского идиома и носителями среднелатышского и ливонского диалектов бывает затруднено (в основном из-за трудности понимания последними латгальского идиома).

Латгальский идиом существенно отличается от латышского литературного языка и лежащих в его основе среднелатышского и ливонского диалектов на всех уровнях языковой системы. Но особенно значительны различия фонетических и

фонологических систем этих идиомов. Латгальская фонетическая и фонологическая система гораздо ближе к фонетической и фонологической системе литовского языка, чем к системе среднелатышского и ливонского диалектов и латышского литературного языка. Также в диахроническом плане эти две системы существенно различаются. Первоначальную фонологическую систему латгальского племенного языка можно вывести из восточнобалтийской фонологической системы, но не из так называемой «пралатышской» фонологической системы. Морфологические системы латгальского и латышского, хотя и сходны в общих чертах, в синхроническом и диахроническом аспектах также заметно различаются.

Учитывая эти важные различия, а также существование весьма устойчивой и хорошо представленной письменной традиции с начала XVIII века, многие языковеды признают глубокие говоры Латгалии самостоятельным балтийским языком: Я. Лоя, А. А. Реформатский, В. Н. Топоров, также Р. О. Шор, Н. С. Чемоданов, Э. Агаян, Б. А. Серебренников, Б. Н. Головин и др. Эту точку зрения отстаивали и латгальские филологи М. Букшс и Л. Латковскис. К этому мнению примыкает также литовский языковед А. Буткус. В рамках такого понимания естественно различать литературную (наддиалектную) разновидность и говоры латгальского языка.

Официальная точка зрения в законодательстве Латвии формулируется следующим образом (см. «Закон о государственном языке», 2000 г., ст. 3, пункт 4): «Государство обеспечивает сохранение, защиту и развитие латгальского письменного языка как исторической разновидности латышского языка». Таким образом, признается существование двух литературных форм общенационального латышского языка: латышский литературный язык и латгальский литературный язык. Мнения ученых при данном понимании, однако, расходятся в следующем: одна часть считает, что латгальский литературный язык обладает всеми свойствами литературного языка — традиционный термин «письменный язык» (*rokstu valūda*, латыш. *rakstu valoda*) приравнивается к термину «литературный» (Я. Лелис, В. Ю. Зепс, А. Озолс, М. Рудзите, Р. Грисле, А. Стафецка, Л. Лейкума), другая часть утверждает, что он имеет лишь письменную форму — различается содержание понятий «письменный» и «литературный» язык (А. Блинкена, И. Друвиете).

2.0. Ареал латгальского языка — распространенные на территории Латгалии глубокие латгальские говоры верхнелатышского диалекта (по принятой в латышской диалектологии классификации диалектов и говоров — см. статью «Латышский язык» в наст. издании). Таким образом, в этот ареал не входят говоры северо-восточной Видземе в окрестностях Алуksне и Гулбене, которые испытали сильное влияние среднелатышского диалекта и латышского литературного языка и в значительной мере отличаются от большинства латгальских говоров Латгалии (в этом регионе Видземе литературный Л.я. не употреблялся).

Литературный Л.я. функционировал на всей территории исторической Латгалии (согласно Альтмаркскому перемирию 1629 г.), в том числе и в окрестностях Крустпилса, где распространены селонские говоры. К ареалу латгальского языка примыкают глубокие селонские говоры восточной Земгале, весьма близкие к глубоким говорам Латгалии.

3.0. Латгальский язык принадлежит к восточной группе балтийских языков. Говоры, лежащие в основе литературного варианта латгальского языка, являются продолжением языка древнего восточнобалтийского племени латгалов.

4.0. Первые рукописные отрывки на Л.я. были написаны в конце XVII в. Первая известная книга на нем — «Katoliszkā Dzismiu gromota Diwam wysuwarygam por gūdu un Łatwiszym por izmociejšonu sarakstīta un izdrukowota Wilnē pi Baznīkungu Jezuitu 1730 godā» («Католический песенник в честь всемогущего Бога и латышам для выучивания написанный и напечатанный священниками иезуитами в Вильнюсе в 1730 году»); она была переиздана в 1733 г. и 1765 г. Ни один экземпляр до наших дней не сохранился, информация о них имеется лишь в библиографических справочниках².

Вторая книга, изданная в середине XVIII в., сохранилась до наших дней. Это «Evangelia Toto Anno singulis Dominicis et Festis diebus juxta antiquam Ecclesiae consuetudinem in Livonia Lothavis praelegi Solita, Cum precibus et precatiunculis nonnullis, curā quorundam ex Clero Livonico recentissime juxta usitatiorē loquendi modum Lothavicum Versa et Translata, Ac in lucem Edita, Annō, Quo aeternum Patris Verbum per Angelos in terris evangelizatum est 1753» («Евангелия для всего года, которые по отдельным воскресеньям и праздничным дням, согласно старой церковной традиции, принято читать латышам Ливонии, и немногие молитвы стараниями некоторых священников Ливонии снова переведенные на более употребительный речевой вид и выпущенные в свет, считая с того времени, как вечное Слово Отца через посредничество ангелов по землям проповедано, в 1753 году»). Эта книга напечатана в типографии Академии Содружества Иисуса (т. е. иезуитов) в Вильнюсе.

Почти все издания до середины XIX в. являлись текстами церковно-духовного характера. Они предназначались для нужд католической церкви. Изданий светского характера в этот период было немного: две грамматики, один словарь, четыре букваря, три дидактических рассказа, четыре работы по борьбе с алкоголизмом, две работы по вопросам воспитания детей, два разъяснения правительственных постановлений, один труд по пчеловодству и один труд по математике. К светской литературе следует отнести также календари Г. Мантейфеля (1861–1870 гг.).

Развитию литературного Л.я. препятствовали тяжелые исторические обстоятельства. Так же как во всем так называемом Северо-Западном крае Российской империи, в Латгалии в 1865 г. был введен запрет печатания изданий латинским шрифтом, действовавший до 1904 г. Это остановило нормальный процесс развития латгальской литературы и языка на четыре десятилетия.

Самой большой свободой латгальское печатное слово пользовалось в годы парламентской демократии в Латвийской Республике (1920–1934 гг.). После переворота 15 мая 1934 г. на латгальские печатные издания был наложен частичный запрет. Этот частичный запрет фактически сохранили и советские власти по 1960 г. Только в годы немецкой оккупации (особенно в 1943–1944 гг.) латгальская печать практически не ограничивалась.

² Само существование такой книги на латгальском языке неоднократно подвергалось сомнению, особенно в последнее время. (Прим. ред.)

Начиная с 1961 г. в Латвии полностью прекратилось печатание книг и периодических изданий на литературном Л.я. Эта ситуация сохранялась до конца 1980-х гг. Однако развитие латгальской литературы и печати продолжалось в эмиграции силами латгальских ученых, писателей и журналистов: было опубликовано много художественных произведений, а также значительное количество научных трудов по истории, истории культуры и литературы, по языкознанию и другим отраслям науки. В связи с интеграцией потомков эмигрантов в местную культурную среду потребность в латгальских книгах и периодике постепенно уменьшалась. После смерти выдающегося книгоиздателя В. Лоциса в 1984 г. число латгальских публикаций в эмиграции стало совсем ничтожным.

В конце 1980-х гг. во всей Латвии, в том числе и в Латгалии, начался процесс национального возрождения (*atmoda*, букв. 'пробуждение'). В рамках этого процесса возобновилась и латгальская литературная деятельность.

С самых истоков до 1904 г. латгальская письменность основывалась на принципах польской графики. Совещания представителей латгальской интеллигенции по вопросам правописания 1903, 1907, 1918, 1921 и 1923 гг. способствовали постепенному отходу от этих принципов и разработке собственной графики и орфографии. Правила латгальской орфографии, разработанные орфографической комиссией под руководством П. Стродса в 1927–1928 гг., были официально утверждены Министерством просвещения Латвии в 1929 г. Однако эти правила не устранили многие недостатки правописания.

В 1996 г. орфографической комиссией (председатель — А. Брейдак, члены: В. Валейнис, А. Вулане, Л. Лейкума, А. Ранцане, Б. Рейдзане, А. Сарканис, А. Стафеека, Я. Цыбульскис, Я. Элкснис) были сформулированы новые правила орфографии, приблизившие нормы письменного Л.я. к говорам южной и центральной Латгалии. Возобновленной летом 2003 г. орфографической комиссией разрабатываются дальнейшие нормативные рекомендации.

Основными отличиями современной латгальской графики от латышской являются наличие графемы *u* (= польск. *u*, рус. *ы*) для обозначения гласного среднего ряда верхнего подъема и использование диграфа *uo* (вместо более раннего *ō*) для обозначения дифтонга /uo/.

Литературный Л.я. используется в общественных и культурных мероприятиях. На нем издается художественная и общественно-политическая литература, а также труды по гуманитарным, социальным и др. отраслям науки; выходят некоторые периодические издания, есть передачи на радио. Однако единой стратегии в отношении развития латгальского языка у государства пока нет. В школах Латгалии в преподавании латгальский язык используется факультативно; наряду с латышским языком он функционирует как язык католической церкви Латгалии.

5.0.0. Лингвистическая характеристика.

5.1.0. Фонологические сведения. Специальные исследования в области литературного произношения латгальского языка отсутствуют (это, однако, не означает совершенного отсутствия орфоэпических норм), поэтому описание фонологии приходится строить на диалектном материале глубоких говоров Латгалии. В фонологической системе выделяются три подсистемы: 1) гласных; 2) согласных; 3) неслоговых гласных/согласных. В диалектах эти подсистемы реализуются во многих вариантах: представлено по семь вариантов подсистем гласных и соглас-

ных и три варианта подсистемы неслоговых гласных/согласных. В данной статье для каждой подсистемы фонем приводится самый архаичный вариант.

Фонематическая подсистема гласных имеет четырехугольную форму и включает двенадцать фонем³:

Подъем	Ряд			
	Передний		Задний	
	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Верхний	i	ī	u	ū
Средний	e	ie	o	uo
Нижний	ā	ā	a	ā

В части говоров этого варианта наличествуют следующие факультативные и комбинаторно-позиционные варианты гласных фонем: /i/ — [y] (звук, промежуточный между [y] и [i]), [y]; /u/ — [ū]; /e/ — [ə]; /o/ — [ō]; /ī/ — [ý], [ȳ]; /ie/ — [ýə], [yə]; /uo/ — [ūo], [üō].

Примеры гласных фонем и их аллофонов в данном варианте системы (по материалам наутранского говора, восточная Латгалия)⁴:

/i/ — [i]: [ilg'i] 'долго', [l'ik't'] 'класть'; [ý], [y]: [tyty] 'большие';

/u/ — [u]: [ustoba] 'изба', [brēinūms] 'чудо', [tu] 'ты'; [ū]: [c'ūks] 'тюк';

/e/ — [e]: [es'i] 'будь', [d'es'm'it'] 'десять'; [ə]: [lāla] 'большая';

/o/ — [o]: [otkōn] 'опять', [to] 'то' (частица); [ō]: [c'ōc'ā] 'тетя';

/ā/ — [āg'l'ā] 'ель', [m'ās'] 'мы';

/a/ — [as] 'я', [da] 'доля', [ka] 'что';

/ī/ — [ī]: [īt] 'идет', [d'īna] 'день', [jī] 'они'; [ȳ], [ȳ]: [leȳs'] 'большой', спорадически [mȳsu] 'нас', 'наш';

/ū/ — [ūtr'ēi] 'вторая', [gūs] 'корова', [jū] 'его', 'ее';

/ie/ — [ie]: [ierklys] 'весло', [v'ies'] 'ветер', [b'ie] 'было'; [ýə], [yə]: [nýə] — возглас для понукания лошади;

/uo/ — [uo]: [ūogā] 'на дворе', [gūoju] '(я) шел, шла', [progūo] '(он, она, они) прошел, -ла, -ли'; [ūo], [ūō]: спорадически [pr'īd'ūōs] 'в соснах', [c'ūōl's'] 'цыпленок';

/ā/ — [ās't'] 'есть', [s'ād'āt'] 'сидеть', [s'ā] '(он, она, они) сеял, -а, -и';

/ā/ — [ādu] 'ем', [sātā] 'дома'.

Фонематическая подсистема неслоговых гласных/согласных включает следующие фонемы: /i/, /ī/, /u/, /ū/. В этой подсистеме согласные [j], [j], [v], [v] являются комбинаторно-позиционными вариантами фонем /i/, /ī/, /u/, /ū/⁵.

³ В звукоподражательных словах и междометиях встречаются также периферийные фонемы /ē/, /ō/: bē! [b'ē], ō! [ō]. (Прим. ред.)

⁴ В данной статье (так же как и в очерке латышского языка) вопреки традиции, принятой в балтистике, при обозначении слоговых интонаций в транскрипции во всех случаях сохранено самостоятельное обозначение долготы гласного (подробнее о слоговых интонациях см. ниже). (Прим. ред.)

⁵ Выделение самостоятельной подсистемы неслоговых гласных/согласных является гипотезой А. Брейдака применительно к материалу некоторых говоров (подробнее см. Breidaks 1995);

Примеры неслоговых гласных фонем и их аллофонов в данном варианте (по материалам преильского говора, центральная Латгалия):

/i/ — [i]: [jūoi] 'едешь верхом'; [j]: [jēi] 'она';

/ī/ — [ī]: [jūoi] 'едет, -ут верхом'; [j]: [jys] 'он';

/u/ — [u]: [stūoɥ] 'стойшь'; [v]: [v'ēirs] 'муж';

/ū/ — [ū]: [stūoɥ] 'стоит, -ят'; [v]: [vyss] 'весь'.

Фонематическая подсистема согласных включает двадцать шесть фонем⁶:

По способу образования			По месту образования									
			Губные				Переднеязычные					
			Губно-губные		Губно-зубные		Зубные		Альвеолярные		Заднеязычные	
			Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.
Шумные	Взрывные	Гл.	p	p'			t	t'			k	
		Зв.	b				d				g	
	Аффрикаты	Гл.					c	c'	č			
		Зв.					ʒ		ž			
	Щелевые	Гл.					s	s'	š			
		Зв.					z		ž			
Сонорные	Носовые		m	m'			n	n'				
	Боковые						l	l'				
	Дрожащие								r	r'		

Фонемы /b/, /d/, /k/, /g/, /z/, /č/, /ž/, /n/, /l/, /š/, /ž/, /l/, /l'/ имеют комбинаторно-позиционные варианты [b'], [d'], [k'], [g'], [z'], [č'], [ž'], [n], [z'], [š'], [ž'], [l], [l].

Примеры согласных фонем и их аллофонов (по материалам восточновараклянского говора, центральная Латгалия):

/p/ — [pa] 'по', [kūpā] 'вместе', [s't'ip] 'тянет, -ут';

/p'/ — [p'i] 'у', [ap'ās't'] 'съесть', [s't'ip] 'тянешь', 'тяги';

/b/ — [b]: [brāuk't'] 'ехать', [dabūot'] 'достать', [glūobām] 'спасаем'; [b']: [b'iz'i] 'густые', [ob'eji] 'оба';

/t/ — [tys] 'тот', [putnys] 'птица', [īt] 'идет, -ут';

/t'/ — [t'ik] 'только', [s'erp't'en'i] 'семь', [īt] 'идти';

/d/ — [d]: [durovys] 'двери', [vydā] 'внутри'; [d']: [d'iu] 'два/две', [god'i] 'годы';

при традиционном описании соответствующие фонемы включаются в состав щелевых сонорных согласных. Спорным представляется выделение оппозиции мягкого (преддорсального) [j'] и твердого (постмедиодорсального) [j], а также перенос противопоставления по мягкости-твердости на соответствующие вокализованные аллофоны [i] и [i]. (Прим. ред.)

⁶ В литературном Л.я. благодаря вхождению заимствованной лексики имеются также фонемы /f/, /h/: futbols [fudbōls] 'футбол', hokejs [hok'ēis] 'хоккей'; более последовательно на фонологическом уровне реализуется корреляция фонем по твердости-мягкости, ср. geologu [g'eologu] 'геолог (мужчин)', geologu [g'eolog'u] 'геологов (женщин)', Kuzins [kuz'inc] : Kuzāns [k'uzānc] (фамилии). (Прим. ред.)

/k/ — [k]: [kas] 'кто', 'что', [pùika] 'мальчик', [t'ik] 'только'; [k']: [k'ien'en'č'] 'король', [kùk'i] 'деревья';
 /g/ — [g]: [gùn'c'] 'огонь', [mogonys] 'маки'; [g']: [g'iut'] 'хватать', [lûg'i] 'окна';
 /c/ — [cýuka] 'свинья', [acasâda] '(он, она, они) сел, -а, -и', [sâuc] 'зовет, -ут';
 /c'/ — [c'ik] 'сколько', [ac'c'ier's't'] 'отрубить', [sâuc] 'зовешь', 'зови';
 /z/ — [z]: [zân] 'гонит, -ят', [doža] 'репейника'; [z']: [z'ên'c'] 'дятел', [r'äz'ât'] 'видеть';
 /č/ — [č]: [čuč] 'спит, -ят', [sâuču] '(я) звал, -а'; [č']: [l'ëigač'is'] 'детские качели', [kâl'n'ên'č'] 'горка';
 /ž/ — [ž]: [zùoža] 'пилы'; [ž']: [zùož'i] 'пи́лы';
 /s/ — [sâuk't'] 'звать', [sâuss] 'сухой';
 /s'/ — [s'er't'en'i] 'семь', [âs't'] 'есть', 'кушать', [b'ëis'] '(я, ты, он) был' (прич. прош. вр.), [n'äs'] 'несешь', 'неси';
 /z/ — [z]: [zama] 'низкая', [kùozys] 'свадьба' (pluralia tantum); [z']: [z'îma] 'зима', [b'iz'ä] 'коса';
 /š/ — [š]: [šýuna] 'клетка', [padavušš] '(мы, вы, они) подали' (прич. прош. вр.); [š']: [š'ä] 'на!', 'бери', [s'l'ik's'i] 'плохо';
 /ž/ — [ž]: [žâunys] 'жабры'; [ž']: [ž'ëikâr's'] '(неудачливый) хозяин', [m'îž'i] 'ячмень' (pluralia tantum);
 /l/ — [l]: [lâi] 'чтобы', 'пусть', [vâlnč] 'черт'; [l]: [lýtš] 'большой', [výtina] 'шерсть';
 /l'/ — [l']: [l'ik't'] 'класть', [pâl'n'i] 'пепел' (pluralia tantum), [c'ël'] 'поднимает, -ют'; [l]: [lâut'] 'разрешить', [blâut'] 'кричать';
 /r/ — [rud'in'c'] 'осень', [ûtrys] 'второй', [âr] 'пашет, -ут', [âr] 'с';
 /r'/ — [r'äz'ât'] 'видеть', [mudr'i] 'быстро', [âr] 'пашешь', 'паши';
 /n/ — [nu] 'ну', [mâlnč] 'черный', [otkôn] 'опять';
 /n'/ — [n']: [n'â] 'нет', [iud'in'c'] 'вода', [v'in'] 'только'; [n]: [nâud'ât'] 'мяукать';
 /m/ — [moŭka] 'дрова', [týmss] 'темный', [dâŭam] 'сыну';
 /m'/ — [m'îrs] 'мир', 'покой', [z'âm'ä] 'земля', [âd'âm'] '(мы) ели/кушали'.

В Л.я. ударение фиксированное: оно падает, как правило, на первый слог слова (лишь как исключение — на второй, третий или четвертый слог; в таких случаях в транскрипции оно обозначается вертикальным штрихом перед ударным слогом). Основные функции ударения — кульминативная и делимитативная. Случаи, когда ударение слова на уровне предложений и высказываний выполняет дистриктивную функцию, в глубоких говорах Латгалии крайне редки: *tu pele esi* [tu 'p'el'ç'es'i] ([ç] — звук, промежуточный между [e] и [ä]) 'ты — мышь' (три слова); *tupele esi* [tup'el'ç'es'i] '(ты) — туфля' (два слова) — в Балтинаве, Шкилбенах. Перенос ударения в слове в глубоких говорах Латгалии и литературном Л.я. выполняет экспрессивную функцию, поэтому он по своей роли не является фонологическим.

Ударение Л.я. — политоническое (как и в латышском и в литовском языке): на долгих слогах (словах, содержащих долгий гласный, дифтонг⁷ или тавтосилла-

бическое сочетание гласного с сонантом) имеются две слоговые интонации (тонемы), выполняющие дистриктивную функцию — нисходящая (обозначается грависом `) и прерывистая (обозначается крышечкой ^), а в некоторых периферийных говорах нисходящая и восходящая (обозначается акутом ´). В Л.я. наличествует значительное количество квазиомонимов (слов и словоформ), различающихся слоговой интонацией: *dēt* [d'ât'] 'изготавливать (колбасы)' — [d'ât'] 'класть (яйца)', [kū] 'кого', 'что' (вин. п. ед. ч.) — [âr/âi kū] '(с) кем', '(с) чем' (твор. п. ед. ч.). В оппозиции двух тоном — нисходящей и прерывистой или нисходящей и восходящей — немаркированным членом является нисходящая тонама, так как при нейтрализации слоговых интонаций в глубоких говорах Латгалии всегда устраняются прерывистая и восходящая интонации.

В Л.я. первый компонент в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях немного удлиннен. С этим связана особенность реализации прерывистой слоговой интонации — гортанная смычка ближе к началу гласного (соответственно знак прерывистой интонации следует ставить над первым компонентом дифтонгов при транскрипции текстов на Л.я.)⁸.

5.1.1. Центр слога в Л.я. образуется гласным или дифтонгом, имеются открытые и закрытые слоги. Правила дистрибуции фонем для начала слова и, следовательно, слога следующие. В начале слова и слога могут быть: 1) краткий гласный, долгий гласный или дифтонг: *ola* [o-la] 'нора', 'пещера', *ūga* [ū-ga] 'ягода', *eisa* [êi-sa] 'короткая'; 2) один согласный: *rūka* [rū-ka] 'рука'; 3) два согласных: *spolva* [spòl-va] 'перо'; 4) три согласных (при этом третий согласный всегда является сонорным): *skraideit* [skrài-d'ëit'] 'бегать'. Конец слова и слога может оканчиваться: 1) кратким гласным, долгим гласным или дифтонгом: *osoka* [o-so-ka] '(рыбья) кость', *rūkā* [rū-kâ] 'в руке', *rūkai* [rū-kài] 'руке'; 2) одним согласным: *īt* [ît'] 'идти'; 3) двумя согласными: *aust* [âus't'] 'ткать'; 4) тремя согласными (при этом первый согласный всегда является сонорным): *suorms* [sùorms] 'щелочь'.

Имеется существенное отличие слогоделения в Л.я. и латышском литературном языке: глухой шумный согласный между двумя краткими гласными в Л.я. относится к последующему слогу (..V-CV..), а в латышском литературном языке такой согласный продлевается и рассекается слоговой границей (сильное примыкание). Так, например, в глубоких говорах Латгалии произносится [o-ka] 'колодец', [o-sa] 'острая', [sy-ta] '(он, она, они) бил, -а, -и', [to-pa] 'втулка', 'затычка', 'чека', а в среднелатышском диалекте соответственно [ak-ka], [as-sa], [sit-ta], [tap-pa].

5.1.2. Позиционные изменения фонем в потоке речи затрагивают лишь согласные. В отличие от латышского языка в конце слова перед паузой в Л.я. происходит оглушение шумных согласных: *lyudz* [lÿuc] 'просит, -ят', ср. *lyudzu* [lÿuzi] 'прошу'; между краткими гласными не происходит удлинения глухих шумных

в говорах и заимствованных словах встречаются также: /äu/ [k'âumola] 'скорлупа', /eu/ [sâuna] 'мox', /oi/ [mozgoit'] 'мыть', /ou/ [kòuls] 'кость', /ui/ *vuiceit* [vùic'ëit'] 'учить'. (Прим. ред.)

⁸ Обобщение этого наблюдения А. Брейдака на все говоры латгальского языка представляется спорным, поэтому в отсутствовавшем в авторском тексте разделе 6.0. нами использовано традиционное обозначение прерывистой интонации (над вторым компонентом дифтонгов и дифтонгических сочетаний). (Прим. ред.)

⁷ В Л.я. имеются дифтонги: /ai/ *maize* [mâiz'ä] 'хлеб', /au/ *saule* [sâul'ä] 'солнце', /äi/ *meita* [m'äita] 'дочь', /ei/ *peile* [p'ëil'ä] 'утка', /iu/ — [iu] *giut* [g'iut'] 'ловить', [yu] *byut* [byût'] 'быть';

(см. 5.1.1.); перед заднеязычными согласными не происходит ассимиляции дентального носового по месту образования, ср. произношение слова *banka* 'банк': в Л.я. [bānka], в латыш. [baŋ:ka] (в литовском языке в аналогичной позиции также появляется заднеязычный носовой: *bankas* [bā.ŋkas]). Ассимиляция по мягкости может быть блокирована морфологической границей, ср. *studentu* [stud'entu] 'студента (вин. п.)': *studenti* [-n't-] 'студентку', но *piļsāta* [p'il'sāta] 'город' (*piļs* [p'il's-] 'замок' + *sāta* [sāta] 'двор'), *Leldīne* [l'eld'in'ä] 'Пасха' (*lels* [l'els] 'большой' + *dīna* [d'ina] 'день').

Исторические чередования связаны с рефлексам индоевропейского аблаута в области гласных и с рефлексам палатализации в области согласных.

е-ряду индоевропейского аблаута (*e, *ē ~ *o, *ō) в литературном Л.я. соответствует модифицированный ряд /e/, /a/ (< e), /ā/ (< ē, e), /ie/ (< ē), /ā/ (< ē) ~ /o/, /a/ (< o), /ū/ (< *ū^o < *ō < *ō), /uo/ (< *ō < *ā < *ā), например: *sveru* [s'v'eru] 'взвешиваю' — *svērt* [s'v'ārt'] 'взвешивать' (/ā/ < e в тавтосиллабическом сочетании *er* с бывшей длительной и нисходящей слоговой интонацией, ср. литов. *sveŗti* 'взвешивать') — *svors* [svōrs] 'вес'; *plots* [ploc] 'широкий', *plateit* [plat'ēt'] 'разводить (руками)', *plateitis* [plat'ēt'is] 'бахвалиться', 'хвастаться' — *pliešu* [pl'iešu] 'распростираю', '(я) распростирал, -а', *plēst* [pl'ās't'] 'распростирать'; *dūt* [dūt'] 'давать' — *duovona* [dūovona] 'подарок'. Дифтонг /uo/ (< и.-е. *ā) в этом ряду является инновацией.

і-ряду индоевропейского аблаута (*i, *ī, (перед гласными) *ij ~ *ej, *ēj ~ *oj, *ōj) в литературном Л.я. соответствует модифицированный ряд /i/, /y/ (< i), /ei/ (< ī), (перед гласными) /ej/ (< ij) ~ /āj/ (< ej), /iej/ (< ēj) ~ /ai/, (перед гласными) /oj/, /aj/ ~ /ui/ (< *u^oi < *ōj < *ōj): *styga* [styga] 'тропа' — *staiguot* [stāigūot] 'ходить'; *likt* [l'ik't'] 'класть', 'закладывать' — *lyku* [lyku] '(я) клал, -а', '(я) закладывал, -а' — *liku* [l'iku] 'кладу', 'закладываю'; *beitis* [b'ēt'is] 'бояться' — *bejus* [b'ejūs] '(я) боялся, -ась' — *baile* [bāil'ä] 'страх'; *līt* [l'it'] 'лить' — *leju* [l'aju] 'лью' — *lieju* [l'ieju] '(я) лил, -а' — *laisteit* [lāis't'ēt'] 'поливать'; *veiklys* [v'ēiklys] — *vuiklys* [vūiklys] 'ловкий', 'проворный'.

и-ряду индоевропейского аблаута (*u, *ū, (перед гласными) *ui ~ *eu, *ēu ~ *ue, *ūe ~ *ou, *ōu) в литературном Л.я. соответствует модифицированный ряд /u/, /iu/, /yu/, (перед гласными) /iv/, /yv/ ~ /jau/, /'au/ (< *eu, *ēu), (как инновация) /uov/, /uov'/ ~ /au/, /ū/ (< *u^o < *ōu < *ōu): *gluds* [gluc] 'гладкий' — *glauđeit* [glāu-d'ēt'] 'гладить'; *lyuza* [lyuza] (он, она, они) ломался, -ась, -ись' — *lauzeit* [lāuz'ēt'] 'ломать'; *šyut* [šyut'] 'шить' — *šyvi* [šyvu] '(я) шил, -а'; *giut* [g'ut'] 'ловить', 'хватать' — *givi* [g'ivu] '(я) ловил, -а', '(я) хватал, -а'; *kiupēt* [k'ip'ēt'] 'дымиться', 'коптить', 'чадить' — *kvāpi* [kvāp'i] 'копотеть'; *raut* [rāt'] 'рвать' — *ruovu* [rūovu] '(я) рвал, -а'; *plyust* [plūst] 'течь', 'литься', 'струиться' — *plūsts* [plūsc] 'плот'.

Процесс палатализации привел к образованию следующих исторических чередований согласных: /k/ — /c/, /g/ — /z/, /c/ — /č/, /z/ — /ž/, /k'/ — /č/, /g'/ — /ž/, /s/ — /š/, /t/ — /š/, /z/ — /ž/, /d/ — /ž/, например: *saukt* [sāukt'] 'звать' — *saucu* [sāucu] 'зову' — *sauču* [sāuču] '(я) звал, -а', *kakis/kačs* [kak'is/kačš] 'кошка' — *kaču/kači* [kak'u/kači] 'кошек', *nasu* [nasu] 'несу' — *nešu* [n'ešu] '(я) нес, -ла', *ādu* [ādu] 'ем' — *iežu* [iežu] '(я) ел, -а'.

В Л.я., как и в других балтийских языках, наличествуют дублиеты, образованные различием шумных согласных по звонкости-глухости: 1) в начале слова, на-

пример, *korona* [korona] 'копна', ср. [gobona], [gobana] в некоторых говорах; 2) в середине слова, например, [at'n'āz'om] '(мы) принесли', но [n'ās'om] '(мы) несли'. Такие случаи обусловлены разными причинами, часть из них унаследована из индоевропейского, балтийского и восточнобалтийского праязыков, часть объясняется влиянием прибалтийско-финского языкового субстрата.

5.2.0. Морфология.

5.2.1. Л.я. — идиом флективного строя с элементами аналитизма.

5.2.2. Для морфологической структуры имени существительного характерны категории:

— рода (мужской и женский): *veirs* 'муж' — *sīva* 'жена';

— числа (единственное и множественное): *rūka* 'рука' — мн. ч. *rūkys*;

— падежа (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, звательный): ед. ч. — *bruoļs* 'брат', *bruoļa*, *bruoļam*, *bruoli*, (ar) *bruoli*, *bruolī*, *bruolī*!; мн. ч. — *bruoli*, *bruoļu*, *bruolim*, *bruoļus*, (ar) *bruolim*, *bruoļūs*, *bruoli*!. Различаются шесть типов склонения.

Для морфологической структуры имени прилагательного характерны категории:

— рода (мужской и женский): *lobš* 'хороший' — ж. р. *loba*;

— числа: *gudrys* 'умный' — мн. ч. *gudri*;

— падежа; в склонении определенных (местоименных) форм те же падежи, что и в склонении существительных; в склонении неопределенных (простых) форм прилагательных отсутствует звательная форма;

— определенности/неопределенности: *lobais* 'хороший' — *lobš* 'хорош', *lobuo* 'хорошая' — *loba* 'хороша' (неопределенные формы склоняются по образцу существительных, определенные формы имеют особую парадигму окончаний);

— градуальности (положительная, сравнительная и превосходная степень): *gleits* 'красивый' — *gleituoks* 'более красивый' — *vys(u)gleituokais* / *pats gleituokais* / *iz (nu) vysu gleituokais* 'самый красивый' (в мужском роде), *gleita* 'красивая' — *gleituoka* 'более красивая' — *vys(u)gleituokuo* / *poša gleituokuo* / *iz (nu) vysu gleituokuo* 'самая красивая' (в женском роде).

Для морфологической структуры имени числительного характерны категории:

— рода: *vīns* 'один' — ж. р. *vīna*, *pyrmais* 'первый' — ж. р. *pyrmo*;

— числа: *pyrmais* 'первый' — мн. ч. *pyrmi*;

— падежа (все семь падежей характерны для склонения порядковых числительных, в склонении количественных числительных отсутствует звательная форма).

В нормативных грамматиках Л.я. обычно выделяются следующие разряды местоимений:

1) личные: *es* 'я', *tu* 'ты', *jis* 'он', *jei* 'она', *mes* 'мы', *jius* 'вы', *jī* 'они' (м. р.), *juos* 'они' (ж. р.);

2) возвратное местоимение *seve/sevi* 'себя' (род. п.);

3) притяжательные: *muns* 'мой', *tovs* 'твой', *sovs* 'свой' и др.;

4) указательные: *īšs* 'этот', *tys* 'тот', *itāids* 'этакий', *tāids* 'такой' и др.;

5) вопросительные: *kas* 'кто', 'что', *kāids* 'какой', *kāida* 'какая', *kurs*, *kurais* 'который', *kura*, *kuruo/kurei* 'которая';

6) относительные: *kas* 'кто', 'что', *kurs* 'который', *kura* 'которая' и др.;
 7) неопределенные: *kazyn kas* 'кто-то', 'что-то', *kazyn kaid* 'какой-то', *kazyn kaida* 'какая-то' и др.;

8) определительные: *pats* 'сам', *poša* 'сама';

9) обобщительные: *vyss* 'весь', *vyši* 'все' (м. р.), *vyša* 'вся', *vyšys* 'все' (ж. р.), *sevkurs* 'всякий', *sevkura* 'всякая' и др.;

10) отрицательные: *nīkas* 'никто', 'ничто', *nīvīns* 'ни один', *nīvīna* 'ни одна' и др.

Для морфологической структуры местоимения характерны категории:

— рода (этой категорией обладают адъективные местоимения *kaid* 'какой', *kaida* 'какая' и др., субстантивно-адъективные *tys* 'тот', *tei* 'та' и др., а также субстантивное местоимение *jis* 'он', *jei* 'она');

— числа (почти все адъективные и субстантивные местоимения изменяются по числам; субстантивные *seve/sevi* 'себя', *kas* 'кто', 'что' и образованные от *kas* местоимения *nīkas* 'никто', 'ничто', *kazyn kas* 'кто-то', 'что-то' и т. п. имеют только формы единственного числа);

— падежа (местоимения обладают меньшим количеством падежей, чем существительные: как и неопределенные формы прилагательных, они не имеют звательной формы).

Для сравнительно-исторической грамматики балтийских языков и исторической грамматики Л.я. важны архаизмы в морфологической структуре местоимения, например: *jis* 'он' (ср. литов. *jis*, лат. *is* 'тот', 'он', гот. *is*), *jei* 'она' (< *jī, ср. литов. *jī*), *mane* 'меня' (род. п.) (< *manē < и.-е. *menē), *teve* 'тебя' (род. п.) (< и.-е. *teuē*), *seve* 'себя' (род. п.) (< и.-е. *seuē).

Морфологической структуре финитных нерелексивных форм глагола присущи следующие категории:

— числа: *nasu* 'несу' — *nasam* 'несем';

— лица (1-е, 2-е, 3-е лицо), форма 3-го лица общая для обоих чисел: *es sauci* 'я зову', *tu sauc* 'ты зовешь', *jis, jei sauc* 'он, она зовет', *mes saucam* 'мы зовем', *jūs saucat* 'вы зовете', *jī, juos sauc* 'они (м. р., ж. р.) зовут';

— рода (эта категория присуща аналитическим формам, в составе которых имеется причастие прошедшего времени действительного залога или причастие прошедшего времени страдательного залога): *asu saucs* (м. р.) '(я) звал' — *asu saukuse* (ж. р.) '(я) звала', *teiku saukts* 'меня зовет/зовут' (м. р.) — *teiku saukta* 'меня зовет/зовут' (ж. р.);

— инфекта-перфекта (противопоставление простых и сложных форм): *nasu* 'несу' — *asu ness* '(я) нес' (букв. 'есмь несший');

— времени (настоящее, прошедшее и будущее время); традиционно с категорией времени объединяется категория инфекта-перфекта, из-за чего число времен удваивается, так в изъявительном наклонении, например, различаются три простых (инфектных) времени: *nasu* 'несу', *nešu* '(я) нес/(я) несла', *nessu* 'буду нести' и три сложных (перфектных) времени: *asu ness* '(я) нес' (букв. 'есмь несший'), *asu nasuse* '(я) несла' (букв. 'есмь несшая'), *beju ness* '(я) нес' (букв. '(я) был несший'), *beju nasuse* '(я) несла' (букв. '(я) была несшая'), *byūšu ness* 'буду нести' (букв. 'буду несший'), *byūšu nasuse* 'буду нести' (букв. 'буду несшая');

— наклонения: изъявительное (*sauci* 'зову'), повелительное (*sauc!* 'зови!'), сослагательное (*es sauktu* или *sauktum* 'я звал/звала бы'), косвенное или пере-

сказывательное наклонение (*jis, jei saucīt* или *jis saucs, jei saucīte* 'он, она будто бы зовет').

— дебитива: *es sauci* 'я зову' — *maņ juosauc* 'я должен/должна звать'; категория дебитива традиционно описывается как пятое, долженствовательное наклонение, что неверно ввиду возможности сочетания в одной глагольной форме показателя дебитива с показателем собственно наклонения — кроме изъявительного, также сослагательного (*maņ byutu juosauc* 'мне надо было бы звать') и пересказывательного (*maņ asūt juosauc* 'я якобы должен звать');

— залога: наличествуют два залога: действительный (*es nūsauci* 'я зову') и страдательный (противопоставление акционального и статального пассива осуществляется выбором вспомогательного глагола — *tikt* или *byut*): *es teiku nūsaukts* 'меня называют', букв. 'я становлюсь названный' (акциональный пассив), *es asu nūsaukts* 'я есмь названный' (статальный пассив); страдательный залог в Л.я. употребляется сравнительно редко (особенно в устной форме).

В Л.я. имеются невозвратные и возвратные глаголы (лексико-грамматическая категория): *es sauci* 'я зову' — *es saucūs* 'я называюсь'. Статус рефлексивных глаголов в категории залога в балтийском языкознании определяется по-разному. Подобно литовскому языку, в Л.я. возвратные формы присущи как действительному, так и страдательному залогам: *es pasajietu* 'я взял себе (для себя)' — *ir pasajimts* '(что-то) взято себе (для себя)'. Поэтому более корректно возвратные формы глагола как третий залог (возвратный или возвратно-средний) не выделять. Набор грамматических категорий возвратных и невозвратных глаголов не отличается. Место морфемы возвратности в Л.я. (так же, как в литовском, и в противоположность латышскому) зависит от морфологической структуры глагольной формы: в бесприставочных глаголах она является постфиксом (*mozguotī-s* 'мыться'), в приставочных располагается между приставкой и корнем (*nū-sa-mozguot* 'вымыться').

Нефинитными формами глагола в Л.я. являются инфинитив, супин, причастие (различаются склоняемые и несклоняемые причастия).

Инфинитив: *īt* 'идти', *saukt* 'звать' (невозвратные глаголы); *sauktīs* 'называться', *smītīs* 'смеяться' (возвратные глаголы).

Супин: *kostu* 'сгребать/грести (сено)', *plautu* 'косить' (невозвратные глаголы); *skritūs* 'соревноваться в беге' (возвратный глагол). Супин заменяет инфинитив при обозначении цели движения: *Īmu sīna plautu* 'Иду сено косить', *Īsim skritūs* 'Пойдем соревноваться в беге'.

Причастия являются глагольно-именными формами, образованными от глаголов, они объединяют свойства глагола и прилагательного. С глаголами у них общие категории времени и залога, с прилагательными — категории падежа, числа, рода и определенности/неопределенности. Причастия склоняются по образцу прилагательных (имеется несколько незначительных отличий).

Причастия имеют четыре разновидности: причастие настоящего времени действительного залога, причастие прошедшего времени действительного залога, причастие настоящего времени страдательного залога и причастие прошедшего времени страдательного залога.

Причастия настоящего времени действительного залога оканчиваются на *-ūšs*, ж. р. *-ūša* (неопределенные формы) и *-ūšais*, ж. р. *-ūšuo* (определенные формы): *zīdūšs, zīdūšais* 'цветущий', *zīdūša, zīdūšuo* 'цветущая'.

Причастия прошедшего времени действительного залога оканчиваются на *-s*, ж. р. *-use* (неопределенные формы) и *-ušais*, ж. р. *-ušuo* (определенные формы): *bejs*, *bejušais* 'бывший', *bejuse*, *bejušuo* 'бывшая'. Действительные причастия прошедшего времени возвратных глаголов оканчиваются на *-īs*, ж. р. *-usēs* (только неопределенные формы): *smiejīs* 'смеявшийся', *smiejusēs* 'смеявшаяся'.

Причастия настоящего времени страдательного залога оканчиваются на *-ams/-oms*, ж. р. *-ama/-oma* (неопределенные формы) и *-amais/-omais*, ж. р. *-amuo/-omuo* (определенные формы): *saucams*, *saucamais* 'называемый', *saucama*, *saucamuo* 'называемая', *skaitoms*, *skaitomais* 'читаемый', 'считаемый', *skaitoma*, *skaitomuo* 'читаемая', 'считаемая'.

Причастия прошедшего времени страдательного залога оканчиваются на *-ts*, ж. р. *-ta* (неопределенные формы) и *-tais*, ж. р. *-tuo* (определенные формы): *skaitēts*, *skaitētais* 'читанный', 'считанный', *skaitēta*, *skaitētuo* 'читанная', 'считанная'.

Синтаксическая функция определяет формальные особенности причастий настоящего времени, в соответствии с которыми их принято разделять на склоняемые (употребляемые атрибутивно — см. выше) и несклоняемые (употребляемые только полупредикативно).

Для литературного Л.я. характерно полупредикативное неизменяемое деепричастие на *-ūt*, *-ūtīs* (у возвратных глаголов): *pļauņūt* 'кося', *smējūtīs* 'смеясь'. Полупредикативно употребляются также причастия с суффиксом *-dam-*, сохраняющие формы согласования с подлежащим по роду и числу (*nasdams*, ж. р. ед. ч. *nasdama*, м. р. мн. ч. *nasdami*, ж. р. мн. ч. *nasdamys* 'неся'; *smīdamīs*, ж. р. *smīdamuos* 'смеясь') и традиционно называемые частично склоняемыми причастиями (соответствуют русским деепричастиям, литовским полупричастиям). Как архаизм сохранились также формы датива единственного и множественного числа этих причастий: *jai skrīdamai pasleidēja kuoja* 'на бегу она поскользнулась' (букв. 'ей бега, поскользнулась нога'). Гораздо реже и лишь в конструкции *accusativus cum participio* в Л.я. употребляются неизменяемые полупредикативные формы причастий с формантами *-am*, *-amīs* (у возвратных глаголов); *-om*, *-omīs*; *-im*, *-imīs*: *Radzu jūs raudim* 'Вижу, что они плачут' (букв. 'Вижу их плача'), *Dzieržu jūs runojamīs* 'Слышу, что они разговаривают' (букв. 'Слышу их разговаривая').

Причастные формы на *-s*, ж. р. *-ūte* (наст. вр.), *-škys* (буд. вр.), ж. р. *-škūte* используются в функции пересказывательного наклонения: *soks* '(он) якобы говорит', *sokūte* '(она) якобы говорит'; *praseiškys* '(он) якобы будет просить', *praseiškūte* '(она) якобы будет просить'. Эти формы развились из бывших склоняемых причастий, поэтому у них сохраняются формы согласования по роду и числу и формальные показатели, соответствующие именительному падежу.

Личные формы глагола могут быть формально спрягаемыми, то есть изменяемыми по лицам и числам: *nasu* 'несу', *nes* 'несешь', и неспрягаемыми, имеющими одну форму для всех лиц и чисел: *sauktu* '(я, ты, он, она, мы, вы, они) звал, -а, -и бы', *saucīt* '(я, ты, он, она, мы, вы, они) якобы зову, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут'. Аналитически образуются формы перфекта и страдательного залога. В качестве вспомогательных глаголов выступают глаголы *byut* 'быть' и *tikt* 'становиться', в смысловой части — формы прошедшего времени причастий: действительного залога при образовании перфекта (*jius asat skaitējuši* 'вы читали', 'вы считали', *jius byutu skaitējuši* 'вы читали бы', 'вы считали бы') и страдательного залога при

образовании пассива (*jis teik atvasts* 'его привозят', букв. 'он становится привезен', *jis tyktu atvasts* 'он был бы привезен', *natyka dzierdāts* 'не слыхано'; *es asu nūsaukts* 'я назван', букв. 'я есмь назван', *es byutu/byutum nūsaukts* 'я был бы назван'). Аналитическими являются также формы дебитивного спряжения.

В Л.я. наличествует значительное количество архаизмов морфологической структуры глагола: 1) рефлексы прабалтийских форм аориста и имперфекта: *bie* '(он, она, они) был, -а, -и' (< **bē*), ср. литов. диал. [n'abē] '(он, она, они) не был, -а, -и', ст.-слав., др.-рус. бѣ '(ты) был/была', '(он, она) был, -а', др.-греч. ἐ-φύη '(он, она) был, -а'; *guo* '(он, она, они) шел, шла, шли' (< **gā*), ср. др.-греч. ἐ-βη '(он, она) шел, шла', др.-инд. *a-ga-t*; 2) прошедшее время с основой на **-ē-*: *nese* '(он, она, они) нес, -ла, -ли', ср. литов. *nėšė*; 3) архаичные формы сослагательного наклонения действительного залога с согласным *-b-*, зафиксированные в письменных памятниках XVIII–XIX вв.: *byutubet* '(вы) были бы', ср. ст.-литов. *būtum-bite*; 4) рефлексы архаичных форм причастий и деепричастий с формантами *-s*, *-škys* (м. р.), *-ūte*, *-škūte* (ж. р.): *soks* '(он) якобы говорит', *saceiškys* '(он) якобы скажет', *sokūte* '(она) якобы говорит', *saceiškūte* '(она) якобы скажет'; 5) супин вместо инфинитива при глаголах движения (падеж объекта переходного глагола при форме супина заменяется на родительный): *Īšu sīna kostu* 'Пойду сено сгребать (грести)', ср. литов. *eiti rugių pjauti* 'идти рожь жать'.

Н а р е ч и я образуются от: существительных (*zīm* 'зимой', *viersā* 'наверху'); прилагательных (*reši/ratai* 'редко'); числительных (*divejūs* 'вдвоем'); местоимений (*vysod* 'всегда', *ite* 'здесь', *kai* 'как'); глаголов (*guliņ* 'лёжа'); производные с суффиксами *-iņ*, *-tiņ* часто используются для усиления однокоренного глагола (*Nesiņ nanūnessi, svīstiņ nanūsvīssi*, пословица 'Неся не унесешь, кидая не закинешь').

Наречия, образованные от имен прилагательных, имеют степени сравнения: *labi* 'хорошо' — *lobuok* 'лучше' — *vys'lobuok / iz vysa lobuok / par vysu lobuok* 'лучше всего'. Супплетивные образования степеней сравнения крайне редки: *daudz* 'много' (диал. [dāuž'i]) — *vairuok* 'больше' (диал. [vāirys] < **vairis* — древняя сравнительная степень с суффиксом *-is-*) — *vys(u)'vairuok* 'больше всего' (диал. [vysa'vāirys]). Среди других архаизмов можно упомянуть наречие *pyrma* 'сперва', 'прежде всего', 'сначала' (ср. литов. *pirmà*, но латыш. *vis'pirms*).

В Л.я. употребляются некоторые п р е д л о г и, отсутствующие в латышском литературном языке (*da* 'до', *iz* 'на', 'в', *pyrma* 'до', 'перед'), у некоторых общих предлогов имеются отличия в значении (*īt par pļovu* 'идти через луг', *par mienesi byus vosora* 'через месяц будет лето'); предлог *zam* используется для обозначения как места (*zam sūla* 'под скамейкой'), так и времени (*zam leita* 'перед дождём'). Предлоги *aiz* 'за', *bez* 'без', *da* 'до', *deļ* 'для', *iz* 'на', 'в', *nu* 'из', *pi* 'у', 'к', *piec* 'через (после)', 'за', *pyrma* 'до', 'перед', *zam* 'под' во множественном числе присоединяют имя в родительном, а не в дательном падеже (как в латышском литературном языке).

С о ю з ы Л.я. часто отличаются от латышского литературного языка: *kab* 'чтобы', *aizkuo* 'почему', *deļtuo, partū* 'потому', *na tik... a i* 'не только... но и', *kū... tū* 'чем... тем' и др.

В Л.я. используются многие отличные от латышского литературного языка ч а с т и ц ы: *koč/kod* 'хоть', *kab* 'чтоб', *vysleidza* 'всё равно' и др.; отрицательная частица *nā*, утвердительная *nui*. Среди частиц много славизмов различной древ-

ности (*net* 'даже', *ci* 'ли', *až, ažna, ažnet* 'даже', *ale* 'но', *ba* 'однако'). От латышского литературного языка отличаются некоторые словообразующие частицы Л.я.: *kod-* 'кое-', *na'bejs, na'viņ* 'нибудь, либо'⁹.

Разнообразно употребление междометий для выражения чувств (*ai!*, *ā!*, *a'vui-a'vui!* 'ой-ой (как много)!', *ō!*, *dzie!* < *dzierdi* 'слышишь', *edz!* < *redzi* 'видишь', *pag!* < *pagaidi* 'подожди'), звукоподражания (*blyukš!*, *ploukš!*, *tyk-tyk!* — об ударах сердца, *dyr-dyr-dyr!* — голос коростеля, *vau-vau!* 'гав-гав!'). В Л.я. употребляются некоторые формулы этикета, отличные от принятых в латышском литературном языке (*Dīvs gaus!* — *Ar gausu!* 'Приятного аппетита! — Спасибо!', *Vasals!* 'Здравствуй!', *Atlaidit!* 'Простите!', *Ar Dīvu!* 'С богом!'), часть из них связана с устойчивым католичеством.

5.2.3. В Л.я. используются три основных способа словообразования:

1) суффиксация: *zor-s* 'сук', 'ветка' — *zor-uot-s* 'сучковатый', 'ветвистый', *lob-s* 'хороший' — *lab-eib-a* 'хлеб (на корню)', 'зерно';

2) префиксация: *īt* 'идти' — *da-īt* 'дойти', 'подойти', 'прийтись' (ср. рус. *дойти*), **puļt* 'падать' (ср. литов. *pūlti*) — *pro-puļt* 'пропадать', 'погибать' (ср. литов. *prapūlti*);

3) словосложение: *vyds-puse* 'внутренняя сторона' < *vyds* 'середины' (род. п. ед. ч.) + *puse* 'сторона', *Mežmaļs* — фамилия < *meža* 'леса' (род. п. ед. ч.) + *mola* 'край', 'сторона'.

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. Синтаксические связи между элементами предложения в Л.я. выражаются формами склоняемых и спрягаемых слов и служебными словами. Различается согласование, управление и примыкание. Ядром предложения является имя в номинативе + глагол в личной форме или, с обратным порядком слов, — глагол в личной форме + имя в номинативе: *Snīgs kreit* 'Снег идет' и *Kreit snīgs* 'Идет снег'. Каждый из этих двух главных членов предложения может отсутствовать, вследствие чего при отсутствии глагола возникают односоставные именные предложения, а при отсутствии имени в номинативе — односоставные глагольные предложения: *Reits* 'Утро', *Lej* 'Идет дождь'. Ядро предложения может распространяться путем присоединения второстепенных членов. Правила распространения связаны с порядком слов в предложении. Обычно группа глагола следует за группой имени в номинативе: *Puika skaita lobu gruomotu* 'Мальчик читает хорошую книгу'. В группе личного глагола-несвязки группа имени не в номинативе следует за личным глаголом-несвязкой. Для актуализации подлежащего используется инверсия порядка слов, например, предложение *Meitine skaita gruomotu* 'Девочка читает книгу' трансформируется в предложение *Gruomotu skaita meitine*. В целом, порядок слов в предложении достаточно свободный.

Несогласованное определение, выраженное формой генитива, всегда предшествует определяемому имени: *Drauga gruomota beja loba* 'Книга друга была хорошей', *Bruoļa draugs nūbrauce iz piļsātu* 'Друг брата поехал в город'.

В латгальских песнях (как и в селонских) сохранилась одна архаичная синтаксическая конструкция, являющаяся рефлексом индоевропейского глагольного

⁹ Не все служебные слова, отличные от употребляемых в латышском языке, являются заимствованиями. Исконными А. Брейдак считает предлог *da* и приставку *da-*, союз *i* (< балт. **ir*), частицу *kab*. (Прим. ред.)

предложения, — это следующая модель: преверб₁ + энклитика₂ (балтийское возвратное местоимение: дат. п. ед. ч. **sei*/род. п. ед. ч. **so*) + ...₃ (например, наречие, местоимение, существительное) + глагол₄ (*pa₁-sa₂ vīglā₃ vīglynuot₄* 'легко пожить').

5.3.2. В Л.я. представлены как простые, так и сложные (сложносочиненные, сложноподчиненные) предложения. В зависимости от наличия или отсутствия союзов, соединяющих компоненты, выделяются союзные и бессоюзные сложные предложения. Придаточные предложения могут классифицироваться по принципу аналогии с членами предложения на подлежащие, сказуемые, определительные, дополнительные, обстоятельственные. Порядок слов в простом и компонентах сложного предложения не отличается.

5.4.0. Подавляющее большинство лексики в Л.я. является исконной, индоевропейского, балто-славянского и прабалтийского происхождения. Имеется много унаследованных слов, отсутствующих в латышском литературном языке, например: *bierds* 'бёрдо' (часть ткацкого станка) (латыш. *šķiets*), *īkors* '(обручальное) кольцо' (латыш. *gredzens*), *ozbors* 'крупа' (латыш. *putraimi*), *saucēt* 'сучить (пряжу)' (латыш. *šķeterēt*), *stulps* 'столб' (латыш. *stabs*), *teipt* 'голодать' (латыш. *ciest badu, badoties*).

Для Л.я. характерно значительное количество заимствований из славянских языков (термины социально-экономического и религиозного характера, профессиональная и бытовая лексика и др.). Имеются также заимствования из прибалтийско-финских, германских, литовского и куршского языков. В XX в. в Л.я. проникло много интернационализмов через латышский литературный язык, немецкий, русский и английский языки.

6.0. Латгальский литературный язык сформировался на основе говоров южной Латгалии в силу активной деятельности местных священников. Важным католическим духовным центром в начале XVII в. стал Даугавпилс, где около 1625–1628 гг. была учреждена и первая в Латгалии школа. В Даугавпилсе располагался центр ордена иезуитов, хотя представительства миссии были рассеяны по всей Латгалии, обслуживая в духовном отношении и католические области Земгале. Письменный язык, сложившийся на базе местных говоров, засвидетельствован в первой сохранившейся до наших дней латгальской книге — «*Evangelia toto anno*» (1753), которая отражает многие морфологические особенности. К их числу относится, например, последовательное употребление основ претерита на **-avā-* (*skolova* 'полоскал, -а, -и', *mozgovis* 'якобы мыл'), использование старых форм сослагательного наклонения (*runuotumet* '(мы) говорили бы', *hyutubet* '(вы) были бы'), сохранность **ē-*основ в прошедшем времени первичных глаголов (*nese* 'он, она, они) нес, -ла, -ли', *vedem* '(мы) везли'), размещение возвратной морфемы, имеющей форму *-si-* (вероятно, литуанизм) или *-sa-* (но не *-za-*, как в говорах восточной и северной Латгалии), между приставкой и корнем (*sasatikt* 'встретаться').

Атлас фонетических особенностей латгальских говоров верхнелатышского диалекта опубликован А. Брейдаком в 1996 году, но первой фонетические и морфологические изоглоссы говоров Латгалии еще в 1939 г. систематизировала, изобразила на карте и прокомментировала В. Руке. В общих чертах ее описание сохраняет актуальность и в наши дни. Согласно схеме В. Руке, в Латгалии выделяются центральная, северная, юго-западная и (юго-)восточная группы говоров.

К северной группе относятся говоры области Абрене (ныне Балвский район) за исключением южной части, для них характерны следующие черты: переход *ai > oi* в корнях слов ([*noūda*] 'деньги', лит. *nauda* [naūda]), *ai > ei* после *k, g* ([*s'k'ëit'iêt*] 'читать', 'считать', лит. *skaiteit* [skàit'eit'], [*g'eil's*] 'петух', лит. *gaišs* [gail's]), сохранение *a* в безударном положении ([*vokàrs*] 'вечер', лит. *vokors* [vokòrs]), отсутствие дифтонгизации *i* в суффиксах ([*z'eiv'ît'ę*] диминутив от 'жизнь', лит. *dzeiveite* [z'eiv'eit'ä]), [*las'ît*] 'собирать', лит. *laseit* [las'eit']), местами неполная дифтонгизация в корне ([*z'îvât*] 'жить', лит. *dzeivuot* [z'eivuoðt']), особенные суффиксы диминутивов ([*d'iël'in'c*] 'сын', лит. *dieleņš* [d'iël'ân'č]), [*âus't'in'ę*] 'ушко', лит. *austeņa* [âus't'ân'ä]). Ни одна из упомянутых форм в литературном Л.я. не употребляется, хотя в художественной литературе они представлены весьма широко.

К юго-западной группе принадлежит область Крустпилса, к которой примыкает Аташиене и северная часть бывшей Ливанской волости. Здесь вместо прерывистой интонации употребляется восходящая, а также, как правило, сохраняются монофтонгизированные *ie* и *uo*, местами не дифтонгизируется и корневое *î*. Эти особенности не характерны для литературного Л.я.

Юго-восточная группа объединяет говоры южной и восточной Латгалии, выделяемые в основном на материале морфологических особенностей, к которым относятся: совпадение форм вин. п. ед. ч. **iо-* и **iю-* основ ([*c'el'i*] 'дорогу', лит. *ceľu* [c'el'u], ср. *bruoli* [brùol'i] 'брата'), **iā-* и **ē-* основ ([*gal'i*] 'мясо', лит. *gaľu* [gal'u], ср. *upi* [up'i] 'реку'). Изогlossой, отличающей южные говоры, В. Рукс считает отражение древних *k, g* (реже *t, d*) перед гласными переднего ряда (в основном в заимствованных словах) как [*k*'], [*g*']: [*puk'ä*] 'цветок', [*zùog'is*] 'пила' (при [*č*], [*ž*] в восточных говорах: [*puča*], [*zùočš*]).

Центральные говоры распространены на остальной территории Латгалии, которая в отношении языка обладает большим единством, характерные особенности этих говоров учитываются при решении вопросов нормы латгальского литературного языка в наши дни. Отдельные черты говоров Латгалии тем не менее недопустимы в литературном языке. Это, например, переход *uo > oi* в суффиксах и окончаниях в некоторых говорах центральной и восточной Латгалии ([*z'îdoit'*] 'петь', лит. *dziđuot* [z'îduoðt'], [*loboiks*] 'лучше', лит. *lobuoks* [lobuoðks], [*lopois*] 'в листьях', лит. *lopuos* [lopuòs]), своеобразные изменения в числительных в южной и восточной Латгалии ([*s'är't'ein'i*] 'семь', лит. *septeni* [s'ep't'en'i], [*ostoîn'i*] 'восемь', лит. *ostoni* [oston'i]), определенное окончание [-*îš*], [-*ÿs*] или [-*ijs*] у прилагательных и у других частей речи, склоняемых по их образцу, вместо литературного *-ais* в восточной Латгалии ([*lob'îš*] 'хороший', лит. *lobais* [lobàis], [*možÿs*] 'маленький', лит. *mozais* [mozàis], [*treš'ijs*] 'третий', лит. *trešais* [trešàis]). Из трех форм местоимения [*kaic*], [*kuòc*], [*k'eic*] 'какой' нормой литературного Л.я. признана лишь первая — *kaidis*.

В целом можно сказать, что литературный Л.я., поначалу складывавшийся на основе говоров южной Латгалии, постепенно стал вбирать в себя и особенности говоров центральной и восточной Латгалии. С расширением участия представителей этих областей в культурной жизни стала обогащаться лексика, возникли некоторые параллельные грамматические формы. Таковыми являются, например, основы на **-āiā-* наряду с основами на **-avā-* (*skoluju/skolovu* '(я) полоскал, -а');

окончания форм именительного и винительного падежей склоняемых слов женского рода (*vacys sātys/vacas sātās* 'старые дома', *zalis egļis/zaļas egles* 'зеленые ели'); формы с *č, dž* наряду с *k, g* в исходе корня (*kačs/kakis* 'кот', *puče/puke* 'цветок', *zuodžs/zuogis* 'пила', ср. также *čert/kert* 'ловить'). Параллельное употребление таких форм, упоминаемое всеми нормативными грамматиками латгальского языка в XX веке, сохраняется и в современном литературном Л.я. Некоторые диалектные формы нивелируются под влиянием латышского литературного языка: вместо согласуемых с подлежащим по роду и числу причастий настоящего времени в функции пересказывательного наклонения *soks* 'говорю, -ишь, -ит' (м. р.), *sokute* 'говорю, -ишь, -ит' (ж. р.) все больше распространяется неизменяемая форма *sokūt*, спрягаемые формы сослагательного наклонения *byutum, byutim, byutu, byutumem, byutumei* '(я, ты, он, она, мы, вы, они) был, -а, -и бы' вытесняются неизменяемой формой *byutu*. Нормативные грамматики не ограничивают использование обоих вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

Брейдак А. Гласный *ə* в латгальских говорах // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками: Тезисы докладов. Рига, 1973.

Брейдак А. Происхождение предлога *da* и приставки *da-* в балтийских языках // LPSR ZA Vēstis, 1973, № 4 (297).

Брейдак А. Б. Смягчение согласных и некоторые вопросы исторической морфологии говоров Латгалии // Балто-славянские исследования. М., 1974.

Брейдак А. Некоторые особенности фонематической подсистемы согласных в глубоких говорах Латгалии // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Брейдак А. Супraseгментные единицы в фонологической системе глубоких говоров Латгалии // Верхнелатышский диалект: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Брейдак. Рига, 1989.

Брейдак А. Б. Фонетика латгальских говоров латышского языка: диахрония и синхрония: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Вильнюс, 1989.

Брейдак А. Фонологическая интерференция в глубоких говорах Латгалии // Latvijas Universitātes Zinātniskie raksti. Latviešu valodas un literatūras problēmas. Rīga, 1992, sēj. 579.

Брейдак А. Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: западный вариант // Baltistica, 1994, XXIX₍₁₎.

Брейдак А. Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: центрально-восточный вариант // Baltistica, 1994, XXIX₍₂₎.

Брейдак А. Фонологическая интерпретация некоторых звуковых сегментов в глубоких говорах Латгалии: аффрикаты и палатализованные согласные // Valoda 1994: Humanitārās fakultātes IV zinātniskie lasījumi. Daugavpils, 1995.

Брейдак А. Б. История расширенных местоименных окончаний латгальских говоров // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.

Брейдак А. Б. К вопросу о фонологической интерференции в глубоких говорах восточной и южной Латгалии: влияние славянских языков // Slawistyka, 1998, № 9 (Gdańsk).

Брейдак А. Некоторые балто-славянские архаичные изоморфы в системе глагола и истоки восточнобалтийского претерита с формантом **-jā-* // Доклады латвийской делегации на XII Международном конгрессе славистов. Краков, 27.08–02.09.1998. Rīga, 1998.

Брейдак А. Б. Фонематическая подсистема гласных глубоких говоров Латгалии // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.

Брейдак А. Б. Латгальский литературный язык // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000.

Верхнелатышский диалект: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Брейдак. Рига, 1989.

Вулане А. Имя прилагательное и его синтаксические функции в верхнелатышском диалекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1986.

Контакты латышского языка / Отв. ред. Р. Я. Грабис. Рига, 1977.

Скринда А. Латышская грамматика летгальского наречья. СПб., 1908.

Стафецка А. Особенности морфологической системы латгальского письменного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1990.

Apinis A. Latviešu grāmatniecība. Rīga, 1977.

Apinis A. Jauni fakti par senāko Latgales grāmatniecību // Acta Latgalica, 1993, 8. sēj. (Daugavpils).

Augšzemnieku dialekta teksti. Latgaliskās izloksnes. Rīga, 1983.

Breidaks A. Augšzemnieku dialekta latgalisko izlokšņu vārdveidojošās partikulas // LPSR ZA Vēstis, 1968, № 1 (Rīga).

Breidaks A. Etymologica (1–16) // Latviešu valodas salīdzināmā analīze. (Latvijas Valsts universitātes) Zinātniskie raksti. Rīga, 1969, 118. sēj.

Breidaks A. Latgalisko izlokšņu prosodijas jautājumi // Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam, 1873–1973. Rīga, 1972.

Breidaks A. Latgaliešu tautas dziesmu fonētikas jautājumi // LPSR ZA Vēstis, 1974, № 10 (Rīga).

Breidaks A. Daži latgaliešu tautasdziesmu valodas jautājumi // Latviešu folklorā: Žanri, stils. Rīga, 1977.

Breidaks A. Latgališu literārā volūda: nūstōdnis un problemys // Olīts, 1992, № 8 (Rēzekne).

Breidaks A. The Development of the Subsystem of Consonants in the Latgalian Tribal Language // Linguistica Baltica, 1993, vol. 2 (Warsaw).

Breidaks A. Some Instances of Phonological Interference in the Deep Vernaculars of Latgala // Linguistic and Oriental Studies from Poznań: Monograph Supplement. Contributions to Baltic Linguistics. Poznań, 1993, vol. 2.

Breidaks A. Latgales dziļo izlokšņu daudzskaitļa ģenitīva noteiktās galotnes -ūs vēsture // LZA Vēstis, 1995, № 11/12 (Rīga).

Breidaks A. Latgales dziļo izlokšņu nezilbisko patskaņu/līdzskaņu fonemātiskā apakšsistēma // Baltistica, 1995, XXX₍₂₎.

Breidaks A. Augšzemnieku dialekta latgalisko izlokšņu fonētikas atlants. Daugavpils, 1996.

Breidaks A. Latgales dziļo izlokšņu dažu fonētisko segmentu fonoloģiskā interpretācija: garie patskaņi // Valoda 1995: Humanitārās fakultātes V zinātniskie lasījumi. Sērija A. Daugavpils Pe-

dagogiškās universitātes zinātniskie raksti. Daugavpils, 1996, 4. sēj.

Breidaks A. The Pronominal Inflexion of Plural Genitive -ūs in the Deep Subdialect of Latgale: Indo-European Source // Linguistique Balcanique, 1996, vol. 38, pt. 3 (Sofia).

Breidaks A. Latgales dziļo izlokšņu dažu fonētisko segmentu fonoloģiskā interpretācija: divskaņi un trīsskaņi // Valoda 1996: Humanitārās fakultātes VI zinātniskie lasījumi. Daugavpils, 1997.

Breidaks A. Morphological Archaisms in Latgalian Folksongs // Linguistica Baltica, 1997, vol. 5–6 (Kraków).

Breidaks A. Aorist and Imperfect Relicts in East Baltic Dialects and Origin of Old Prussian *be*, *bēi*, *bei* // Colloquium Pruthenicum Secundum. Kraków, 1998.

Breidaks A. Aorista un imperfekta relikti baltu valodās // Valoda 1997. Humanitārās fakultātes VII zinātniskie lasījumi. Fonētika un gramatika. Leksika. Daugavpils, 1999.

Breidaks A. The Ancient Relationship of the Latgalian, Selonian and Zhemaitian Tribal Languages // Dialectologia et Geolinguistica. Journal of the International Society for Dialectology and Geolinguistics, 2000, vol. 8.

Brežgo B. Aizlīgums īspīst latgaļu grōmotas latīņu burtim un aizlīguma laiki Latgolā. 1865–1904 // Rokstu krājums latgaļu drukas aizlīguma atceļšanas 40 gadu atcerei. Daugavpils, 1944.

Bukšs M. Latgaļu literatūras vēsture. [Minchene], 1957.

Bukšs M., Placinskis J. Latgaļu gramatika un pareizrakstības vārdneica. [Minchene], 1973.

Butkus A. Latviai. Kaunas, 1995.

Cibuļs J., Leikuma L. Vasals! Latgaliešu valodas mācība. Rīga, 2003.

Daškevič V. Latgališu volūdas gramatika. I d. Fonētika un morfoloģija. Moskova, 1936.

Dr. habil. philol. Antons Breidaks. Bibliogrāfija. Rīga, 2002.

Evangelia toto anno. Wilna, 1753 [перезид.: Evangelia toto anno 1753. Pirmā latgaliešu grāmata. Rīga, 2004].

Grammatyka Inflansko-Łotewska krótko zebrana dla uczących się Języka Łotewskiego. Wilna, 1817.

Jūrdžs A. Myužeigais kalenders. Rēzekne, 1999.

Kolbuszewski F. S. Jana Karigera Słownik polsko-łotewski. Poznań, 1977.

Kursīte J., Stafecka A. Latgale: valoda, literatūra, folklorā. Rēzekne, 2003.

Latgališu literāruos volūdys pareizrakstēibys nūteikumi // Acta Latgalica, 1997, sēj. 9 (Daugavpils).

Latviešu rakstniecība biogrāfijās. 2. pārstr. un papild. izd. Rīga, 2003.

Leikuma L. Gruomota školuoatuojim. Lielvārde, 1993.

Leikuma L. Latgales latviešu valoda skolā // Baltu filoloģija, 1995, V sēj. (Rīga).

Leikuma L. Latgalian Writing: Origin, Development, Prospects // Humanities and Social Sciences. Latvia. 2002, sēj. 3(36) Regional Identity of Latgale (Rīga).

Leikuma L. Latgališu raksteiba, juos normiešona i Pīters Strods // Daugavpils universitātes Humanitāro Zinātņu Vēstnesis, 2002, № 2 (Daugavpils).

Leikuma L. Latgališu volūda 1. Sanktpēterburga, 2003.

Leis J. The Place of Latgalian among the Baltic Dialects: A thesis presented... for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of Linguistics. Cambridge, Massachusetts, 1961.

Leis J. Latgaļu literārās volūdas izceļsmē, vēsture un nūzeime // Acta Latgalica, 1968, 2. sēj. (Minchene).

Loja J. Latgališi un jūs volūda // Ceīņas Karūgs. Moskova, 1934, № 4.

Nomales identitātei: Rakstu krājums par Latgales kultūru, literatūru, folkloru, vēltīs drukas aizlieguma atceļšanas simtgadei Latgalē un Rīgas latgaliešu biedrības Trešō zvaigzne pastāvēšanas 15 gadiem / Sast. I. Paklone. Rīga, 2005.

Nūteikumi par latgališu izlūksnes ortografiju // Tāvu zemes kalendars 1996. Rēzekne, 1995.

Reidzāne B. Mantotā zemkopības un lopkopības leksika Šķilbēnos. Rīga, 1970 [LU rotaprinta izdevums].

Reķēna A. Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās. Rīga, 1975.

Rokstu krājums latgaļu drukas aizlīguma atceļšanas 40 gadu atcerei. Daugavpils, 1944.

Rūķe V. Latgales izlokšņu grupējums // Filologu biedrības raksti. 1939, XIX sēj. (Rīga).

Salceviča I. Gadsimts latgaliešu prozā un lugu rakstniecībā: 1904–2004. Rīga, 2005.

Seiļ V. Grāmatas Latgales latviešiem (1585–1936). Rīga, 1936.

Stafecka A. Hand-written Books in Eastern Latvia: a Sociolinguistic Review // Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Lublin 2000. Lublin, 2003.

Stafecka A. Izloksne, norma un tradīcija Latgales rokraksta literatūrā // Acta Linguistica Lithuanica, 2000, XLIII (Vilnius).

Stafecka A. Trīs posmi latgaliešu rakstu valodas vēsturē // LZA Vēstis, 1991, № 1(522) (Rīga).

Trasuns F. Dzīve un darbi. Rēzekne, 1997–1998, I–III.

Vulāne A. Adjektīvu ar -inis, -ine derivācija un atributīvā funkcija augšzemnieku dialektā // LPSR ZA Vēstis, 1986, № 1 (Rīga).

Zeps V. J. Latvian and Finnic Linguistic Convergences. Bloomington; The Hague, 1962.

Zeps V. J. Latgalian Literature in Exile // Journal of Baltic Studies, 1995, vol. 26, № 4 (New York).

С л о в а р и:

Bukšs M. Latgaļu-vōcu un vōcu-latgaļu vōrdneica. Latgalisch-deutsches und Deutsch-latgalisches Wörterbuch. [Minchene], 1943.

Kozlovskis E. Krīvu-latgališu-vōcu vōrdneica. Rēzekne, 1918.

Reķēna A. Kalupes izloksnes vārdnīca. Rīga, 1998, I–II.

Słownik Polsko łacinsko łotewski ul. i nap. przez x. Jana Kurmina. Wilno, 1858.

Strods H. Latgales etnogrāfisko terminu skaidrojums. Rīga, 1991.

Strods P. Pareizrakstības vārdneica. Rēzekne, 1933 [перезид.: Daugavpils, 1990].

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения названий языков и диалектов

авест.	— авестийский язык	литов.	— литовский язык
алб.	— албанский язык	морд.	— мордовский язык
балт.	— балтийская форма	н.-греч.	— новогреческий язык
баск.	— баскский язык	нем.	— немецкий язык
вост.-балт.	— восточнобалтийская форма	польск.	— польский язык
герм.	— германская форма	порт.	— португальский язык
гот.	— готский язык	пралитов.	— пралитовская форма
др.-греч.	— древнегреческий язык	праслав.	— праславянская форма
др.-инд.	— древнеиндийская форма	прус.	— прусский язык
др.-рус.	— древнерусский язык	рус.	— русский язык
и.-е.	— индоевропейский язык	сев.-итал.	— северо-итальянский диалект
иллир.	— иллирийский язык	слав.	— славянская форма
иран.	— иранская форма	ст.-литов.	— старолитовский язык
ирл.	— ирландский язык	ст.-слав.	— старославянский язык
курс.	— курсениеков наречие	укр.	— украинский язык
лат.	— латинский язык	фр.	— французский язык
латг.	— латгальский язык	швед.	— шведский язык
латыш.	— латышский язык		

Сокращения терминов и помет при языковых примерах

арх[аичное]	накл[онение]
букв[ально]	повел[ительное]
вм[есто]	п[адеж]
вр[емя]	[им]енительный
гл[ухая фонема]	[род]ительный
буд[ущее]	[дат]ельный
наст[оящее]	[вин]ительный
прош[едшее]	[твор]ительный
диал[ектная форма]	[местн]ый
зват[ельная] (форма)	[зват]ельный
зв[онкая фонема]	прич[астие]
л[ицо]	действит[ельное]
лит[ературная форма]	страдат[ельное]
м[ягкая фонема]	совр[еменный]
неперех[одный]	суфф[икс]
обл[астное слово]	тв[ердая фонема]
перех[одный]	устар[евшее]
р[од]	ч[исло]
ж[енский]	ед[инственное]
м[ужской]	мн[ожественное]
ср[едний]	

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ *

Условные обозначения:

- **полужирным** шрифтом выделены лингвонимы, которым соответствуют отдельные статьи в данном томе;
- знак равенства (=) обозначает синонимию наименований или иноязычные соответствия;
- знак \Rightarrow указывает на таксон следующего уровня (гипероним), куда генетически входит данный идиом;

Айстийские языки (устар.) = **балтийские языки**

Аникшайские говоры \Rightarrow восточноаукштайтские говоры

Аукштайтское наречие \Rightarrow **литовский язык**

Аукштайтский интердиалект = аукштайтский язык

Аукштайтский язык = восточный вариант старого **литовского письменного языка**

Балтийские языки

Варняйские говоры \Rightarrow южножемайтский диалект

Верхнелатышский диалект \Rightarrow **латышский язык**

Верхнелитовское наречие = аукштайтское наречие

Видземские говоры \Rightarrow ливонский диалект

Видземские говоры \Rightarrow среднелатышский диалект

Вильнюсские говоры \Rightarrow восточноаукштайтские говоры

Восточноаукштайтские говоры \Rightarrow аукштайтское наречие

Восточнобалтийская группа \Rightarrow **балтийские языки**

Восточная группа = восточнобалтийская группа

Восточные говоры верхнелатышского диалекта = глубинные говоры

Галиндский язык \Rightarrow **балтийские языки**

Глубокие говоры верхнелатышского диалекта \Rightarrow верхнелатышский диалект

Глубинные говоры = глубокие говоры

Голядский язык \Rightarrow **балтийские языки**

Дзукские говоры \Rightarrow Дзукийские говоры

Дзукийские говоры = южноаукштайтские говоры

Древнепрусский язык = **прусский язык**

Жемайтское наречие \Rightarrow **литовский язык**

Жемайтский интердиалект = жемайтский язык₂

Жемайтский язык₁ = язык древних жемайтов; см. **литовский язык**

Жемайтский язык₂ = средний вариант старого **литовского письменного языка**

Западная группа = западнобалтийская группа

Западноаукштайтские говоры \Rightarrow аукштайтское наречие

Западнобалтийская группа \Rightarrow **балтийские языки**

Западножемайтский диалект \Rightarrow жемайтское наречие

Западные говоры верхнелатышского диалекта = неглубинные говоры

Земгальские говоры \Rightarrow среднелатышский диалект

Земгальский язык \Rightarrow **балтийские языки**

Каунаские говоры \Rightarrow западноаукштайтские говоры

Кретингские говоры \Rightarrow северожемайтский диалект

Купишкенские говоры \Rightarrow восточноаукштайтские говоры

* Составитель Ю. Б. Коряков.

Курземские говоры₁ ⇒ ливонский диалект
 Курземские говоры₂ ⇒ среднелатышский диалект
 Курсеников наречие = курсениекское наречие
 Курсениекское наречие ⇒ **латышский язык**; см. **балтийские языки**
 Курские говоры ⇒ курземские говоры
 Курские говоры ⇒ курземские говоры
 Курский язык ⇒ **балтийские языки**
 Латгальские говоры = неселонские говоры
Латгальский язык ⇒ **балтийские языки**
 Латгальский литературный язык = **латгальский язык**
Латышский язык ⇒ **балтийские языки**
 Летто-литовские языки (устар.) = **балтийские языки**
 Леттские языки (устар.) = **балтийские языки**
 Ливонский диалект ⇒ **латышский язык**
Литовский язык ⇒ **балтийские языки**
 Неглубинные говоры ⇒ верхнелатышский диалект
 Неселонские говоры ⇒ верхнелатышский диалект
 Нижнелатышские говоры = среднелатышский диалект + ливонский диалект
 Нижнелитовское наречие = жемайтское наречие
 Паневежские говоры ⇒ восточноаукштайтские говоры
 Периферийно-балтийская группа ⇒ **балтийские языки**
 Помезанский диалект ⇒ **пруссский язык**
 Померанский диалект = помезанский диалект
 «Прусская» разновидность западноаукштайтского диалекта ⇒ западноаукштайтские говоры
Пруссский язык ⇒ **балтийские языки**
 Расейняйские говоры ⇒ южножемайтский диалект
 Самбийский диалект ⇒ **пруссский язык**
 Самландский диалект = самбийский диалект
 Северножемайтский диалект ⇒ жемайтское наречие
 Селийский язык ⇒ **балтийские языки**
 Селонские говоры ⇒ верхнелатышский диалект
 Селонский язык = селийский язык
 Среднеаукштайтский диалект = западноаукштайтские говоры
 Среднелатышский диалект ⇒ **латышский язык**
 Сувальские говоры ⇒ западноаукштайтские говоры
 Судаевский язык = ятвяжский язык
 Судинский язык = ятвяжский язык
 Тамские говоры = курземские говоры₁
 Тамский диалект (устар.) = ливонский диалект
 Тельшайские говоры ⇒ северножемайтский диалект
 Утенские говоры ⇒ восточноаукштайтские говоры
 Центральная группа ⇒ **балтийские языки**
 Ширвинтские говоры ⇒ восточноаукштайтские говоры
 Шяуляйские говоры ⇒ западноаукштайтские говоры
 Южноаукштайтские говоры ⇒ аукштайтское наречие
 Южножемайтский диалект ⇒ жемайтское наречие
 Ятвяжский язык ⇒ **балтийские языки**

Aisėių kalbos (литов. устар.) = айстийские языки
 Altpreussisch (нем.) = **пруссский язык**
 Baltic languages (англ.) = **балтийские языки**

Baltiques, les langues (фр.) = **балтийские языки**
 Baltische Sprachen (нем.) = **балтийские языки**
 Baltų kalbos (литов.) = **балтийские языки**
 Baltu valodas (латыш.) = **балтийские языки**
 Kursenieku valoda (латыш.) = курсениекское наречие
 Kuršininkų kalba (литов.) = курсениекское наречие
 Kursisk(a) valuod(a) (курс.) = курсениекское наречие
 Latgalian (англ.) = **латгальский язык**
 Latgalien (фр.) = **латгальский язык**
 Latgaliešu valoda (латыш.) = **латгальский язык**
 Latgalisch (нем.) = **латгальский язык**
 Latgališu volūda (латг.) = **латгальский язык**
 Latvian (англ.) = **латышский язык**
 Latviešu valoda (латыш.) = **латышский язык**
 Letgalian (англ.) = **латгальский язык**
 Lettgallisch (нем.) = **латгальский язык**
 Letticae, linguae (лат.) = **балтийские языки**
 Lettisch (нем.) = **латышский язык**
 Lettische Sprachen (нем. устар.) = **балтийские языки**
 Lettone (фр.) = **латышский язык**
 Līviskais dialekts (латыш.) = ливонский диалект
 Lietuvių kalba (литов.) = **литовский язык**
 Litauisch (нем.) = **литовский язык**
 Litewski język (польск.) = **литовский язык**
 Lithuanian (англ.) = **литовский язык**
 Lithuanien (фр.) = **литовский язык**
 Lituanien (фр.) = **литовский язык**
 Lituanisch (нем.) = **литовский язык**
 Nehrungskurisch (нем.) = курсениекское наречие
 Old Prussian (англ.) = **пруссский язык**
 Preussisch (нем.) = **пруссский язык**
 Prūsan (прус.) = **пруссский язык**
 Pruski język (польск.) = **пруссский язык**
 Prussisch (нем.) = **пруссский язык**
 Prūsų kalba (литов.) = **пруссский язык**
 Prūšu valoda (латыш.) = **пруссский язык**
 Senprūšu valoda (латыш.) = **пруссский язык**
 Vieux prussien (фр.) = **пруссский язык**

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТИПОВЫЕ СХЕМЫ СТАТЕЙ

I. Статья о семье языков, группе языков, группе диалектов

1. Название
2. Локализация и основные представители
3. Ориентировочное число говорящих
4. Принципы и варианты генетической классификации
5. Хронология разделения — для крупных языковых семей
6. Типичные фонетико-грамматические характеристики

II. Статья о языке

- 1.1.0. Общие сведения
 - 1.1.1. варианты названия
 - 1.1.2. генеалогические сведения
 - 1.1.3. распространение; число говорящих
- 1.2.0. Лингвогеографические сведения
 - 1.2.1. общий диалектный состав
- 1.3.0. Социолингвистические сведения
 - 1.3.1. коммуникативно-функциональный статус и ранг языка
 - 1.3.2. степень стандартизации
 - 1.3.3. учебно-педагогический статус
- 1.4.0. Тип письменности
- 1.5.0. Краткая периодизация истории языка
- 1.6.0. Внутривидовые явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами
- 2.0.0. Лингвистическая характеристика
 - 2.1.0. Фонологические сведения
 - 2.1.1. фонемный состав
 - 2.1.2. просодический состав
 - 2.1.3. позиционная реализация фонем и просодем
 - 2.1.4. слог; наличие и статус долготных противопоставлений
 - 2.2.0. Морфонологические сведения
 - 2.2.1. фонологическая структура морфемы и/или слова; соотношение слога и морфемы
 - 2.2.2. наличие фонологических противопоставлений морфонологических единиц и категорий
 - 2.2.3. типы чередований
 - 2.3.0. Семантико-грамматические сведения
 - 2.3.1. критерии выделения частей речи; категориальные способы выражения универсальных значений (общая характеристика)
 - 2.3.2. характер и способ выражения качественных именных классификаций
 - 2.3.3. категория числа и способы ее выражения
 - 2.3.4. падежные значения и их выражение; характер категорий принадлежности и их выражение
 - 2.3.5. характер и способ выражения качественных глагольных классификаций: залоговые, видовые или видо-временные значения, наклонения, переходность, породы, версии
 - 2.3.6. дейктические категории и способы их выражения: категория лица в имени и в глаголе, категория неопределенности/определенности в имени, категория времени в глаголе или

- 2.3.7. выражение отрицания
- 2.4.0. Образцы парадигм
- 2.5.0. Морфосинтаксические сведения
 - 2.5.1. типичная структура словоформы (для языков с развитой морфологией); тенденция к суффиксации и инфиксации; морфологически аномальные разряды слов
 - 2.5.2. основные способы и правила словообразования
 - 2.5.3. типичная структура простого предложения (или его эквивалента — для языков с нерасчлененной синтаксической структурой) и способы выражения субъектно-объектных отношений; синтаксические позиции; разновидности простого предложения
 - 2.5.4. основные правила построения сложных предложений; характерные типы сложных предложений; основные закономерности порядка слов
- 2.6.0. Источник, объем и роль лексических заимствований
- 2.7.0. Диалектная система

III. Статья о диалекте

1. Название языка
2. Позиция в диалектной группе (отношение к литературному/стандартному языку, общности лингвистической характеристики)
3. Распространение, по возможности — число говорящих
4. Функциональная нагрузка

IV. Статья об отдельном языке объемом менее 0,5 а. л.

- 1.0. Название
- 2.0. Локализация (для мертвых языков — время существования)
- 3.0. Генетическая принадлежность
- 4.0. Характер памятников; тип письменности
- 5.0.0. Лингвистическая характеристика
 - 5.1.0. Фонологические сведения (включая сведения об ударении, тоне и т. д.)
 - 5.1.1. слог
 - 5.1.2. типы чередований
 - 5.2.0. Морфология
 - 5.2.1. морфологический тип языка (агглютинативный, флективный и т. д.)
 - 5.2.2. состав и характер морфологических категорий; способы их выражения
 - 5.2.3. основные способы словообразования
 - 5.3.0. Синтаксис
 - 5.3.1. структура простого предложения (его эквивалента)
 - 5.3.2. характерные типы сложного предложения
 - 5.4.0. Генетическая и ареальная характеристика лексики
 - 6.0. Сведения о диалектах

Научное издание

ЯЗЫКИ МИРА
Балтийские языки

Издательство 'Academia'
совместно с редакцией журнала
«Вестник Российской академии наук»
119991, Москва, Мароковский пер., 26
Тел. 238-21-23, 238-21-44, 238-25-10
Эл. почта: 205academi@bk.ru, west@maik.ru

Главный редактор издательства

В. А. Попов

Редактор

Ю. В. Мазурова

Арт-директор

А.В. Кубанов

Верстка

В. Ю. Гусев

Карты

Ю. Б. Коряков

Корректор

Р. А. Агеева

Оригинал-макет подготовлен
группой «Языки мира»
Института языкознания
Российской академии наук

Подписано к печати 3.11.2005 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Физ. печ. л. 14,00. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 20,1
Тираж 1000 экз. Заказ № 1555.

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93